

Б.М.Кедров

О МЕТОДЕ
ИЗЛОЖЕНИЯ
ДИАЛЕКТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

Б. М. Кедров

О МЕТОДЕ ИЗЛОЖЕНИЯ ДИАЛЕКТИКИ

Три великих замысла

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1983

Книга академика Б. М. Кедрова посвящена вопросу о диалектическом методе восхождения от абстрактного к конкретному в его применении к изложению самой диалектики. Она является прямым продолжением и в известном смысле синтезом многих других работ автора, касавшихся разработки Ф. Энгельсом и В. И. Лениным их замыслов по диалектике. Результаты исследования имеют большое значение для выяснения путей и способов построения систематического курса по материалистической диалектике как науке.

Ответственный редактор

доктор философских наук

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ

От автора

Данная книга посвящена вопросу о диалектическом методе восхождения от абстрактного к конкретному в его применении к изложению самой диалектики. Сегодня этот вопрос имеет исключительно большое значение в связи с выяснением путей и способов построения систематического курса по материалистической диалектике как науке, поэтому наше исследование при всей его неполноте, в чем мы вполне отдаем себе отчет, все же, на наш взгляд, может помочь решению одной из важнейших современных теоретических и методологических проблем марксистско-ленинской диалектики.

При создании этой книги нами была проделана большая работа. Книга представляет собой прямое продолжение и в известном смысле синтез,

итог многих других наших исследований, касавшихся разработки Ф. Энгельсом и В. И. Лениным своих замыслов. Хотелось бы отметить, что специально вопросу о методе изложения диалектики посвящены две наших статьи, опубликованные в 1978 г. в журнале «Вопросы философии» под общим заглавием «О методе изложения диалектики от абстрактного к конкретному» (первая — в № 1, с. 50 — 63, вторая — в № 2, с. 28 — 41). Итоги их обсуждения помещены, в том же журнале (1979, № 6, с. 161 — 171) под заглавием «Споры о путях изложения диалектики (обзор)», включая наше резюме «О чем мы спорим? (вместо заключительного слова)».

Оговоримся: данная книга носит очерковый характер и не претендует на исчерпывающее решение обсуждаемых в ней вопросов. Ее целью является желание поставить вопросы, вытекающие из проведенного нами анализа, и показать возможность их решения. Два слова о ссылках на литературные источники. Они даются в тексте, причем первая цифра, стоящая в скобках указывает порядковый номер в списке литературы, помещенном в конце книги, вторая — том собрания сочинений, последняя цифра указывает страницу произведения.

Свою книгу, которая была закончена зимой 1978 — 1979 гг., автор посвящает светлой памяти Эвальда Васильевича Ильенкова, создавшего труд о методе восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» Маркса.

Автор выражает благодарность докторам философских наук В. Ж. Келле и В. А. Лекторскому и доктору психологических наук М. Г. Ярошевскому за высказанные ими ценные замечания по рукописи данной книги.

Введение

О целях данного исследования.

Предлагаемая вниманию читателя книга не является популярным изложением каких-либо проблем материалистической диалектики, ни тем более самой диалектики. Она представляет собой научное исследование, касающееся лишь одного вопроса. Хорошо известно, что в свое время у К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина возникали замыслы написать труд по материалистической диалектике. Энгельс и Ленин составили планы задуманных ими трудов, причем Энгельс по этим планам успел написать значительную часть задуманной книги. Ленин же провел лишь огромную подготовительную работу, однако не успел приступить к написанию работы согласно составленному плану. Только Маркс не выработал плана для задуманной им работы. Тем не менее он сформулировал совершенно четко ее содержание и даже тот стиль, каким намеревался ее написать.

В данной книге мы отнюдь не ставим целью обсуждение таких вопросов, как, например: каким образом могли бы выглядеть оставшиеся нереализованными эти три замысла, если бы их авторам все же удалось их реализовать? Считая подобные гадания неуместными в научном труде, мы исходим только из тех зафиксированных на бумаге идей, материалов, которые оставили после себя Маркс, Энгельс и Ленин в виде рукописей, черновых набросков и отдельных записей, касающихся данного вопроса. Поэтому каждое наше утверждение и предположение мы стараемся как можно точнее и полнее подкрепить и подтвердить ссылками на первоисточники, стремясь к тому, чтобы сделать это по возможности исчерпывающим образом.

Подобное подтверждение достигается не голословными заявлениями, не произвольными догадками, а приведением возможно большего числа высказываний Маркса, Энгельса и Ленина по затронутому вопросу. Это не результат цитатнического способа изложения и обсуждения разбираемого вопроса, когда обильным апеллированием к источникам прикрывается собственная беспомощность автора, его стремление не высказывать своего мнения, а спрятаться за цитату. Нет, в книге собственное мнение ее автора высказано со всей четкостью, и речь идет о необходимости проверить и подтвердить его правильность путем приведения соответствующих высказываний Маркса, Энгельса и Ленина, а это последнее достигается именно путем точного цитирования их трудов и записей. Другого пути в таких случаях не существует.

Главная идея всей книги, ее цель заключается в том, чтобы тщательно сравнить между собой все три замысла (по их содержанию) и показать, что все они полностью совпадали между собой в том смысле, что диалектика должна была излагаться по методу восхождения от абстрактного к конкретному. Материал, на основе которого планировалось осуществиться такое ее изложение, мог быть различным, но сам метод изложения оказался единым во всех трех замыслах. Можно утверждать со всей определенностью, без всяких натяжек и колебаний, что в каждом из трех замыслов центральная и главная задача — изложить диалектику по указанному методу.

Насколько нам известно, такой вывод в марксистской литературе делается впервые. Это своего рода открытие. Оно тем более важно, что вопрос об изложении и об изучении диалектики был решен Лениным положительно еще в 1915 г. Его прямая рекомендация состояла как раз в том, что диалектику следует излагать и изучать именно по методу восхождения от абстрактного к конкретному. Поэтому исключительно интересно проследить, как эта мысль (замысел) возникла по разному поводу и в разное время в головах таких титанов ума, какими были Маркс, Энгельс и Ленин. Выяснение и решение этого вопроса могут непосредственно послужить делу

создания систематического курса по материалистической диалектике в соответствии с ленинской рекомендацией. Вот почему, на наш взгляд, проведенное нами исследование может оказать несомненную пользу тем авторам, которые возьмутся за реализацию ленинской рекомендации.

Добавим, что никаких других вопросов, относящихся к истории марксистской философской мысли и ее проблем, мы не касаемся в данном исследовании. Повторяем, нас интересует исключительно одна проблема: как по своему содержанию относятся между собой три великих замысла наших учителей, касающихся способа изложения диалектики? Все, что может быть так или иначе связано с этим вопросом, привлекается нами в ходе исследования, а все то, что не связано с ним, остается за пределами данной работы.

Почему же именно по методу восхождения от абстрактного к конкретному Маркс, Энгельс и Ленин намеревались излагать материалистическую диалектику? Да только потому, что этот метод является правильным в научном отношении и что только он адекватно отражает реальный процесс поступательного развития как восхождения от низшего к высшему, от простого к сложному, от неразвитого, зародышевого состояния к развитому, раскрывающему все заложенные в изучаемом предмете качества и определения.

Мы не ставим вопроса о том, как соотносится метод восхождения от абстрактного к конкретному с другими приемами и подходами диалектики. Это особый вопрос. Мы только констатируем то, что он носит четко выраженный диалектический характер и что излагать диалектику Маркс, Энгельс и Ленин считали не только возможным, но и необходимым строго диалектически. Это кажется само собой ясным и понятным. Однако на деле для некоторых философов мысль излагать диалектику строго диалектически оказалась почему-то неприемлемой. Поэтому раскрытие того, каким методом намеревались и уже начинали излагать материалистическую диалектику ее творцы и продолжатель их дела Ленин, имеет сегодня самое актуальное значение.

О содержании данного исследования.

Как было уже сказано, в этой книге говорится о том, что задумали наши великие учителя К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин написать о диалектике и каким методом намеревались ее изложить. На протяжении более полувека в истории марксистской мысли возникала примерно сходная, причем не совсем обычная ситуация: сначала Маркс (в 1858 г.), затем Энгельс (в 1873 г.) и, наконец, Ленин (в 1914 г.) ставили перед собой в сущности одну и ту же задачу: изложить диалектический метод диалектически. Однако

впоследствии так или иначе все трое они вынуждены были прекратить эту работу, хотя и на различных стадиях ее выполнения. Маркс высказал лишь намерение написать такого рода труд при условии, если у него для этого найдется время. Энгельс же, напротив, далеко продвинулся вперед в разработке диалектики природы, т. е. в области применения диалектического метода к естествознанию, и приступил уже к написанию задуманной им книги, но спустя 10 лет вынужден был прервать свою работу, которая так и осталась незавершенной. Ленин провел почти всю основную подготовительную работу по созданию задуманного труда по диалектике и разработал его планы, но по истечении полутора лет также вынужден был прервать столь успешно начатую им и уже достаточно развернутую работу. Почему именно так заканчивались предпринятые основоположниками марксизма-ленинизма шаги на пути создания труда по диалектике будет сказано ниже в соответствующих разделах данной книги.

Как легко заметят читатели, изложение материала в книге имеет хронологически последовательный характер: первый очерк раздела I, касающийся трудов Гегеля, охватывает время с 1812 — 1817 гг. по начало 30-х годов XIX в. Остальные очерки этого раздела, посвященные замыслу Маркса, — период с конца 50-х годов до середины 60-х годов XIX в. Раздел II, посвященный планам и замыслу Энгельса, охватывает время с начала 70-х годов до середины 90-х годов XIX в. Раздел III, посвященный замыслу и планам Ленина, охватывает время с 1913 по 1915 г., а шире — включая всю работу Ленина над диалектикой — с 1894 по 1923 г. Наконец, в заключении мы пытаемся не только подытожить все проблемы, рассмотренные в предыдущих трех разделах, но и подойти к ним с современной точки зрения.

Совершенно ясно, почему Маркс, Энгельс и Ленин придавали такое большое значение материалистической диалектике и ее методу: ведь она составляет живую душу всего марксистского учения, его философский стержень, а потому ее разработка и систематическое изложение представлялось ее основоположникам и продолжателю их учения В. И. Ленину делом исключительной важности. Подчеркнем, что творческая ее разработка велась Марксом применительно прежде всего к политической экономии и исторической науке, а Энгельсом — к естествознанию и его истории. Точно так же мы видим, что продолжатель их великого учения В. И. Ленин разрабатывал ее применительно к анализу того, что дала нового историческая обстановка — к эпохе империализма и пролетарских революций и новейшей революции в естествознании.

Все это свидетельствует о том, что материалистическая диалектика разрабатывалась нашими учителями прежде всего на конкретном материале общественных и естественных наук. Естественно, что это отнимало у

Маркса, Энгельса и Ленина львиную долю их свободного времени. Для того же, чтобы заняться специально диалектикой как таковой, т. е. как философским учением, у них уже просто не хватало времени. Поэтому задуманные и в ряде случаев начатые ими труды прерывались и оставались незаконченными.

Для исследователя встает чрезвычайно интересный и в то же время весьма сложный вопрос: каковы были конкретные планы и замыслы задуманных и в ряде случаев уже начатых работ Маркса, Энгельса и Ленина в области разработки и применения определенного диалектического метода? Были ли их работы и планы чем-то связаны внутренне между собой (в смысле понимания существа данного диалектического метода прежде всего), т. е. были ли они органически едины, хотя и отделены во времени десятками лет один от другого? Или же каждая из этих работ была чем-то совершенно самостоятельным, независимым от других?

Кроме того, от исследователя требуется также путем сравнительного логического анализа всего относящегося к данному вопросу фактического материала выяснить основные звенья в развитии мысли каждого из трех авторов с тем, чтобы раскрыть возможно более полно картину того, что было задумано каждым из великих мыслителей, но не было осуществлено ими или не завершено в виде законченного труда по диалектике. Следует оговориться, что в таком исследовании могут иногда по необходимости выдвигаться отдельные определенные научные предположения, однако так, чтобы они были максимально твердо обоснованы известными, строго проверенными фактами, а также логическими доводами и рассуждениями.

Добавим, что в течение нескольких десятилетий автор данной книги работал над текстами незавершенной «Диалектики природы» Ф. Энгельса и «Философских тетрадей» В. И. Ленина, рассматривая последние как подготовку Лениным специального труда по материалистической диалектике. Результатом этих исследований были наши многочисленные статьи, брошюры и монографии, посвященные данному вопросу. О некоторых из этих работ будет сказано позже.

В данном исследовании осуществлен сравнительный анализ двух задуманных и во многом уже выполненных замыслов и планов по марксистской диалектике, содержащихся в «Диалектике природы» Энгельса и у Ленина в «Философских тетрадях». Такой анализ проведен в трех срезах: во-первых, в пределах каждого из этих замыслов в отдельности; во-вторых, при их сопоставлении не только между собой, но и с ранее высказанным замыслом Маркса, оставшимся нереализованным; в-третьих, при

сопоставлении всех трех замыслов с общим для них исходным пунктом — с диалектическим методом Гегеля.

Таким образом, в данной книге оказались охвачены единым сравнительным анализом три замысла наших учителей, касающиеся создания трудов по материалистической диалектике.

Вполне естественно возникает вопрос: а действительно ли существовали все эти три замысла, о которых ведется здесь речь?

О реальном возникновении и существовании трех замыслов создания трудов по материалистической диалектике. По поводу того, что замыслы создать труд по диалектике у Маркса, Энгельса и Ленина реально существовали, имеются прямые доказательства.

Первый замысел.

Его возникновение у Маркса подтверждается письмом Маркса Энгельсу от 14 января 1858 г. [1, 29, с. 212]. Насколько конкретно и детально план осуществления этого замысла был продуман Марксом, видно из того, что, во-первых, Маркс определил содержание задуманной им работы (речь шла о том рациональном в методе, который Гегель открыл и сам же затемнил, мистифицировал). Во-вторых, Маркс охарактеризовал стиль задуманной работы, сказав, что изложение должно быть популярным, т. е. осуществлено в форме, доступной здравому человеческому рассудку. В-третьих, он определил объем работы в 2 — 3 печатных листа. Таким образом, не может быть никаких сомнений в том, что соответствующий замысел у Маркса *был*. Другой вопрос, почему Марксу не удалось его реализовать. Ссылка на то, что у него не оказалось времени, явно недостаточна. Значит, необходимо исследовать, почему Маркс в явной форме ни разу не вернулся к работе над своим замыслом. Возникает мысль: не сумел ли Маркс реализовать свой замысел в иной форме, как-то иначе? В таком случае требуется исследование, что и осуществлено в первом разделе данной книги. Точно так же осуществлен анализ того, что подразумевал Маркс под рациональным в методе, открытом Гегелем, и что — под его мистификацией у того же Гегеля. Сделано это путем рассмотрения гегелевской «Науки Логики» и критики гегелевского метода Марксом во «Введении» из экономических рукописей 1857 — 1858 гг. [1, 12, с. 726-735].

В связи со сказанным сделаем еще одно замечание. А именно: может показаться сомнительным для некоторых скептически настроенных лиц, что Маркс действительно замыслил написать труд по диалектике. В самом деле, ведь Маркс не сказал, что он хочет и готов написать такой труд, а выразился в том смысле, что он с большим удовольствием изложил бы рациональное в методе Гегеля. Это «бы» может означать, по мнению скептиков, что никакого

определенного замысла у Маркса и не было, что он только выразил в абстрактной форме ту мысль, что ему было бы приятно написать такую работу. Если бы у Маркса действительно был такой замысел, утверждают скептики, то он не мог бы его забыть и вспомнил бы о нем рано или поздно. Но ведь Маркс в дальнейшем больше об этом никогда не упоминал. Значит, никакого определенного замысла у него не было. Так могут рассуждать скептики.

Выше мы уже доказали, что в действительности замысел у Маркса был и, более того, был достаточно точно определен Марксом как в отношении его содержания, так и формы изложения. Но тогда встает вопрос, почему же Маркс ни разу в дальнейшем не возвращался к своему замыслу? Может быть, потому, что не было для этого свободного времени? Или была какая-то другая причина?

После открытия того, что товар есть экономическая «клеточка» капитализма, все изложение политической экономии Марксом велось с помощью рационального содержания гегелевского метода, т. е. метода восхождения от абстрактного к конкретному. А поскольку материалистически переработанный («перевернутый») метод Гегеля органически воплотился у Маркса в самую ткань его экономических трудов («К критике политической экономии», «Капитал»), то по этой причине отпал и первоначальный замысел написать особую, отдельную работу об этом методе.

Таким образом, устанавливается прямая связь между появлением у Маркса в самом начале 1858 г. замысла написать работу по диалектике и отпадением его необходимости в ходе последующих научных исследований Маркса. Имеются вполне надежные пути и способы разгадывания того, что же конкретно заключалось и могло заключаться (с достаточной степенью обоснованности) в том, что мы (вслед за В. И. Лениным и В. В. Адоратским) считаем замыслом Маркса (т. е. его желанием или намерением написать работу о методе Гегеля).

Второй замысел.

Его возникновение у Энгельса подтверждается письмом Энгельса Марксу от 30 мая 1873 г. [1, 33, с. 67]. Письмо содержит краткий план задуманной книги и сообщение Энгельса о том, что «обработка, во всяком случае, потребует еще много времени» [1, 33, с. 71]. Это утверждение ясно говорит о том, что в тот момент у Энгельса действительно возник замысел создать труд по диалектике естествознания, стержнем которого (судя по первоначальному плану) был метод восхождения от абстрактного к конкретному, примененный к естественным наукам. Впоследствии первоначальный план задуманной книги расширялся, превращался у Энгельса то в расширенный

(или общий) план, то в суженный (или частичный) план, что свидетельствовало о том, что Энгельс продолжал активно работать над задуманной им книгой. Об этом же свидетельствовали введение им слова «глава» к отдельным рукописям, входящим в состав будущей книги, и ее название «Диалектика природы», упомянутое Энгельсом в письме Марксу [1, 35, с. 98]. Таким образом, не может быть никакого сомнения, что у Энгельса был определенный замысел изложить диалектику в виде диалектики природы и что этот свой замысел он успел реализовать в значительной его части. Были ли у Энгельса другие замыслы по поводу создания более широкого труда по теории диалектики, как это утверждают некоторые философы, нам неизвестно, а строить ни на чем не основанные догадки и предположения в научном исследовании мы не считаем возможным. Мы можем принять во внимание только то, относительно чего имеются точные, строго проверенные и установленные факты. Во всяком случае следует отметить, что «Диалектику природы» Энгельс рассматривал как вполне самостоятельное произведение и не предполагал включать его ни в какие-либо более обширные свои сочинения, посвященные некоей «теории диалектики вообще». Об этом прямо говорит письмо Энгельса к Марксу от 23 ноября 1882 г., где сказано, что «теперь, однако, необходимо поскорее закончить диалектику природы» [1, 35, с. 98].

Третий замысел.

О времени его возникновения нет таких же точных данных, какие мы обнаруживаем в предыдущих двух случаях. Однако косвенные свидетельства Н. К. Крупской и Адоратского говорят о том, что замысел создать труд по диалектике у Ленина *был*. Об этом прямо говорят составленные Лениным планы систематического изложения диалектики, которые с особой четкостью представлены в заключительном фрагменте «К вопросу о диалектике». Здесь Ленин совершенно ясно указал на то, каким методом должна излагаться и соответственно изучаться диалектика. Постоянные ссылки Ленина на необходимость опираться при ее изложении на диалектическую обработку истории естествознания и техники и многократное обращение самого Ленина к такого рода источникам подтверждают существование у него замысла изложить диалектику по выработанному им плану.

Однако, несмотря на то что все объективные данные свидетельствуют неоспоримо о том, что с осени 1914 и до начала 1916 г. В. И. Ленин не только замышлял, но и активно подготовлял свой труд по диалектике, составлял для него конкретные и детально разработанные планы, подбирал требуемую литературу, привлекал нужные источники и т. д., все же может встать вопрос: имеет ли право исследователь говорить о замысле Ленина, хотя прямых свидетельств о том, что Ленин готовился написать особую книгу о

диалектике, нет или, осторожнее сказать, до сих пор не обнаружено? Но, во-первых, Ленин еще не начал писать такой книги, а лишь готовился к этому, а потому у него, очевидно, не было повода говорить кому-либо о своем замысле. Во-вторых, не все соответствующие письма, разговоры, записи и т. д., в которых могло быть упомянуто об этом замысле, сохранились в памяти людей или в виде определенных документов. В-третьих, надо объяснить, почему, если уж такой замысел был, он не реализован Лениным после 1916 г. Объяснение последнего очевидно: в 1916 г. Ленин начал труд по империализму, затем стал готовить работу о государстве и революции, потом пришел 1917 год, было уже не до философии.

Впрочем, косвенное указание на замысел Ленина мы находим в воспоминаниях Н. К. Крупской. Она говорила, что у Ленина было горячее, хотя и не высказанное до конца желание, чтобы та работа, которую проделывал Ильич в области философии и ее популяризации, нашла своих продолжателей. Весной 1922 г. Ильич чувствовал, что силы его уходят, и хотелось ему, чтобы работа не оборвалась [6, с. 59]. Если бы Ленин считал свою работу над диалектикой, и в частности над диалектикой Гегеля, законченной к началу 1916 г., то он, во-первых, не выражал бы желания, чтобы она не оборвалась (обрывается или прерывается, очевидно, только то, что задумано, не закончено и должно быть продолжено). Во-вторых, В. И. Ленин выражал горячее желание, чтобы его работа, проделанная им в 1914 — 1915 гг., обязательно нашла бы своих продолжателей. Наконец, в-третьих, речь шла именно о работах Ленина специально «в области философии», а не о задаче конкретного применения уже разработанного диалектического метода к частным (общественным) наукам и к практике. Такая задача, конечно, всегда стояла перед Лениным, но в данном случае речь идет о его работе в области философии.

Все это достаточно убедительно свидетельствует о том, что продолжение ленинской работы, проведенной в начале первой империалистической войны в Берне, могло означать лишь одно — создание особого теоретического труда по диалектике. Кстати, из слов Н. К. Крупской явствует, что даже свое горячее желание, чтобы его работа «не оборвалась», Ленин не высказывал до конца. Поэтому, пока работа по диалектике у него еще не вырисовывалась достаточно определенно, он вполне мог держать свой замысел при себе, не высказывая его «до конца» даже Н. К. Крупской.

Однако наиболее убедительным доводом в пользу того, что у Ленина действительно был замысел написать специальный труд о диалектике, может служить мнение девяти советских ученых: академиком П. Н. Поспелова, Л. Ф. Ильичева, Ф. В. Константинова, П. Н. Федосеева и докторов наук В. Е. Евграфова, В. Я. Зевина, А. П. Косульникова, З. А. Левиной и Г. Д.

Обичкина. Из-под их пера в Издательстве политической литературы вышла в свет книга «Владимир Ильич Ленин. Биография». Цитируем по 2-му изданию 1963 г. (с. 264): «В. И. Ленин намеревался написать специальный труд по материалистической диалектике, но это намерение ему, к сожалению, осуществить не удалось». То же самое в точности повторено в последующих трех изданиях этой книги, включая пятое (1972). В четвертом (вышедшем в свет в год столетия со дня рождения В. И. Ленина) это положение напечатано на с. 278. Приведенное выше авторитетное мнение девяти специалистов по истории марксизма-ленинизма убеждает нас в том, что у Ленина действительно был замысел создать труд по диалектике. Обратим также внимание на то, что в процитированном нами месте из биографии В. И. Ленина о его замысле написать труд по материалистической диалектике сказано не в предположительной форме, а в категорической: «Ленин намеревался написать» указанный труд. Этим заранее отбрасывается всякое сомнение относительно того, был ли соответствующий замысел у Ленина.

Теперь, когда отпадают всякие сомнения на счет того, были ли соответствующие замыслы у Маркса, Энгельса и Ленина, возникают вопросы: в чем конкретно состояли их замыслы? По какому методу предполагали они излагать диалектику? Если по методу восхождения от абстрактного к конкретному, то как и чем это можно подтвердить? Ответы на эти вопросы читатель найдет в дальнейшем изложении.

О развитии творческой мысли великих ученых — Маркса, Энгельса, Ленина. Историческая справка.

Остановимся теперь на некоторых вопросах, касающихся анализа процесса научного, философского творчества Маркса, Энгельса и Ленина. Речь будет идти при этом не только и не столько об исследовании их законченных и опубликованных при жизни работ, а о рассмотрении самого хода развития их творческой мысли, зафиксированной в подготовительных материалах и черновых записях. Это исключительно трудная, но вместе с тем увлекательная и интересная работа. Ее задачей является, если можно так выразиться, представить мысль ученого не как уже готовую, а в ее движении и развитии, т. е. не статически, а динамически.

Вначале следует сказать несколько слов об истории вопроса. В середине 30-х и в течение всех 40-х годов (за вычетом военных лет) такого рода исследование мы провели, анализируя теоретическое наследие великого английского физика и химика Джона Дальтона, творца химической атомистики. Нас интересовал тогда вопрос, как работала мысль Дальтона в ходе открытия основного закона химической атомистики — закона простых кратных отношений — и при создании основного ее понятия — атомного

веса. Итоги этих исследований обобщены в нашей монографии «Атомистика Дальтона» (1949).

С конца 40-х и до начала 60-х годов мы вели аналогичное же исследование, изучая архив великого русского химика Д. И. Менделеева, творца периодической системы химических элементов. Нас заинтересовал тогда вопрос о том, как работала мысль Менделеева при открытии периодического закона (1 марта 1869 г.) и его дальнейшей разработке в течение трех лет (1869 — 1871). Нам удалось восстановить весь ход менделеевской мысли в процессе открытия названного закона, показать, как она двигалась от одной естественной группы элементов к другой при их включении в строящуюся систему элементов и даже при переходе от одного элемента к другому, при внесении их в еще строящуюся систему и при перестановке внутри нее. Итоги этих исследований обобщены в монографиях «День одного великого открытия» (1958) и «Философский анализ первых трудов Д. И. Менделеева о периодическом законе» (1959), а также отражены в двух томах трудов Менделеева, вышедших в серии «Классики науки» (1958 и 1960) под нашей редакцией.

Параллельно этому начиная с 1940 г., а затем после перерыва (1941 — 1945 гг.), вызванного участием в Великой Отечественной войне, автор работал в том же направлении над выяснением хода мысли Энгельса в процессе непосредственной подготовки «Диалектики природы» и в момент открытия, сделанного им 30 мая 1873 г., когда у Энгельса родился замысел и набросок первого рабочего плана будущей книги. Особые трудности возникли здесь в связи с тем, что Энгельс неоднократно менял и уточнял план своей работы, то расширяя его, то сужая. Итоги этих исследований были опубликованы в следующих наших работах: «Фридрих Энгельс. Развитие его взглядов на диалектику естествознания» (1970) и «Фридрих Энгельс о диалектике естествознания. Хрестоматийное издание» (1973), а также «О „Диалектике природы“ Энгельса» (1973). Сюда же следует отнести и наши работы о К. Шорлеммере, который применил к изложению органической химии метод восхождения от абстрактного к конкретному: «Три аспекта атомистики. II. Учение Дальтона. Исторический аспект» (1969), «Энгельс о химии» (1971), «Марксистская концепция развития естествознания, XIX век» (1978).

Наконец, в 60-х годах автор приступил к исследованию с таких же позиций и в таких же целях философского наследия В. И. Ленина, над которым работал и до войны и после нее. Мы попытались прежде всего представить динамически, т. е. проследить самый ход ленинской мысли и дать анализ одной страницы из «Философских тетрадей», опубликовав опыт такой работы в журнале «Новый мир» в виде статьи «Страница 100» (1964), а затем организовав и возглавив коллективный труд «Ленин об элементах

диалектики» (1965). В течение последующих семи лет мы расширяли свои исследования ленинского философского наследия в том же направлении. Тогда же в издательстве «Мысль» вышла в свет наша монография «Из лаборатории ленинской мысли» (1972).

Мы пишем здесь обо всем этом так подробно для того, чтобы показать, что за 45 лет (с середины 30-х до конца 70-х годов) нами была проделана большая предварительная научно-исследовательская работа по изучению научного творчества, рассматриваемого как процесс динамического развития мысли ученых, в том числе Энгельса и Ленина. Поэтому мы сочли почву достаточно подготовленной для того, чтобы провести исследование проблемы «О методе изложения диалектики. Три великих замысла». Более четырех лет (с начала 1974 до середины 1978 г.) напряженного труда мы посвятили разработке этой темы и изложили итог проведенного исследования в данной книге.

О статическом и динамическом подходах к анализу научного творчества.

Теперь, после краткой исторической справки, нам нужно в качестве вводных соображений рассмотреть некоторые стороны самого метода проводимого нами исследования. Прежде всего, как это совершенно ясно, речь идет вовсе не о том, чтобы, присутствуя непосредственно при совершении данного творческого процесса, фиксировать визуально шаг за шагом весь его ход. Само собой понятно, что сделать это вообще невозможно. Речь идет о другом, а именно о том, чтобы, основываясь на отдельных записях, в воображении провести линию движения творческой мысли ученого в тот момент, когда он делал эти записи, т. е. поступать так, как поступает экспериментатор, получивший отдельные отрывочные данные, и, нанеся их на бумагу в виде ряда последовательно расположенных точек, проводит через них соединительную линию. Может возникнуть вопрос, а допустимо ли так поступать?

Весь многолетний (более чем полувековой) опыт нашей работы в данной области свидетельствует о том, что так поступать не только можно, но и необходимо, если исследователь хочет проникнуть в лабораторию творческой мысли ученого. Если же брать мысль ученого статически, как зафиксированную лишь в виде отрывочных записей, не связывая их между собой, то раскрыть движение научной мысли ученого, т. е. проследить ход поиска истины, совершенно невозможно.

Приведем в качестве примера следующую возможную ситуацию. Допустим, что перед двумя исследователями X и Y встал вопрос: какую статью (главу) или какой фрагмент из рукописных материалов Энгельса надо поместить после статьи «Основные формы движения» (1, 20, с. 391 — 407)?

Ученый X считает, что такой статьей (главой) должна быть «Мера движения. — Работа» [1, 20, с. 408 — 422], поскольку статья (глава) «Основные формы движения» кончается словами: «О понятии работы мы будем говорить в следующей главе» [1, 20, с. 407].

Ученый У возражает, ссылаясь на то, что в «Наброске частичного плана» Энгельс сделал примечание о том, что перед пунктом 4, гласящим: «Тяжесть — небесные тела — земная механика», должна стоять: «Математика. Бесконечная линия + и – равны» [1, 20, с. 344].

То же и в «Наброске общего плана», где сначала идет «математика: диалектические вспомогательные средства и обороты. — Математическое бесконечное имеет место в действительности» (подпункт 1), и только за ней идет механика (подпункт 2) [1, 20, с. 343].

Далее: в 1885 г., т. е. спустя примерно пять лет после написания статьи «Основные формы движения» и составления «Наброска частичного плана», Энгельс написал статью (фрагмент) «О прообразах математического бесконечного в действительном мире» [1, 20, с. 581 — 587]. Поэтому, основываясь на этих фактах, ученый У утверждает, что перед статьей о механике («Мера движения. — Работа») должен стать упомянутый фрагмент Энгельса о математике, написанный в 1885 г. Если к этому вопросу подходить статически, то будет прав ученый X: в момент, когда писалась статья (глава) «Основные формы движения» (1880 — 1881), Энгельс действительно хотел после нее поставить статью (главу) о механике. Но если к этому же вопросу подходить динамически, учитывая развитие мысли Энгельса, учитывая все ее движение до и после 1880 — 1881 гг., то, несомненно, прав будет ученый У, ибо ясно, что, по мнению Энгельса, между обеими названными выше статьями (главами) должна быть включена статья (фрагмент) о математике.

На этом частном примере мы хотели продемонстрировать принципиальное различие между «динамическим» подходом, с одной стороны, и «статическим», не учитывающим развития и движения научной мысли — с другой.

Теперь перейдем к самому главному: «динамический» подход, как это само собой понятно, требует предположительного толкования того, каким образом исследуемая мысль ученого совершала переход от одного своего пункта, зафиксированного в записях на бумаге, к другому пункту. Разумеется, все относящиеся сюда предположения не являются произвольными догадками, взятыми «с потолка». Все они должны быть строго обоснованы фактическими данными и соответствующими источниками, а также логическими соображениями. Без этого нельзя применять «динамический»

способ исследования. Но даже при самом, казалось бы, убедительном обосновании всегда останется определенная предположительность некоторых выводов, сделанных с помощью «динамического» подхода. А потому от его противников и вообще от скептиков можно услышать стереотипное возражение: «Все это только догадки, не имеющие научного значения».

Однако, повторяем, устранить полностью момент предположительности при таком подходе невозможно, как невозможно восстановить любой исторический процесс во всех его деталях. Поэтому остаются два альтернативных решения: первое — продолжать поиски истины «динамическим» способом, несмотря на органически включенный в него момент условности, предположительности; второе — объявить такого рода поиски ненаучными, полностью отказаться от «динамического» подхода к изучению научного творчества и объявить «статический» подход единственно допустимым и возможным для таких исследований.

Но наука не терпит никаких запретов, проведенных в одностороннем порядке теми, кто не понимает и не разделяет применяемых ею методов. Только путь открытых обсуждений и свободных дискуссий может показать, правилен или нет тот или иной способ или подход в науке. Противники же «динамического» метода не вступают в открытое обсуждение данного вопроса, а предпочитают порицать его втихомолку на том «основании», что он опирается в поисках истины на предположительность предлагаемых решений и не скрывает этого.

Теперь, переходя конкретно к нашему исследованию, отметим, что все сказанное выше приобретает исключительно острый характер, когда речь идет о научном творчестве таких величайших титанов творческой мысли, какими были Маркс, Энгельс и Ленин.

Основной вопрос, который ставится в данной связи, касается того, имеет ли право современный исследователь заниматься выяснением таких сторон истории марксистской философии, когда сами Маркс, Энгельс и Ленин оставили лишь скупые указания на то, каковы были их творческие замыслы, т. е. чем и как они собирались заниматься. Так, К. Маркс в письме от 14 января 1858 г. [1, 29, с. 212] высказал пожелание изложить то рациональное в методе Гегеля, что Гегель открыл и вместе с тем мистифицировал. Встает вопрос: можно ли хотя бы в предположительной форме попытаться выяснить, что именно имел в виду Маркс, говоря о методе Гегеля, о его рациональном зерне и о его мистификации Гегелем? Или же это полностью скрыто от современного исследователя?

Мы отвечаем положительно: завесу над неизвестным здесь можно открыть путем выяснения того, над чем работал и о чем думал Маркс в то время, к которому относится его сообщение о намерении (замысле) при подходящих обстоятельствах написать специальную работу по диалектике.

Далее, очевидно, необходимо провести сопоставление замысла Маркса с тем, что он писал как раз в то время, и выяснить, не содержится ли уже в этом, им написанном, то, что он первоначально планировал написать в виде отдельного, самостоятельного философского произведения. Затем надлежит провести сравнительный анализ замысла Маркса с трудами его современников и соратников Энгельса и Шорлеммера, а также его великого продолжателя Ленина, с тем чтобы выяснить, как они понимали существо, содержание того, что составляло замысел Маркса, а именно в чем заключалось то рациональное в методе Гегеля, что Гегель открыл и вместе с тем затемнил.

Наконец, поскольку речь идет у Маркса о гегелевской «Науке Логики», то следует проанализировать соответствующие ее места, где Гегель говорит о своем методе.

Сказанное можно сформулировать и несколько иначе: подлежит ли научное, философское творчество Маркса, Энгельса и Ленина такому же теоретическому анализу, как и творчество других великих ученых и мыслителей — Дарвина, Менделеева, Эйнштейна, Резерфорда и др.? Или же анализ творчества классиков марксизма-ленинизма должен быть введен в жесткие рамки «статического» подхода, запрещающего выдвигать какие-либо предположения и соображения о ходе и развитии их творческой мысли?

Нам представляется, что теоретический анализ научного творчества наших учителей не только можно, но и необходимо вести посредством динамического подхода, соответствующего общим принципам диалектики, таким, как принцип развития и принцип единства (связи).

Еще раз о цитатах и «цитатничестве».

Нам нужно остановиться еще на одном вопросе, неразрывно связанном с применением «динамического» подхода к анализу творческой мысли Маркса, Энгельса и Ленина. Речь идет о приведении слишком большого числа цитат из их сочинений. Перед автором этой книги стояла дилемма: либо свести число цитат к минимуму и на место их поставить свои собственные рассуждения, либо заменить эти последние приведением необходимого числа высказываний классиков марксизма-ленинизма для подтверждения каждый раз соответствующего предположения. Ибо других фактов или других доказательств в нашем распоряжении не было. Мы пошли по второму пути, рассуждая так: если мы не будем приводить цитат, а заменим их своими

рассуждениями, нас с достаточным основанием будут упрекать в голословности и произвольности. Но если мы будем прибегать, причем по каждому пункту движения творческой мысли наших учителей, к цитатам из их трудов, нас упрекнут в цитатничестве, что уже не так страшно. А потом из двух зол мы выбрали меньшее.

Конечно, найдутся и такие критики, которые все равно, что бы мы ни выбрали, будут упрекать нас одновременно и в голословности, и в цитатничестве. Что ж, мы к этому готовы.

Цитаты из трудов Маркса, Энгельса и Ленина нам нужны на каждом шагу, ибо мы мысленно воспроизводим ход их творческой мысли, и нам надо каждый шаг их мысли проверить и обосновывать — тщательно и многократно — их собственными высказываниями. Поэтому в качестве ориентира исследования и критерия проверки правильности выдвигаемых нами предположений цитаты здесь необходимы.

Если бы речь шла о Дальтоне и Менделееве, о Бунзене и Кирхгофе (историей и логикой открытия ими спектрального анализа мы занимались в конце 50-х годов) или о других великих естествоиспытателях, мы могли бы рассказать о работе их творческой мысли, свободно выдвигая предположения, основанные на сохранившихся историко-научных документах.

Но мы не можем позволить себе ни малейшей вольности, когда речь идет об исследовании творческой мысли Маркса, Энгельса и Ленина. Мы отдаем себе отчет в том, что здесь каждый шаг должен быть максимально обоснован и по возможности доказан, а для этого необходимо каждый раз прибегать к их собственным высказываниям, следовательно к цитатам. Мы полагаем, что вдумчивый читатель, который поставит себя на наше место, поймет, что иначе мы поступить не могли. Повторяем еще раз: это отнюдь не цитатничество в обычном понимании этого слова. В данном случае это такой же необходимый фактический материал для построения всего здания, именуемого «О методе изложения диалектики. Три великих замысла», каким в естествознании служат эмпирические данные, полученные опытным путем, на основе которых строится здание естественнонаучной теории.

I МАРКС. Задуманное, но реализованное в иной форме. Замысел труда по освобождению гегелевского диалектического метода от его мистифицирования Гегелем

«ЕСЛИ БЫ КОГДА-НИБУДЬ СНОВА
НАШЛОСЬ ВРЕМЯ ДЛЯ ТАКИХ РАБОТ,
Я С БОЛЬШИМ УДОВОЛЬСТВИЕМ ИЗЛОЖИЛ БЫ
НА ДВУХ ИЛИ ТРЕХ ПЕЧАТНЫХ ЛИСТАХ
В ДОСТУПНОЙ ЗДРАВОМУ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ РАССУДКУ ФОРМЕ
ТО РАЦИОНАЛЬНОЕ, ЧТО ЕСТЬ В МЕТОДЕ,
КОТОРЫЙ ГЕГЕЛЬ ОТКРЫЛ,
НО В ТО ЖЕ ВРЕМЯ МИСТИФИЦИРОВАЛ»

К. Маркс, 1858

Очерк I Что у Гегеля подлежало переработке Марксом? (Рациональное и мистифицированное в гегелевском диалектическом, методе)

На вопрос, поставленный в заголовке этого очерка, ответим сразу: при переработке Марксом диалектического метода Гегеля подлежал преодолению и отбрасыванию исходный идеалистический его пункт, а удержанию и сохранению — сам диалектический метод, освобожденный от идеализма. Как увидим далее, в этом методе Гегеля Маркса особо заинтересовал способ восхождения от абстрактного к конкретному. Поэтому мы прежде всего и остановимся на том, как толкует этот способ Гегель.

Оговоримся, что мы не будем излагать и характеризовать весь метод Гегеля в целом, не будем рассматривать его со всех сторон, но ограничимся лишь некоторыми его аспектами, которые необходимо будет учитывать при анализе замыслов Маркса, Энгельса и Ленина.

Ниже, в разделе II, мы вкратце остановимся на применении Гегелем метода восхождения от абстрактного к конкретному при изложении своих натурфилософских взглядов в «Философии природы», составившей вторую часть «Энциклопедии философских наук» (1817). В данном случае такое

рассмотрение нам необходимо при анализе замысла и планов Энгельса, нашедших свою реализацию (хотя и не завершённую) в его «Диалектике природы».

Таким образом, не претендуя на полноту освещения гегелевских взглядов на диалектический метод и его применение к логике и философии природы, мы полагаем, что читатель при желании сам сумеет более подробно ознакомиться с учением Гегеля как по обзорным работам, так и по первоисточнику.

«Наука Логики» Гегеля. Исходный пункт ее изложения. Историческое и логическое

Способ восхождения от абстрактного к конкретному в его идеалистической трактовке Гегель разработал и применил с особой тщательностью в своем главном произведении «Наука Логики» (1812 — 1816). Как известно, это произведение именуется также «Большой Логикой» (в отличие от «Малой Логики», составившей первую часть упомянутой уже гегелевской «Энциклопедии философских наук»). Иногда же оно именуется коротко «Логикой» (с большой буквы).

Поскольку именно это произведение Гегеля прежде всего фигурирует в замыслах Маркса и Ленина, о которых речь пойдет ниже, мы с него и начнем рассмотрение некоторых вопросов, касающихся гегелевского диалектического метода.

В конце «Введения» к «Науке Логики» Гегель писал, что логика, «хотя и распадается вообще на *объективную и субъективную* логику, все же имеет более определенно следующие три части; 1) логику бытия, 2) логику сущности и 3) логику понятия» [5, 5, с. 46]. Это основное деление «Науки Логики», ее общую архитектонику с материалистических позиций разъяснил В. И. Ленин [3, 29, с. 298]. Он отметил, что понятие (в смысле: познание) в бытии (в смысле: в непосредственных явлениях) открывает сущность (в смысле: закон причины, тождества, различия и т. д.) — вот истинное содержание того, что у Гегеля выступает в качестве трех последовательно излагаемых учений: 1) учения о бытии, 2) учения о сущности и 3) учения о понятии.

На деле это означает, что по ходу изложения «Науки Логики» познание («понятие») совершает восхождение от непосредственно данного, начиная с самого простого и элементарного, бедного по содержанию («наличного бытия») ко все более сложному и опосредованному, богатому по содержанию и скрытому за этим исходным, непосредственно данным (к сущности). Такое восхождение, как увидим ниже, как раз и лежит в основе того, что Гегель именуется диалектическим методом.

Рассмотрение вопроса о движении познания (о его восхождении) от абстрактного к конкретному может быть расчленено на несколько пунктов. Первым, естественно, является тот исходный пункт, с которого должно начинаться все изложение, все данное движение. Не случайно поэтому, вполне закономерно формулу «С чего следует начинать науку» Гегель поставил в качестве заглавия первого (вводного) подраздела первой книги «Учение о бытии» своей «Науки Логики». Этот подраздел начинается словами: «Только в новейшее время зародилось сознание, что нахождение *начала* в философии представляет собой какие-то трудности, и основание этой трудности, равно как и возможность решить эту трудную задачу, служили предметом многократного обсуждения» [5, 5, с. 49]. Далее Гегель объясняет, что «начало должно быть... абстрактным началом; оно, таким образом, *ничего не должно предполагать*, ничем не должно быть опосредствовано, не должно также иметь никакого основания; оно, наоборот, само должно быть основанием всей науки. Оно поэтому должно быть всецело *неким* непосредственным или, вернее, лишь самым *непосредственным*... Началом, стало быть, оказывается *чистое бытие*» [5, 5, с. 53].

Таково гегелевское понимание исходного пункта науки как «наипростейшего логического начала» [5, 5, с. 53].

Чрезвычайно важной является мысль Гегеля, касающаяся единства исторического и логического в отношении начала науки. «То, что является *первым в науке*, — говорит Гегель, — должно было явить себя *первым* также и *исторически*» [5, 5, с. 75]. По поводу этого гегелевского положения Ленин заметил: «Звучит весьма материалистично!» [3, 29, с. 95].

Такое совпадение исторического и логического Гегель отмечал и в других своих произведениях. Так, хотя он и стоял на позициях идеализма во взглядах и на логику, и на реальный исторический процесс, он все же высказывал правильное понимание того, что последовательность проходимых ступеней в действительной истории философии (истории научного познания) соответствует в общих и основных чертах порядку ступеней в структуре Логики. Отсюда следовал вывод, что Логика — это история философии (история познания), выраженная в ее существенном развитии, тогда как история философии (история познания) — это Логика, выраженная в ее конкретно-историческом развитии. «Можно было бы думать, — говорил Гегель в «Лекциях по истории философии», — что порядок философии в ступенях идеи отличен от того порядка, в котором эти понятия произошли во времени. Однако, в общем и целом, этот порядок одинаков» (5, 9, с. 34).

Эту же мысль по существу Ленин отметил при изучении гегелевской «Науки Логики»: «Видимо, Гегель берет свое саморазвитие понятий, категорий в связи со всей историей философии. Это дает еще *новую* сторону всей Логике» [3, 29, с. 104]. Соответственно этому, как подчеркивает Ленин, Гегель «прослеживает преимущественно *диалектическое* в истории философии...» [3, 29, с. 223].

Развивая свои взгляды на исходный пункт науки, Гегель разъясняет свое понимание сходства и отличия, существующих между логикой и частными науками. Он указывает на то, что «непосредственное сознание является первым и непосредственным также и в науке, и служит, стало быть, предпосылкой; в логике же предпосылкой служит... идея как чистое знание. *Логика есть чистая наука, т. е. чистое знание во всем объеме его развития*» [5, 5, с. 51 — 52].

В. И. Ленин в «Философских тетрадах» так определил свое отношение к последней формуле Гегеля: «1-ая строка ахиня» («Логика есть чистая наука, т. е. чистое»), «2-ая гениальна» («знание во **ВСЕМ** объеме его **РАЗВИТИЯ**») [3, 29, с. 92]. Здесь подчеркивания принадлежат Ленину.

Раскрывая то, каким является *логическое* начало, Гегель подчеркивает: «...нет ничего ни на небе, ни в природе, ни в духе, ни где бы то ни было, что не содержало бы в себе столь же непосредственность, сколь и опосредствованно, так что эти два определения оказываются *нераздельными и неразделимыми...*» [5, 5, с. 50].

Ленин по этому поводу отметил путь материалистической переработки гегелевских положений, путь освобождения гегелевского метода от его мистифицирования Гегелем: «1) Небо — природа — дух. Небо долой: материализм.

2) Все *vermittelt* = опосредствовано, связано в едином, связано переходами. Долой небо — закономерная связь *всего (процесса)* мира» [3, 29, с. 92].

Указывая на то, что у Гегеля размазывается всякого рода чушь об абсолюте, Ленин раскрывает прием, с помощью которого Гегеля можно ставить с головы на ноги, т. е. освобождать гегелевский диалектический метод от его мистифицирования Гегелем: «Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически: Гегель есть поставленный на голову материализм (по Энгельсу) — т. е. я выкидываю большей частью боженку, абсолют, чистую идею etc.» [3, 29, с. 93].

Движение научного познания и метод науки. Основные законы диалектики и ее категории у Гегеля

Обратимся теперь к вопросу о том, что Гегель понимал под методом науки. В «Введении» к своей «Науке Логике» он писал, что для того, чтобы «мертвые кости логики оживотворились духом и получили, таким образом, содержимое и содержание, ее *методом* должен быть тот, который единственно только и способен сделать ее чистой наукой. В том состоянии, в котором она находится, нет даже предчувствия научного метода» [5, 5, с. 32].

Далее Гегель говорит, что раскрытие того, что единственно только и может служить методом такой науки, как логика, составляет «предмет самой логики, ибо метод есть сознание о форме внутреннего самодвижения ее содержания» [5, 5, с. 32 — 33]. Это значит, что, по Гегелю, метод науки не есть что-то внешнее по отношению к ее содержанию, к ее предмету, а если само это содержание в его движении (самодвижении), в его развитии. Гегель поясняет, что метод, которому он следовал в своей системе логики или, вернее, которому следовала в себе самой эта система, не допускает улучшения в частностях, но он считает такой метод единственно истинным. «Это само по себе явствует уже из того, что он не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, ибо движет себя вперед содержание внутри себя, *диалектика, которую оно имеет в самом себе*. Ясно, что никакие изложения не могут считаться научными, если они не следуют по пути этого метода и не соответствуют его простому ритму, ибо движение этого метода есть движение самой сути дела» [5, 5, с. 34]. «*Движение научного познания — вот суть*» [3, 29, с. 79], — констатирует Ленин.

Каким же образом функционирует («работает») этот диалектический (научный) метод, именуемый Гегелем абсолютным? Иначе говоря, каким образом проявляет себя суть дела, заключенная в *движении* научного познания?

Выше мы уже говорили о том, как Гегель понимал исходный пункт этого движения, т. е. то, с чего следует начинать науку и с чего она сама начинается. Гегель подчеркивает, что то, с чего следует начинать, «не может быть чем-то конкретным, чем-то таким, что содержит некое соотношение *внутри самого себя*. Ибо, — поясняет он, — нечто такое предполагает, что внутри его самого имеется некоторое опосредствование и переход от некоторого первого к некоторому другому, результатом чего является ставшее простым конкретное. Но начало не должно само уже быть некоторым первым и некоторым другим; то, что есть внутри себя некоторое первое *и* некоторое другое, уже содержит в себе совершившееся дальнейшее продвижение. То, с чего начинают, само начало, мы должны понимать, как нечто не поддающееся анализу, должны брать его в его простой,

ненаполненной непосредственности, следовательно, как *бытие*, как нечто совершенно пустое» [5, 5, с. 59 — 60].

Это означает, по Гегелю, что начинать науку надо именно с «абстрактного начала», но не прямо с самой *сути*, с самого предмета рассмотрения, поскольку этот предмет есть не что иное, как указанное пустое бытие, ибо, «что такое предмет рассмотрения, это должно выясниться именно только в ходе самой науки, не может предполагаться известным до нее» [5, 5, с. 60].

Итак, движение познания (науки) начинается, согласно Гегелю, с абстрактного и непосредственного — с пустого начала — и направлено оно в сторону его постепенного наполнения и опосредования, в сторону превращения его в конкретное. То большее, чем простая непосредственность, есть, по словам Гегеля, нечто конкретное, нечто, содержащее в себе разные определения. Высказывание и изображение такого конкретного есть некое опосредующее движение, начинающееся с *одного* из определений и переходящее к другому определению, *хотя последнее и возвращается к первому* (к этим подчеркнутым нами гегелевским словам мы вернемся ниже); это движение, которое вместе с тем не должно быть произвольным. «Поэтому в таком изображении, — пишет Гегель, — *начинают* не с самого конкретного, а движение имеет своим исходным пунктом лишь простое непосредственное. И кроме того, если делают началом конкретное, то недостает доказательства, в котором нуждается соединение содержащихся в конкретном определении» [5, 5, с. 63].

Как мы увидим ниже, все эти гегелевские мысли в их материалистической трактовке сказались несомненно на изложении Марксом метода политической экономии в его работе «Введение» к «Основным чертам критики политической экономии (черновой набросок)». Но каков внутренний механизм движения научного познания (науки), начинающегося со своего исходного пункта — пустого бытия? «...*Природа самого начала* требует, чтобы оно было бытием и ничем другим, кроме этого, — подчеркивает Гегель. — Оно поэтому не нуждается для своего вступления в философию в каких бы то ни было других подготовлениях, не нуждается в каких бы то ни было посторонних размышлениях или исходных пунктах» [5, 5, с. 56].

Но бытие переходит в ничто, говорит далее Гегель. «Есть пока что ничто, и должно возникнуть нечто. Начало есть не чистое ничто, а такое ничто, из которого должно произойти нечто; бытие, стало быть, уже содержится также и в начале. Начало, следовательно, содержит в себе и то и другое, бытие и ничто; оно есть единство бытия и ничто, или, иначе говоря, оно есть небытие, которое есть вместе с тем бытие, и бытие, которое есть вместе с тем небытие» [5, 5, с. 57 — 58].

Так Гегель подводит к понятию становления (развития), которое, по его определению, есть единство бытия и небытия. Он говорит, что то, что начинается, уже *есть*, но в такой же мере также его еще *нет*. Противоположности (бытие и небытие) находятся поэтому здесь в непосредственном соединении, иначе говоря, начало есть их *неразличное единство*. «Стало быть, — заключает Гегель, — анализ начала дал бы нам понятие единства бытия и небытия...» [5, 5, с. 58].

Через указанное противоречие бытия и небытия начинается движение научного познания, выход его из его исходного пункта, его начала. Отмеченное выше движение научного познания в порядке восхождения от исходного *A к K* (здесь, как и далее, символами *A* и *K*, обозначаются абстрактное и конкретное) и составляет важнейшую характеристику метода Гегеля. Однако было бы неправильно считать, что этот метод ограничивается у Гегеля оперированием одних лишь категорий абстрактного и конкретного. Напротив, вокруг них, точнее сказать, вокруг самого движения от *A к K* группируются понятия и категории диалектики и ее законы. Так, если рассматривать как основные ступени этого движения — «бытие» (*Sein*), представляющее область непосредственных явлений, сферу более абстрактную, бедную содержанием, и «сущность», представляющую скрытую в них их внутреннюю существенную сторону, сферу более конкретную, богатую содержанием, то у Гегеля первая являет вместе с тем и сферу действия закона перехода количества в качество и обратно, а вторая — сферу действия закона взаимопроникновения противоположностей. В сущности все относительно, говорил Гегель. Энгельс писал по поводу трех основных законов диалектики: «Все эти три закона были развиты Гегелем на его идеалистический манер лишь как законы *мышления*: первый — в первой части «Логики» — в учении о бытии; второй занимает всю вторую и наиболее значительную часть его «Логики» — учение о сущности; наконец, третий фигурирует в качестве основного закона при построении всей системы. Ошибка заключается в том, что законы эти он не выводит из природы и истории, а навязывает последним свыше как законы мышления. Отсюда и вытекает вся вымученная и часто ужасная конструкция» [1, 20, с. 384].

Касаясь категорий в гегелевской «Логике», остановимся лишь на некоторых из них, а именно на тех, которые излагаются в «Учении о понятии». Энгельс писал: «Единичность, особенность, всеобщность — вот те три определения, в которых движется все "Учение о понятии". При этом восхождение от единичного к особенному и от особенного к всеобщему совершается не одним, а многими способами, и Гегель довольно часто иллюстрирует это...» [1, 20, с. 540].

Как увидим в следующем очерке, Маркса интересует обнаружение особенного и единичного во всеобщем. В «Науке Логики» Гегель охарактеризовал диалектичность разума тем, что разум «порождает *всеобщее* и постигает в нем особенное» [5, 5, с. 4]. Поэтому, согласно Гегелю, логика «выступает не только как абстрактно всеобщее, но как всеобщее, охватывающее собою также и богатство особенного...» [5, 5, с. 38]. Развивая эту мысль, Гегель пишет: «Истинное, бесконечное всеобщее, которое непосредственно внутри себя есть как особенность, так и единичность, теперь должно быть сначала рассмотрено ближе как *особенностью* [5, 6, с. 37]. В свою очередь «*единичность*, как оказалось, положена уже через особенность; *последняя есть определенная всеобщность...*» [5, 6, с. 53].

Так Гегель раскрывает единство всеобщности, особенности и единичности, которое красной нитью проходит через первый отдел «Субъективность» его «Учения о понятии». Глава 1 «Понятие» этого отдела начинается с указания на то, что «всеобщее понятие, подлежащее здесь теперь рассмотрению, содержит в себе три момента: *всеобщность, особенность и единичность...* Каждый из этих моментов есть столь же *все* понятие *целиком*, сколь и *определенное понятие*, а равно и *некоторое определение* понятия» [5, 6, с. 31].

С точки зрения диалектики взаимосвязи всеобщности (*B*), особенности (*O*) и единичности (*E*) Гегель анализирует далее суждение и умозаключение. В категориях (определениях) *B*, *O* и *E* он выражает структуру форм мышления и их движение (развитие), следовательно, движение (развитие) всей человеческой, а значит, и научной мысли.

Совпадение результата научного познания с его началом

Рассмотрим теперь, какое место в дальнейшем движении научного познания, проходимом им пути занимает исходный пункт, начало науки? Гегель отвечает: «...движение вперед есть *возвращение назад в основание, к первоначальному и истинному*, от которого зависит то, с чего начинают, и которым на деле это последнее порождается» [5, 5, с. 54].

В качестве примера Гегель ссылается на то, что сознание на своем пути от непосредственности, которой оно начинает, приводится обратно к абсолютному знанию как к своей наивнутреннейшей *истине*. А это последнее (основание) оказывается также и тем, из чего происходит первое, выступившее первоначально как непосредственное. Вот почему существенным для науки является не столько то, что началом служит ей нечто непосредственное, а то, что вся она в целом представляет в самой себе

круговорот, в котором *первое* становится также последним, а последнее также и первым.

Это означает, что необходимо рассматривать как *результат* то, во что движение возвращается обратно, как в свое *основание*. Подходя с такой точки зрения к процессу движения (развития) научной мысли (познания), Гегель показывает, что первое (исходное начало) есть также и основание, а последнее (результат) есть нечто выводное. Но так как мы исходим из первого и путем правильных заключений приходим к последнему, как к основанию, то это основание оказывается результатом. «Далее, — говорит Гегель, — *поступательное движение* от того, что составляет начало, должно быть рассматриваемо как дальнейшее его определение, так что начало продолжает лежать в основании всего последующего и не исчезает из него. Движение вперед состоит не в том, что выводится лишь некое *другое* или совершается переход в некое истинно другое, а, поскольку такой переход имеет место, он вместе с тем снова снимает себя. Таким образом, начало философии есть наличная во всех дальнейших развитиях и сохраняющаяся основа, есть то, что остается всецело имманентным своим дальнейшим определениям» [5, 5, с. 55].

Гегель поясняет, что именно благодаря такому поступательному движению начало теряет то, что в нем имеется одностороннего вследствие того, что оно есть некое непосредственное и абстрактное вообще. Теперь оно становится некоторым опосредованным, и линия научного поступательного движения тем самым превращает себя в *круг*. Вместе с тем обнаруживается, что то, с чего начинают научное движение, еще не познается поистине. в начале, так как оно в этом начальном своем состоянии выступает еще как неразвитое, бессодержательное. Лишь наука, причем во всем ее развитии, представляет собой. его завершенное, содержательное и только в этом случае истинно обоснованное познание.

Однако, оговаривается Гегель, то обстоятельство, что только *результат* оказывается абсолютным основанием, вовсе не значит, что поступательное шествие познания есть нечто предварительное или же нечто проблематическое и гипотетическое. «Это поступательное шествие познания должно определяться природой вещей и самого содержания» [5, 5, с. 55]. В. И. Ленин выписал эту последнюю фразу у Гегеля, многократно подчеркнул ее и поставил возле нее NB, указывающее на ее важность [3, 29, с. 93].

В дальнейшем Ленин показывает, что вопрос о «начале» Гегель связывает с трактовкой закона отрицания отрицания. «Начало всех рассуждений, всего анализа, — эта первая посылка, кажется теперь уже неопределенной, „несовершенной“, является потребность доказать, „вывести“ (ableiten) ее,

получается „что может показаться требованием бесконечного, идущего *вспять* прогресса в доказательстве и выводе" ... — но с другой стороны, новая посылка толкает *вперед*...» [3, 29, с. 211].

Так излагает Ленин взгляд Гегеля на соотношение между «началом» и дальнейшим, вытекающим из него развитием научной мысли. В связи с этим стоит вспомнить выписанный Лениным из Гегеля большой отрывок, в котором по сути дела изложено в развернутом виде гегелевское понимание метода восхождения от абстрактного («начала») к конкретному. В виду важности этого отрывка для разбираемого нами вопроса приведем его полностью: «Познание катится вперед от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинает с простых определенностей и что последующие определенности становятся все *богаче и конкретнее*. Ибо результат содержит в себе свое начало, и дальнейшее движение этого начала обогатило его (начало) новой определенностью. *Всеобщее* составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть понимаемо как *течение* от некоторого *другого* к некоторому *другому*. В абсолютном методе понятие *сохраняется* в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении, в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя» [5, 6, с. 315].

«Этот отрывок очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика» [3, 29, с. 212], — замечает Ленин.

Из сказанного выше у Гегеля следует, что «самое богатое есть поэтому самое конкретное и *самое субъективное*, и то, что вбирает себя обратно В наиболее простую глубину, есть самое могущественное и самое объемлющее» [5, 6, с. 31 б].

Ленин на полях против этого места записал: «*Это NB: Богаче* всего *самое конкретное* и *самое субъективное*» [3, 29, с. 212]. Кратко характеристику своего метода восхождения от абстрактного к конкретному Гегель резюмирует так: «...Каждый шаг *вперед в поступательном движении*, каждое дальнейшее определение, удаляясь от неопределенного начала, представляет собой также и *возвратное приближение к последнему*...» [5, 6, с. 316]. Здесь «возвратное приближение» к исходному началу надо понимать, очевидно, как более глубокое раскрытие истинного значения и содержания этого начала. Если это так, то кажущееся на первый взгляд различным (*идущее назад обоснование* начала и *идущее вперед дальнейшее* его *определение*) в

действительности совпадает воедино и есть одно и то же. В итоге Гегель получает метод, образующий, таким образом, некоторый круг.

Ленин выписал следующее место у Гегеля, касающееся метода, которому фактически посвящена вся последняя глава «Науки Логике», озаглавленная «Абсолютная идея». Здесь Гегель пишет: «Метод есть чистое понятие, относящееся лишь к себе самому; он есть поэтому *простое соотношение с собой*, каковое соотношение есть *бытие*. Но теперь это есть также и *наполненное бытие, постигающее себя понятие*, бытие как *конкретная* и также безоговорочно *интенсивная* тотальность» [5, 6, с. 318].

Против этого места Ленин записал: «NB: связь диалектического метода с «erfülltes Sein» (наполненным бытием. — Б. К.), с бытием, полным содержания и конкретным» [3, 29, с. 214]. Так Ленин раскрыл *смысл* гегелевской характеристики метода восхождения от абстрактного (от пустого бытия как начала) к конкретному (к наполненному бытию).

В «Энциклопедии» («Малой Логике»), в ее заключительной части (раздел «Абсолютная идея»), Гегель вкратце характеризует изложенный им диалектический метод, именуя его спекулятивным методом. Под «спекулятивным» он понимает то, что состоит в постижении противоположностей в их внутреннем единстве (тождестве). Суть спекулятивного мышления (и метода) состоит в схватывании и удержании противоречия, а в этом противоречий — самого себя. В таком спекулятивном (диалектическом) методе Гегель выделяет следующие три момента:

а) «начало, и это начало есть *бытие*, или *непосредственное*; оно непосредственно по той простой причине, что оно есть начало» [5, 1, с. 341].

в) «*поступательное движение*», которое «столь же *аполитично*, сколь и *синтетично*... В поступательном движении идеи начало обнаруживает себя тем, что оно есть в себе, обнаруживает себя именно положенным и опосредованным, а не сущим и непосредственным» [5, 1, с. 342 — 343].

с) «*конечный результат*, в котором небезразличное различенное (Differente) доложено тем, что оно есть в понятии» [5, 1, с. 343], и в которое разрешается противоречие, выступающее в виде *бесконечного прогресса*. Здесь речь идет у Гегеля о том, что, соотношение различных развивается в то, что оно есть вначале, в *противоречие* в самом себе. «Этот конечный результат есть лишь *исчезновение видимости*, будто начало есть нечто непосредственное, а она есть некий результат, — есть познание того, что идея есть единая целостность» [5, 1, с. 344].

Итак, диалектический метод Гегеля предполагает последовательную связь замыкающихся в круг трех моментов, или звеньев: а) исходное начало, в) поступательное движение и с) конечный результат.

«Метод, таким образом, есть не внешняя форма, а душа и понятие содержания...» [5, 1, с. 344], — заключает Гегель. Эти слова Ленин выписывает в «Философских тетрадах» [3, 2,9, с. 218]. Здесь же Ленин выписывает другие места из «Малой Логике»: «Интерес заключается во всем движении». Против этой фразы Ленин ставит: «Прелестно!» и три отчеркивания. И далее: «Содержание есть живое развитие идеи... Любая из рассмотренных ранее ступеней есть образ абсолютного, но прежде всего в ограниченном смысле...» [5, 1, с. 341].

Особо Ленин выделяет гегелевскую оценку диалектического метода с точки зрения соотношения анализа и синтеза. «Философский метод столь же аналитичен, сколь и синтетичен; однако это нужно понимать не в том смысле, что эти два момента конечного познания идут рядом или только чередуются, а нужно понимать так, что философский метод содержит их внутри себя как снятые, и соответственно с этим он в каждом своем движении в одно и то же время аналитичен и синтетичен. Философское мышление аналитично, поскольку оно лишь воспринимает свой предмет, идею, предоставляет ему свободу и как бы лишь наблюдает его движение и развитие. Философствование постольку совершенно пассивно. Но философское мышление точно так же синтетично и обнаруживает себя как деятельность самого понятия» [5, 1, с.342].

Подчеркнув слова «в каждом своем движении» и дважды отчеркнув весь конец этой фразы, Ленин записал на полях: «очень хорошо». [3, 29, с. 218]. Точно так же Ленин дважды отчеркнул следующую за этой фразой, записав на полях: «очень хорошо! (и образно)».

Перед этим в той же «Малой Логике» сказано по поводу аналитического метода нечто такое, что имеет прямое отношение к характеристике абстрактного и конкретного. Речь идет у Гегеля о «разложении данного конкретного предмета, обособлении его различий и сообщении им формы *абстрактной всеобщности*. Или, иными словами, она состоит в том, что оставляет конкретное как *основание* и посредством абстрагирования от кажущихся несущественными особенностей выделяет новое конкретное всеобщее, *род* или силу и закон. Это — *аналитический метод*» [5, 1, с. 332].

В связи с этим Ленин записал: «Энциклопедия § 227 — превосходно об *аналитическом* методе («разложить» «данное конкретное» явление — «придать форму абстракции» отдельным сторонам его и «herausheben» (выделить. — *Б. К*) «род или силу и закон»)» [3, 29, с. 215 — 216].

Касаясь применения *аналитического* и *синтетического* методов, Гегель возражает против ходячего мнения, как будто это зависит лишь от нашего произвола. «Это, однако, отнюдь не так; от формы самих предметов, которые мы желаем познать, зависит, какой из двух вытекающих из понятия конечного познания методов нам придется применять [5, 1, с. 332].

Раздел «Абсолютная идея», а вместе с ним и вся «Наука Логики» завершается у Гегеля указанием на то, что «чистая истина, как последний результат, становится также и началом *некоторой другой сферы и науки*. Этот переход здесь нужно еще только наметить.

А именно, поскольку идея полагает себя как абсолютное *единство* чистого понятия и его реальности и тем самым собирает себя в непосредственность *бытия*, она, как *тотальность* в этой форме есть природа» [5, 1, с. 318 — 319]. Против этого последнего абзаца Ленин записал: «Переход от идеи к *природе*...» [3, 29, с. 214].

Далее Ленин пояснил: «Эта фраза на последней... странице *Логики* архизамечательна. Переход логической идеи к *природе*. Рукой подать к материализму. Прав был Энгельс, что система Гегеля перевернутый материализм» [3, 29, с. 215]. На полях против этой записи Ленин отметил, что в «Малой логике» («Энциклопедия») *последняя* фраза книги такова: «Но эта идея, обладающая бытием, есть *природа*» [5, 1, с. 344]. Следовательно, обе Логики — и Большая и Малая — завершаются у Гегеля указанием на переход от идеи к *природе*.

Резюмируя после этого свой конспект гегелевской «Науки Логики», Ленин выделил в качестве главного вопрос о *диалектическом методе*: «Замечательно, что вся глава об „абсолютной идее“ почти ни словечка не говорит о боге (едва ли не один раз случайно вылезло „божеское“ „понятие“), и кроме того — *это NB* — почти не содержит специфически *идеализма*, а главным своим предметом имеет *диалектический* метод. Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть *диалектический метод* — это крайне замечательно. И еще одно: в этом *самом идеалистическом* произведении Гегеля *всего меньше* идеализма, *всего больше* материализма. „Противоречиво“, но факт!» [3, 29, с. 215].

Теперь естественно перейти к рассмотрению того, как применял Гегель метод восхождения от абстрактного к конкретному в области естествознания, точнее сказать, натурфилософии.

Критика Марксом гегелевского метода

Одной из первых работ, в которых Маркс подверг критике гегелевское учение, была рукопись 1843 г., в которой дан критический разбор некоторых разделов труда Гегеля «Основы философии права» [1, 1, с. 219 — 368]. Критике подвергаются те разделы этого труда, в которых Гегель излагает свои взгляды на государство. Эта рукопись впоследствии получила наименование «К критике гегелевской философии права». Когда в 1873 г. Маркс отметил в Послесловии ко 2-му изданию I тома «Капитала», что он подверг критике мистифицирующую сторону гегелевской диалектики почти 30 лет назад, то несомненно он имел в виду и эту свою рукопись. В биографической статье «Карл Маркс» (1869) Энгельс писал: «Отправляясь от гегелевской философии права, Маркс пришел к убеждению, что не государство, изображаемое Гегелем „венцом всего здания“, а, напротив, „гражданское общество“, к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества. Но наука о гражданском обществе — это политическая экономия...» [1, 16, с. 378 — 379]. И этой наукой Маркс занялся, переехав в наиболее развитую капиталистическую страну — Англию.

На одно место в гегелевской философии права, отмеченное Марксом, хотелось бы теперь обратить особое внимание в связи с интересующей нас темой. Речь идет о выборе Гегелем исходного пункта в изложении данной науки. Вспомним об этом ниже, когда будет освещаться вопрос о поисках Марксом экономической «клеточки» буржуазного общества, т. е. исходного пункта политической экономии. Во «Введении» к экономическим рукописям 1857 — 1858 гг. Маркс писал: «Гегель правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта» [1, 12, с. 728].

Подробнее мы остановимся на критике гегелевского метода Марксом в том его виде, какой этот метод принял в сочинении Прудона «Философия нищеты», критика которого дана Марксом в работе «Нищета философии» (1847). Спустя 10 лет, приступая к своим упомянутым выше экономическим исследованиям 1857 — 1858 гг., Маркс начал именно с того, чтобы показать «несостоятельность прудонистской концепции «рабочих денег»» [1, 46, ч. 1, с. 51].

В «Нищете философии» нас будет интересовать глава II «Метафизика политической экономии», а в ней — именно критическое отношение Маркса к гегелевскому методу в его прудоновском изложении. При этом Маркс касается по преимуществу внешней, иногда терминологической стороны гегелевского метода в связи с тем, что Прудон опирается прежде всего на эту внешнюю сторону гегелевской идеалистической диалектики. В связи с этим

Маркс со всей четкостью отмечает, что Прудон стоит целиком на позициях идеализма: идеалист же упускает из виду реальное историческое развитие производственных отношений, для которых категории служат лишь теоретическим выражением, и желает видеть в этих категориях лишь идеи, самопроизвольные мысли, независимые от действительных отношений. Раз так, то идеалист волей-неволей вынужден искать генезис этих мыслей в движении чистого разума. Маркс далее спрашивает: как же (конечно, с точки зрения идеалиста) порождает эти мысли чистый, вечный, безличный разум?

Маркс отвечает: «Если бы мы обладали неустранимостью г-на Прудона по части гегельянства, то мы сказали бы, что разум различает себя в самом себе от самого себя. Что это значит? Так как безличный разум не имеет вне себя ни почвы, на которую он мог бы поставить себя, ни объекта, которому он мог бы себя противопоставить, ни субъекта, с которым он мог бы сочетаться, то он поневоле должен кувыряться, ставя самого себя, противоположая себя самому же себе и сочетаясь с самим собой: положение, противоположение, сочетание» [1, 4, с. 130]

По-гречески это звучит так: тезис, антитезис, синтез, а по-гегелевски: утверждение, отрицание, отрицание отрицания. Называя последнюю фразу сакраментальной, Маркс резюмирует: «Вот что значит орудовать словами... Это язык этого столь чистого разума, отделенного от индивида. Вместо обыкновенного индивида, с его обыкновенной манерой говорить и мыслить, мы имеем здесь не что иное, как эту обыкновенную манеру в чистом виде, без самого индивида» [1, 4, с. 130].

В дальнейшем Маркс развертывает свою критику объективного, или абсолютного, идеализма, трактующего в духе Гегеля разум без самого индивида, и продолжает разбирать то, что Гегель именуется отрицанием отрицания. Маркс показывает, что в последней степени абстракции всякая вещь представляется в виде логической категории. Идеалист же воображает, будто он, производя эти абстракции и все более и более отрываясь от предметов, проникает к предметам и проникает в глубь вещей. В итоге с помощью абстракции он все существующее сводит к логической категории, так что весь реальный мир тонет у него в мире абстракций, в мире логических категорий.

Далее, развивая свою критику сведения всего сущего к абстракциям, Маркс подходит к критическому анализу гегелевского понимания «абсолютного метода». В «Логике» Гегель так охарактеризовал этот метод: «Метод есть поэтому не только наивысшая *сила* или, вернее, *единственная* и абсолютная *сила* разума, но также наивысшее и единственное его *влечение* обрести и познать *себя самого во всем. через самого себя*» [5, 6,

с. 299]. А перед этим у Гегеля сказано: «Метод должен быть поэтому признан не терпящим ограничения, всеобщим, внутренним и внешним способом и безоговорочно бесконечной силой, которой никакой объект, поскольку он выступает как нечто внешнее, далекое для разума и независимое от него, не может оказывать сопротивление, не может иметь другой природы по отношению к ней и не быть проникнут ею» [5, 6, с. 298 — 299].

Маркс вкратце сформулировал приведенное высказывание Гегеля о методе и проследил, как могло возникнуть подобное понимание метода. Превращая посредством абстракции всякую вещь в логическую категорию, легко этим же путем прийти к движению в абстрактном виде, к чисто формальному движению, к чисто логической формуле движения, которая и есть *абсолютный метод*, объясняющий каждую вещь и включающий в себя ее движение.

«Итак, — резюмирует Маркс, — что же такое этот абсолютный метод? Абстракция движения. Что такое абстракция движения? Движение в абстрактном виде. Что такое движение в абстрактном виде? Чисто логическая формула движения или движение чистого разума. В чем состоит движение чистого разума? В том, что он полагает себя, противопоставляет себя самому себе и сочетается с самим собой, в том, что он формулирует себя как тезис, антитезис и синтез, или еще в том, что он себя утверждает, себя отрицает и отрицает свое отрицание» [1, 4, с. 131].

Маркс в виде наглядной схемы раскрывает то, что заключено в предыдущем рассуждении. Если разум положил себя как тезис (как мысль), то затем этот тезис, эта мысль, противопоставляясь сама себе, раздваивается на две противоречащие одна другой мысли (на «да» и «нет»). Образуется антитезис. Борьба этих двух заключенных в антитезисе антагонистических элементов создает диалектическое движение: «да» превращается в «нет», «нет» — в «да», «да» становится одновременно и «да» и «нет», а «нет» — и «нет» и «да». «Таким путем противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуют и парализуют друг друга. Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль — их синтез. Эта новая мысль опять раздваивается на две противоречащие друг другу мысли, которые в свою очередь сливаются в новый синтез. Этот процесс рождения создает группу мыслей. Группа мыслей подчиняется тому же диалектическому движению, как и простая категория...» [1, 4, с. 132], т. е. за группой мыслей следует ее антитеза (противоречащая ей группа мыслей), и обе они сливаются в новую группу мыслей — их синтез. «Как из диалектического движения простых категорий рождается группа, так из диалектического движения групп возникает ряд, а диалектическое движение рядов порождает всю систему в целом» [1, 4, с. 132]. Далее Маркс

подытоживает: «Сосуществование двух взаимно противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения» [1, 4, с. 136].

Так Маркс охарактеризовал диалектический метод Гегеля, согласно которому источником развития является противоречие и через противоречие совершается самый процесс движения. Идеализм же, с помощью которого Гегель подверг мистификации созданный им метод, заключается в том, что Гегель «воображает, что строит мир посредством движения мысли; между тем как в действительности он лишь систематически перестраивает и располагает, согласно своему абсолютному методу, те мысли, которые имеются в голове у всех людей» [1, 4, с. 133].

Вскрывая несостоятельность прудоновских построений, Маркс подчеркивает, что Прудон для спасения рабства ставит *задачу*: сохранить хорошую сторону этой экономической категории и устранить дурную. «У Гегеля нет надобности ставить задачи. У него есть лишь диалектика. Г-н Прудон заимствовал из диалектики Гегеля только язык» [1, 4, с. 135].

На примере соотношения конкуренции и монополии Маркс поясняет, как в действительности происходит диалектическое движение в противоположность тому, как его конструирует из головы Прудон на гегелевский манер: конкуренция была порождена феодальной монополией. Значит, первоначально конкуренция была противоположностью монополии, а не наоборот, как это получается у Прудона. Поэтому современная монополия не есть простой антитезис, как утверждает Прудон, а есть настоящий синтез. Современная монополия, предполагающая господство конкуренции, есть одновременно отрицание и феодальной монополии и конкуренции (поскольку речь идет о монополии).

«Таким образом, — заключает Маркс, — современная монополия, буржуазная монополия, есть монополия синтетическая, отрицание отрицания, единство противоположностей... В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение» [1, 4, с. 165, 166].

В одной из своих статей, написанных почти одновременно с «Нищетой философии», Маркс высказал ряд диалектических положений, из которых приведем два: 1) по поводу диалектики: «Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования» [1, 4, с. 297]. 2) По поводу метафизики: «...там, где ему удастся заметить *различие*, он не видит *единства*, а там, где он видит *единство*, он не замечает *различия*. Когда он устанавливает *различающие определения*, они тотчас же окаменевают у него под руками, и он усматривает самую вредную

софистику в стремлении высечь пламя из этих окостенелых понятий, сталкивая их друг с другом» [1, 4, с. 299].

Так Маркс вел борьбу на два фронта: против впадения в гегельянство, в игру с диалектическими терминами с позиций идеализма, и в грубую метафизику, оперирующую мертвыми, неподвижными категориями.

* * *

Итак, научный метод, по Гегелю, есть метод восхождения от абстрактного к конкретному, его рациональный смысл заключается в том, что он является логическим выражением принципа поступательного развития, идущего от простого к сложному, от низшего к высшему. В этом процессе восхождения существенное значение имеют три ступени: 1) исходный пункт развития (или движения) научного познания, 2) самый процесс этого движения (развития), идущий через развертывание противоречий, заложенных в исходном пункте, и 3) достигаемый результат, который смыкается с началом процесса движения (развития), поскольку только в нем до конца раскрывается то, что было с самого начала заложено в исходном пункте всего процесса.

Мистифицирование Гегелем открытого им научного метода вытекало из гегелевской идеалистической системы, поскольку процесс восхождения от абстрактного к конкретному трактовался им как развитие чистой идеи, существовавшей до природы и порождавшей природу как свое инобытие.

Так сочеталось в методе Гегеля рациональное и иррациональное (мистифицированное).

Критика Маркса была направлена на то, чтобы очистить рациональное в методе Гегеля от его мистификации самим же Гегелем.

Очерк 2 Маркс о своем замысле (Как возник замысел, в чем он состоял и почему он оказался неосуществленным)

О замысле К. Маркса написать труд о диалектическом методе сохранилось только одно свидетельство, а именно письмо Маркса Энгельсу, написанное 14 января 1858 г. и посланное из Лондона в Манчестер. В этом письме Маркс сообщает своему другу, что он вновь просмотрел «Логику» Гегеля и что это ему помогло при выработке метода обработки материала. И далее, как бы между прочим, Маркс пишет Энгельсу о пришедшем ему в связи с этим замысле (см. [1, 29, с. 212]).

Вот и все. Больше к вопросу о написании специальной работы о диалектическом методе Маркс не возвращался. Мы хотим теперь выяснить следующее: каким по своему содержанию был замысел Маркса?

Зная, какое громадное богатство философской мысли умел выразить Маркс в удивительно сжатой, лаконической форме (вспомним хотя бы его «Тезисы о Фейербахе»), мы можем догадываться, каким глубоким по своему содержанию обещало быть задуманное Марксом сочинение объемом в 32 или 48 страниц печатного текста! К великому сожалению, оно, по всем данным, не было написано и даже краткого наброска его плана Маркс не составил потому, что времени у него для такой работы уже больше не нашлось.

Но хотя намерение Маркса и не осуществилось в том виде, в каком оно было высказано им, тем не менее анализ обстановки, в какой оно было высказано, и сопутствовавших ему других высказываний как самого Маркса, так и Энгельса, а позднее и Ленина позволяет составить более или менее ясную картину того, что именно конкретно намеревался изложить Маркс в задуманном, но не реализованном им специальном труде о диалектическом методе. Попробуем детальнее разобраться в этом вопросе.

Канун рождения замысла у Маркса (О «методе политической экономии» в понимании Маркса)

В конце лета 1857 г. 39-летний Маркс начинает напряженно работать над «Введением» к большой, задуманной им работе по политической экономии капитализма. Это «Введение», оставшееся незаконченным, было написано в течение короткого срока: с конца августа до середины сентября 1857 г. Вслед затем Маркс, продолжая начатую работу, к лету 1858 г. написал объемистую рукопись (около 50 печатных листов), которая в 1939 — 1941 гг. была издана в СССР на немецком языке под названием «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Robert wurf)» («Основные черты критики политической экономии (черновой набросок)»). Как раз в разгар этой гигантской работы, в середине января 1858 г., Маркс и сообщил Энгельсу о своем замысле написать, если представится возможность, специальное исследование о диалектическом методе. В том же письме он написал Энгельсу, что ему для метода обработки материала большую услугу оказало то, что он вновь перечитал «Логику» Гегеля.

Следовательно, это было написано примерно через три с половиной — четыре месяца после того, как Маркс охарактеризовал «метод политической экономии» в упомянутом выше «Введении». Сущность этого метода Маркс видел в том, что его основу составляет восхождение от абстрактного к конкретному. Немедленно встает вопрос: не о таком ли методе обработки

материала Маркс говорит, когда отмечает, что для этого метода большую услугу оказало ему напоминание о содержании гегелевской «Логике»?

Забегая вперед, отметим, что результаты этой «большой услуги» были отмечены Марксом в томе I «Капитала», как об этом будет сказано ниже. Теперь же обратим внимание на то, что Маркс подчеркивает в своем письме Энгельсу от 14 января 1858 г. трижды, что речь идет именно о научном *методе*: во-первых, о методе обработки материала, которым пользовался сам Маркс; во-вторых, о методе, который был открыт и мистифицирован Гегелем, но который содержал в себе рациональную основу; в-третьих, о том, что, очевидно, обращение к гегелевскому методу (к его рациональной основе) как раз и помогло Марксу разработать свой метод обработки материала.

Для того чтобы иметь хотя бы косвенное подтверждение высказанного предположения, обратимся к упомянутому уже не раз марксовскому «Введению», которое содержит в себе особый (третий) раздел, озаглавленный «Метод политической экономии». Это как раз то, что нам сейчас нужно. Характеристику этого метода Маркс начинает с сопоставления двух методов диаметрально противоположного характера: один из них можно было бы назвать методом восхождения от конкретного (*K*) к абстрактному (*A*). Он кажется на первый взгляд наиболее естественным и правильным: начинать с реального и конкретного, с действительных посылок (например, с населения) и далее восходить ко все более тощим абстракциям, пока не дойдешь до простейших определений. Однако при проверке такой метод оказывается ошибочным: если начинать с конкретного и реального, то в результате это даст лишь хаотическое представление о целом, а в дальнейшем потребовалось бы от исходного конкретного, данного нам в представлении, аналитически подходить ко все более и более простым определениям вплоть до простейших. «Отсюда пришлось бы, — писал Маркс, — пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями» [1, 12, с. 726].

По первому пути (от *K* к *A*) политическая экономия, как отмечал Маркс, шла в период своего возникновения (XVII в.). Она начинала с живого целого, но всегда заканчивала тем, что путем анализа выделяла некоторые абстрактные всеобщие отношения. Но как только эти отдельные моменты были абстрагированы, стали возникать экономические системы, восходящие от найденного ранее простейшего к более сложным явлениям, т. е. от *A* к *K*. «Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении, — писал Маркс. — Конкретное потому конкретно, что оно есть

синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления» [1, 12, с. 727].

Далее возвращаясь снова к сопоставлению двух путей познания: первого (от K , к A) и второго (от A к K), Маркс показал, что на первом пути полное (исходное) представление (K) испаряется до степени абстрактного определения (до A), на втором же пути абстрактные определения (A) ведут к воспроизведению конкретного (K) посредством мышления. Это и означает, что первый путь — это путь аналитического выделения абстрактных моментов целого, а второй — путь синтеза многих определений.

Так Маркс охарактеризовал свой научный, диалектический метод за несколько месяцев до того, как он высказал Энгельсу свой замысел. Но в этом замысле фигурировала «Логика» Гегеля вместе с тем рациональным, что есть в методе, который Гегель открыл и одновременно мистифицировал. По этому поводу мы находим у Маркса прямые указания в том же разделе «Введения», трактующем о методе политической экономии. Маркс объясняет, в чем именно состояло мистифицирование Гегелем открытого им диалектического метода: «Гегель поэтому впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного [1, 12, с. 727].

Другими словами, конкретное выступает перед исследователем дважды — в начальном и конечном пунктах исследования, причем в двух различных своих формах: в первом пункте — в реальной, во втором — в идеальной форме. Вместе с тем реальное конкретное как предмет исследования на всех стадиях познания стоит перед глазами исследователя. «...Конкретная целостность, — пишет Маркс, — в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности, действительно есть продукт мышления, понимания; однако это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и саморазвивающегося вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представлений в понятия. Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы... Реальный субъект остается, как и прежде, вне головы, существуя как нечто самостоятельное, и именно до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически. Поэтому и при

теоретическом методе субъект, общество, должен постоянно витать в нашем представлении как предпосылка» [1, 12, с. 727 — 728].

Таким образом, мы видим, каким прежде всего рисовался Марксу научный метод после освобождения его от его гегелевского мистифицирования и в чем видел Маркс самую суть этого мистифицирования Гегелем открытого им метода.

Существенным моментом диалектического метода как метода политической экономии Маркс считал принцип историзма, или принцип развития, составляющий стержень самого способа восхождения от *A* к *K*.

К этому положению Маркс подходит, когда ставит следующий вопрос: не имело ли место независимое историческое существование простых категорий до существования более конкретных категорий? Если да, то ход самого исторического развития должен идти от *A* к *K*. Маркс показывает, что более простая категория выступает как выражение первичных отношений в менее развитом обществе, а в более развитом обществе она же выступает как более простое отношение разившегося организма. Маркс разъясняет, что «здесь имеется та доля истины, что простые категории суть выражения отношений, в которых может реализоваться менее развитая конкретность до установления более многостороннего отношения или связи, идеально выражающейся в более конкретной категории, в то время как более развитая конкретность сохраняет эту же категорию как подчиненное отношение» [1, 12, с. 728].

Значит, более простая категория может выражать либо господствующие отношения менее развитого целого, либо подчиненные отношения более развитого целого, иначе говоря, те отношения, которые уже существовали раньше, чем целое развилось в сторону, выраженную в более конкретной категории.

Отсюда Маркс выводит положение, лежащее в основе диалектического соотношения между логическим и историческим: «В этом отношении ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу» [1, 12, с. 728 — 729]. Это означает, что *метод восхождения от абстрактного к конкретному отражает собой реальный процесс поступательного развития. А* так как сама диалектика есть учение о развитии в его полном и неискаженном виде, то, следовательно, указанный метод есть метод *диалектический* в самой своей основе.

Наряду с этим, как показывает Маркс, имеются весьма развитые и все же исторически менее зрелые общественные формы, где имеют место высшие

экономические формы. Поэтому хотя более простая категория исторически может существовать раньше более конкретной, но в своем полном развитии она может быть присуща как раз более сложной общественной форме; в то же время более конкретная категория была полнее развита при менее современной общественной форме.

Сказанное Маркс иллюстрирует примером труда как совершенно простой категории.

Далее Маркс подробнее раскрывает соотношение между более высокими и более низкими ступенями исторического процесса развития. Наиболее развитая и наиболее многосторонняя историческая организация производства (т. е. более высокая степень развития общества) есть буржуазное общество. Категории, выражающие его отношения, его сущность, позволяют вместе с тем проникнуть в отношения всех предшествующих ему, отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится (либо влечит их непреодоленные еще остатки, либо развивая полностью то, что ранее имелось как намек, и т. д.).

Отсюда Маркс формулирует хорошо известное общее положение по поводу соотношения между высшей и низшей ступенями развития: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть понятны только в том случае, если само это более высокое уже известно» [1, 12, с.731].

Однако при этом новейшая форма, возникающая в ходе исторического развития, рассматривает предыдущие формы как ступени к себе самой и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике. И хотя далее Маркс приводит пример, взятый из области религии, но тут напрашивается явно трактовка Гегелем всей истории философии как приготовления его собственной системы в качестве якобы завершающей все это развитие его венца.

Соответственно методу восхождения от *A* к *K*. Маркс пытался построить общий план задуманного им труда по критике буржуазной политической экономии. В самом конце 3-го параграфа упомянутого выше «Введения», где говорится о методе политической экономии, Маркс намечает структуру своего будущего экономического произведения: «Расчленение предмета, очевидно, должно быть таково: 1) Всеобщие абстрактные определения, которые поэтому более или менее подходят ко всем общественным формам, однако в выше разъясненном смысле. 2) Категории, которые составляют внутреннюю организацию буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их

отношения друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). 3) Концентрированное выражение буржуазного общества в форме государства... «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Государственный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. 4) Международные условия производства... 5) Мировой рынок и кризисы» [1, 12, с. 734 — 735].

Но если, согласно методу восхождения от *A* к *K*, в самом начале плана стоят «всеобщие абстрактные определения», подходящие «ко всем общественным формам», то Маркс еще не может пока установить точнее, что же это за определения. Он их ищет, исследуя избранный им предмет, анализируя его все глубже и всестороннее, причем в этом исследовании, в этом анализе он сам еще движется от *K* к *A* в поисках не установленного еще *A* в качестве «клеточки» всего изучаемого предмета.

Теперь хорошо известно, что в качестве такой экономической «клеточки» буржуазного общества Маркс определил товар. Только после этого метод восхождения от *A* к *K* мог быть применен в данном случае в его полном и развернутом виде. Но открытие, что товар есть искомая «клеточка» изучаемого предмета, т. е. искомое *A*, могущее послужить началом всего изложения, было сделано позднее и несомненно под влиянием диалектического метода, о котором Маркс писал Энгельсу в середине января 1858 г. Но между этим письмом и завершением «Введения» прошли четыре месяца упорнейшей работы Маркса над задуманным экономическим сочинением.

В октябре 1857 г. Маркс пишет сразу вторую главу этого сочинения, которую он называет «Глава о деньгах». Как уже говорилось в предыдущем очерке, она начинается с критики прудонистской утопической концепции «рабочих денег». Развертывая и углубляя эту критику и противопоставляя воззрениям Прудона свои принципиально отличные от них взгляды, Маркс пришел к установлению важнейших основ своей теории стоимости. В ходе его рассуждений прослеживался процесс развития общественного производства, включающего в себя общественное разделение труда, когда продукт производства становится товаром, а товар превращается в деньги. Так Маркс пришел к раскрытию закономерной зависимости между товаром и деньгами. Он прямо формулирует и ставит это в качестве подзаголовка одного из разделов главы о деньгах — «Возникновение денег как необходимый результат развития обмена» [1, 46, ч. 1, с. 74]. «Не вызывает ли сама буржуазная система обмена необходимости в специфическом орудии обмена?» [1, 46, ч. 1, с. 66]. К этому вопросу Маркс приближался еще и раньше, поставив его в ходе критики прудонизма в «Нищете философии», о

чем уже говорилось в предыдущем очерке. Спустя 10 лет Маркс нашел его решение.

Решение это основывалось на раскрытии двух противоречивых сторон товара: потребительной стоимости и стоимости.

Позднее, очевидно уже весной 1858 г., в самом конце своих экономических рукописей 1857 — 1858 гг. Маркс охарактеризовал это противоречие следующим образом: «Меновая стоимость выражает собой *социальную форму* стоимости, тогда как потребительная стоимость вовсе не является экономической формой стоимости, а выражает лишь бытие продукта и т. д. для человека вообще» [1, 46, ч. 2, с. 384].

В связи с этим в той же главе о деньгах Маркс вводит в рассмотрение категории качества и количества. Речь идет о том противоречии — и Маркс его вскрыл, — которое существует между тем, что в количественном отношении все товары однородны, представляя собой стоимости, с одной стороны, и в то же время они качественно различны в природном отношении, выступая как потребительные стоимости, с другой стороны.

Внешним образом это противоречие разрешается в процессе обмена, когда товар раздваивается на товар и деньги, причем деньги лишь обостряют противоречия товарного производства, основанного на частном обмене. Получившее свое внешнее разрешение противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью товара преобразуется через деньги и переходит в более высокую фазу. «Товар сперва должен быть превращен в рабочее время, — писал Маркс, — т. е. в нечто качественно от него отличное... чтобы затем в качестве определенной величины рабочего времени, определенного количества труда быть сравниваемым с другими величинами рабочего времени, с другими количествами труда» [1, 46, ч. 1, с. 85].

В связи с этим Маркс анализирует понятие рабочего времени. Товар «есть не овеществление рабочего времени вообще, которое существует лишь в представлении (и которое само есть лишь отделенный от своего качества, различающийся лишь количественно труд), а определенный результат определенного, натурально определенного труда, качественно отличного от других видов труда» [1, 46, ч. 1, с. 85].

Далее Маркс раскрывает двойственный характер того труда, посредством которого создается товар. Это составило основу учения о трудовой стоимости Маркса, ядро которого заключено в понимании качественной противоположности между конкретным и абстрактным трудом в условиях капиталистического общества.

Отметим, что в самом названии «Главы о деньгах» сказано: «Деньги как необходимый результат развития товарной формы продукта» [1, 46, ч. 1, с. 51]. Казалось бы, что если деньги выросли из товара («товарной формы продукта»), то их анализу должен предшествовать анализ товара именно как той формы, из которой они вырастают. Иначе говоря, что первой должна быть глава о товаре. Между тем вплоть до мая 1858 г. Маркс пытался строить весь свой труд, приняв за исходный пункт не товар, а стоимость.

Следующую главу, «Главу о капитале», Маркс пишет с ноября 1857 по июнь 1858 г. Следовательно, можно полагать, что письмо Энгельсу от 14 января 1858 г. с высказанным замыслом создать сжатый труд по диалектике было написано Марксом в процессе работы над «Главой о капитале». «Логикой» же Гегеля Маркс должен был получить за некоторое время перед тем, причем достаточно большое, для того чтобы она могла успеть помочь ему в деле обработки собранного им материала.

В начале «Главы о капитале» Маркс приводит новый вариант плана своего экономического сочинения:

«I. 1) Общее понятие капитала. 2) Особенность капитала: оборотный капитал, основной капитал. (Капитал как жизненные средства, как сырье, как орудие труда.) 3) Капитал как деньги. II. 1) *Количество капитала. Накопление.* 2) *Капитал, измеряемый самим собою. Прибыль. Процент. Стоимость капитала;* т. е. капитал в отличие от самого себя как процента и прибыли. 3) *Обращение капиталов, а) ...Капитал и цены. б) Конкуренция капиталов, у) Концентрация капиталов.* III. Капитал как кредит. IV. Капитал как акционерный капитал. V. *Капитал как денежный рынок.* VI. Капитал как источник богатства. Капиталист» (1, 46, ч. 1, с. 213]. Как видим, Маркс углубляет и детализирует здесь свой анализ капитала, т. е. развитых экономических отношений в буржуазном обществе, не обращая пока к рассмотрению более элементарных их форм, не вычлняя еще их «клеточки».

Приведенный выше план записан Марксом в тетради II на с. 18. А через 4 страницы этот же в сущности план переписан заново с небольшими изменениями и перестановками, причем стержнем его становится известная диалектическая группировка форм мышления (понятий, суждений, умозаключений), разработанная Гегелем и широко использованная им в его «Логике». Основу ее составляет связь категорий всеобщности (*B*), особенности (*O*) и единичности (*E*). Поэтому можно предполагать, что к моменту пересоставления своего плана в духе категорий *B — O — E* Маркс уже имел возможность вновь перелистать гегелевскую «Логикой». После того как общие категории — *B, O, E* — в их

явном виде Маркс выдвинул вперед, предыдущий план задуманного им экономического сочинения принял следующий вид: «*Капитал*.

I. *Всеобщность*: 1) а) Становление капитала из денег. б) Капитал и труд (опосредование *чужим* трудом). с) Элементы капитала, сгруппированные сообразно их отношению к труду (продукт, сырье, орудие труда).

2) *Обособление капитала*: а) Оборотный капитал, основной капитал. Оборот капитала. 3) *Единичность капитала*: Капитал и прибыль. Капитал и процент. Капитал как *стоимость*, отличающийся от самого себя как процента и прибыли.

II. *Особенность*: 1) Накопление капиталов. 2) Конкуренция капиталов. 3) Концентрация капиталов (количественное различие капитала как вместе с тем качественное различие, как *мера* величины и действия капитала) .

III. *Единичность*: 1) Капитал как кредит. 2) Капитал как акционерный капитал. 3) Капитал как денежный рынок» [1,46, ч. 1, с. 226].

В таком диалектизированном варианте плана своего экономического труда Маркс вдвойне провел аспект *B — O — E*: один раз — в рамках всего плана, второй раз — внутри первого раздела плана, посвященного «всеобщности». Разумеется, открытая группировка планируемых разделов книги о капитале по категориям *B — O — E* послужила Марксу лишь «строительными лесами», от которых впоследствии он отказался, делая тем самым применяемый им диалектический метод менее заметным, не бросающимся в глаза. Но нам сейчас важно отметить возможную связь диалектических формулировок, содержащихся в приведенном варианте плана Маркса, с получением и просматриванием Марксом «Логики» Гегеля.

Поскольку нас сейчас интересует исключительно вопрос о методе, которым пользовался Маркс в своих исследованиях 1857 — 1858 гг., приведем одно его рассуждение на этот счет. Речь идет о том, как понимается Марксом исторический метод в применении его к политической экономии. «...Наш метод, — пишет Маркс, — показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета, т. е. те пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производства, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства. Поэтому, для того чтобы раскрыть законы буржуазной экономики, нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений*. Однако правильное рассмотрение и выведение этих производственных отношений как исторически сложившихся отношений всегда приводят к таким первым уравнениям, которые — подобно эмпирическим числам, например, в естествознании — указывают на

прошлое, существовавшее до этой системы. Эти указания наряду с правильным пониманием современности дают в таком случае также и ключ к пониманию прошлого» [1,46, ч. 1, с. 449].

Здесь мы видим развитие положения, высказанного в «Введении» о том, что анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. В то же время, как отмечает далее Маркс, такое рассмотрение, будучи правильным, приводит к пониманию тех пунктов, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений, в результате чего вырисовываются первые контуры будущего.

Можно полагать, что Маркс, вероятнее всего, писал первую половину «Главы о капитале», когда послал 14 января 1858 г. письмо Энгельсу с изложением своего замысла создать труд по диалектике. Во всяком случае это был самый разгар всей работы. В письме Энгельсу 8 декабря 1857 г. Маркс писал: «Я работаю, как бешеный, ночи напролет над подытоживанием своих экономических исследований, чтобы до потопа иметь ясность по крайней мере в основных вопросах» [1, 29, с. 185].

Рождение замысла (Связь между переработкой гегелевского метода и экономическими исследованиями Маркса)

Итак, в процессе работы Маркса над «Главой о капитале» рождается замысел изложить примененное Марксом в ходе этой работы рациональное содержание гегелевского диалектического метода, освобожденное от его мистифицирования Гегелем. «Я чересчур злоупотреблял ночной работой... — писал Маркс. — Впрочем, я достиг хороших результатов. Например, я опрокинул все учение о прибыли в его прежнем виде. Для *метода* обработки материала большую услугу оказало мне то, что я по чистой случайности вновь перелистал „*Логику*“ Гегеля, — Фрейлиграт нашел несколько томов Гегеля, принадлежавших прежде Бакунину, и прислал мне их в подарок¹. Если бы когда-нибудь снова нашлось время для таких работ, я с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал» [1, 29, с. 212].

Здесь со всей ясностью выступает связь между рождением данного замысла и работой Маркса над экономической тематикой. Ситуация представляется следующей: поскольку метод, изложенный в гегелевской «*Логике*», столь успешно был использован в области политической экономии, Маркс хотел бы помочь другим исследователям воспользоваться на практике этим

¹ По-видимому, когда Маркс был у Энгельса в Манчестере в мае 1858 г., он обещал Энгельсу прислать ему том гегелевской «*Философии природы*», о чем Энгельс напоминает Марксу в письме от 14 июля 1858 г. (об этом см раздел II данной книги).

методом, освободив его от мешающих этому обстоятельств (искажений, мистификаций).

Как раз накануне этого самого времени Маркс получил книгу Лассалья о Гераклите Темном, о чем свидетельствует письмо Маркса Лассалю от 21 декабря 1857 г. Маркс писал, что Лассаль «как будто задался целью уяснить себе на Гераклите гегелевскую „Логику"» и ему не «приходит... в голову высказать какие-либо критические мысли о самой диалектике» [1, 29, с. 222, 223]. Далее говорилось, что Лассаль намеревается «изложить политическую экономию по-гегелевски. Но тут он, к своему огорчению, увидит, что одно дело — путем критики впервые довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически, и совсем другое дело — применить абстрактную, готовую систему логики к туманным представлениям о такой именно системе» [1, 29, с. 224].

Возможно, что, поскольку Маркс шел первым путем, прямо противоположным второму, лассалевскому, постольку он в еще большей степени, чем до тех пор, стал освобождать свой труд по политической экономии от явно философских, диалектических формулировок. Возможно также, что к этому моменту он по этой именно причине решил не публиковать своего «Введения» к политико-экономической работе, потому что в этом «Введении» диалектический метод как метод политической экономии слишком явно выдвигается вперед, предваряя само конкретное экономическое исследование. Во всяком случае с конца февраля 1858 г. Маркс в письмах к Энгельсу и Лассалю [1, 29, с. 231 и 448] писал, что решил издавать свой труд по критике политической экономии отдельными выпусками, причем не упоминает о «Введении» к первому выпуску. А если так, то возникает вопрос: не подумал ли Маркс о возможности изложить часть «Введения», где говорится о методе политической экономии, в виде отдельного, причем чисто философского сочинения, о замысле которого он и сообщил Энгельсу 14 января 1858 г.?

В письме Лассалю 22 февраля 1858 г. Маркс пишет, что он в действительности уже несколько месяцев понемногу занимается окончательной обработкой своего сочинения по политической экономии. «Но дело подвигается очень медленно, ибо предметы, которые в течение многих лет составляли главный объект исследований, обнаруживают все новые стороны и вызывают все новые размышления, как только хочешь покончить с ними» [1, 29, с. 448]

Характеризуя свою работу, Маркс пишет, что «это *критика экономических категорий*, или, если угодно, система буржуазной экономики, критически представленная. Это одновременно изложение системы и критика ее в

процессе изложения» [1, 29, с. 449]. При этом краткий *исторический очерк* развития экономических категорий или отношений Маркс выделяет в качестве темы особой, отдельной работы.

Далее Маркс излагает новый вариант плана всей своей работы из шести книг: «1) О капитале (содержит несколько вводных глав). 2) О земельной собственности. 3) О наемном труде. 4) О государстве. 5) Международная торговля. 6) Мировой рынок» [1, 29, с. 449].

В следующем письме Лассалю от 11 марта 1858 г. Маркс уточняет, но первый выпуск «содержит: 1) стоимость, 2) деньги, 3) капитал вообще (процесс производства капитала, процесс обращения капитала, единство того и другого, или капитал и прибыль (процент))» [1, 29, с. 451].

Здесь на первое место поставлена стоимость. Это свидетельствует о том, что анализ (исследование) к этому моменту еще не был Марксом завершен, еще не была открыта экономическая «клеточка» буржуазного общества.

Кстати, Маркс поясняет, что подробное развитие и обоснование основных экономических положений будут даны лишь в первых трех книгах, а в последних трех он хочет дать лишь основные штрихи.

В письме Энгельсу от 2 апреля 1858 г. Маркс излагает остов первого выпуска своего сочинения. Повторив тот же план шести книг всего сочинения, который он сообщил ранее Лассалю, Маркс подробнее раскрывает содержание каждой книги.

Первая книга «*Капитал*» распадается у Маркса на четыре раздела, из которых: «а) Капитал вообще» составляет содержание первого выпуска. Далее следуют: «b) Конкуренция или действие многих капиталов друг на друга, с) *Кредит*, где весь капитал выступает по отношению к отдельным капиталам как всеобщий элемент. d) *Акционерный капитал*, как самая совершенная форма (подводящая к коммунизму), вместе со всеми его противоречиями» [1, 29, с. 254].

Дальше говорится, что переход от капитала к земельной собственности (вторая книга) дается вместе с тем и исторически, поскольку современная форма земельной собственности есть продукт воздействия капитала на феодальную и иную земельную собственность. Иными словами, здесь у Маркса, как и далее, сочетаются в единстве логический (диалектический) и исторический подходы к изучаемому предмету. И Маркс отмечает, что точно так же и переход от земельной собственности к наемному труду (третья книга) «изображается не только диалектически, но и исторически, поскольку конечным продуктом современной земельной собственности является

всеобщее установление наемного труда...» [1, 29, с. 254]. Наемный труд затем выступает в качестве базиса всего буржуазного общества.

Таково содержание первых трех книг, запланированных Марксом, таков характер диалектических и исторических переходов между ними. В дальнейшем более подробно Маркс разбирает содержание первого выпуска, из которого выделяет два пункта: 1) стоимость и 2) деньги. Маркс разъясняет, каким путем в самом начале ему удастся абстрагировать исходные положения своей работы от рассмотрения других, более развитых отношений капиталистической экономики. Так он принимает, что заработная плата всегда равна своему минимуму, а ее движение он относит к третьей книге. Земельная собственность приравнена к нулю. «Только таким путем можно избежать необходимости при исследовании каждого отдельного отношения говорить обо всех сразу», [1, 29, с. 254], — поясняет Маркс. Затем раскрываются оба названные выше пункта:

1) *Стоимость* начисто сводится к количеству труда; время же выступает как мера труда. В противоположность этому потребительная стоимость — либо субъективно (как полезность труда), либо объективно (как полезность продукта) — выступает здесь лишь как вещественная предпосылка стоимости и временно вообще элиминируется из рассмотрения. «Стоимость, как таковая, не имеет иного „вещества“, кроме самого труда... Хотя это и абстракция, но абстракция историческая, которая могла возникнуть только на основе определенного экономического развития общества» [1, 29, с. 257].

Далее намечен переход от стоимости к деньгам: «Из противоречия между всеобщим характером стоимости и ее вещественным бытием в определенном товаре и т. д. — это тот же всеобщий характер, который затем выступает в деньгах, — вытекает категория денег» [1, 29, с. 257]. Здесь только мимоходом упомянут товар как вещественный носитель стоимости, но глубже в его природу Маркс в своем анализе еще не проник. В дальнейшем это обстоятельство можно констатировать еще не раз.

2) *Деньги*

а) *деньги как мера*. «Стоимость товара, переведенная на деньги, есть его *цена*, которая пока выступает только в этом *чисто формальном* отличии от стоимости. Согласно общему закону стоимости определенное количество денег выражает лишь определенное количество овеществленного труда» [1, 29, с. 257]. Здесь товар опять-таки выступает лишь как связанный с основной категорией стоимости.

б) *деньги как средство обмена, или простое обращение*. Здесь снова выступает категория товара (Т) в ее соотношении на этот раз с категорией

денег (Д). Простое обращение обнаруживает два кругооборота или два конечных пункта: $T — D — D — T$ и $D — T — T — D$, причем вторая формула составляет переход к пункту с (см. ниже). «Из простого определения, что товар, выраженный в *цене*, уже идеально обменен на деньги раньше, чем он реально обменивается на них, сам собой вытекает важный экономический закон, что *количество циркулирующих средств обращения определяется ценами, а не наоборот*» [1, 29, с. 258]. Маркс добавляет, что распадение на $T — D$ и $D — T$ является наиболее абстрактной формой выражения возможности кризисов;

с) *деньги как деньги*, то есть развитие формы $D — T — T — D$. Деньги как самостоятельное по отношению к обращению бытие стоимости; материальное бытие абстрактного богатства. В обращении деньги выступают как всеобщий товар, как средство реализации цены. Поскольку, однако, вступая в обращение, деньги обмениваются снова на T , из экономического отношения выпадает заключительный процесс — потребление товара. «В деньгах, как показывает развитие их определений, заложено требование существования стоимости, вступающей в обращение, сохраняющейся в нем и в то же время предполагающей само это обращение, то есть — существование *капитала*. Этот переход есть в то же время и исторический» [1, 29, с. 259]. И Маркс ссылается на торговый капитал, из которого вырос промышленный; d) простое обращение — это поверхность буржуазного общества. Далее мы подходим к

3) *Капиталу*.

Через неделю (9 апреля 1858 г.) в своем ответе Энгельс пишет Марксу, что в предыдущем резюме «часто мне приходится с трудом искать диалектические переходы... я еще не уяснил себе диалектический переход от земельной собственности к наемному труду. Очень тонко изложена также проблема денег; в деталях я и здесь еще не разобрался, так как мне часто приходится сначала искать историческую подоплеку... Абстрактно-диалектический тон этого краткого изложения, конечно, исчезнет при дальнейшей разработке» [1, 29, с. 260 — 261].

Итак, к этому моменту (апрель 1858 г.), передавая Энгельсу для получения от него его мнения развернутый проспект первых двух глав из готовящегося первого выпуска, Маркс принимал еще в качестве исходного начала анализа экономической структуры капитализма не товар, а стоимость и стоимостное отношение товаров, что относится к числу лишь мыслимых абстракций. Но уже на этой стадии все явственнее начинает выступать сам товар в качестве вещественного субстрата стоимостных отношений. Маркс уже вплотную подошел к тому, чтобы увидеть в товаре экономическую «клеточку»

буржуазного общества. Когда он открыл это (в мае 1858 г.), он немедленно прервал свою работу над экономическими рукописями 1857 — 1858 гг. и взялся *заново* изложить всю работу, приняв товар за исходный пункт экономического анализа. Закончив вчерне «Главу о капитале» (примерно в конце мая 1858 г.), Маркс начал писать первую главу своего труда «I. Стоимость», написание которой он оставил под самый конец, начав прямо со второй «Главы о деньгах». Глава 1 начиналась так: «Первая категория, в которой выступает буржуазное богатство, это — *товар*. Сам товар выступает как единство двух определений. Товар есть *потребительная стоимость*, т. е. предмет для удовлетворения какой-либо системы человеческих потребностей. Это есть вещественная сторона товара...» [1, 46, ч. 2, с. 393]. Далее Маркс отвечает на вопрос: «Как же превращается потребительная стоимость в товар? В носителя *меновая стоимости*? Потребительная стоимость и меновая стоимость, хотя и соединены непосредственно в товаре, столь же непосредственно находятся вне друг друга» [1, 46, ч. 2, с. 394].

Через несколько строк на полуфразе рукопись обрывается. Почему? Да потому, что, сделав открытие, что товар есть экономическая «клеточка» буржуазного общества, Маркс приступил к написанию новой первой главы своего труда под названием «Товар» вместо намечавшегося ранее «Стоимость». С этого момента Маркс решает писать свой труд «К критике политической экономии» по новому и уже окончательному плану.

В письме Энгельсу от 31 мая 1858 г. Маркс пишет, что собирается прочесть свою собственную рукопись (т. е. экономические рукописи 1857 — 1858 гг.). «Трудность именно в том, что в этой рукописи... все перемешано в беспорядке, многое предназначено лишь для дальнейших частей» [1, 29, с. 269 — 270]. В тот же день Маркс пишет Лассалю, что он (Маркс) уже принялся за подготовку к печати первого выпуска своего экономического труда и с данного момента усиленно займется этим. Почти спустя полгода, 12 ноября 1858 г., он снова пишет Лассалю, что материал у него (Маркса) был готов, и дело заключалось только в том, чтобы придать соответствующую форму этому материалу. «Закончу я приблизительно через месяц, так как в сущности только что начал писать» [1, 29, с. 462]. И Маркс добавляет, что в первых двух выпусках он изложил «как раз самую абстрактную часть политической экономии...» [1, 29, с. 462]. Спустя еще две недели, 29 ноября 1858 г., Маркс пишет Энгельсу по поводу своей новой рукописи: «Первый отдел стал более обширным, так как пришлось развить подробнее, чем я первоначально имел в виду, две первых главы, из которых *первая*, „Товар“, вовсе не была написана в черновой рукописи, а *вторая*, „Деньги, или простое обращение“, имела лишь в виде совсем краткого наброска» [1, 29, с. 304].

Спустя еще полтора месяца (между 13 и 15 января 1859 г.) Маркс сообщает Энгельсу, что упоминавшаяся уже рукопись содержит лишь две главы: 1) *Товар*. 2) *Деньги*, или простое обращение. Третья же глава, о капитале может последовать за ними немедленно. Вскоре затем в письме И. Вейдемейеру от 1 февраля 1859 г. Маркс сообщает оглавление и краткое содержание первого выпуска его «К критике политической экономии».

Возвращаясь к письму Маркса Лассалю от 31 мая 1858 г., отметим, что в нем отчасти нашли отражение замечания Маркса, высказанные ранее в связи с его замыслом написать труд о диалектике. Маркс писал, что ему хотелось найти в самой лассалевской книге о Гераклите свидетельства «критического отношения к гегелевской диалектике. Насколько эта диалектика есть безусловно последнее слово всей философии, настолько же крайне важно, с другой стороны, освободить ее от мистической оболочки, которую она имеет у Гегеля» [1, 29, с. 457].

Теперь мы подошли к попытке дать объяснение, почему Маркс не реализовал своего замысла в высказанной первоначально форме и в какой иной форме этот замысел все же был реализован Марксом.

Воплощение замысла Маркса в экономических трудах («К критике политической экономии» и I том «Капитала»)

В июне 1859 г. вышла в свет работа Маркса «К критике политической экономии». В предисловии, датированном январем 1859 г., сказано: «Общее введение, которое я было набросал, я опускаю, так как по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать, а читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему» [1, 13, с. 5].

Отдел первый «Капитал вообще» и его глава первая «Товар» начинается так: «На первый взгляд буржуазное богатство выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как его элементарное бытие. Но каждый товар представляется с двух точек зрения: как *потребительная стоимость* и как *меновая стоимость*» [1, 13, с. 13].

Уже в этих первых двух фразах, которыми открывается работа Маркса, заключено определение экономической «клеточки» буржуазного общества и заложенного в ней исходного противоречия. Далее Маркс прослеживает глубже это противоречие, показывая, что товары представляют собой материализацию общественного труда, а «труд, создающий меновую стоимость, есть *абстрактно-всеобщий труд*» [1, 13, с. 15].

Мы не можем здесь, да и не собирались подробно излагать содержание обеих глав (I. Товар и II. Деньги, или простое обращение) книги Маркса. Не можем проследивать и развитие диалектической мысли самого Маркса в процессе проведенного им анализа товара и денег. Отметим только одно важное положение Маркса, касающееся того, что действительные исходные пункты открываются наукой лишь в конце, а не в начале исследования. «Для физиократов, однако, как и для их противников, — отмечал Маркс, — жгучим спорным вопросом являлось не то, какой труд создает *стоимость*, а то, какой труд создает *прибавочную стоимость*. Следовательно, они рассматривали проблему в сложной форме, прежде чем разрешили ее в элементарной форме; так же, как историческое развитие всех наук приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множество перекрещивающихся и окольных путей. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент» [1, 13, с. 43].

Под фундаментом здесь подразумевается элементарная «клеточка» изучаемого предмета, т. е. товар в области политической экономии. Мы видели выше, как упорно искал эту «клеточку» буржуазной экономики Маркс на протяжении целых 10 месяцев, работая над своими экономическими рукописями 1857 — 1858 гг. Позднее (в 1867 г.) в Предисловии к первому тому «Капитала» Маркс писал: «Всякое начало трудно, — эта истина справедлива для каждой науки. И в данном случае наибольшие трудности представляет понимание первой главы, — в особенности того ее раздела, который заключает в себе анализ товара» [1, 23, с. 5].

Далее Маркс разъясняет: «Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2000 лет, между тем как, с другой стороны, ему удалось, по крайней мере приблизительно, анализ гораздо более содержательных и сложных форм. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела» [1, 23, с. 5-6].

Когда же «клеточка» найдена, далее встает задача путем экономического анализа проследить ее развитие, показать, как в ходе этого ее развития из нее возникают все более сложные и развитые формы и отношения вплоть до наивысших. Так, начиная свою экономическую рукопись 1861 — 1863 гг., подводящую уже непосредственно к «Капиталу», Маркс ставил вопрос: «Как деньги становятся капиталом? Иными словами — как владелец денег (т. е. *товаровладелец*) становится капиталистом?» [1, 47, с. 3]. Отвечая на этот вопрос, Маркс раскрывает превращение денег в капитал.

По поводу своей «Экономической рукописи 1861 — 1863 гг.» Маркс отмечал, что по сравнению с работой «К критике политической экономии», которую он именуется первой частью, здесь метод не столь явно обнаруживает себя, а значит, становится более органически слитым с самим содержанием проводимого исследования. В письме к Энгельсу от 9 декабря 1861 г. Маркс пишет: «Работа моя подвигается вперед, но медленно. В самом деле, невозможно при данных обстоятельствах быстро справиться с такими теоретическими предметами. Все же вещь становится значительно популярнее, а метод не так заметен, как в первой части» [1, 30, с. 168].

Со своей стороны Энгельс тогда же в письме к Марксу от 2 декабря 1861 г. высказывает интересные мысли по поводу диалектики в связи с очередным сочинением Лассаля. «Его (Лассаля. — Б. К.) возражения против гегелевской философии права в значительной части весьма правильны, но с его новой философией духа у него еще не все ладится. Даже с чисто философской точки зрения он должен был бы уразуметь, что абсолютом является только процесс, а не просто временный результат последнего, и тогда у него не могло бы получиться никакой другой правовой идеи, кроме самого исторического процесса» [1, 30, с. 165 — 166].

Обобщая свой собственный опыт создания сначала экономических рукописей 1857 — 1858 гг., а затем на их основе работы «К критике политической экономии», Маркс охарактеризовал примененный им диалектический метод, сделав это в Послесловии ко 2-му изданию I тома «Капитала» (1873).

С этим созвучно замечание Маркса, сделанное в письме к Л. Кугельману от 27 июня 1870 г.: «Ланге пренаивно говорит, что в эмпирическом материале я „двигаюсь на редкость свободно“. Ему и в голову не приходит, что это „свободное движение в материале“ есть не что иное, как парафраз определенного *метода* изучения материала — именно *диалектического методам* [1, 32, с. 571-572].

Мы подходим к известной формулировке в том же Послесловии, где Маркс противопоставляет свой метод гегелевскому. Это нам важно опять-таки для понимания замысла Маркса и характера его реализации. «Мой диалектический метод по своей основе, — пишет Маркс, — не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [1, 23, с. 21].

Здесь Маркс сформулировал самую *суть* того, в чем заключалось мистифицирование Гегелем диалектического метода. Суть эта была в том, что процесс мышления, а значит, и процесс восхождения мысли от абстрактного к мысленно конкретному, Гегель не только изобразил в качестве самостоятельного субъекта, но и превратил его в созидателя объективной действительности, ее демиурга. Мы уже говорили и повторим здесь еще раз, что, по определению Маркса, Гегель «впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из себя развивающегося мышления» [1, 12, с. 727]. Это потому, что в глазах Гегеля метод восхождения от *A* к *K* выступал как процесс возникновения самого конкретного, а вовсе не как способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное.

Раскрывая соотношение между рациональным содержанием и мистической оболочкой метода Гегеля, Маркс говорит далее, что он еще почти 30 лет назад подверг критике мистифицирующую сторону гегелевской диалектики, когда она была еще в моде. Теперь же, когда эпигоны третируют Гегеля, он открыто объявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости кое-где даже кокетничал гегелевской манерой выражения. «Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [1, 23, с. 22].

Маркс поясняет, что в мистифицированной форме диалектика истолковывалась как якобы прославляющая существующее. Но в рациональном виде диалектика органически включает в положительное понимание существующего также и признание его отрицания, необходимости его гибели. По этой причине в первом случае она и могла стать немецкой модой, а во втором она внушает буржуазии и ее идеологам только ужас и злобу.

Из всех этих высказываний Маркса видно, что как в январе 1858 г., так и в июле 1867 г. (выход и свет I тома «Капитала»), и позднее, в январе 1873 г. (выход в свет 2-го его издания), для Маркса ясна актуальность задачи освободить рациональное зерно гегелевского метода--от его мистической идеалистической оболочки, дабы этим методом в его «очищенном виде» можно было пользоваться и в области научного, теоретического исследования, и в области практики революционной борьбы, революционного движения. Почему же в таком случае Маркс после января 1858 г., когда у него родился соответствующий замысел, и до конца своей

жизни, т. е. эта целую четверть века, не нашел у себя времени для того, чтобы выполнить свой замысел в той форме, как он был задуман?

Ответ на этот вопрос может быть только один: да потому, что Маркс полностью реализовал свой замысел в виде конкретного применения диалектического метода, полностью очищенного от гегелевского мистифицирования, в «Капитале» и других экономических сочинениях, прежде всего в «К критике политической экономии». В этих классических произведениях марксизма в форме творческого воплощения в самую ткань экономического анализа был развит, разработан, конкретизирован в его полном объеме как раз тот самый диалектический метод, изложение которого на двух — трех листах Маркс замыслил осуществить, о чем он писал Энгельсу 14 января 1858 г.

Вполне понятно, что изложение научного метода не в абстрактной форме, самого по себе, а путем конкретного показа того, как он функционирует («работает») в определенной отрасли научного знания и какие достигаются с его помощью конкретные результаты, должно было оказать несравненно более сильное и убедительное воздействие на читателя, нежели простой рассказ о методе как таковом. А это значит, что с появлением таких работ, как I том «Капитала», а еще раньше «К критике политической экономии», была удовлетворена острая потребность в создании специального труда по марксистской диалектике. Забегая вперед, приведем исключительно важное высказывание В. И. Ленина на этот счет: «Если Маркс не оставил „*Логики*“ (с большой буквы), то он оставил *логику* „Капитала“, и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу» [3, 29, с. 301].

Смысл этого высказывания, имеющего принципиально важное значение, таков: то обстоятельство, что Маркс не написал специального труда по диалектике («*Логика*» с большой буквы), надо объяснить тем, что он создал «Капитал», в который органически вошла (в качестве его *логики*) диалектика, вошел марксистский диалектический метод. Поэтому необходимо сугубо использовать то, как применял Маркс диалектику в «Капитале», как он развивал ее на конкретном экономическом материале и обогащал ее глубочайшими теоретическими выводами и обобщениями, вытекавшими из проведенного им, Марксом, экономического анализа капиталистического общества.

Мы не можем здесь хотя бы в малой мере проследить диалектику «Капитала». Для этого потребовалось бы проведение большого специального исследования. Поэтому мы вынуждены отослать читателей к трудам других авторов, в которых исследуется диалектика «Капитала» Маркса. Среди этих трудов назовем здесь только следующие четыре монографии.

В книге М. М. Розенталя «Вопросы диалектики в „Капитале" Маркса» [12] рассматривается сначала (в первых четырех ее главах), как проявляются в «Капитале» некоторые существенные черты марксистского диалектического метода. Далее, после показа того, как в «Капитале» проведен анализ экономических понятий и категорий, автор говорит о сущности и явлениях в познании и о роли научных абстракций в познании. Следующие три главы, с нашей точки зрения, представляют особый интерес: в них прослежено, как разработан в «Капитале» аналитический, или логический, способ исследования (проблема абстрактного и конкретного в познании); каково соотношение исторического и логического; какова роль анализа и синтеза, индукции и дедукции в процессе познания. В заключительной главе рассматривается соотношение категорий диалектической логики.

Таким образом, в этой работе раскрываются различные аспекты диалектики «Капитала» как его логики, но не ставится задача проследить в последовательном порядке внутреннюю логику самого «Капитала», развитие мысли самого Маркса. Этому вопросу посвящены три другие работы, две первые из которых были созданы при участии М. М. Розенталя. Очень важна работа Э. В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в „Капитале" Маркса» [9]. В ней подробно анализируется диалектический метод восхождения от *A* к *K*, в связи с чем автор анализирует следующие вопросы диалектики как логики и теории познания материализма: диалектическое и метафизическое понимания конкретного; единство *A* и *K*, как закон мышления; восхождение от *A* к *K* у Маркса в противоположность гегелевскому пониманию конкретного; соотношение логического развития и конкретного историзма; способ восхождения от *A* к *K* в «Капитале» Маркса. При анализе этих вопросов автор особо останавливается на критике подмены эклектизмом требования всесторонности рассмотрения.

Интересна и содержательна монография В. Н. Типухина «Метод восхождения от абстрактного к конкретному в „Капитале" К. Маркса» [13], тесно примыкающая к предыдущей. В ней освещаются следующие вопросы: движение от элементарной абстракции к сущности, при этом товар рассматривается как начало процесса восхождения; далее прослеживается движение от товара к капиталу, представленное логически; анализируется сущность конкретного; разбирается абстрактное выражение капитала, проводится логическое исследование процесса труда и сущности капитала; анализируются воспроизведение капитала как конкретного целого и соотношение сущности капитала и формы ее движения.

Наконец, в работе Л. А. Маньковского «Логические категории в „Капитале" К. Маркса» [11] раскрывается диалектическая логика в экономической науке

на примере «Капитала» Маркса. Автор поставил перед собой задачу разработать систему логических категорий и начал с изложения принципов построения системы логических и экономических категорий в «Капитале». Он рассматривает первоначальную характеристику категорий: предметность (вещь), качество, количество в связи с анализом потребительной стоимости; и категорий: вещь и отношение, внешнее и внутреннее в связи с анализом меновой стоимости. Далее рассматривается развитие некоторых из названных категорий, включая категорию меры и переход от меновой стоимости товара к его стоимости, причем труд выступает как субстанция стоимости. Дальнейший анализ приводит автора к рассмотрению противоречий и их разрешения в реальном процессе. Завершается работа анализом категории видимости, проблемы реального и идеального, соотношения между термином (названием), символом и знаком.

Мы привели краткое содержание названных трудов, раскрывающих в различных аспектах диалектику «Капитала», для того, чтобы показать, что в «Капитале» марксистский диалектический метод был изложен и воплощен несравненно полнее по объему и глубже по содержанию, чем это могло бы быть сделано при всех условиях в работе на 2 — 3 печатных листах, на которых лишь излагался бы гегелевский метод, освобожденный от мистифицирования.

В «Капитале» (в I томе) весь диалектический процесс экономического движения общества, начиная от его экономической «клеточки» — товара (глава I) — и кончая последним параграфом «Исторические тенденции капиталистического накопления» (глава XXIV), охвачен единым теоретическим взглядом и показан как идущий через противоречия на всех его ступенях без исключения. Другие основные законы диалектики действуют в процессе разбираемого Марксом диалектического движения буржуазного общества наряду с законом взаимного проникновения противоположностей (противоречия). Так, подводя итог анализу исторической тенденции капиталистического развития, Маркс пишет: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [1, 23, с. 772-773].

Здесь Маркс показывает, как действует закон перехода количества в качество (превращения в свою противоположность). Далее, как действует закон отрицания отрицания: «Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и

капиталистическая частная собственность есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» [1, 23, с. 773].

Приведем еще два примера того, как Маркс показывает в «Капитале» действие законов диалектики. Так, он пишет: «Владелец денег или товаров только тогда действительно превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум. Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его „Логике“, что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия» [1, 23, с. 318].

В другом месте Маркс показывает действие того же закона диалектики на примере кооперации [1, 23, с. 333-337].

Так в «Капитале» (а мы здесь касались лишь одного его I тома) нашли свое отражение все те важнейшие принципы и подходы (способы), законы и категории диалектического метода, изложению которых, по всей вероятности, должна была быть посвящена задуманная Марксом работа по диалектике. При этом все эти принципы и подходы (способы), законы и категории диалектики выступили в «Капитале» не хаотически, бессистемно, но в их взаимной связи по мере того, как они вступали в действие и проявляли себя по ходу развертывания (развития) самого изучаемого предмета — политической экономии капитализма. А его развертывание (развитие) следовало методу восхождения от *A* к *K*, в котором в идеальной (логически обобщенной) форме отражался реальный исторический процесс экономического развития общества.

Касаясь отдельных сторон диалектического метода, который применил Маркс в своих экономических трудах, и отдельных категорий диалектики, которыми он оперировал, рассмотрим только две пары таких категорий. Первая пара — это категории *формы и содержания*. В Предисловии «К критике политической экономии», формулируя основные положения материалистического понимания истории, Маркс писал, что в начале исторического движения данной антагонистической формации производственные отношения соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил. Далее. «На известной

ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [1, 13, с. 7].

Другую пару категорий, которыми оперировал Маркс и на которые мы хотели бы здесь сослаться, составляют категории *сущности и явления*. В «Капитале» Маркс писал, что явления «непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления», между тем как сущность предмета «может быть раскрыта лишь научным исследованием» [1, 23; с. 552]. Поэтому «задача науки заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...» [1, 25, ч. I, с. 343].

Так, Маркс отмечал, что «видимое движение небесных тел делается понятным лишь для того, кто знает их действительное, но чувственно не воспринимаемое движение» [1, 23, с. 327]. Объясняется это тем, что сущность вещей и явлений, их закон не совпадает с их внешней видимостью, с их проявлением. Маркс подчеркивал, что закон есть внутренняя и необходимая «связь между двумя явлениями, которые по своей внешней видимости противоречат одно другому» [1, 25, ч. I, с. 246].

Так, Маркс писал: «Прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости есть нечто относительно невидимое, существенное, подлежащее раскрытию путем исследования, между тем как норма прибыли, а потому такая форма прибавочной стоимости, как прибыль, обнаруживаются на поверхности явлений» [1, 25, ч. I, с. 50].

Именно поэтому Маркс и писал, что если бы сущность вещей лежала бы прямо на дороге как камень, то не было бы необходимости в науке.

Это противоречие между сущностью и явлением, между скрытой, внутренней стороной вещей и их ясно выступающей, внешней стороной Маркс показал на примере стоимости. Он писал, что в прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость не входит ни одного атома вещества природы. Можно ошупывать и разглядывать отдельный товар, делать с ним что угодно, но как стоимость он остается неуловимым. Ибо товары обладают стоимостью лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, а потому их стоимость имеет чисто общественный характер [1, 23, с. 56].

Сказанным выше мы пытались объяснить, почему замысел Маркса остался нереализованным. Мы полагаем потому, что Маркс реализовал его в иной форме, и прежде всего в «Капитале».

А теперь напомним, что в августе — сентябре 1857 г. во «Введении» Маркс написал раздел о методе политической экономии, излагавший, по сути дела, диалектический метод в его применении к политической экономии с указанием на то, в чем состояло мистифицирование этого метода Гегелем и как надо избавляться от подобного рода мистифицирования. В январе 1859 г. Маркс в Предисловии «К критике политической экономии» объявил, что он решил *не печатать* этого «Введения», а за год перед тем (14 января 1858 г.) он сообщил Энгельсу о своем замысле написать особый небольшой труд о диалектическом методе. Это обстоятельство наводит на размышление: когда Маркс решил не включать «Введения» в свою работу, предназначенную к печати? «Введение» осталось недописанным, работа над ним была прервана в сентябре 1857 г. и позднее не возобновлялась. Во всех вариантах плана, которые Маркс составлял позднее, «Введение» нигде не фигурировало, так что можно полагать, что о его невключении в рукопись, готовящуюся к печати, Маркс решил не в январе 1859 г., а гораздо раньше, возможно уже в сентябре или октябре 1857 г. или во всяком случае до середины января 1858 г., когда родился замысел. Поэтому вполне возможно, что в январе 1858 г. у Маркса могла появиться мысль переделать и развить в несколько ином направлении отложенное «Введение» и сделать из него самостоятельную, чисто философскую работу о диалектическом методе. При всех условиях изъятие «Введения» из окончательной рукописи «К критике политической экономии» наводит на мысль, что Маркс мог задуматься над тем, не переработать ли его или по крайней мере § 3 «Метод политической экономии» в особую работу о диалектическом методе, о котором как раз и говорится в указанном § 3 «Введения». Во всяком случае исключить такую возможность нельзя, тем более что два важнейших момента диалектического метода (восхождение от *A к K* и соотношение между собой различных ступеней процесса развития) уже достаточно подробно изложены в § 3 «Введения». Да и при задуманном небольшом объеме (2 — 3 печатных листа) ядро примерно в $3/4$ печатного листа было уже подготовлено в названном § 3.

* * *

Мы попытались путем сравнительного анализа диалектического и экономического аспектов экономических рукописей Маркса 1857 — 1858 гг. и отчасти 1861 — 1863 гг., опубликованных трудов — «К критике политической экономии» и «Капитала» (I тома), а также его переписки главным образом с конца 1857 по конец 1859 г. ответить на два вопроса: 1)

почему Маркс так и не осуществил своего замысла написать специально философскую работу о диалектическом методе? 2) Каким образом все же этот замысел он осуществил совершенно в другой форме, воплотив его в своих трудах по политической экономии, особенно в «Капитале»?

Наши ответы на эти вопросы обоснованы, насколько это возможно, соответствующим анализом трудов Маркса и его высказываний в переписке того времени с Энгельсом и другими лицами. Мы исходим из того, что замысел Маркса оказался целиком и полностью воплощенным в экономических трудах Маркса, особенно в «Капитале», причем диалектический метод в результате его применения к политической экономии раскрылся гораздо более полно и глубоко, нежели это было бы возможно сделать в небольшой по объему работе в два — три листа. Что же касается этой сравнительно небольшой и чисто философской работы, то она вполне могла возникнуть в порядке переработки Марксом § 3 «Введения».

Проведенный нами анализ позволил лишний раз подтвердить исключительную важность метода восхождения от *A* к *K*, поскольку данный метод является подлинно диалектическим, ибо сама материалистическая диалектика представляет собой учение о развитии в его наиболее полном и глубоком виде, включая и развитие человеческого познания, а метод восхождения от *A* к *K* есть абстрактное, представленное в логически стройном виде отображение действительного развития в мышлении человека. Поэтому применение метода восхождения от *A* к *K* предполагает применение соответственно ходу восхождения от *A* к *K* категорий и законов диалектики.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к рассмотрению «Капитала» Маркса и к его «К критике политической экономии».

В дальнейшем с целью показа того, как понимали и применяли марксистский диалектический метод соратники Маркса — Энгельс и Шорлеммер — и продолжатель дела Маркса — В. И. Ленин, как они трактовали противопоставление Марксом его диалектического метода гегелевскому, обратимся к рассмотрению их высказываний на этот счет.

Очерк 3 Соратники и последователи Маркса о его методе (диалектический метод Маркса в сопоставлении с гегелевским методом)

Если сам Маркс под своим диалектическим методом как прямой противоположностью методу Гегеля имел в виду метод восхождения от абстрактного к конкретному, то именно так понимали этот вопрос и ближайший соратник Маркса Фридрих Энгельс и их друг и последователь

химик Карл Шорлеммер. Энгельс выразил свою позицию по данному вопросу в ряде своих опубликованных выступлений с оценкой экономических трудов Маркса (I тома «Капитала» и предшествующей ему работы «К критике политической экономии»). Шорлеммер же применил конкретно названный выше метод Маркса при систематическом изложении органической химии и ее истории.

В новую историческую эпоху, начавшуюся на рубеже XIX и XX вв. аналогичное отношение к названному методу выразил продолжатель учения Маркса Владимир Ильич Ленин.

В данном очерке мы рассмотрим высказывания Энгельса и Ленина лишь в той связи, в какой они касаются вопроса об отношении диалектического метода Маркса, примененного им в его экономических сочинениях, прежде всего в «Капитале», к диалектическому методу Гегеля, изложенному в «Науке Логике». Это необходимо сделать нам постольку, поскольку нас интересует вопрос о содержании задуманной Марксом работы о диалектике, о диалектической логике. Если Энгельс и Ленин, а также Шорлеммер под этим методом имели в виду метод восхождения от абстрактного к конкретному в противопоставлении его методу Гегеля, то наше предположение, высказанное в предыдущем очерке, получит новое косвенное подтверждение.

Энгельс о диалектическом методе Маркса в его противопоставлении методу Гегеля

Вскоре после того как была опубликована в 1859 г. работа Маркса «К критике политической экономии», Энгельс написал в первой половине августа 1859 г. развернутую на нее рецензию. Рецензия была опубликована 6 и 20 августа того же года, т. е. спустя немногим более полутора лет после письма Маркса с сообщением о возникшем у него замысле изложить то рациональное в диалектике, что Гегель открыл и вместе с тем подверг мистификации.

Рецензия, о которой идет речь, позволяет уяснить, что именно Энгельс вкладывал в понятие диалектический метод Маркса, противопоставляя его при этом диалектическому методу Гегеля. Главным в рецензии Энгельса был вопрос о методе, с помощью которого Маркс создал свой труд. «Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, — писал Энгельс, — мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению» [1, 13, с. 497].

Вопрос об этом методе Энгельс считал не относящимся специально к политической экономии, а имеющим общенаучное, общепознавательное

значение. Он отмечал, что, исследуя экономические проблемы, Марксу прежде всего предстояло выяснить: как следует развивать науку? Следовательно, «надо было решать другой вопрос, который не имеет отношения к политической экономии как таковой. Какой метод научного исследования следует избрать?» [1, 13, с. 495]. Гегелевский метод как данный, т. е. в его имевшейся налицо форме, исходил из чистого мышления, был по существу идеалистическим, а потому и совершенно непригодным, тогда как здесь необходимо было исходить из самых упрямых фактов. Тем не менее из всего наличного логического материала он был единственным, который можно было хотя бы использовать, но после коренной его переработки. «Поэтому надо было прежде всего подвергнуть гегелевский метод основательной критике», — писал Энгельс [1, 13, с. 496]. Особенностью гегелевского метода (или способа мышления), как отмечал Энгельс, было присущее ему огромное историческое чутье, которое лежало в его основе.

Позднее (в 1873 г.) в Послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» Маркс дал сравнительную характеристику двух способов познания: способа исследования и способа изложения. «Конечно, — писал он; — способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция» [1,23, с. 21].

Сравнивая с тем, что было сказано Марксом в конце лета — начале осени 1857 г. во «Введении» о методе политической экономии [1, 12, с. 727], легко заметить, что под способом исследования Маркс по сути дела здесь имеет в виду метод восхождения от *K* к *A*, под способом изложения — метод восхождения от *A* к *K* да и весь приведенный выше отрывок из послесловия ко 2-му изданию I тома «Капитала» по своему построению напоминает указанное место из «Введения», написанного Марксом на 15 лет ранее. Он даже заканчивается разъяснением того, почему метод изложения может создать впечатление, что перед нами априорная конструкция в духе гегелевского идеализма.

И действительно, сейчас же вслед за характеристикой обоих способов познания Маркс переходит к выяснению противоположности между его методом и методом Гегеля и к раскрытию источника мистифицирования этого последнего самим Гегелем. Напомним это известное высказывание Маркса, которое нам сейчас важно для того, чтобы еще раз подчеркнуть

общность хода мысли Маркса в 1857 и 1873 гг. Маркс писал, что его диалектический метод в основе не только отличен от гегелевского, но и прямо противоположен ему. Для Гегеля процесс мышления есть творец действительного. У Маркса же, наоборот, идеальное есть материальное, которое пересажено в человеческую голову и преобразовано в ней [1, 23, с. 21].

Далее Маркс отмечает, что эту мистифицирующую сторону гегелевской диалектики он подверг критике еще в 40-х годах XIX в. и поясняет, что у Гегеля диалектика стоит на голове, а надо ее поставить на ноги, для того чтобы вскрыть рациональное зерно под мистической оболочкой [1, 23, с.22].

Здесь Маркс раскрывает достаточно ясно и полно свой замысел, высказанный в письме Энгельсу за 15 лет перед тем, причем почти в тех же словах, но более подробно. Далее он показывает, что в своей мистифицированной форме диалектика устраивает буржуазию; напротив, в своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее идеологам только злобу и ужас, «так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны...» [1, 23, с. 22].

Маркс приводит оценку² метода, примененного в «Капитале», гласящую, что метод исследования Маркса глубоко реалистичен, а метод изложения «немецки-диалектичен» (если судить о нем по внешней форме изложения). В дальнейшем Маркс цитирует слова русского критика, который, в частности, говорит, что для Маркса важен закон изменяемости явлений, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому. Для Маркса совершенно достаточно, если он, доказав необходимость современного порядка, доказал и необходимость другого порядка, к которому непременно должен быть сделан переход, все равно, сознают ли это или не сознают, т. е. не идея, а внешнее явление одно только может служить критике исходным пунктом. «Критика будет заключаться... в сопоставлении и сличении факта не с идеей, а с другим фактом. Для нее важно только, чтобы оба факта были возможно точнее исследованы и действительно представляли собой различные степени развития, да сверх того важно, чтобы не менее точно были исследованы порядок, последовательность и связь, в которых проявляются эти степени развития» [1, 23, с. 20]. Научная цена книги Маркса «заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование,

² Эту оценку дал русский автор И. И. Кауфман в своей статье, опубликованной в «Вестнике Европы» (май 1872 г.).

развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим, высшим» [1, 23, с. 21].

По поводу этих и других высказываний русского критика о методе «Капитала» Маркс замечает: «Автор, описав так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым описал не что иное, как диалектический метод» [1, 23, с. 21].

Легко заметить, что метод, способный логически отразить весь путь развития изучаемого объекта (социального организма) от его возникновения и всего периода его существования и развития до его смерти и замены его другим, высшим организмом, есть метод восхождения от *A* к *K*. Именно его Маркс и называет диалектическим методом после того, как русский критик охарактеризовал его как действительный метод Маркса, метод «Капитала». Одним из наиболее существенных атрибутов этого метода, как это следует из того, что приводит Маркс в своем Послесловии ко 2-му изданию I тома «Капитала», является сопоставление в последовательном порядке различных степеней развития одного и того же объекта, изучение того, как происходит переживание данного периода развития, выход из данной стадии и вступление в другую, более высокую. Такой атрибут диалектического метода и отражается в способе восхождения от *A* к *K* различными ступенями этого восхождения.

Итак, с каждым разом, год от года все яснее вырисовывается то, что именно вкладывал Маркс в понятие «мой действительный метод», или «мой диалектический метод», который совпадал у него в основе с методом изложения, формально противоположным методу исследования. Интересно отметить свидетельство самого Маркса, что в ходе подготовки и даже создания «Капитала», т. е. тогда, когда метод исследования у него играл заметную, а порой и решающую роль, мысль Маркса развивалась в иной последовательности. Так, в письме Зигмунду Шотту от 3 ноября 1877 г. Маркс отмечал, что он попеременно пишет различные части своего труда. «В действительности, для себя, я начал „Капитал" как раз в обратном порядке по сравнению с тем, как он предстанет перед публикой (начав работу с третьей, исторической, части), только с той оговоркой, что первый том, к которому я приступил в последнюю очередь, сразу был подготовлен к печати, в то время как оба другие тома остались в необработанной форме, свойственной каждому исследованию в его первоначальном виде» [1, 34, с. 238].

Таким образом, здесь мы видим живой образец того, что сам Маркс стал идти при создании первого тома «Капитала» в обратном порядке по отношению к той последовательности, в какой он начинал работать над последующими

томами «Капитала». Следовательно, и здесь обнаруживается отмеченная Марксом противоположность между способом изложения и способом исследования с внешней, формальной стороны дела.

Применение Шорлеммером диалектического метода Маркса к органической химии

Шорлеммер, будучи убежденным последователем учения Маркса, был первым из естествоиспытателей, который сознательно применил метод рациональной диалектики к одной определенной отрасли естествознания, а именно к органической химии. Энгельс в «Диалектике природы» (1873) отмечал, что освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания, покинувшего ту область, где достаточны были неподвижные категории, но что естествоиспытатели оказываются беспомощными, так как не знают диалектики и не умеют ею пользоваться сознательно. «Сравни химиков, — отмечал Энгельс, — (за исключением Шорлеммера, который знает Гегеля)» [1, 20, с. 520].

Спустя два десятилетия после того, как были написаны эти слова, Энгельс отмечал в некрологе, посвященном Шорлеммеру: «Он был, пожалуй, единственным в свое время известным естествоиспытателем, который не пренебрегал изучением презируемого тогда многими, но высоко ценимого им Гегеля. И вполне справедливо. Кто желает что-либо достичь в области теоретического, общего естествознания, тот должен рассматривать явления природы не как неизменные величины, какими их считает большинство исследователей, а как величины изменчивые, текущие. А этому еще и поныне легче всего научиться у Гегеля» [1, 22, с. 323].

Мы не можем здесь пройти мимо того, казалось бы, незначительного, но интересного для нас в связи с разбираемой нами темой события, что Шорлеммер переехал из Германии в Англию (в Манчестер) как раз в том самом 1858 г., в начале которого Маркс написал Энгельсу в Манчестер письмо, содержащее сообщение о задуманной им работе по диалектике. Летом того же 1858 г. Энгельс сообщил Марксу о своих занятиях по естествознанию и по философской трактовке новейших естественнонаучных открытий.

В начале 60-х годов Энгельс познакомился с Шорлеммером, и вскоре между ними, равно как между Марксом и Шорлеммером, установились самые тесные, дружеские отношения. Можно предположить, что именно тогда Шорлеммер изучил экономические труды Маркса, прежде всего работу «К критике политической экономии», поскольку Энгельс в упомянутом некрологе свидетельствовал, что в то время (т. е. в начале 60-х годов). Шорлеммер был уже вполне сложившимся коммунистом и ему оставалось

только воспринять от Маркса и Энгельса экономическое обоснование давно усвоенных им убеждений. Несколько лет спустя (в 1867 г.) Шорлеммеру посчастливилось еще в корректуре прочесть I том «Капитала» Маркса. Еще позднее (в 1873 г.) он познакомился с основной идеей Энгельса о будущей «Диалектике природы» и эту идею полностью поддержал, о чем будет сказано во II разделе нашей работы.

Таким образом, мы можем считать твердо установленным, что Шорлеммер был хорошо знаком и с диалектическим методом Маркса, и с диалектическим методом Гегеля, поэтому можно полагать также, что он отдавал себе ясный отчет и в том, каким именно путем Маркс взял для своей работы все рациональное из метода Гегеля, освободив последний от той мистификации, которой Гегель подверг рациональное содержание открытого им метода.

В некрологе Энгельс резюмировал деятельность Шорлеммера как химика следующим образом: «В 1861 г. Шорлеммер, бывший до тех пор частным ассистентом Роско, получил штатную должность ассистента в лаборатории колледжа Оуэна. К шестидесятым годам относятся его открытия в области химии, составившие эпоху в этой науке. Органическая химия продвинулась, наконец, настолько в своем развитии, что из скопления разрозненных, более или менее несовершенных сведений о составе органических тел она могла превратиться в действительную науку. Шорлеммер избрал предметом исследования простейшие из этих тел, будучи убежденным, что здесь-то и надо закладывать основу новой науки, а именно исследования тех тел, которые первоначально состоят лишь из углерода и водорода, но при замене части их водорода другими, простыми или сложными, веществами³ превращаются в совершенно другие тела с самыми разнообразными свойствами; это были парафины, из которых более известные содержатся в нефти и из которых получают спирты, жирные кислоты, эфиры и т. д. Тем, что нам сейчас известно об этих парафинах, мы обязаны главным образом Шорлеммеру. Он исследовал имеющиеся вещества, принадлежащие к ряду парафинов, отделил одни от других и многие из них впервые получил в чистом виде; другие вещества, которые теоретически должны были существовать, но в действительности не были еще известны, были открыты и получены также им. Таким образом, он стал одним из основоположников современной научной органической химии» [1, 22, с. 322-323].

Мы подчеркнули слова Энгельса, что, избирая парафины в качестве предмета своих исследований, Шорлеммер был убежден в том, что именно здесь надо заложить основу органической химии. Такое убеждение было ему подсказано, по всем данным, тем самым диалектическим методом,

³ Атомами или группами атомов. — Б. К.

рациональное содержание которого он взял у Гегеля, следуя в этом отношении за Марксом.

До Шорлеммера изложение органической химии обычно начиналось с кислородных соединений углерода — либо со спиртов, либо с кислот, т. е. достаточно сложных органических соединений. Углеводороды же рассматривались не как исходные вещества, а как конечные продукты восстановления соответствующих кислородных соединений путем присоединения к ним водорода. Однако во всех или почти во всех более сложных органических соединениях, как правило, присутствует углеводородный остаток, именуемый углеводородным радикалом. Он обладает значительной устойчивостью ко многим сильным химическим реагентам и, например, при дальнейшем окислении спирта переходит как неизменный в состав альдегида и кислоты. Такой радикал в случае спирта служит теперь указанием на то, из какого исходного углеводорода образовался данный спирт.

Но до Шорлеммера считали, наоборот, что данный спирт (например, метиловый) является исходным для получения из него водородистого метила (соединения радикала метила с водородом, т. е. того, что ныне зовут метаном). Следовательно, ход мысли химиков-органиков до Шорлеммера шел не от простого к сложному, не от низшего к высшему — как совершается процесс поступательного развития вообще, — а в прямо противоположном направлении. Поэтому-то их не особенно интересовали тогда углеводороды, и в частности простейшие из них — парафины (насыщенные углеводороды).

Радикалы долгое время считались чрезвычайно прочными, практически неизменными группировками атомов углерода и водорода. Их важнейшая химическая реакция, к которой они способны, — реакция металептического замещения водорода на хлор при хлорировании (или вообще на галоген) — была открыта в 30-х годах XIX в., и это открытие вызвало тогда настоящий переворот во взглядах химиков: радикалы, которым приписывалась до тех пор полнейшая неизменность, утратили свою былую, казалось бы, почти абсолютную устойчивость и обнаружили способность к глубоким химическим превращениям.

Однако никто из химиков раньше не догадывался, что речь идет в данном случае об исходном пункте всей органической химии. Вся эта область химии оставалась неизученной, так что до Шорлеммера была известна только не разделенная на компоненты смесь некоторых более высоких (тяжелых) членов будущего парафинового ряда (то, что называлось «парафином») и стоявшие независимо от этой смеси первые газообразные члены того же

ряда, начиная с метана (болотного газа). Эти соединения, будучи простейшими и самыми распространенными (в виде своих остатков — радикалов), составляют поистине начало, или «клеточку», органической химии. Пока они не были открыты и изучены, сама органическая химия находилась примерно в таком же положении, как биология до открытия органической клетки или учение об электричестве до открытия электрона.

Предысторию открытия парафинов вкратце можно рассматривать как смену представлений об устойчивости атомных групп представлениями об их изменчивости. В истории органической химии представления первого рода легли в основу теории радикалов, второго рода — в основу теории типов. «Эти теории, — писал А. Е. Чичибабин, — впервые проложили тропинки в девственном тогда и казавшемся совершенно непроходимом лесу органических соединений. Каждая из этих теорий заключала в себе правильные обобщения наблюдаемых фактов и явлений, но и та и другая охватывала лишь одну сторону их, и, кроме того, они заключали много привходящих, иногда прямо неправильных положений. Лишь после того, как каждая из них прошла через горнило критики, скептицизма и даже отрицания, то, что было в них действительно ценным, возродилось в новом виде, слившись в новую теорию строения молекулы органических соединений» [14, с. 43].

Здесь автор имеет в виду теорию химического строения органических соединений, созданную А. М. Бутлеровым в 1861 г.

В чем же проявляется простота углеводов вообще, в том числе и членов парафинового ряда? Прежде всего — в их химическом составе: все они состоят только из двух элементов (углерода и водорода), тогда как все остальные органические соединения имеют более сложный состав и, как правило, состоят из трех и более элементов. Затем их склонность к химическим реакциям в обычных условиях весьма ограничена: они способны главным образом к реакции замещения их водорода на галоген, например на хлор (при реакции хлорирования), причем образующиеся галогенозамещенные уже способны к дальнейшим химическим превращениям.

Все это делает насыщенные углеводороды (парафины) действительной «клеточкой», или исходным пунктом, органической химии. Впервые это установил Шорлеммер; позднее к нему присоединились другие химики-органики.

Правильное определение того, что является «клеточкой», т. е. исходным пунктом, или началом, органической химии, и построение на такой основе научной системы этой науки назрели к 60-м годам прошлого века. Однако

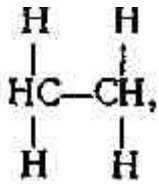
для решения этой задачи необходимо было, во-первых, найти и исследовать достаточно большое число членов парафинового ряда: ведь практически к этому времени были изучены только два-три из них. Во-вторых, нужно было доказать, что, несмотря на свою кажущуюся химическую индифферентность, парафины действительно могут служить «клеточкой» для практически безграничного множества более сложных органических соединений, т. е. что они все же способны к таким химическим превращениям, которые могут играть роль исходного пункта в ряду последующего усложнения органического вещества. В-третьих, требовалось доказать, что все парафины, начиная от метана (CH_4), внутренне едины по их химическому строению, т. е. требовалось опровергнуть неверную гипотезу о неравноценности единиц валентности у атома углерода.

Эту задачу и решил в 60-х годах XIX в. К. Шорлеммер. А решив ее, он построил на основе найденной им «клеточки» органической химии всю научную систему данной отрасли химии. Задачу отыскать начало органической химии, с тем чтобы раскрыть в систематической последовательности всю диалектику химических превращений органического вещества, Шорлеммер поставил перед собой вполне осознанно, начиная со своих первых *экспериментальных работ*, выполненных в самом начале 60-х годов XIX в. Мысль о «клеточке» органической химии прошла затем красной нитью через все его теоретические и историко-научные исследования и полностью воплотилась в созданную им научную систему органической химии.

Вторая экспериментальная работа Шорлеммера была посвящена сравнительному исследованию водородного гептила (формула его писалась раньше так: $(\text{C}_7\text{H}_{15})\text{H}$) и этил-амила (его формула писалась $\text{C}_2\text{H}_5\text{-C}_5\text{H}_{11}$).

Шорлеммер доказал, что оба «изомера» тождественны между собой и являются одним и тем же гептаном C_7H_{16} . Позднее Шорлеммер писал: «В этил-амиле один углеродный атом этила соединен с одним углеродным паем амила совершенно так же, как остальные паи между собой; поэтому понятно, что если этот углеводород обработать хлором, то получится не хлористый амил и хлористый этил, а только хлористый гептил» [16, с. 99].

Развивая и углубляя это открытие, Шорлеммер пришел к выводу о тождестве диметила ($\text{CH}_3\text{—CH}_3$) с водородистым этилом $(\text{C}_2\text{H}_5)\text{H}$, следовательно о существовании не двух различных изомеров состава C_2H_6 , а одного углеводорода — этана, имеющего структурную формулу

где все единицы валентности между С и Н совершенно идентичны между собой. Поэтому при замещении любого атома Н в этане на хлор получается один и тот же хлористый этил (C₂H₅Cl).

Обобщая это открытие, Шорлеммер писал: «Углеводороды суть простейшие соединения: близкое знакомство с ними имеет большую важность для теории углеродистых соединений, ибо все другие могут быть производимы из углеводородов замещением водорода последних другим элементом или сложной атомной группой... но только весь водород замещается лишь в немногих случаях. Отсюда следует, что большая часть углеродистых соединений содержит также и водород; в них почти всегда имеется остаток первоначального углеводорода. Поэтому мы можем часть химии, называемую обыкновенно органической, определить как *химию углеводородов и их производных*» [16, с. 8 — 9].

Показав последовательные превращения отдельных членов углеводородных рядов — насыщенных (парафинов) и ненасыщенных, Шорлеммер делает вывод: «Таким образом, каждый углеводород представляет собой исходную точку для целого ряда соединений, содержащих одно и то же количество углеродных паев» [16, с. 60].

В своих исторических исследованиях Шорлеммер показывает, какие большие трудности стояли на пути изучения углеводородов и почему эти простейшие органические соединения были открыты и познаны значительно позднее более сложных соединений, оказавшихся их производными. Этим Шорлеммер на специфическом материале доказал справедливость мысли Маркса о том, что «клеточка» открывается позднее, нежели изучены более сложные формы данного предмета, ибо изучение «клеточки» по причине ее простоты и элементарности гораздо труднее, нежели изучение развитого тела. О значении своего открытия, рассмотренного в историко-научном плане, Шорлеммер пишет так: «С тех пор тождество четырех единиц сродства было подтверждено множеством других доказательств» [17, с. 168 — 169]. Отсюда и вытекало приведенное выше определение органической химии как химии углеводородов и их производных [17, С. 122].

Применяя диалектический метод Маркса в форме метода восхождения от абстрактного к конкретному, от простейшего, низшего, ко все более и более

сложному, высшему, Шорлеммер построил систему органической химии. С таких позиций изложены им весь его курс органической химии и его раздел «Классификация органических соединений» [16, с. 62 и далее]. Такое восхождение от *A* к *K*, вполне соответствовало в данном случае диалектическому процессу усложнения (развития) органического вещества, совершающемуся в самой природе.

В специальной литературе по органической химии и ее истории в работах Шорлеммера отмечается иногда только то, что он открыл парафины и доказал их строение. Однако действительное значение его работ несравненно большее: сознательно применяя марксистский диалектический метод, Шорлеммер вскрыл объективную диалектику взаимных превращений органических веществ, установил исходный пункт их образования и усложнения и на основе всего этого впервые построил строго научную систему органической химии согласно способу восхождения от *A* к *K*.

Следовательно, Шорлеммер на деле доказал, что тот метод диалектики, который он взял у Маркса и, следуя за Марксом, у Гегеля, был методом восхождения от *A* к *K*, требующим отыскания исходного пункта (исходного *A*) всего последующего изложения в виде «клеточки» изучаемого предмета

Другими словами, анализ всего научного творчества Шорлеммера на деле фактически доказывает, что именно *так* понимал великий химик саму суть диалектического метода Маркса и его противоположность методу Гегеля.

В своих исторических исследованиях Шорлеммер нередко прямо ссылается на диалектику. Так он рассматривает эволюцию взглядов на уксусную кислоту: согласно теории радикалов, она трактовалась как парное соединение двух радикалов — ацетилен и щавелевой кислоты — с водой (НО): $C_2H_3 + C_2H_5 + HO$. Теория типов дала ее типическую формулу, выражающую способность этой кислоты к химическим превращениям. «Мы пишем теперь, — говорит Шорлеммер, — формулу уксусной кислоты в виде CH_3-CO_2H , т. е. рассматриваем ее как соединение метила с карбоксильной группой или с половиной молекулы щавелевой кислоты. Указанный пример показывает, что развитие химии происходит по закону диалектики» [17, с. 87]. Здесь имеется в виду закон отрицания отрицания.

Открытия Шорлеммера сохранили основополагающее значение для современной науки.

Так, Пауль Каррер начинает изложение систематической части органической химии с углеводов жирного ряда, и среди них с насыщенных углеводов (парафинов), отмечая их слабую химическую

реакционность [10, с. 47 — 48]. «Парафины считались прежде веществами с чрезвычайно слабо выраженной реакционной способностью. Однако такое общее представление далеко не правильно, и с течением времени нашлось много способов, при помощи которых можно было заставить предельные углеводороды легко вступать в различные химические реакции» [10, с. 59]. На первое место Каррер ставит, естественно, реакцию замещения.

Аналогично поступает и другой химик, А. Ф. Голлеман. Он начинает изложение систематической части органической химии с тех же насыщенных углеводородов (алканов). И объясняет это тем, что «к соединениям *жирного* ряда или *алифатическим* относятся все те соединения, которые являются производными *метана* CH_4 » [8, с. 28]; поскольку же они могут рассматриваться как дериваты метана, то «поэтому мы начнем с изучения этого углеводорода» [8, с. 29]. С рассмотрением метана Голлеман связывает одно из основных понятий органической химии — понятие гомолога, гомологического ряда, поскольку два соседних члена такого ряда различаются по своему составу на группу $-\text{CH}_2-$ (остаток молекулы метана).

Подобную картину мы находим и в более расширенных руководствах по данной научной отрасли. В. Шленк и Э. Бергман начинают свое руководство опять-таки с парафинов $\text{C}_n\text{H}_{2n+2}$, подчеркивая, что в самом названии *parum affinis* выражено то, что эти вещества слишком мало склонны к реакции, следовательно, что «здесь речь идет о соединениях, чрезвычайно инертных в реакционном отношении» [15, с. 9].

Далее авторы поясняют, что «остатки углеводородного состава $\text{C}_n\text{H}_{2n+2}$ называются алкилами или алкильными группами» [15, с. 11] (то, что именовалось углеводородными радикалами).

Итак, анализ содержания научного творчества Шорлеммера свидетельствует о том, что ученый воспринял метод Маркса как метод восхождения от *A* к *K*, откуда вытекала необходимость поиска и открытия исходного *A* («клеточки»), на основе чего можно было бы построить всю данную науку. Насколько основательно это было сделано Шорлеммером, свидетельствуют труды по современной органической химии.

Ленин о диалектическом методе Маркса. (О соотношении его с диалектическим методом Гегеля)

В ряде своих работ В. И. Ленин характеризовал сущность диалектического метода Маркса, примененного в «Капитале», и раскрыл соотношение этого марксистского метода с гегелевским диалектическим методом, изложенным в «Науке Логики» Гегеля. Это дает нам еще одну руководящую нить для

понимания того, каким был оставшийся неосуществленным замысел Маркса — создать труд по диалектике, диалектической логике.

Прежде всего следует подчеркнуть, что Ленин обнаружил прямую, причем весьма глубокую, принципиальную связь между Марксовым «Капиталом», главным образом первой главой его первого тома, и гегелевской «Наукой Логикой». Совершенно очевидно, что эта обнаруженная Лениным связь касалась методологической стороны изложения предмета, а не его непосредственной политико-экономической стороны, по поводу которой у Гегеля в «Науке Логик» нет ни слова. Именно так, и только так, можно понять сформулированный им «Афоризм»: «Нельзя вполне понять „Капитала" Маркса и особенно его 1 главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логик Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!» [3, 29, с. 162].

Мы знаем, что в I главе I тома «Капитала» Маркс рассматривает экономическую «клеточку» буржуазного общества (товар) с ее внутренними противоречиями и показывает, каким образом развитие этих противоречий приводит к дальнейшему экономическому прогрессу. В таком изложении противоречивого характера процесса развития Ленин видел изложение самой диалектики, внутренне присущей изучаемому предмету: «У Маркса в „Капитале" сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) *все* противоречия (*respective* зародыши *всех* противоречий) современного общества» [3, 29, с. 318].

Дальнейшее изложение показывает нам, подчеркивает Ленин, развитие (и рост, и движение) этих противоречий и этого общества в сумме его отдельных частей, от его начала до его конца.

«Таков же, — заключает Ленин, — должен быть метод изложения (*respective* изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)» [3, 29, с. 318].

Итак, характеризуя диалектический метод Маркса, Ленин показал, что суть этого метода состоит в раскрытии движения, развития изучаемого предмета от его исходной, элементарной формы (от его «клеточки») ко все более и более развитым, зрелым формам (к его «развитому телу»), причем главное внимание обращается на раскрытие внутренних противоречий, заложенных уже в исходной «клеточке», и их дальнейший рост и движение, чем обуславливается рост и движение самого изучаемого предмета.

Именно в такой своей общей форме диалектический метод, примененный Марксом в «Капитале», и обнаруживает генетическую связь с диалектическим методом Гегеля, изложенным в «Науке Логике», несмотря на коренную их противоположность (основанный на материалистической теории познания метод Маркса и на идеалистической — метод Гегеля), в первой части «Науки Логике», озаглавленной «Учение о бытии», Гегель ставит вопрос: с чего начинать науку? Ленин в своем конспекте записывает: «С чего начать? «Чистое бытие» (Sein)... — «ничего не предполагать», начало. «Не заключать в себе никакого содержания» ... «не быть ничем опосредствованным»» [3, 29, с. 92-93].

И далее Ленин выписывает у Гегеля рассуждение о том, что начало содержит в себе и «ничто», и «бытие», оно есть их единство: «...начинающегося еще *нет*; оно лишь направляется к бытию...» (*от небытия к бытию*: «небытие, которое есть вместе с тем бытие»)» [3, 29, с. 93].

В другом месте Ленин отмечает, что Гегель иногда идет от абстрактного к конкретному («бытие» /абстрактное/ — «*наличное бытие*» /конкретное/ — «для-себя-бытие», — а «иногда наоборот (субъективное понятие — объект — истина (абсолютная идея)). Не есть ли это непоследовательность идеалиста» (то, что Маркс называл «мистикой идей» у Гегеля)? — спрашивает Ленин. Или тут для этого есть более глубокие резоны? — ставит он другой вопрос: «...например, *бытие=ничто* — идея становления, развития» [3, 29, с. 298, 301]. В этом последнем случае абстрактное «Sein» («бытие») выступит только как момент в *пántарет* (пантарей=«все течет»), констатирует Ленин.

А дальше Ленин переходит к «Капиталу» Маркса в его сопоставлении с гегелевской «Наукой Логике»: «Начало — самое простое, обычное, массовидное, непосредственное «бытие»: отдельный товар («Sein» в политической экономии). Анализ его как отношения социального. Анализ *двоякий*, дедуктивный и индуктивный, — логический и исторический (формы стоимости)» [3, 29, с. 301 — 302].

Таким образом, Ленин прямо усмотрел методологическую связь между *началом* в «Науке Логике» Гегеля и *началом* в «Капитале» Маркса, обозначая это начало и там и тут словом «Sein» («бытие»).

Методологическую связь между диалектикой «Капитала» (особенно изложенной в I главе его I тома) и гегелевской диалектикой, изложенной Гегелем в «Науке Логике», Ленин отмечает и в других аспектах. Так, по поводу анализа умозаключений у Гегеля (единичное-особенное — всеобщее; особенное — единичное — всеобщее и т. д.) он замечает, что этот анализ «напоминает о подражании Гегелю у Маркса в I главе» [3, 29, с. 160], т. е. в I главе I тома «Капитала». В прямой связи с этим стоит ленинская ссылка на

«Капитал», сделанная по поводу гегелевского положения: «Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее, охватывающее собой также и богатство особенного» [3, 29, с. 90].

В целом, сопоставляя диалектический метод Маркса с диалектическим методом Гегеля, Ленин определил это отношение словом «umkehren» («перевернуть») и пояснил: «Маркс *применил* диалектику Гегеля в ее рациональной форме к политической экономии» [3, 29, с. 160];

на полях же против этой записи он отметил: «NB К вопросу об истинном значении Логике Гегеля». Эту мысль Ленин разъясняет опять-таки путем сопоставления «Науки Логике» Гегеля с «Капиталом» Маркса: «Образование (абстрактных) понятий и операции с ними *уже* включают в себе представление, убеждение, *сознание* закономерности объективной связи мира... Отрицать объективность понятий, объективность общего в отдельном и в особом, невозможно. Гегель много глубже, следовательно, чем Кант и другие, прослеживал отражение в движении понятий движения объективного мира. Как простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного, товара на другой, уже включает в себе в неразвернутой форме *все* главные противоречия капитализма, — так уже самое простое *обобщение*, первое и простейшее образование *понятий* (суждений, заключений etc.) означает познание человека все более и более глубокой *объективной* связи мира. Здесь надо искать истинного смысла, значения и роли гегелевской Логике. Это NB» [3, 29, с. 160-161].

Характеризуя прямую противоположность диалектического метода Маркса и диалектического метода Гегеля, Ленин подчеркивал: «Сторонник диалектики, Гегель, не сумел понять *диалектического* перехода *от* материи к движению, *от* материи к сознанию — второе особенно. Маркс поправил ошибку (или слабость?) мистика» [3, 29, с. 256].

Из сказанного выше ясно следует, что под диалектическим методом, примененным в «Капитале» Маркса, Ленин имел в виду именно метод восхождения от абстрактного к конкретному и что именно об этом методе шла у него речь, когда он сопоставлял «Капитал» Маркса с «Наукой Логике» Гегеля. Сопоставляя выписанный Лениным отрывок из «Науки Логике» Гегеля [3, 29, с. 212], подводящий своего рода итог тому, что такое диалектика, диалектический метод, с диалектическим методом, примененным в «Капитале» Маркса, можно заключить следующее: во-первых, и там и здесь речь идет о методе восхождения от абстрактного к Конкретному; во-вторых, у Маркса этому методу дано последовательно материалистическое обоснование в противоположность тому, что у Гегеля этот метод опирается на идеалистическую основу.

Спустя много лет в статье «О значении воинствующего материализма» (1922) Ленин советовал, как надо с позиций материализма изучать гегелевскую диалектику, чтобы стать сознательным сторонником диалектического материализма. «Чтобы достигнуть этой цели, — писал он, — сотрудники журнала «Под Знаменем Марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом...» [3, 45, с. 30].

И далее Ленин конкретизировал свою мысль: «Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса...» [3, 45, с. 30].

Эти высказанные Лениным соображения основывались на том, что в «Капитале» Маркса применен в его материалистической трактовке диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному, который в идеалистическом толковании составляет диалектический («абсолютный», по терминологии Гегеля) метод, изложенный в гегелевской «Науке Логики». Тем самым вновь косвенно подтверждается, что замысел Маркса — изложить то рациональное в диалектическом методе, что Гегель открыл и вместе с тем мистифицировал, — состоял в изложении метода восхождения от абстрактного к конкретному в его общеполитической, общелогической форме, освобожденной от гегелевской идеалистической мистификации.

В «Философских тетрадах» Ленина мы находим косвенный ответ и на вопрос о том, почему у Маркса за последующие 25 лет после высказанного им замысла не нашлось времени заняться его осуществлением. Ленин поясняет, что для Маркса (как, впрочем, и для самого научного знания в целом) было несравненно важнее конкретное применение метода диалектики к изложению одной определенной науки — политической экономии. Используя метод диалектики таким способом, Маркс развивал, конкретизировал и обогащал его, двигая вперед диалектику как логику и теорию познания материализма. А выполнение такой задачи, по мнению Ленина, представляло собой в научном отношении нечто гораздо большее, чем простое изложение на двух-трех листах того рационального, что Гегель открыл и сам же затемнил, подверг мистификации.

Конкретное применение метода диалектики в его рациональном виде к политической экономии уже само по себе предполагало в качестве исходной

предпосылки выполнение Марксом задуманного им замысла, о чем он писал Энгельсу в начале 1858 г.

Ленин писал по этому поводу: «В „Капитале" применена к одной науке логика, диалектика и теория познания... материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед» [3, 29, с. 301].

И тут же Ленин раскрывает единство исторического и логического в «Капитале», поскольку имеет место соотношение: «История капитализма и анализ *понятий*, резюмирующих ее» [3, 29, с. 301]. Сжато это выражено формулой: товар — деньги — капитал.

* * *

Итак, анализ трудов Маркса, в которых был применен диалектический метод, анализ высказываний Энгельса и Ленина о диалектическом методе Маркса в его сопоставлении с диалектическим методом Гегеля, а также применение Шорлеммером метода рациональной диалектики к органической химии убеждают нас в том, что Маркс задумал написать работу о диалектике, диалектическом методе как методе восхождения от абстрактного к конкретному, поскольку именно этот метод он позднее применил в своем «Капитале». О нем, очевидно, только и могла идти речь в письме Маркса Энгельсу от 14 января 1858 г.

II ЭНГЕЛЬС. Замысел труда по применению диалектического метода к естествознанию. Реализован в главных чертах

СЕГОДНЯ УТРОМ В ПОСТЕЛИ

МНЕ ПРИШЛИ В ГОЛОВУ

СЛЕДУЮЩИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ МЫСЛИ

ПО ПОВОДУ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК...

ОБРАБОТКА, ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ,

ПОТРЕБУЕТ ЕЩЕ МНОГО ВРЕМЕНИ.

Ф. Энгельс, 1873

Очерк 4 Рождение замысла

Слова, стоящие в качестве эпитафии, взяты из самого начала письма

Энгельса Марксу от 30 мая 1873 г. Утром этого дня в его голове родились

замысел и план его будущей «Диалектики природы». Вот Энгельс и торопится скорее поделиться своими новыми идеями с Марксом.

Но всегда такому неожиданному открытию предшествует достаточно длительный поиск, многодневные раздумья и размышления над проблемой, заинтересовавшей ученого или писателя. Само же открытие оказывается лишь заключительным, завершающим актом этой подготовительной фазы, которая протекает довольно медленно и скрыто, а потому ускользает от взора постороннего наблюдателя. Так это было и в данном случае.

Что же предшествовало в данном случае рождению замысла? Замысел Энгельса касался области философских вопросов естествознания. Это была сфера специальных научных интересов Энгельса. Ведь прежде чем мог родиться замысел нового крупного исследования, должна определиться та область, где такое исследование могло быть проведено. Для Энгельса уже в конце 50-х годов XIX в. такой областью и сделалось, в частности, теоретическое естествознание, его философские вопросы. Настольной книгой Энгельса при его работах по данной проблеме вскоре стала «Философия природы» Гегеля. Поэтому и нам, прежде чем начинать прослеживать зарождение идей будущей «Диалектики природы», необходимо сначала хотя бы коротко обратиться к гегелевской книге по философии природы.

Чем была интересна для Энгельса «Философия природы» Гегеля. (Гегелевский метод восхождения от абстрактного к конкретному в свете естествознания начала XIX в.)

«Философия природы» Гегеля, воплотившая в себе и в своем построении гегелевский диалектический метод восхождения от *A* к *K* применительно к современному Гегелю естествознанию, составила вторую часть гегелевской «Энциклопедии философских наук» (1817). Если работа по диалектике, задуманная Марксом, была связана в первую очередь с «Наукой Логики» Гегеля, то «Философия природы» теснейшим образом связана с задуманной и в значительной мере выполненной Энгельсом «Диалектикой природы», а также с его «Анти-Дюрингом». В этом разделе нашей книги мы покажем, что исходным пунктом для работы Энгельса над «Диалектикой природы» послужило сделанное им открытие, позволившее ему применить к современному ему естествознанию (в первую очередь к неорганическому) метод восхождения от *A* к *K*. В связи с этим мы скажем, как зародился и появился на свет замысел работы Энгельса, а вместе с ним и первый ее план. Но сначала рассмотрим, как повлияли на Энгельса гегелевская «Философия природы» и вообще диалектические идеи Гегеля.

Говоря о «Философии природы», прежде всего остановимся на ее общей архитектонике, т. е. на ее подразделении на три главных отдела: I. Математика. II. Физика. III. Органическая физика (коротко, Органика). Общая структура «Философии природы» вытекала у Гегеля из метода восхождения от *A* к *K*. В данном случае такой метод выступал прежде всего в виде перехода от неорганического к органическому, от мертвого к живому. Однако надо иметь в виду, что, согласно Гегелю, способностью развиваться во времени обладала не природа, не материя, как объективно существующая реальность, но лишь *понятие* природы, иначе говоря, познание природы. Сама же природа, по Гегелю, не способна к развитию во времени; она есть лишь инобытие идеи (духа). Идея (дух), согласно Гегелю, существует прежде природы и лишь в конце своего развития превращается в нее; природа же обращена к тому, что ей предшествовало и ее породило как свое инобытие, — к абсолютной идее. В силу этого гегелевская «Философия природы» и ее структура пронизаны идеалистическим принципом телеологизма.

Энгельс отмечал, что неисторический взгляд на природу был неизбежен в XVIII в. и что его не чужд был даже Гегель. «У Гегеля природа, как простое «отчуждение» (т. е. порождение. — *Б. К.*) идеи, не способна к развитию во времени; она может лишь развертывать свое многообразие в пространстве, и, таким образом, осужденная на вечное повторение одних и тех же процессов, она выставляет одновременно и одну рядом с другой все заключающиеся в ней ступени развития. И эту бессмыслицу развития в пространстве, но вне времени, — которое является основным условием всякого развития, — Гегель навязывал природе как раз в то время, когда уже достаточно были разработаны и геология, и эмбриология, и физиология растений и животных, и органическая химия, и когда на основе этих новых наук уже повсюду зарождались гениальные догадки, предвосхищавшие позднейшую теорию развития...» [1, 21, с. 287].

Историзм в натурфилософии Гегеля выступает весьма своеобразно, поскольку ступени реального развития природы подменяются у него ступенями развития *понятия* природы. Каждая следующая такая ступень вытекает из предшествующей, и она конкретнее этой предшествующей и истиннее ее. Однако, повторяем, речь идет лишь о развитии *понятия*, о прохождении им последовательных ступеней, но не о *реальном* возникновении ступеней самой природы — одной из другой. Здесь, согласно Гегелю, ступени следуют одна за другой потому, что это определяется развитием идеи, составляющей основу природы как своего инобытия. «Утвердительным в природе является просвечивание в ней понятия, — писал Гегель... — Мы должны рассматривать природу как *систему ступеней*, каждая из которых необходимо вытекает из другой и

является ближайшей истиной той, из которой она проистекала, причем однако здесь нет *естественного*, физического процесса порождения, а есть лишь порождение в лоне внутренней идеи, составляющей основу природы. *Метаморфозе* подвергается лишь понятие как таковое, так как лишь его изменения представляют собою развитие» [5, 2, с. 27 — 28].

Категорически отвергая идею эволюции применительно к самой природе, Гегель показывает, как он при этих условиях понимает метод восхождения от *A к K* в сфере естествознания: «Во всякой системе наиболее абстрактное является первым членом, а истиной каждой сферы является последний член; но столь же верно, что этот последний член является лишь первым членом некоторой высшей ступени. Дополнение одной ступени другой представляет собой необходимость идеи, и мы должны понимать различие форм как различие необходимое и определенное» [5, 2, с. 29].

Так Гегель по-своему характеризует диалектическую и вместе с тем идеалистическую основу своей натурфилософии.

Окончательная структура «Философии природы» выработалась Гегелем не сразу. В курсе философской пропедевтики, созданной в период 1808 — 1811 гг., философия природы делится у Гегеля на три части: I. Математику. II. Физику (которая подразделяется на механику и неорганическую физику) и III. Органическую физику.

В «Науке Логике» (1812 — 1816) второй отдел — «Объективность» — учения о понятии (т. е. о познании) подразделяется у Гегеля на три части: I. Механизм. II. Химизм. III. Теология. То же самое деление проведено Гегелем и в Малой Логике (1817). Наконец, в первом издании «Философии природы» имелся еще особый раздел, посвященный математике: I. Математика. II. Физика. III. Органика. В последующих изданиях раздел «Математика» был опущен и структура «Философии природы» приобрела отмеченный выше вид: I. Механика. II. Физика. III. Органика (органическая физика). Так или иначе, но во всех этих случаях в основу структуры изложения своих натурфилософских взглядов Гегель кладет неизменно принцип восхождения от *A к K*.

Позднее в одной из заметок «Диалектики природы» Энгельс записал: «Гегелевское (первоначальное) деление на механизм, химизм, организм было совершенным для своего времени. Механизм — это движение масс, химизм — это молекулярное (ибо сюда включена и физика, и обе — как физика, так и химия — относятся ведь к одному и тому же порядку) и атомное движение; организм — это движение таких тел, в которых одно от другого неотделимо. Ибо организм есть, несомненно, *высшее единство, связывающее в себе в одно целое механику, физику и химию*, так что эту тройцу нельзя больше

разделить. В организме механическое движение прямо вызывается физическим и химическим изменением, и это относится к питанию, дыханию, выделению и т. д. в такой же мере, как и к чисто мускульному движению» [1, 20, с. 565-566].

В параграфе «Разделение» Гегель структуру своей «Философии природы» обосновывает (мы несколько упрощаем ход гегелевских рассуждений) как некое движение (движение идеи, или мысли) от внешней стороны и внешних отношений вещей и явлений, чем занимается механика, к их внутренней стороне, составляющей предмет физики, и далее к их единству, воплощенному в органике. По этому поводу он пишет: «Идея как природа обнаруживается, *во-первых*, в определении внеположности, в бесконечной *разрозненности*, единство формы является лишь внешним; это единство существует лишь как *идеализированное в себе* и поэтому является лишь *искомым*. Это — *материя* и ее идеализированная система — *механика*. Идея как природа обнаруживается, *во-вторых*, в определении *особенности*, так что реальность полагается с имманентной определенностью формы и существующим в ней различием; она (реальность) есть некое рефлексивное соотношение, внутри-себя-бытие которого есть *природная индивидуальность* — *физика*. *В-третьих*, в определении *субъективности*, в которой реальные различия формы столь же сведены вновь к *идеализированному* единству, обретшему само себя и существующему для себя: *органика*» [5,2, с.34].

Далее Гегель с точки зрения того же способа движения мысли от *A* к *K* утверждает: «Так как для философии важно полагание определений понятия, то мы должны начать рассмотрение не с истинной сферы, а с наиболее абстрактной» [5, 2, с. 35]. Тяжелая материя, чем, согласно Гегелю, занимается механика, еще не обладает индивидуальностью, в которой объединялись бы определения. Определения понятия здесь еще внешни друг к другу, а потому и различие не имеет значения, т. е. безразлично, иначе говоря, является лишь количественным, но не качественным, материя же выступает бесформенно, как голая масса. (Эта мысль, как увидим ниже, повторится у Энгельса, но, разумеется, на строго материалистической основе.)

Продолжая проследивать движение понятия природы от *A* к *K*, Гегель отмечает, что качественная определенность раскрывается в физике в лице индивидуализированного тела, в котором уже достигнута форма (Энгельс скажет о дифференциации материи). Однако в физике индивидуальность еще связана с единичными специфическими свойствами, исключаящими другие свойства, и еще не существует целостным образом. Когда такое (в смысле: неорганическое) тело подвергается процессу изменения, «оно перестает быть

тем, что оно есть, если оно в этом процессе потеряло такие специфические свойства; качественная определенность положена следовательно только утвердительно, а не вместе с тем также и отрицательно. Органическое существо есть природная целостность, некая суццая для себя индивидуальность, развивающаяся внутри себя в свои различия, но развивающаяся таким образом, что во-первых, эти определения суть вместе с тем конкретные целостности, а не лишь специфические свойства, и, во-вторых, они остаются также и качественно определенными в отношении друг друга и таким образом полагаются, как конечные, жизнью, сохраняющей самое себя в процессе этих членов» [5, 2, с. 36].

Позднее эти мысли найдут свое материалистическое преломление у Энгельса при определении различия между обменом веществ, совершающимся в неживых (неорганических) и живых (органических) телах.

Об организме как высшей ступени развития понятия природы Гегель говорит, что это единство качественной определенности (физики) и тяжести (механики), что находит самое себя в жизни.

В связи с исследованием истоков рождения замысла «Диалектики природы» отметим, что для Энгельса в «Философии природы» Гегеля большое значение имело прослеживание, во-первых, последовательности ступеней, проходимых, согласно Гегелю, понятием природы в направлении от *A* к *K*, во-вторых, движение мысли внутри каждой отдельной ступени, опять-таки в направлении от *A* к *K*, и, в-третьих, стыковые или узловые области, где Гегель осуществлял переходы от более низкой, абстрактной ступени к более высокой, конкретной.

Раскрывая общую последовательную связь ступеней природы, Гегель писал: «Каждая ступень представляет собою своеобразное царство природы, и все они кажутся имеющими самостоятельное существование, но последнее царство природы (органическое, живое. — *B. K.*) есть конкретное единство всех предыдущих, как и вообще каждая последующая ступень содержит в себе низшие ступени, но вместе с тем это царство природы противопоставляет себе остальные царства как свою неорганическую природу. Одна ступень есть власть над другой ступенью, и это — взаимно» [5, 2, с. 36 — 37].

Механика, по Гегелю, рассматривает, во-первых, совершенно абстрактную внеположенность — *пространство* и *время*, во-вторых, разобщенную изолированную внеположенность и ее соотношения с названной выше абстракцией — *материю* и *движение*, что составляет предмет *конечной* механики; в-третьих, она рассматривает *материю* в *свободном движении*, что составляет

предмет *абсолютной* механики (здесь под свободным движением Гегель имеет в виду движение независимой, самодовлеющей системы).

Так в рамках механики, по Гегелю, осуществляется восхождение от *A* к *K*.

Исходной областью при изложении механики служит у Гегеля пространство, а исходным, наиболее абстрактным пунктом пространства — прямая линия. При этом мы оказываемся в пределах геометрии. «Первым или непосредственным определением природы является *абстрактная всеобщность ее вне-себя-бытия* — его лишенное опосредствования безразличие, *пространство*» [5, 2, с. 42]. И далее: «Лишь прямая линия является первым определением пространственности...» [5, 2, с. 46].

Переходя далее к характеристике понятия время, Гегель пишет: «Истиной пространства является время» [5, 2, с. 49]. Однако «нет *науки о времени* наряду с *наукой о пространстве, с геометрией*» [5, 2, с. 53].

Затем у Гегеля следуют понятия «место и движение». Имея в виду «место», проходимое движущимся телом во время его механического перемещения в пространстве, Гегель пишет: «Место, как данное *положенное* тождество пространства и времени, есть ближайшим образом также и положенное *противоречие*, которым являются пространство и время, каждое в самом себе. Место представляет собою пространственную и, следовательно, равнодушную *единичность*, и оно является таковой лишь в качестве *пространственного „теперь“*, в качестве времени, так что место непосредственно равнодушно к себе как к *данному* месту, внешне себе, является отрицанием себя и неким *другим местом*. Это *исчезновение* и *новое порождение* себя пространства во времени и времени в пространстве, так что время полагается для себя пространственно как *место*, но эта равнодушная пространственность также полагается непосредственно как *временное*, — это исчезновение и новое самопорождение пространства и времени есть *движением* [5, 2, с. 56 — 57].

И далее: «Его (движения. — *B. K.*) сущностью является та черта, что оно есть непосредственное единство пространства и времени... В движение входит время и пространство; скорость, количество движения есть пространство в соотношении с определенным протекшим временем» [5, 2, с. 59]. Эти слова, как и следующие, Энгельс занес в свои записи для «Диалектики природы» [1, 20, с. 560]: «Пространство и время наполнены материей... Точно так же как нет движения без материи, так не существует материи без движения» [5, 2, с. 60].

Как известно, Энгельс опирался на эти диалектические положения, вкладывая в них последовательно материалистическое содержание.

В «Конечной механике» Гегель выделяет «инертную материю», «толчок» и «падение». Падение, по Гегелю, «есть лишь абстрактное полагание *центра*, в единстве которого различие отдельных масс и тел полагает себя как снятое: масса, вес не имеет поэтому никакого значения в величине этого движения» [5, 2, с. 79]. От «абсолютной механики» Гегель переходит к физике.

Физика, по Гегелю, занята индивидуальностью и качеством материи. Движение от *A* к *K* в этом разделе «Философии природы» осуществляется от «физики всеобщей индивидуальности» (гл. I) к «физике особенной индивидуальности» (гл. II) и далее к «физике целостной индивидуальности» (гл. III). Первую главу Гегель начинает со свободных физических тел, и среди них на первое место ставит свет. Вторую главу он заканчивает теплотой. Возражая против представления о какой-то обособленной тепловой материи (теплороде), Гегель пишет: «Отмеченная черта обособленности состоит почти исключительно в том, что теплота в процессе *передачи* является *внешней* по отношению к наличным телам. Опыты *Румфорда* с нагреванием тел посредством трения, например при просверливании пушек, уже давно могли бы совершенно устранить представление об обособленном, самостоятельном существовании теплоты; здесь она слишком недвусмысленно разоблачается в своем происхождении и в своей сущности как некое *состояние*» [5, 2, с. 197].

В дальнейшем Гегель определяет теплоту и звук как явления. Однако он еще не пытается трактовать возникновение теплоты из механического движения (трения) как переход от механики к физике.

В третьей главе, посвященной магнетизму и электричеству, а также и химии, Гегель вводит представление об «образе» то как о чем-то непосредственно данном, то как о чем-то различенном. «Целостная индивидуальность есть, — пишет он, — *во-первых*, в своем понятии непосредственный *образ*, как таковой, и его абстрактный принцип, являющийся в свободном существовании, — *магнетизм*. *Во-вторых*, она определяет себя к *различию*, к особенным формам телесной целостности; это индивидуальное обособление, доведенное до крайности, есть *электричество*. *Реальность* этого обособления есть, *в-третьих*, *химически* различенное тело и его *соотношение*, т. е. индивидуальность, которая имеет тела своими моментами и реализуется как целостность, — *химический процесс*» [5, 2, с. 208].

Здесь снова подчеркивается Гегелем идея восхождения от *A* к *K*: «Сперва мы имели процесс как движение в механике, затем как элементарный процесс; теперь мы имеем процесс индивидуализованной материи...». «Химический

процесс содержит таким образом в своем понятии переход к органической сфере» [5, 2, с. 208].

Говоря дальше об электрических явлениях, Гегель пишет, что в электрической искре «особенная материальность напряженного тела еще не входит в процесс, но присутствует в нем лишь в своей стихийной и душевной определенности» [5, 2, с. 284]. Он понимает «электрическое напряжение как собственную самость тела», как «гневную вспышку самого тела» [5, 2, с. 285]. Эти слова приводит Энгельс в «Диалектике природы» [1, 20, с. 435].

Критикуя взгляд, будто само начало зарождающегося химического процесса рассматривается как нечто отдельное, обособленное от электрического движения, Гегель видит связь и переход между электричеством и химизмом. Он отмечает, что в магнетизме мы имеем только механическую деятельность и в нем нет физических различий. «В электричестве же неразрешенные различия являются физическими, ибо они принадлежат к области света; если бы они были дальнейшим материальным обособлением тела, то мы имели бы уже химический процесс» [5, 2, с. 289].

Здесь вновь и вновь Гегель проводит идею восхождения от *A* к *K*. Об этом он прямо говорит: «Электрический процесс конкретнее, чем магнетизм; но он менее конкретен, чем химизм» [5, 2, с. 290]. «В магнетизме различие проявляется на одном теле. В электричестве каждая различенность относится к особому телу: каждая различенность самостоятельна, и образ не входит в этот процесс целиком. Химический процесс есть целостность жизни неорганической индивидуальности; ибо здесь мы имеем цельные, физически определенные образы» [5, 2, с. 295].

Рассмотрев химическое действие, вызываемое электрическим процессом, Гегель резюмирует: «Итак, химический процесс есть единство магнетизма и электричества, которые составляют абстрактные формальные стороны этой целостности и поэтому еще не являются самим этим процессом. Каждый химический процесс содержит в себе магнетизм и электричество» [5, 2, с. 295].

Таким образом, переход от собственно физики (электричества) к химизму Гегель осуществляет через электрохимию. Раздел «Соединение» он начинает прямо с параграфа «Гальванизм». Это исходный пункт (*A*) при изложении Гегелем химизма. Конечным же пунктом (*K*) служит переход от химизма к жизни. Такой переход намечается самим характером химического процесса. «Так как следовательно понятие химического процесса вообще заключается в том, что он есть целостность, то выходит, что в нем понятие остается цельным в своих различиях, т. е. полагая себя как свое отрицание целиком остается при себе. Каждая сторона остается, стало быть, целым... Что каждое

есть в себе и другое, проявляется в том, что оно ищет другого; тем самым оно оказывается в противоречии с самим собой; но влечением обладает только то, что находится в таком противоречии. Это впервые начинается в химическом процессе, ибо здесь свойство быть *в себе* нейтральным, целым вызывает бесконечное влечение; в жизни это выступает затем *наружу*. Химический процесс представляет собою таким образом аналогию с жизнью; внутренняя подвижность жизни, наблюдаемая в нем, может повергнуть в изумление. Если бы он мог продолжаться *сам собою*, он и был бы жизнью; поэтому естественны попытки понять его как жизнь» [5, 2, с. 298].

Здесь, как видим, Гегель намечает переход от химизма к организму (к жизни). По этому поводу в конце раздела о физике он пишет: «Нам предстоит теперь *переход* от неорганической к органической природе, от прозы к поэзии природы» [5, 2, с. 338]. «Но так как химический процесс и представляет как раз диалектику, посредством которой все особенные свойства тел вовлекаются в тленность... то единственным пребывающим оказывается сущая для себя бесконечная форма, чистая бестелесная индивидуальность, которая есть для себя и для которой материальное существование есть нечто вполне изменчивое. Химический процесс есть наивысшее, до чего может достигнуть неорганическая природа; в нем она уничтожает саму себя и доказывает, что одна лишь бесконечная форма есть ее истина. Так, химический процесс, будучи гибелью конечной формы (образа), является переходом в высшую сферу организма, в котором бесконечная форма реализует себя как бесконечную форму...» [5, 2, с. 340].

Так Гегель намечал диалектические переходы от физики (электричества) к химизму и от химизма к организму (к жизни).

Органику (органическую физику) он подразделял на три «организма»: геологический, растительный и животный, и соответственно этому мы имеем, как говорил Гегель, три царства: *минеральное*, *растительное* и *животное*. Движение от *A* к *K* здесь выступает так, что в первом случае имеет место общая картина жизни (образ), во втором (у растений) — особенная формальная субъективность, в третьем (у животных) — единичная конкретная субъективность.

Как видим, диалектика восхождения от *A* к *K* здесь в части живой природы (биологии) носит достаточно своеобразный характер. Что же касается неживой природы, то Гегель пишет: «Жизнь, которая предпосылает себе себя же как свое другое, есть, во-первых, геологическая природа; как таковая она есть только основа и почва жизни» [5, 2, с. 346]. И далее: «Первый организм, уже поскольку он сначала определяется как непосредственный или сущий

в себе, не существует как *живое*; ибо жизнь как субъект и процесс есть по существу *самоопосредствующая* деятельность. С точки зрения субъективной жизни первый момент *обособления* состоит в том, чтобы творить из себя свою собственную *предпосылку*, сообщать себе таким образом форму *непосредственности* и в ней *противопоставлять* друг другу свое условие и свое внешнее устойчивое существование... Эта предпосылаемая себе *субъективной* целостностью непосредственная целостность есть только *образ* организма — *земное тело*, как *всеобщая* система индивидуальных тел» [5, 2, с. 349].

Учесть эти гегелевские положения важно при рассмотрении того, как Энгельс решал вопрос о месте геологии в системе естествознания.

Мы не будем более подробно анализировать содержание гегелевской «Философии природы». Изложенного выше достаточно, чтобы объяснить тот интерес к этой работе, который Энгельс проявлял в 1858 г., и то возможное влияние, которое она оказала в 1873 г. на выбор Энгельсом темы и направления его собственного труда по естествознанию и на формулировку его основного замысла, а также на ход его последующей реализации.

Что предшествовало рождению замысла Энгельса?

Начало работ Энгельса по естествознанию (1858 г., июль). Мы уже сказали, что одной из областей специальных интересов Энгельса уже в конце 50-х годов прошлого века стало теоретическое естествознание, точнее сказать, философское обобщение результатов его развития.

Первые сведения о том, что Энгельс увлекся этой областью научных исследований и что он занялся систематическим изучением естественных наук, содержатся в его письме Марксу от 14 июля 1858 г. Из него мы узнаем, что Энгельс просит Маркса прислать обещанную ему гегелевскую «Философию природы», так как его интересует следующее: не предвидел ли Гегель некоторые из тех открытий, которые были сделаны в естествознании после его смерти, т. е. в течение 30 — 50-х годов XIX в. При этом Энгельс занят мыслью материалистически истолковывать гегелевские положения, опираясь на данные современного ему естествознания. Такие два великих естественнонаучных открытия второй трети XIX в., как создание клеточной теории и открытие закона сохранения и превращения энергии, трактуются Энгельсом как конкретизация определенных положений гегелевской диалектики, как их фактическое научное подтверждение.

Хотя в названном письме Энгельс не высказывает определенного намерения написать труд по философскому обобщению новейших открытий естествознания, однако из всего контекста письма явно сквозит стремление Энгельса дать материалистическое истолкование гегелевской диалектики

(Логики) и гегелевской натурфилософии (философии природы) на основе философского анализа новейших достижений естествознания.

При разборе содержания письма Энгельса от 14 июля 1858 г. мы остановимся лишь на том аспекте обсуждаемых проблем, который впоследствии мог быть связан с вопросом о методе восхождения *от А к К* применительно к естествознанию.

Обращаясь к Марксу, Энгельс писал: «Кстати. Пришли мне все-таки обещанную „Философию природы" Гегеля. Я занимаюсь теперь немного физиологией и собираюсь увязать с этим занятия сравнительной анатомией. В них много чрезвычайно важного с философской точки зрения, но все это открыто лишь недавно;

мне очень хотелось бы знать, не предвидел ли старик⁴ что-нибудь из этого. Не подлежит сомнению, что если бы ему пришлось писать „Философию природы" *теперь*, то доказательства слетались бы к нему со всех сторон» [1, 29, с. 275].

Далее Энгельс указывает на создание клеточной теории и на возможность благодаря ей найти в биологии реальный прообраз процесса восхождения от *А* (от клетки) к *К* (развитому организму). Он пишет: «Главный факт, революционизировавший всю физиологию и впервые сделавший возможной сравнительную физиологию, это — открытие клеток: в растении — Шлейденом, в животном — Шванном (около 1836 года)⁵. Все есть клетка. Клетка есть гегелевское в-себе-бытие и в своем развитии проходит именно гегелевский процесс, пока из нее, наконец, не развивается „идея", данный заверченный организм» [1, 29, с. 276].

Затем Энгельс указывает «на полнейшее соответствие строения человека с остальными млекопитающими; в основных чертах это соответствие замечается у всех позвоночных животных и даже — в более скрытой форме — у насекомых, ракообразных, глистов и т. д. Гегелевская история с качественным скачком в количественном ряду тоже прекрасно сюда подходит. В конце концов, у низших инфузорий мы приходим к прообразу, к простой, самостоятельно живущей клетке, которая, однако, опять-таки ничем осязательным не отличается от низших растений... и зародышей более высоких ступеней развития, до человеческого яйца и сперматозоидов включительно, и точно так же выглядит, как независимые клетки в живом организме (кровяные тельца... и т. д.)» [1, 29, с. 276-277].

⁴ Имеется в виду Гегель. — Б. К.

⁵ Дата неточная: работа Шлейдена относится к 1838 г., Шванна — к 1839 г. — Б. К.

Интересно, не это ли письмо Энгельса натолкнуло Маркса на то, чтобы сравнить товар с клеточкой живого организма, назвав товарную форму продукта труда, или форму стоимости товара, «формой экономической клетки буржуазного общества» [1, 23, с. б]. Во всяком случае рассуждения Энгельса о клетке в рассматриваемом письме так или иначе наводят на мысль о том, что гегелевский диалектический способ восхождения от *A* к *K*. находил и здесь свое материалистическое перетолкование, свое освобождение от того мистифицирования, которому подверг его Гегель.

В сущности то же самое в отношении гегелевского метода восхождения от *A* к *K* Энгельс отмечает и в связи с другим великим открытием естествознания его времени, хотя делает это не столь явно и убедительно, как в отношении открытия клетки. «Другой результат, который бы очень порадовал старика Гегеля, — пишет он, — это в области физики соотношение сил, или закон, согласно которому при данных условиях механическое движение — следовательно, механическая сила (например, путем трения) — превращается в теплоту, теплота — в свет, свет — в химическое средство, химическое средство (например, в вольтовом столбе) — в электричество, а это — в магнетизм. Эти переходы могут также совершаться иначе, в этом же порядке или в обратном...

Нелепая теория о скрытой теплоте таким образом уничтожается. Но не является ли это великолепным материальным доказательством того способа, каким рассудочные определения переходят одно в другое?» [1, 29, с. 276]⁶.

Так Энгельс писал до того, как он получил от Маркса ожидаемую «Философию природы» Гегеля. Можно легко догадаться, в какую сторону двинулись его мысли по получении им этой книги: ведь оба ее первые раздела — «Механика» и «Физика» — как раз и трактуют в значительной части о переходах от более абстрактных сторон природы (ступеней «идеи») к более конкретным ее сторонам (ступеням «идеи»); а это не могло не навести на мысль о том, что в открытом физическом законе сохранения и превращения энергии, как и в клеточной теории, заключен материальный прообраз диалектического метода восхождения от *A* к *K*.

Однако надо полагать, что в конце 50-х годов XIX в. Энгельс не пришел еще к такому положению в достаточно ясно выраженной форме даже после получения «Философии природы» Гегеля, хотя его мысль, вполне возможно, уже начала двигаться в эту сторону. Возможно, что мешало тут то

⁶ Позднее по поводу этой же параллели Энгельс записал в «Диалектике природы»: «Взаимопротивоположность рассудочных определений мысли: поляризация. Подобно тому как электричество, магнетизм и т. д. поляризуются, движутся в противоположностях, так и мысли. Как там нельзя удержать одну какую-нибудь односторонность, о чем не думает ни один естествоиспытатель, так и здесь тоже» [1, 20, с. 528].

обстоятельство, что переходы различных видов движения могут совершаться как в одном (прямом), так и в другом (обратном) направлении. Поэтому восхождение от *A* к *K*, здесь не выступает столь же наглядно и отчетливо, как это имеет место в случае клеточной теории.

Знакомство Энгельса с дарвинизмом и химией (1860-е годы). Итак, с первыми двумя великими открытиями в естествознании Энгельс познакомился еще в 1850-х годах и дал им философское освещение с позиций материалистической диалектики, марксистского диалектического метода.

В 1859 г. выходит труд Дарвина «Происхождение видов», составляющий третье великое естественнонаучное открытие XIX в., Маркс и Энгельс дают ему чрезвычайно высокую оценку как содержащему теорию развития живой природы. В эти годы Энгельс еще глубже проникает в сущность учения о превращении энергии и снова обнаруживает в нем подтверждение гегелевских идей. При этом он видит в «Науке Логике» Гегеля истинное изложение натурфилософских взглядов Гегеля. Так, в письме Ф. А. Ланге от 29 марта 1869 г. он пишет: «Охотно признаю, конечно, что в подробностях философии природы⁷ встречается бессмыслица, но его *настоящая* философия природы заключается во второй книге „Логики“, в учении о сущности, которое, собственно говоря, и есть ядро всей доктрины. Современная естественнонаучная теория о взаимодействии сил природы (Гров — „Соотношение сил“...) есть лишь иное выражение или, лучше сказать, положительное доказательство правильности развитых Гегелем мыслей относительно причины, действия, взаимодействия, силы и т. д. Я, конечно, теперь больше уже не гегельянец, но чувствую все еще большое почтение и привязанность к великому старику» [1, 31, с. 395].

В те же 1860-е годы благодаря Шорлеммеру Энгельс знакомится с достижениями химии, особенно органической, а значит, и с успехами химической атомистики. Таким образом, к началу 1870-х годов Энгельс достаточно хорошо подготовлен в области естествознания. Изучение органической химии и близкое знакомство с Шорлеммером помогли Энгельсу понять, что Шорлеммер открыл и разработал «клеточку» этой отрасли химии и как химик показал на химической практике, каким образом совершается здесь процесс восхождения от *A* к *K*, о чем говорилось уже выше (см. очерк 3).

В письме к Марксу от 16 июня 1867 г. Энгельс пишет: «Новейшая химическая теория, при всех своих ошибках, является большим шагом вперед по сравнению с прежней атомистической. Молекула, как мельчайшая

⁷ У Гегеля. — Б. К.

часть материи, *способная к самостоятельному существованию*, — вполне рациональная категория. Говоря словами Гегеля, это — „узловая точка" в бесконечном ряду делений, узловая точка, которая не замыкает этого ряда, но устанавливает качественную разницу. Атом, который прежде изображался как предел делимости, теперь — только *отношение*... успехи химии действительно огромны, и Шорлеммер говорит, что эта революция непрерывно продолжается, так что каждый день можно ожидать новых переворотов» [1, 31, с. 258]. Последние слова сказаны всего за год с лишним до открытия Менделеевым периодического закона!

В неявной форме и здесь у Энгельса сквозит ссылка на все тот же диалектический метод восхождения от *A* к *K*. Прежде, когда атомы считались абсолютно неделимыми, а понятие молекулы еще не было принято химиками, структура вещества рисовалась в виде следующей упрощенной схемы *атомы — макротела*.

Теперь же следовало признать, что атом не есть предел делимости, а есть лишь некоторое отношение и что из атомов образуются молекулы, а из молекул — макротела. В таком случае получался ряд усложняющихся дискретных видов материи, причем неизвестные еще, более простые, нежели атомы, указаны многоточием:

... — *атомы — молекулы, — макротела*.

Но именно этот восходящий ряд видов материи и оказывался еще одним прообразом движения от *A* к *K*.

В течение целых двух десятилетий — с 1850 по 1870 г. — Энгельс работал в торговой фирме в Манчестере с тем, чтобы материально обеспечить для Маркса возможность вести научные исследования в области политической экономии. Поэтому свободного времени у самого Энгельса не оставалось для осуществления какой-либо фундаментальной работы в излюбленной им области. А одной из таких областей у него и было теоретическое естествознание, которым он настойчиво и упорно занимался, находясь в Манчестере.

Когда в 1870 г. у Энгельса закончился контракт с торговой фирмой и он переехал в Лондон, чтобы быть рядом с Марксом, перед ним встал вопрос, как ему осуществить, вероятно, уже давно лелеемое им намерение создать труд в области близких ему научных интересов.

Возможный замысел «Анти-Бюхнера» (1873 г. февраль). Итак, к началу 1870-х годов (т. е. к моменту своего переезда из Манчестера в Лондон) Энгельс стоит на уровне всего современного ему естествознания. Теперь он, по-видимому, ищет темы для своего будущего произведения, в котором

могло быть дано диалектическое обобщение результатов естествознания и его истории и вместе с тем могло бы найти место творческое применение

марксистского диалектического метода.

Engel

Rechenhilf!

Das ist die erste, die ich in dieser...
die ich in dieser...
die ich in dieser...

Die zweite ist die...
die ich in dieser...
die ich in dieser...

Die dritte ist die...
die ich in dieser...
die ich in dieser...

Die vierte ist die...
die ich in dieser...
die ich in dieser...

Die fünfte ist die...
die ich in dieser...
die ich in dieser...

Die sechste ist die...
die ich in dieser...
die ich in dieser...

Die siebte ist die...
die ich in dieser...
die ich in dieser...

Die achte ist die...
die ich in dieser...
die ich in dieser...

Die neunte ist die...
die ich in dieser...
die ich in dieser...

Die zehnte ist die...
die ich in dieser...
die ich in dieser...

Die elfte ist die...
die ich in dieser...
die ich in dieser...

Die zwölfte ist die...
die ich in dieser...
die ich in dieser...

Die dreizehnte ist die...
die ich in dieser...
die ich in dieser...

В начале 1873 г. в качестве такой темы намечается нечто вроде «Анти-Бюхнера» [1, 20, с. 516 — 520] (см. фотокопию 1). Это был фактически первый замысел Энгельса, изложенный в виде фрагмента под заголовком «Бюхнер». Замысел сводился в своей основе к противопоставлению диалектики и метафизики как в историко-философском и вообще историко-научном, так и в методологическом разрезе. Главная идея такого противопоставления — показать, что освобожденная от мистицизма диалектика (имеется в виду материалистически переработанная диалектика Гегеля) становится абсолютной необходимостью для современного Энгельсу естествознания. В этом пункте замысел Энгельса совпадал с замыслом Маркса 1858 г.: и там и здесь речь шла о том, чтобы освободить гегелевскую диалектику от того мистицизма, мистификаторства, которым пронизал ее сам Гегель.

Само собой разумеется, что, кроме своей позитивной части, план «Бюхнер» содержал значительную критическую часть, направленную против вульгарного материализма, а также против использования Бюхнером и К^о эволюционного учения в духе социал-дарвинизма. Все это обещало достаточно интересную и содержательную книгу философского характера, в которой должны были получить философскую трактовку с позиций материалистической диалектики результаты современного Энгельсу естествознания и его предшествующая история.

Но все же что-то не удовлетворяло Энгельса в этом замысле и в этом плане. Можно легко догадаться, что подобное «что-то» касалось основного пункта, содержавшегося в свое время в замысле Маркса, а именно возможности развернуть и конкретизировать (в данном случае применительно к естествознанию) метод диалектики как метод восхождения от абстрактного к конкретному.

В самом деле, несмотря на то что в плане «Бюхнер» был намечен исторический подход к анализу противопоставления диалектики и метафизики, в данном замысле все же еще не находило места применение основного метода диалектики, т. е. метода восхождения от абстрактного к конкретному. А без этого идея развития в ее логически очищенной, теоретически абстрактной форме не могла получить своей реализации в данном научном исследовании. Можно предположить, что, не приступая еще к работе над «Анти-Бюхнером», Энгельс стал искать ответа на вопрос: каким образом можно было бы применить к естествознанию указанный метод диалектики? Если бы это ему удалось сделать, задуманная им работа находилась бы в полном соответствии с задуманной Марксом в 1858 г. работой по изложению диалектики и ее метода, но только, конечно, будучи преломленной в области естественных наук. Можно допустить, что подобные

раздумья заняли у Энгельса около четырех месяцев начиная с февраля 1873 г., поскольку по поводу задуманного Энгельсом «Анти-Бюхнера» встречается краткое указание в письме В. Либкнехта Энгельсу от 8 февраля 1873 г. [1, 20, с. 727, примеч. 376]. Но можно также допустить, что раздумья эти продолжались короче и окончательная тема была найдена гораздо быстрее, причем с помощью той же «Философии природы» Гегеля, которую просил Энгельс Маркса прислать ему за 15 лет перед тем. В самом деле, если эта книга могла ему помочь в 1858 г., когда он только еще начинал работать в области естествознания, то почему не допустить, что именно к ней он обратился 15 лет спустя, когда выбирал тему и направление для своей фундаментальной работы в той же области? Может быть, заключительная фраза плана предполагаемого «Анти-Бюхнера» способна пролить некоторый свет на этот вопрос: «Гегель, у которого [...] синтез наук о природе и их рациональная группировка представляют собой большее дело, чем все материалистические глупости, вместе взятые» [1, 20, с. 520].

Упомянутый здесь синтез наук о природе и их рациональная группировка изложены Гегелем именно в «Философии природы». Не логично ли допустить, что, закончив такими словами свой набросок «Бюхнер», Энгельс тут же вспомнил более детально и задумался над тем, в чем именно состояли и этот синтез естественных наук у Гегеля и эта рациональная их классификация, и обратился вновь к самой книге Гегеля? А книга Гегеля уж подсказала ему путь, по какому надо двигаться в целях достижения философских выводов из современного Энгельсу естествознания и осуществления обобщений его результатов с диалектических позиций.

В самом деле, в письме от 14 июля 1858 г. Энгельс уже проанализировал с философской точки зрения закон сохранения и превращения энергии надо полагать, что, получив «Философию природы» Гегеля, он просмотрел ее вновь под углом зрения проведенного им философского анализа названного закона. В таком случае, продолжая теперь, весной 1873 г., развивать свои мысли в том же направлении, он и пришел к основному замыслу будущей «Диалектики природы». А о том обстоятельстве, что книга Гегеля сыграла в данном случае не последнюю роль, можно судить по ссылкам на нее, которые постоянно встречаются у Энгельса.

В плане «Бюхнер» встречается еще одно упоминание о Гегеле в связи с естествознанием: «Сравни химиков (за исключением Шорлеммера, который знает Гегеля) и „Целлюлярную патологию" Вирхова, где общие фразы должны в конце концов прикрыть беспомощность автора. Освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания» [1, 20, с. 520]. Здесь ход мысли Энгельса явно переключается

с замыслом Маркса об освобождении гегелевской диалектики от ее мистифицирования Гегелем.

Рождение замысла. Его стержень. Его ограниченность

Решение Энгельсом задачи о выборе темы и направления исследования в области естествознания пришло 30 мая 1873 г. (фотокопия 2). В письме Марксу в этот день Энгельс подробно излагает свой новый замысел, целиком сводящийся к применению метода диалектики (метода восхождения от абстрактного к конкретному) к основной части неорганического естествознания, охватывающей три науки — механику, физику и химию, включая выход процесса развития за пределы химии и переход его в область органической природы (жизни).

Письмо начиналось со слов о том, что Энгельсу пришли диалектические мысли по поводу естествознания [1, 33, с. 67]. Далее фактически излагался *план* задуманной работы: «Предмет естествознания — движущая материя, тела. Тела неотделимы от движения: их формы и виды можно познавать только в движении; о телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать. Лишь в движении тело

St. Petersburg 73

: Aug 1873 [Falsch gelesene meine Ansicht. C.S.]

Lieber Max

Deine Meinung im Brief ist mir folgendermaßen
bekannt über die Naturwissenschaft in den Körper
kommen:

Es geht um die Naturwissenschaft - das ist, bewegte Stoff,
die Körper, die Körper sind nicht nur die Bewegung zu verstehen,
sie formen & leben um in sie zu schauen, um Körper
nicht der Bewegung, sondern einem Verfall zu den anderen
Körpern, ist nicht zu sagen. Ist in der Bewegung, sagt der
Körper, und er ist. Die Naturwissenschaft: erkennen über die
Körper, indem sie sie in ihrer Bewegung aufeinander, in
der Bewegung, betrachtet. Die Erkenntnis der Wissenschaft
Bewegungsformen ist die Erkenntnis der Körper, die Natur-
wissenschaft dieses Wissenschaften Bewegung formen als Gegen-
stand der Naturwissenschaft.

Die einfachste Bewegungsform ist die Umlaufbewegung
/ Umlauf der Erde, um den alten Erde meine Gedanken zu
für sie vorliegende Bewegung.

Es Bewegung umlaufend Körper nicht nicht nicht,
relativ gesehen kann jeder der fall als ein solches gelten.
die Bewegung = zusammen, werden Körpern gegenüber einem Punkte.
Punkt. Bedeutet das die Einzelkörper zu einem anderen Punkt.
Ist es nach dem Centrum sich bewegen soll, fällt es genau
aufeinander mit der Umlauf Bewegung, aber diese
nicht gleichzeitig ist.

Es im Gedanken der fließende, fallen nicht auf die Umlauf.
Bewegung umlaufend Körper - statische Bewegung, Umlauf.
mit, fließend - fließend statische in der Bewegung.
Die wichtige Umlauf dieser Bewegung ist statisch fließend
immer - der Körper, der sich umlaufend Körper, sie fallen

Фотокония 2

Факсимиле письма Энгельса к Марксу от 30 мая 1873 г.

обнаруживает, что оно есть. Поэтому естествознание познает тела, только рассматривая их в отношении друг к другу, в движении. Познание различных форм движения и есть познание тел. Таким образом, изучение этих различных форм движения является главным предметом естествознания» [1, 33, с. 67 — 68].

Такова была *вводная часть* задуманной Энгельсом работы, в которой определялся *предмет* исследования. Против процитированного абзаца на полях Шорлеммер отметил: «Очень хорошо; таково и мое собственное мнение. — К. Ш.».

Далее шла основа замысла, составившая главную часть всего плана задуманной работы. Именно в этой главной ее части реализуется диалектический метод, метод восхождения от *A* к *K* в его применении к тогдашнему естествознанию.

Одновременно с разбираемым здесь письмом тот же план, содержащий замысел всей будущей работы, Энгельс внес в материалы этой своей работы, которую с этого момента он стал активно подготавливать. В записях Энгельса этот первоначальный план-замысел озаглавлен «*Диалектика естествознания*» [1, 20, с. 563 — 564]. Таково, вероятно, было самое первое предположительное название задуманного Энгельсом труда. Его план, изложенный в письме от 30 мая 1873 г. и в основном совпадающий с планом, содержащимся в заметке «*Диалектика естествознания*», мы будем в дальнейшем для краткости именовать «замыслом-планом» или, еще короче, «з-планом». В нем отражены два открытия, сделанные в этот день Энгельсом.

Первое открытие состояло в том, что Энгельс охватил общим понятием «форма движения» всю природу — и неорганическую и органическую. До этого момента неорганическая природа была охвачена понятием «энергия», поскольку все явления, совершающиеся в ней, подчинялись единому закону сохранения и превращения энергии (движения). Органическая же природа была охвачена понятиями, связанными с эволюционным учением Дарвина и клеточной теорией. Как раз здесь и представлены те три великих открытия естествознания второй трети XIX в., о которых речь шла выше. В день, когда у Энгельса родился замысел его будущей «*Диалектики природы*», он ввел более общее понятие «форма движения», которым охватил одновременно и все виды энергии, представляющие неживую природу, и все проявления жизни, т. е. живой природы. Его первый вывод гласил: «Следовательно, природа движущихся тел вытекает из форм движения» [1, 20, с. 563].

Второе открытие оказалось стержневым и решающим: различные формы движения располагались у Энгельса в его з-плане в последовательный ряд согласно методу восхождения от абстрактного к конкретному. На первое

место (так сказать, в качестве исходной «клеточки» изучаемого предмета) Энгельс поставил механическое движение: «I. Первая наипростейшая форма движения — это механическое, простое перемещение» [1, 20, с. 563], — записал он в з-плане. В письме от 30 мая 1873 г. это положение сформулировано так, что подчеркнута здесь связь с идеями Гегеля, касающимися механики (например, понятия «места»), как они изложены в «Философии природы»: «I. Простейшая форма движения, это — перемена *места* (во времени, чтобы доставить удовольствие старому Гегелю), *механическое движение*» [1, 33, с. 68].

Дальше способ восхождения от Л к К Энгельс применяет и при рассмотрении самой механики. Вспомним, что у Гегеля в «Философии природы» речь шла, например, о *падении* как *относительно свободном движении*, как об абстрактном полагании *центра* и о системе многих тел с общим для них центром. Теперь мы находим близкий к этому ход рассуждений, так что создается впечатление, что в тот момент, когда составлялся з-план, или же незадолго перед тем Энгельс держал в руках «Философию природы» Гегеля и старался с позиций материализма освободить заключенный в ней диалектический метод (метод восхождения от А к К) от мистифицирования его Гегелем.

Так, в свое письмо Энгельс заносит следующие подпункты пункта 1 (Механика) з-плана: «а) Движения *отдельно взятого* тела не существует; однако, говоря относительно, таким движением можно считать *падение*. Движение к одной центральной точке, общей для многих тел. Но как только отдельное тело должно двигаться не к центру, а в *ином* направлении, то, хотя оно и по-прежнему подчиняется законам *падения*, но эти законы видоизменяются» [1, 33, с. 68]. (Тут Шорлеммер снова записал сбоку на полях: «Совершенно верно!»)

Далее в подпункте «b» говорилось, что законы падения видоизменяются в законы траектории и ведут прямо к взаимному движению многих тел — планетарное и т. д. движение, астрономия, равновесие — временное или кажущееся в самом движении. «Но *действительным* результатом этого рода движения в конце концов бывает всегда *контакт* движущихся тел; они падают друг на друга» [1, 33, с. 68].

В заметке «Диалектика естествознания» оба эти подпункта «а» и «b» сформулированы очень кратко.

В последнем подпункте «с» пункта о механике Энгельс говорит о путях и способах перехода механического движения в физические его формы. Это нечто совсем уже новое по сравнению с Гегелем. В заметке «Диалектика естествознания» начало подпункта «с» гласит: «Движение соприкасающихся

тел в их отношении друг к другу — давление. Статика. Гидростатика и газы. Рычаг и другие формы собственно механики, которые все в своей наипростейшей форме контакта сводятся к трению и удару, отличающимся между собой только по степени» [1, 20, с. 564].

В письме от 30 мая 1873 г., говоря о механике контакта, Энгельс указывает, что контакт тел проявляется непосредственно в двух формах — в трении и ударе, которые при определенной степени интенсивности и определенных условиях производят новые, уже не только механические, а физические действия.

Итак, Энгельс проследил, как от исходной «клеточки» путем контакта, которым неизбежно завершается всякое отдельное механическое движение, осуществляется переход к другим, более сложным, более развитым и содержательным формам движения, а именно его физическим формам. При этом он назвал две наипростейшие формы контакта: трение и удар. Таким образом, в качестве проявлений «клеточки» изучаемого предмета (наипростейшей формы движения) Энгельс указывает и наипростейшие ее следствия (формы контакта).

Заметим, что Энгельс еще не успел раскрыть внутренних *противоречий*, заключенных в найденной им «клеточке» изучаемого предмета, и весь его 3-план учитывает пока что лишь *переходы* между различными формами движения, иначе говоря, процесс восхождения от низшего, простейшего ко все более и более высокому и сложному. Раскрытие и прослеживание этого процесса и означают, что Энгельсу удалось здесь начать творчески применять метод восхождения от абстрактного к конкретному, т. е. метод диалектики, который никак не находил своего практического использования в рамках замысла и конспекта «Анти-Бюхнера».

Не раскрывая пока еще внутренних противоречий, заложенных в механическом движении и определяющих процесс развития неорганической природы, Энгельс достаточно глубоко раскрыл две крайние формы, которыми завершается каждое отдельное механическое движение в природе — трение и удар, которые, как он отметил, отличаются между собой только по степени. Позднее, в статье «Теплота», Энгельс пояснил, что означает это выражение: «отличающиеся друг от друга только по степени». Он писал: «Трение можно рассматривать как ряд маленьких ударов, происходящих друг за другом и друг подле друга; удар можно рассматривать как концентрированное в одном месте и на один момент трение. Трение — это хронический удар, удар — мгновенное трение» [1, 20, с. 428].

Кстати сказать, этим Энгельс предвосхитил позднейшие высказывания насчет существования двух форм скачка (перехода от старого качества к новому): взрыв (разовый удар) и постепенность накопления элементов нового качества.

В дальнейшем развертывание 3-плана у Энгельса основано на выявлении — в порядке восхождения от низшего к высшему, от простого к сложному — перехода механического движения в различные физические формы движения и взаимных переходов этих последних друг в друга. Энгельс обращает внимание на то, что «трение и удар, т. е. в сущности контакт, имеют и другие, здесь никогда не указываемые естествоиспытателями следствия: при определенных обстоятельствах они производят звук, теплоту, свет, электричество, магнетизм.

2. Эти различные силы... а) переходят друг в друга и взаимно замещают друг друга, и «b») на известной ступени количественного нарастания каждой из этих сил, различной для каждого тела ...появляются *химические* изменения. И мы попадаем в область химии» [1, 20, с. 564].

Далее Энгельс отмечает, что химия исследует и синтезирует органические соединения и что «здесь химия подводит к органической жизни и... что *она одна* объяснит нам диалектический переход к организму» [1, 20, с. 564].

Так Энгельс осуществил первый переход — от механики (п. 1) к физике (п. 2) и второй переход — от физики (п. 2) к химии (п. 3) и наметил третий переход — от химии (п. 3) к биологии. В письме от 30 мая 1873 г. п. 2 начинается так: «*Собственно физика* — наука, изучающая эти формы движения⁸, исследовав каждую из них в отдельности, констатирует, что при определенных условиях они *переходят друг в друга*, и в заключение находит, что все они при определенной степени интенсивности... вызывают действия, которые выходят за пределы-физики, изменения внутреннего строения тел — *химические* действия» [1, 33, с. 68].

В п. 3 «*Химия*» сказано, что главной задачей химии все более и более становится искусственное изготовление тел, возникающих из процесса жизни. Химия «образует переход к науке об организме, но диалектический переход может быть установлен только тогда, когда химия совершит этот действительный переход или будет близка к этому» [1, 33, с. 71].

(«В этом-то и суть!» — заметил на полях письма Шорлеммер).

Здесь мы снова видим, как перекликаются идеи Энгельса и замысел его будущей «Диалектики природы» с соответствующими разделами

⁸ Они перечислены в конце п. 1. — Б. К.

«Философии природы» Гегеля, где переход от неживой природы к живой («от прозы к поэзии природы») осуществляется, по Гегелю, через химизм.

В меньшей степени такая перекличка идей заметна и в п. 4 3-плана, изложенного в заметке «Диалектика естествознания». Этот пункт гласит: «Но *действительный* переход⁹ только в *истории* — солнечной системы, Земли; *реальная* предпосылка органической природы» [1, 20, с. 564].

Вспомним, что у Гегеля в «Философии природы» геологическая природа характеризуется как основа и почва жизни, которую жизнь себе предпосылает как свое Другое.

Сказав в п. 4 о *реальной* предпосылке органической природы, Энгельс завершает свой 3-план нераскрытым п. 5, где лаконически записано: «Органическая природа». В письме Марксу от 30 мая 1873 г. Энгельс пояснил, почему этот пункт остается в 3-плане нераскрытым:

«Организм, — писал Энгельс, — здесь я пока не пускаюсь ни в какую диалектику» [1,33, с. 71]. «Я *тоже*. — К. Ш.», — отмечает на полях Шорлеммер. Оговорку «пока не пускаюсь» мы постараемся объяснить так. Она связана, по-видимому, с тем, что метод восхождения от *A* к *K* мог быть продемонстрирован достаточно ярко и убедительно на одном неорганическом естествознании, и этим уже достигалась в известной степени цель, которую преследовал Энгельс. Это, во-первых, и об этом подробнее мы еще скажем ниже. А во-вторых, у Гегеля в «Философии природы» в части «Органической физики» не было столь же детально прослежено диалектическое построение наук, как в случае механики, физики и химии, а потому здесь не было готовой уже канвы, от которой можно было бы оттолкнуться путем ее критической переработки с позиций материализма, как это допускали разделы «Механика» и «Физика», посвященные неорганическому естествознанию.

Итак, процесс восхождения прослежен Энгельсом в 3-плане, начиная от зародышевой, исходной «клеточки» (механического движения) до момента выхода процесса развития за пределы неживой природы и перехода его в область живой природы. Тем самым уже в день рождения замысла всей работы и составления первого наброска ее плана Энгельс показал применимость к исследованию указанного отрезка процесса развития природы метода диалектики, метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Первоначально главная задача Энгельса, очевидно, состояла не в том, чтобы охватить диалектическим анализом сразу все современное ему

⁹ К организму. — Б. К.

естествознание, включая биологию, физиологию и антропологию, стоящую уже на грани с историей, а в том, чтобы в качестве самого первоочередного выполнить исследование, ограниченное рамками развития неорганического естествознания, включая выход за его пределы путем химического синтеза жизни. Ведь уже выполнение такой, хотя и ограниченной указанными пределами, работы показало бы действенность метода диалектики и его приложимость к определенным отраслям естествознания, где почва для конкретизации метода восхождения от абстрактного к конкретному была уже достаточно хорошо подготовлена благодаря, во-первых, открытию и разработке закона сохранения и превращения энергии, во-вторых, успехам органической химии, раскрывающей в перспективе основы для создания учения о химическом происхождении жизни на Земле.

Ведь главным на этом этапе работы творческой мысли Энгельса было доказать естествоиспытателям применимость метода диалектики к естествознанию, причем доказать убедительно, обоснованно, а для этого он поневоле должен был ограничить объем философски обобщаемого естественнонаучного материала. Вот почему, как нам кажется, он из своего 3-плана с самого же начала решил исключить всю *биологию*, кроме одной лишь не решенной еще в то время проблемы о химическом происхождении жизни на Земле.

Вместе с тем в 3-план не была включена и *математика*, которая не является естественной наукой, хотя она в то время была теснейшим образом связана с механикой. Ведь предметом математики служат определенного рода абстракции (количественных и пространственных отношений), но не какие-либо конкретные формы движения материи. Поэтому, приняв механическое движение за исходную «клеточку» изучаемого предмета, Энгельс уже тем самым определил начальный пункт построения всего своего будущего труда. Таким его начальным пунктом становилась механика, за которой должны были следовать физика и химия; в этом и состояло главное всего задуманного исследования, основанного на учете восхождения от простого к сложному, от низшего к высшему. При таком подходе для математики не оставалось места в задуманном плане всей работы.

В ряду форм движения не было выделено и особой геологической формы движения, поскольку предусматривалось, что процесс восхождения совершается от химической формы движения непосредственно к биологической (к жизни) и соответственно от химии к биологии. В 3-плане геология в неясном виде представлена как изучающая *действительный* переход от неорганической природы к жизни в истории Солнечной системы, Земли, как имеющая дело с *реальной* предпосылкой органической природы.

Короче говоря, стержень всего процесса восхождения в 3-плане представлен последовательностью трех наук — механика, физика, химия — с намечаемым переходом от химии к биологии. Остальные науки рассматриваются либо как вспомогательные (сюда можно отнести, во-первых, геологию по отношению к биологии, точнее сказать, к области перехода от химии к биологии, во-вторых, математику по отношению к механике и в некоторой степени к физике), либо как изучающие наиболее сложные формы движения (например, биологическую), которые Энгельс оставил за пределами своего 3-плана.

Сравнивая 3-план (30 мая 1873 г.) с планом-конспектом «Бюхнера» (? февраль 1873 г.), мы обнаруживаем, что за несколько месяцев, разделивших собой оба плана, Энгельс значительно сократил объем вопросов и самих отраслей науки, охваченных задуманным исследованием. В плане «Бюхнер» присутствует и математика, поскольку исторически вступление диалектики в науку впервые произошло именно в области высшей математики в XVII в.; в плане «Бюхнер» присутствуют и биология, физиология — клетка, эволюционное учение и т. д., поскольку они подтверждали рациональную диалектику в XIX в.; в этом плане большое место отводилось критике вульгарного (плоского) материализма и другим вопросам, касавшимся борьбы диалектики и метафизики. Все это отсутствовало в 3-плане. Но зато в нем присутствовало главное, стержневое, чего не было в плане «Бюхнер», а именно упоминавшаяся уже неоднократно конкретизация метода диалектики, метода восхождения и его приложение к неорганическому естествознанию и к его пограничной с органическим естествознанием области.

Сравнительный анализ содержания плана «Бюхнер» (? февраль 1873 г.) и 3-плана (30 мая 1873 г.) показывает, в *каком именно направлении* развивались за эти весенние месяцы 1873 г. мысли и замыслы Энгельса, *что* именно не удовлетворяло его в плане «Бюхнер» и *что* он, наконец, отыскал и выразил в 3-плане. Сомнений тут не может быть: ход мыслей Энгельса был направлен на то, чтобы отыскать в естественных науках их общий диалектический стержень, раскрытие которого дало бы возможность конкретно применить здесь метод диалектики, метод восхождения от абстрактного к конкретному. Именно этот поиск и завершился разработкой 3-плана.

Сравним теперь 3-план, изложенный в письме от 30 мая 1873 г., с тем же 3-планом, записанным в заметке «Диалектика естествознания». В какой последовательности составлялись Энгельсом обе записи? Легко заметить, что в письме *отсутствует* упоминание многих наук, на которые сделаны ссылки в заметке. Это статика, гидростатика и газы (т. е. учение о газах), а также акустика в подпункте «с». Это физика небесных тел, химия небесных тел и кристаллография как часть химии в п. 2. Это планетная космогония

(история Солнечной системы) и геология (история Земли) как изучающие реальную предпосылку органической природы в п. 4.

Все это полностью отсутствует в письме, и можно предполагать, что было записано после составления письма в порядке развития и расширения выдвинутой в письме основной идеи, т. е. замысла будущей книги. Можно также допустить, что заметка «Диалектика естествознания» писалась, вероятно, сразу же после составления письма Марксу. Она была записана на листе бумаги вслед за фрагментом «Бюхнер» и открывала собой последующий ряд заметок, уже прямо предназначенных в качестве подготовительного материала для задуманного Энгельсом труда.

А о том, что такой труд был уже тогда же задуман, свидетельствует постскрипtum в письме Энгельса Марксу от 30 мая 1873 г.: «Если вы полагаете, что все это имеет какое-либо значение — не рассказывайте никому об этом, чтобы какой-нибудь паршивый англичанин не обокрал меня; обработка, во всяком случае, потребует еще много времени» [1, 33, с. 71].

Заметки Шорлеммера на этом письме объясняются следующим. Энгельс писал Марксу в том же письме, что поскольку Маркс в тот момент находился «в центре естествознания» (т. е. у Шорлеммера в Манчестере), то он сможет судить лучше всего о том, что тут (в письме Энгельса) есть верного. «Судить лучше всего» в данном случае и означало получить оценку Шорлеммера.

Итак, в качестве первой записи в материалы будущей «Диалектики природы» Энгельс включил план-конспект «Бюхнер», имея, очевидно, в виду использовать некоторые его идеи в своей будущей книге. Сверху на первом листе этого фрагмента он, возможно позднее, записал «Натурдиалектика I»; это указывало на появление еще одного варианта названия задуманного труда наряду с «Диалектикой естествознания». Второй записью, включенной в те же материалы, оказался 3-план упоминавшейся уже не раз заметки «Диалектика естествознания».

* * *

Мы не хотели, конечно, сказать, что Энгельс в какой-то мере просто *повторял* идеи и рассуждения Гегеля; нет, он *следовал* за ними в целях их *коренной переработки*, в целях освобождения заключенного в них диалектического метода, метода восхождения от *A* к *K* от его мистифицирования Гегелем. Наша задача в данном случае в том и состояла, чтобы показать, что замысел «Диалектики природы» и самый 3-план родились у Энгельса именно как оформление идеи материалистической переработки гегелевской «Философии природы» и лежащего в ее основе метода восхождения от *A* к *K* в его гегелевском истолковании, но,

разумеется, в соответствии с новейшим по тому времени уровнем развития естествознания.

Позднее Энгельс все больше стал отрываться от этого первоначально возникшего и сравнительно ограниченного замысла, все больше вносил в него своих собственных идей и мыслей, уже никак не связанных с «Философией природы» Гегеля; однако сложившийся с самого начала *стержень* 3-плана сохранялся в своей основе неизменным. Таким стержнем служил метод восхождения от *A* к *K*, воплощенный в последовательном изложении наук неорганического естествознания — механика, физика, химия — с выходом за пределы собственно химии в пограничную область с биологией,

Очерк 5 Реализация замысла

*Мы видели в предыдущем очерке, что первоначально замысел будущей «Диалектики природы» возник в его ограниченной форме, как исключаящий математику и биологию с антропогенезом. Ибо Энгельсу важно было в тот момент определить ту область науки, где метод восхождения от *A* к *K* мог быть применен достаточно уверенно и обоснованно, на хорошо обработанной почве. Отсюда — ограничение тремя отраслями неорганического естествознания: механикой, физикой и химией. В течение первого трехлетия после рождения замысла (до «Анти-Дюринга») Энгельс был занят собиранием материалов для своей будущей книги, и только в конце этого этапа он пишет первую главу — «Историческое введение». В течение следующего двухлетия он занят «Анти-Дюрингом» и хотя непосредственно над «Диалектикой природы» не работает, но за это время углубляет свой замысел. В последующее пятилетие (до смерти Маркса) главное внимание он переносит на связное и последовательное изложение глав своей книги. Наконец, двенадцать лет после смерти Маркса уходят у Энгельса на другие труды, только некоторые неиспользованные материалы он включает в свою «Диалектику природы».*

В итоге можно наметить несколько существенно различных этапов работы Энгельса над этой книгой. Таких этапов можно выделить четыре. Перенумеруем их римскими цифрами: (I) с 1873 по конец мая 1876 г. (доантидюринговский); (II) с конца мая 1876 по начало июля 1878 г. (антидюринговский); (III) с июля 1878 по середину марта 1883 г. (послеантидюринговский); (IV) с середины марта 1883 до августа 1895 г. (этап работы над II и III томами «Капитала», которая была завершена в декабре 1894 г.). Из них частично для «Диалектики природы» и вообще для

философских вопросов естествознания Энгельсу удавалось вырвать небольшое время лишь в течение 1884 — 1886 гг.

На каждом из этих этапов мы будем выяснять, как Энгельс разрабатывал и углублял метод восхождения от А к К в его приложении к естествознанию, что составило стержень замысла всего будущего его труда.

Начало разработки замысла и его углубление I этап (1873 — 1876)

В течение всего I этапа сохранялся, по-видимому, в основном первоначальный з-план, однако фактически подготовительная работа захватывала значительно более широкий круг вопросов, нежели это было предусмотрено в з-плане. В частности, Энгельс сделал много заметок, относящихся к биологии и математике. Значит ли это, что уже на I этапе он намеревался включить и эти науки в основной ряд наук, расположенных согласно методу восхождения от А к К? Или этому можно найти другое объяснение?

В очерке 7 мы покажем, как можно еще иначе (но, на наш взгляд, неправильно) объяснить интерес к математике и биологии, будто бы появившийся у Энгельса уже в то время. Такое объяснение исходило бы из допущения, что Энгельс почти с самого начала будто бы отказался от з-плана и перешел к учету более расширенного ряда наук, включающего в себя и математику и биологию.

Мы полагаем, что в течение не только всего I, но и II этапа и даже в начале III этапа Энгельс в основном придерживался своего э-плана в смысле ограничения главной части своей работы лишь тремя отраслями неорганического естествознания по причинам, о которых уже было сказано в очерке 4. В самом деле, примерно в 1874 г., т. е. в середине I этапа, Энгельс в заметке «*Взаимодействие...*» продолжает высказывать ту мысль, что из рассмотрения форм движения *пока* приходится исключить органическую жизнь. Он как бы повторяет то, что было им сказано в конце письма от 30 мая 1873 г. при составлении з-плана. Так, в приводимой заметке он пишет: «Мы наблюдаем ряд форм движения: механическое движение, теплоту, свет, электричество, магнетизм, химическое соединение и разложение, переходы агрегатных состояний, органическую жизнь, которые все — если исключить *пока* органическую жизнь — переходят друг в друга, обуславливают взаимно друг друга... Механическое движение превращается в теплоту, электричество, магнетизм, свет и т. д., и *vice versa*¹⁰. Так естествознанием подтверждается то, что говорит Гегель (где?), — что взаимодействие является истинной *causa finalis*¹¹ вещей. Мы не можем пойти

¹⁰ Наоборот. — Б. К.

¹¹ Конечной причиной. — Б. К.

дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади его нечего больше познавать. Раз мы познали формы движения материи... то мы познали самоё материю, и этим исчерпывается познание» [1, 20, с. 546].

По сути дела, здесь лишь другими словами изложен 3-план с его стержнем и вместе с тем с его исходной ограниченностью.

В самом деле, здесь прежде всего охарактеризован предмет естествознания в виде форм движения, причем они рассматриваются в их взаимодействии. Затем здесь применен тот же, как и раньше, метод восхождения от *A* к *K* при перечислении этих форм движения, но лишь добавлены переходы агрегатных состояний, что, очевидно, включено здесь в предпосылки органической жизни. Последняя же *пока* исключается из рассмотрения, до тех пор пока не будет открыт переход между ней и формами движения, господствующими в неорганической природе. Наконец, и это для нас тоже представляет большой интерес, Энгельс по-прежнему ищет истоки диалектических положений естествознания в трудах Гегеля, хотя в данном случае он и не может точно вспомнить, где именно они были Гегелем высказаны (отсюда — его вопросительное замечание в скобках: «где?»).

Но в таком случае, как можно объяснить появление у Энгельса многочисленных заметок по биологии. Одни из них касались заключительной части п. 3 (*Химия*) 3-плана, говорящего о переходе от химизма к жизни или вообще о соотношении между химизмом и организмом (жизнью). Сюда относятся заметки «*Реакция*» и «*Жизнь и смерть*» [1, 20, с. 610]. В первой говорится о *самостоятельной* силе реагирования у *органического* тела в отличие от механической, физической и химической реакции; во второй — о диалектическом понимании жизни, которая всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, — смертью, причем смерть выступает как разложение органического тела на свои химические составные части.

Однако все же большинство других заметок биологического характера, сделанных на 1 этапе, касается вопросов собственно биологии и философских категорий, сюда относящихся. Возможно, что Энгельс стал готовить такие заметки в связи с тем, что основной части задуманной им работы он уже в 1874 г. решил предпослать общее историческое введение, в котором освещались бы не только науки, включенные с самого начала в 3-план, но все естествознание со всеми его отраслями, включая, разумеется, и биологию, а также и математику. Поэтому наряду с заметками по биологии начиная с 1874 г. в записях Энгельса начинают появляться также и заметки по математике.

Разработка замысла, таким образом, уже вскоре привела к расширению 3-плана за счет появления нового раздела — «Историческое введение» [1, 20, с. 343]. Цель такого Введения заключалась, по-видимому, в том, чтобы дать более широкое обоснование метода восхождения от A к K , который был положен Энгельсом, как мы видели, в основу 3-плана. В 3-плане данный метод применялся лишь к формам движения материи как объектам природы, переходы между которыми могут совершаться в локальных, местных условиях. Много лет спустя Дж. Б. С. Холдейн в своих примечаниях к английскому изданию «Диалектики природы» (1940) следующим образом прокомментировал отмеченный характер метода восхождения от A к K у Энгельса; когда спичку трут слегка о шероховатую поверхность спичечной коробки, спичка нагревается — механическое движение переходит в физическое (тепловое); когда ее трут все сильнее и сильнее, она загорается — физическое движение переходит в химическое, а это последнее в свою очередь порождает свет и тепло. Здесь мы ясно видим, что весь цикл восхождений и превращений носит местный, сугубо локальный характер и вместе с тем ограничен рамками объективно протекающих явлений природы.

В «Историческом введении» Энгельс решил проследить тот же процесс восхождения от A к K в двух новых аспектах: во-первых, в аспекте истории *познания* природы, истории естествознания, т. е. в субъективном разрезе, и, во-вторых, в аспекте истории всей природы, проходимых ею ступеней, т. е. в объективном разрезе, отраженном в виде восхождения от A к K .

В 1874 — 1875 гг. с целью разработки первого аспекта Энгельс написал фрагмент под заглавием «Из области истории», начинающийся фразой: «Необходимо изучить *последовательное развитие* отдельных отраслей естествознания», а затем этому вопросу посвятил целиком первую часть «Исторического введения». Второй аспект представлен во второй части того же Введения, которая была написана в 1876 г. (возможно, что и первая его часть была написана тоже в 1876 г.). И в том и другом случае — когда речь идет о развитии познания (мысли) и о развитии объекта (природы) — наблюдается процесс восхождения от A к K , причем проходимые ступени в обоих случаях совпадают с теми, какие фигурируют в 3-плане: механика, физика, химия, за которой должна следовать биология, а перед ней в качестве ее предпосылки стоит геология (вместе с минералогией и метеорологией).

Принцип восхождения от A к K выражен Энгельсом в виде следующей схемы [1, 20, с. 510], показывающей последовательное возникновение и развитие сначала математических, затем естественных наук и, наконец, наук о человеке (медицинских):

Астрономия	Физика	Геология	Физиология растений	Терапевтика
Механика	Химия	Палеонтология	Физиология животных	Диагностика
Математика		Минералогия	Анатомия	

Как видим, здесь движение и переход от одной группы наук к другой совершаются в порядке восхождения от *A* к *K*, причем сюда включена не только стержневая часть естественных наук, отражающих неорганическое естествознание (астрономия, механика, физика и химия), но и математика как предпосылка механики, и биология с геологическими науками, изучающими предпосылку живой природы, и науки о человеке (медицинские).

Разъяснение этой схемы дано в отрывке, который начинается фразой: «Необходимо изучить *последовательное развитие* отдельных отраслей естествознания» [1, 20, с. 500]. Оно звучит так: «Сперва *астрономия*, которая уже из-за времен года абсолютно необходима для пастушеских и земледельческих народов. Астрономия может развиваться только при помощи *математики*». Далее, в особенности вместе с возникновением городов, крупных построек, развитием ремесла и т. п., развились *механика*. Другие же науки находились в древности в самом зачаточном состоянии.

После эпохи Возрождения (не говоря уж о математике, астрономии и механике) «физика окончательно обособляется от химии... Бойль делает из химии науку. Гарвей благодаря открытию кровообращения делает науку из физиологии... Зоология и ботаника остаются все еще собирающими факты науками, пока сюда не присоединяется палеонтология — Кювье... В конце прошлого¹² века закладываются основы геологии, в новейшее время — так называемой (неудачно) антропологии, опосредствующей переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории» [1, 20, с. 501].

В общем здесь ход последовательного развития отдельных наук соответствует приведенной выше схеме и вместе с тем принципу восхождения от *A* к *K* в истории познания.

Еще подробнее этот ход познания и его соответствие принципу восхождения от *A* к *K* Энгельс прослеживает в «Историческом введении». Здесь исходное абстрактное выступает в качестве «элементарнейшего естествознания».

¹² XVIII в. - Б. К.

Энгельс пишет, что в начавшемся первом периоде развития естествознания «первое место заняло элементарнейшее естествознание — механика земных и небесных тел, а наряду с ней, на службе у нее, открытие и усовершенствование математических методов» [1, 20, с. 348].

В приведенной выше схеме эти науки составляют первую группу математизированных наук. Дальше по степени и уровню развития Энгельс ставит механику жидких и газообразных тел, затем физику (выделяя особенно оптику, связанную с астрономией), потом химию, которая только что благодаря теории флогистона освободилась от алхимии. Далее следует геология, которая вообще «еще не вышла из зародышевой стадии минералогии, и поэтому палеонтология совсем не могла еще существовать» [1, 20, с. 348]. На последнем месте стояли биологические науки. Как видим, здесь у Энгельса нарисована та же самая картина, позволяющая ему обосновать метод восхождения от *A* к *K* данными истории естествознания.

Еще с одной стороны эти данные помогали обосновывать названный метод. Речь идет о той последовательности, с какой вступала диалектика с ее идеей развития и всеобщей связи в одну отрасль естествознания за другой. Этот процесс Энгельс называл «пробиванием *брешей* в старом окаменелом взгляде на природу». Первой на этот путь вступила в XVII в. математика (высшая): «Здесь затвердевшие категории расплавились... и заставили математиков стихийно и против их воли стать диалектиками» [1, 20, с. 519]. За ней последовала в середине XVIII в. астрономия — первая из отраслей собственно естествознания: первую брешь в окаменелом воззрении на природу пробил И. Кант своей космогонической гипотезой.

Создание химической атомистики Дж. Дальтоном в начале XIX в. закрепившейся как бы «на плечах» химической революции в химии конца XVIII в. связанной с созданием А. Л. Лавуазье кислородной теории, явилось следующей брешью в прежнем устарелом взгляде на природу. (Физика на этот раз немного запаздывала.) Далее в геологии в начале 30-х годов XIX в. Ч. Лайель заменил «внезапные, вызванные капризом творца, революции постепенным действием медленного преобразования Земли» [1, 20, с. 352].

В конце 30-х годов Шванн и Шлейден создают клеточную теорию в биологии, после чего следуют новые брешы в этой науке вплоть до появления «Происхождения видов» Ч. Дарвина в 1859 г. И только открытие закона сохранения и превращения энергии в физике в 40-х годах XIX в. несколько нарушает эту довольно строго развертывавшуюся последовательность революционных переворотов, открывавших двери диалектики в соответствии с принципом восхождения от *A* к *K*.

Во второй части «Исторического введения» Энгельс показывает, какие ступени последовательно проходила в своем развитии природа нашего мирового острова, нашей Солнечной системы и нашей Земли. Рождение солнечных систем происходило из вихреобразно вращавшихся газообразных туманностей благодаря их сжатию и охлаждению. Лаплас показал, как из отдельной туманной массы развивается Солнечная система. (Здесь речь идет, очевидно, о механическом движении.) «На образовавшихся таким путем отдельных телах — солнцах, планетах, спутниках — господствует сначала та форма движения материй, которую мы называем теплотой. О химических соединениях элементов не может быть и речи... Происходящие на Солнце механические движения проистекают исключительно из конфликта теплоты с тяжестью... Вместе с прогрессирующим охлаждением начинает все более и более выступать на первый план взаимодействие превращающихся друг в друга физических форм движения, пока, наконец, не будет... давать себя знать химическое сродство... вместе с зависящим от этого охлаждения переходом части газообразной материи сперва в жидкое, а потом и в твердое состояние... Планета приобретает твердую кору и скопления воды... Ее атмосфера становится ареной метеорологических явлений в современном смысле этого слова, ее поверхность — ареной геологических изменений... Наконец, если температура... не превышает тех границ, внутри которых является жизнеспособным белок, то, при наличии прочих благоприятных химических предварительных условий, образуется живая протоплазма» [1, 20, с. 355-356].

Далее Энгельс пишет, что следующий шаг состоял в том, что из бесформенного белка благодаря образованию ядра и оболочки возникла первая клетка. Вместе с ней была дана основа для формообразования всего органического мира. Сперва развились одноклеточные протисты, из которых одни дифференцировались постепенно в первые растения, другие — в первые животные. Последние путем дальнейшей дифференциации достигли, наконец, той ступени, на которой достигает своего наиболее полного развития нервная система (у позвоночных) вплоть до человека, в котором природа приходит к осознанию самой себя.

Итак, и здесь мы видим ту же последовательность проходимых ступеней, которая отвечает принципу восхождения от *A* к *K*. То, что отмечалось в заметке «Взаимодействие...» (переходы агрегатных состояний друг в друга), здесь выступает как ступень, предшествующая образованию геологической природы как реальной предпосылки перехода от химизма к жизни.

Таким образом, и с этой стороны метод восхождения *от A к K* получает у Энгельса дополнительное обоснование.

Наконец, еще в одном отношении этот метод находит свое оправдание и обоснование, а именно с позиций классификации наук. Восхождение от *A* к *K* в сфере познания обнаруживается не только в истории науки, т. е. в историческом аспекте, но и в систематизации наук, т. е. в логическом аспекте. Энгельс записал: «*Классификация наук*, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является вместе с тем классификацией, расположением, согласно внутренне присущей им последовательности, самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение» [1, 20, с. 564 — 565].

Здесь Энгельс снова обращается к Гегелю, который взял на себя задачу *энциклопедически резюмировать* все естествознание *старой* ньютоново-линнеевской школы (что он и выполнил в своей «Философии науки»). Но теперь, говорит Энгельс, когда в природе выявлена всеобщая связь развития, внешняя группировка материала «столь же недостаточна, как и гегелевские искусственные диалектические переходы. Переходы должны совершаться сами собой, должны быть естественными. Подобно тому как одна форма движения развивается из другой, так и отражения этих форм, различные науки, должны с необходимостью вытекать одна из другой» [1, 20, с. 565].

Таким образом, на I этапе в дополнение к первоначальному обоснованию способа восхождения от *A* к *K*. применительно к формам движения материи (см. 3-план) Энгельс рассмотрел обоснование этого способа применительно к: 1) истории научного познания, 2) истории всей природы в целом и 3) классификации наук, отражающей собой последовательную связь наук.

Но он не ограничился только этим в отношении метода восхождения *от A* к *K*. Уже на I этапе показал применение данного метода в рамках отдельных наук, причем либо охватив весь процесс восхождения, либо ограничиваясь на первых порах лишь его исходным пунктом (абстрактным). При этом Энгельс вводил в рассмотрение не только науки и формы движения, представленные в 3-плане, но и математику и биологию.

В части *математики* Энгельс обратил внимание на так называемые ее аксиомы — «те немногие мыслительные определения, которые необходимы в математике в качестве исходного пункта. Математика... исходит из понятия величины. Она дает последней скудную, недостаточную дефиницию и прибавляет затем внешним образом, в качестве аксиом, другие элементарные определенности величины, которые не содержатся в дефиниции... Анализ величины выявил бы все эти аксиоматические определения как необходимые определения величины» [1, 20, с. 572].

В области *механики* небесных тел (астрономии) Энгельс подчеркивает исходный пункт в истории образования солнц и солнечных систем: «Теория Лапласа предполагает только движущуюся материю — вращение необходимо у всех парящих в мировом пространстве тел» [1, 20, с. 589]. В заметке «*Первоматерия*» он приводит высказывание Гегеля о том, что «понимание материи как изначально существующей и самой по себе бесформенной очень древне» и что сначала это выступает в образе хаоса, который представляет собой бесформенную основу существующего мира. По этому поводу Энгельс от себя замечает: «Этот хаос мы снова находим у Лапласа; к нему приближается туманность, которая тоже имеет только еще *начатки* формы. В дальнейшем наступает дифференциация» [1, 20, с. 558].

В этой же связи, по-видимому, сделана Энгельсом заметка по поводу того, что *causa finalis* (конечная причина) — материя и внутренне присущее ей движение. «Уже на Солнце отдельные вещества диссоциированы и не различаются по своему действию. А в *газовом шаре туманности* все вещества, хотя и существуют отдельно, *сливаются в чистую материю как таковую*, действуя только как материя, а не согласно своим специфическим свойствам» [1, 20, с. 558].

В связи с этим Энгельс ссылается на Гегеля, у которого в категории взаимодействия снята противоположность между *causa finalis* и *causa efficiens* (действующей причиной).

В *механике* (земной) мы уже видели применение метода восхождения от *A* к *K*, когда Энгельс начинает рассматривать данный круг явлений с простейшего перемещения тел и завершает их контактом с переходом в область физических форм движения (теплоты и др.) через удар и трение.

В *физике* на конкретном историко-научном материале Энгельс анализирует процесс восхождения от *A* к *K* в связи с открытием закона сохранения и превращения энергии. Это сделано им на III этапе своей работы (будет рассмотрено в очерке 7).

В *химии* тот же метод был применен Энгельсом также на III этапе, о чем мы скажем ниже. Но о выходе за границы химии в область живого он говорит уже на I этапе. Прежде всего он отвергает самопроизвольное зарождение живого (*generatio aequivoca*); он объявляет «нелепостью пытаться объяснить возникновение хотя бы одной-единственной клетки прямо из мертвой материи, а не из бесструктурного живого белка...» [1, 20, с. 612]. «Но до тех пор, пока о химическом составе белка мы знаем не более, чем теперь, — следовательно, когда мы еще не смеем думать об искусственном создании

белка, вероятно, в ближайшие сто лет, — смешно жаловаться, что все наши попытки и т. д. „потерпели неудачу!“» [1, 20, с. 616].

Здесь мы снова и снова, но уже в другой связи встречаем оговорку «пока», объясняющую, почему Энгельс не стал пока включать рассмотрение органической природы в свою «Диалектику природы», хотя, как видим, уже начал делать заметки, касающиеся диалектики биологии. Признание, что уже образование бесструктурного белка можно рассматривать как исходный пункт всего последующего развития живой природы вплоть до высших ее ступеней (в последовательности восхождения от *A* к *K*), Энгельс выражает в следующих словах: «NB: Подобно тому как мы вынуждены говорить о не имеющих позвонков позвоночных животных, так и здесь неорганизованный, бесформенный, недифференцированный комочек белка называется организмом. *Диалектически* это возможно, ибо подобно тому как в спинной струне уже заключается в зародыше позвоночный столб, так и в впервые возникшем комочке белка заключается, как в зародыше, «в себе» [*an sich*]], весь бесконечный ряд более высоко развитых организмов» [1, 20, с. 617. Примеч.].

Наконец, собственно в *биологии* применение метода восхождения от *A* к *K* стало подготавливаться уже на I этапе, причем прежде всего в отношении изучения простейших форм жизни, которые можно рассматривать в качестве исходных пунктов развития всего органического мира. Здесь особое место занимает фрагмент «*Протисты*», где в четырех пунктах рассматривается исходная простейшая структурная форма органического мира. В п. 1 Энгельс называет бесклеточных (какими тогда считались некоторые протисты). «Уже здесь налицо стремление к формированию, свойственное всем белковым телам» [1, 20, с. 617]. В п. 2 отмечается путь, по которому «развитие белка, по-видимому, не пошло далеко» [1, 20, с. 618]. В п. 3 говорится о том, что «в белке дифференцируется *ядро* и *ядрышко* — голые амебы. С этого момента начинается быстрое формообразование. Аналогичным образом обстоит дело с развитием молодой клетки в организме» [1, 20, с. 618]. В п. 4 рассматривается «клетка с постоянной клеточной оболочкой... Наивысшее развитие одноклеточных организмов в инфузориях, поскольку последние *действительно* одноклеточны. Здесь имеет место значительная дифференциация... Точно так же у одноклеточных растений имеет место высокое развитие формы...» [1, 20, с. 618 — 619]. Тут же Энгельс рассматривает случаи, когда образуются *цепи* из двух-трех клеток (слабый зачаток) и колонии клеток. В п. 5 говорится о дальнейшем шаге вперед, которым является соединение нескольких клеток, но уже не в колонию, а в одно тело. Примером служит Магосфера планула Геккеля, «где соединение

клеток является только фазой развития» [1, 20, с. 619]. Наконец, в п. 5 Магасфера планула рассматривается как переход к настоящим плануле (Planula) и гастрале (Gastrula). Это одни из первых ступеней эмбрионального развития многоклеточных животных, которым, согласно Геккелю, соответствуют определенные начальные стадии развития всего животного мира.

Последнюю мысль Геккеля Энгельс выразил так: «Повторение морфологических форм на всех ступенях развития: клеточные формы (обе главные уже в Gastrula)... — В головастиках амфибий повторяется первобытная форма личинки асцидии» [1, 20, с. 620].

Здесь Энгельс имеет в виду известный биогенетический закон Геккеля — Мюллера: онтогенез (индивидуальное развитие зародыша, эмбриона) повторяет кратко и только в самых общих чертах филогенез (предшествующую историю всего данного вида или рода). Поэтому если последняя (филогенез) служит обоснованием метода восхождения от *A* к *K* в области биологии, то и первая (онтогенез) как повторяющая ее со своей стороны также может служить этой же цели.

Касаясь клетки как исходного пункта развития органической природы, Энгельс писал на том же I этапе: «Вся органическая природа является одним сплошным

доказательством тождества или неразрывности формы и содержания. Морфологические и физиологические явления, форма и функция обуславливают взаимно друг друга. Дифференциация формы (клетки) обуславливает дифференциацию вещества... а дифференциация вещества обуславливает, в свою очередь, дифференцированную форму» [1, 20, с. 619-620].

Охватывая весь процесс развития живой природы (и соответственно этому восхождение от *A* к *K*, отражающее этот объективный процесс), Энгельс выразил следующую закономерность ускоренного развития: «По отношению ко всей истории развития организмов надо принять закон ускорения пропорционально квадрату расстояния во времени от исходного пункта... Чем выше, тем быстрее идет дело» [1, 20, с. 620].

Мы не станем рассматривать многих других заметок Энгельса по биологии, сделанных на I этапе и касающихся дарвинизма и других вопросов. Нам важно отметить, что уже на I этапе Энгельс достаточно подробно рассмотрел эту область естествознания с точки зрения того, как к ней самой мог быть применен метод восхождения от *A* к *K*. Однако, несмотря на это, он все же, как нам кажется, не включал *пока* еще биологию, как и математику, в число

наук, которые он намеревался рассмотреть в своей будущей книге, поскольку переход от химизма к жизни оставался *пока* не осуществленным. Иначе говоря, Энгельс сохранял свой 3-план в его первоначальном объеме, расширив его лишь за счет «Исторического введения». Возможно, что именно в целях подготовки этого Введения Энгельс и начал делать на I этапе свои заметки по биологии и математике, поскольку вопросы той и другой науки (особенно биологии) нашли определенное отражение в обеих частях Введения.

Чтобы закончить рассмотрение работы, проделанной Энгельсом на ее I этапе, надо сказать о трудовой теории антропогенеза, созданной Энгельсом. Мы видели выше, что контакт (трение и удар) завершали собой область механики, осуществляя переход в область физики, выполняя при этом роль высшего конкретного по отношению к механике и исходного абстрактного по отношению к физике. Точно так же, по гипотезе Энгельса, искусственный синтез белка должен будет завершить собой область химии, осуществив переход в область биологии, выполняя при этом роль высшего конкретного по отношению к химии и исходного абстрактного по отношению к биологии. Подобно этому, возникновение человека завершило собой развитие в пределах биологии и осуществило переход в область истории, выполнив роль высшего конкретного по отношению к биологии и исходного абстрактного по отношению к истории.

Во Введении говорилось: «И человек возникает путем дифференциации, и не только индивидуально, — развиваясь из одной-единственной яйцевой клетки до сложнейшего организма, какой только производит природа, — но и в историческом смысле. Когда после тысячелетней борьбы рука, наконец, дифференцировалась от ноги и установилась прямая походка, то человек отделился от обезьяны, и была заложена основа для развития членораздельной речи и для мощного развития мозга, благодаря чему пропасть между человеком и обезьяной стала с тех пор непроходимой. Специализация руки означает появление *орудия*, а орудие означает специфически человеческую деятельность... — производство... Вместе с человеком мы вступаем в область *истории*» [1, 20, с. 357, 358].

Дальше Энгельс прослеживает кратко историю человеческого общества и его будущее.

Примерно в то же время (вероятно, в первой половине 1876 г.), когда писалось Введение, Энгельс задумал написать самостоятельный труд на тему «Три основные формы порабощения». Во всяком случае В. Либкнехт запрашивал Энгельса письмом от 10 июня 1876 г. о присылке Энгельсом работы под таким названием для опубликования в газете «Volksstaat». Но к

этому времени Энгельс уже вплотную занялся «Анти-Дюрингом» и отложил в сторону остальные свои труды. Он успел написать вводную часть к задуманной им ранее работе, которую затем озаглавил так: «Порабощение работника.

1 Введение». Эта статья осталась незаконченной; ее содержание перекликается с тем, что кратко сказано во Введении к «Диалектике природы».

Следует отметить, что работу «Три основные формы порабощения» или — по позднему варианту ее заглавия — «Порабощение работника» Энгельс не только задумал написать, но и стал уже писать параллельно с подготовкой своей «Диалектики природы» и независимо от нее. Это означает, что до середины 1876 г. он во всяком случае не собирался включать в свою «Диалектику природы» вопрос о происхождении человека (трудовую теорию антропогенеза), ограничившись кратким его изложением в «Историческом введении».

Возможно, что и разбор диалектики живой природы он также предполагал в то время дать в виде отдельной работы, особенно в связи с критикой вульгарного материализма и социологизма, а особенно, конечно, социального дарвинизма. Может быть, отказ от «Анти-Бюхнера» был временным и, с точки зрения Энгельса, оставалась актуальной задача выступить специально и по поводу этих противников марксизма? Во всяком случае еще до начала работы над «Диалектикой природы» по 3-плану он записал: «Новое оживление благодаря вхождению в моду дарвинизма, который эти господа тотчас же взяли в аренду ... претензия на применение естественнонаучных теорий к обществу и на реформирование социализма — все это заставляет нас обратить на них внимание» [1, 20, с. 516].

Об этом мы еще скажем дальше. Но сейчас важно понять, что появление в подготовительных материалах I этапа большого числа заметок по биологии, в том числе по дарвинизму, возможно, было связано с особой работой по биологии и социал-дарвинизму, задуманной Энгельсом. В связи со сказанным среди этих заметок особое внимание привлекают три:

1) «*Работа*», в которой Энгельс критиковал смешение естественнонаучных и социально-экономических категорий, что прямо примыкало к вопросу о выходе человека за пределы собственно природы и переходе его в область истории. Здесь Энгельс указывает, что «категория работы переносится механической теорией теплоты из политической экономии в физику (ибо в физиологическом отношении она еще далеко не определена научным образом), но при этом определяется совершенно иначе... Несмотря на это, имеется склонность переносить обратно термодинамическое понятие работы

в те науки, из которых эта категория заимствована с иным определением...» [1, 20, с. 624].

Эта тема перекликается с началом и концом незаконченного введения к труду «Порабощение работника», так что очевидно, что в подготовительных материалах I этапа могли появиться заметки, касавшиеся не только «Диалектики природы».

2) Заметка «*Зачатки в природе: государства насекомых...*; здесь даже социальный зачаток» [1, 20, с. 624] также касается области, пограничной между органической природой и общественной жизнью.

3) То же можно сказать о заметке «Борьба за жизнь», где критикуется смешение социального и биологического.

Во всяком случае в рамках 3-плана этот материал явно не находил себе места и мог предназначаться для какой-либо специальной работы, подобной «Порабощению работника».

Итак, к концу I этапа картина с подготовкой «Диалектики природы» рисовалась так, что ее рамки определяли два компонента: *3-план* + *Введение*. Биология, трудовая теория антропогенеза и математика оставались пока еще вне этих рамок. Вот почему Энгельс мог написать Марксу 28 мая 1876 г. по поводу «Диалектики природы»: «Передо мной начинает уже вырисовываться конец и этой работы. Она начинает принимать в моей голове определенную форму, и этому немало способствовало мое бездельничанье здесь, на берегу моря, когда я мог на свободе обдумывать все подробности. В этой огромной области абсолютно необходимо время от времени прерывать планомерное изучение и продумывать уже изученное» [1, 34, с. 16].

Вряд ли Энгельс мог бы написать, что перед ним уже в мае 1876 г. стал вырисовываться *конец* работы и сама работа стала принимать определенную форму, если бы к этому моменту он отказался от 3-плана и включил в ее изложение не только три отрасли неорганического естествознания, но также и математику, биологию и проблему антропогенеза.

Дальнейшее углубление замысла II этап (1876 — 1878)

Если предшествующий, I этап мы назвали «доантидюринговским», то наступивший после него II этап можно определить как «антидюринговский», так как с конца мая 1876 до начала июля 1878 г. Энгельс был целиком занят написанием и публикацией «Анти-Дюринга». В этот период были решены и некоторые важные философские вопросы естествознания, имевшие большое значение и для «Диалектики природы», однако специально для нее Энгельс в эти два года, по-видимому, ничего не писал. Кстати сказать, именно в «Анти-Дюринге» впервые была изложена, правда в очень кратком виде, основная

идея «Диалектики природы», ее основной замысел — начало гл. VII отд. 1 «Анти-Дюринга». Вот почему Ленин, читая в 1913 г. переписку Маркса и Энгельса, по поводу письма Энгельса от 30 мая 1873 г., содержащего 3-план, отметил, что это письмо является как бы «черняком» (черновым наброском) «Анти-Дюринга». [4, с. 142].

При рассмотрении II («антидюринговского») этапа работы Энгельса мы обнаруживаем, что в течение этого времени основной замысел его работы над «Диалектикой природы» претерпел изменение в сторону дальнейшего его углубления. Поэтому работу Энгельса над «Анти-Дюрингом» нельзя рассматривать только как простой перерыв в его работе над «Диалектикой природы», но одновременно и как дальнейшее развитие замысла и ее первоначального плана. В связи с этим следующий за ним III («послеантидюринговский») этап также нельзя рассматривать как простое продолжение I этапа работы Энгельса над «Диалектикой природы», который был прерван в конце мая 1876 г. и возобновился в начале июля 1878 г. Нет, между I и III этапами, т. е. в течение II этапа, Энгельсом были сделаны важные открытия, касавшиеся фактически и «Диалектики природы», которые опосредуют и связывают один с другим I и III этапы, хотя эти открытия непосредственно были сделаны в связи с написанием «Анти-Дюринга».

При ближайшем знакомстве с работой Энгельса над «Анти-Дюрингом» можно обнаружить, что в ее ходе Энгельс сделал по крайней мере два важных открытия, повлиявших в дальнейшем на его «Диалектику природы». Каковы же они?

Первое открытие касалось вопроса о взаимоотношении между материей и движением. Как мы видели, в 3-плане метод восхождения от абстрактного к конкретному, т. е. метод диалектики, нашел свое приложение и конкретизацию применительно прежде всего к трем формам движения материи: механической, физической и химической, с переходом этой последней в биологическую. При этом Энгельс еще не ставил вопроса о материальном субстрате соответствующих форм движения, иначе говоря, о том конкретном дискретном виде материи, который является вещественным «носителем» (или субстратом) данной формы движения.

В записях, сделанных в течение всего I этапа (за редким исключением), говорится о названных выше трех формах движения материи в неорганической природе, но не о их вещественных носителях. Так, в заметке, начинающейся словами «Классификация наук» [1, 20, с. 564 — 565], говорится об отдельных формах движения или о ряде связанных между собой и переходящих друг в друга формах движения, о внутренне присущей последовательности самих форм движения.

Следовательно, здесь лишь в ином аспекте повторяется главная мысль, составившая стержень 3-плана. То же мы находим в заметке «Взаимодействие...». И так было на протяжении всего I этапа. Лишь в одном месте записано: «Трение и удар порождают *внутреннее* движение соответствующих тел, молекулярное движение, дифференцирующееся, в зависимости от обстоятельств, на теплоту, электричество и т. д. *Однако это движение — только временное...* На известной ступени все они превращаются в *перманентное молекулярное изменение-химическое*» [1, 20, с. 607].

Здесь есть уже намерение связать физические и химическую формы движения с молекулярным движением. Однако оно остается неразвитым, не доведенным до выявления связи между качественно определенной формой движения и столь же качественно определенным, ей соответствующим ее материальным носителем.

Впервые вопрос о том, что каждой форме движения материи соответствует в качестве ее «носителя» определенный дискретный вид материи, Энгельс решил в «Анти-Дюринге», а именно в его отделе 1, который был написан в основном в течение сентября 1876 — января 1877 г. и опубликован в январе — мае 1877 г. Здесь в гл. VI «Натурфилософия. Космогония, физика, химия» Энгельс рассматривает вопрос о соотношении между материей и движением и определяет, что «*движение есть способ существования материи*» [1, 20, с. 59]. В связи с тем, что в общем случае движение есть способ существования материи, Энгельс идет дальше и рассматривает, по сути дела, различные формы движения как способ существования соответствующих видов материи. Он пишет: «Движение в мировом пространстве, механическое движение менее значительных масс на отдельных небесных телах, колебание молекул в качестве... электрического или магнитного тока, химическое разложение и соединение, органическая жизнь — вот те формы движения, в которых — в одной или в нескольких сразу — находится каждый отдельный атом вещества в мире в каждый данный момент. Всякий покой, всякое равновесие только относительны, они имеют смысл только по отношению к той или иной определенной форме движения» [1, 20, с. 59].

И далее Энгельс поясняет, что тело может находиться в механическом равновесии, но это ничуть не мешает его мельчайшим физическим частицам (т. е. молекулам) совершать тепловые колебания или же атомам его вещества совершать тот или иной химический процесс.

Мы встречаем здесь тот же исходный стержень открытия, сделанного Энгельсом 30 мая 1873 г., позволившего ему применить к естествознанию метод восхождения от абстрактного к конкретному, т. е. метод диалектики.

Но теперь этот стержень диалектики природы углублен и расширен благодаря новому открытию, которое было сделано Энгельсом, очевидно, в 1876 г. и которое состояло в том, что в процесс восхождения от простого к сложному, от низшего к высшему Энгельс включил, кроме самих форм движения, и их специфические материальные «носители»: механическое движение теперь дифференцировалось на движение небесных тел (огромных масс) и земных масс (менее значительных масс); физические формы движения выступили как дифференцированное молекулярное движение, химическая форма — как движение атомов.

В начале следующей (VII) главы «Натурфилософия. Органический мир» Энгельс продолжает развивать и углублять свой главный замысел. Здесь он рассматривает переходы от одной формы движения к другой и дает полную характеристику всего ряда усложняющихся (восходящих от низшего к высшему) форм движения и соответствующих им естественных наук (восходящих от абстрактного к конкретному), называя этот ряд «гегелевской узловой линией отношений меры». Говоря, что переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, Энгельс пишет: «Таков переход от механики небесных тел к механике небольших масс на отдельных небесных телах; таков же переход от механики масс к механике молекул, которая охватывает движения, составляющие предмет исследования физики в собственном смысле слова: теплоту, свет, электричество, магнетизм. Точно так же и переход от физики молекул к физике атомов — к химии — совершается опять-таки посредством решительного скачка. В еще большей степени это имеет место при переходе от обыкновенного химического действия к химизму белков, который мы называем жизнью» [1, 20, с. 66].

Здесь основной замысел «Диалектики природы» углублен и расширен, но его основа полностью сохранена, если сравнить только что приведенную выдержку из «Анти-Дюринга» с 3-планом.

В дальнейшем тексте «Анти-Дюринга» Энгельс неизменно придерживается изложенного выше понимания предмета отдельных естественных наук и их взаимосвязи с точки зрения соотношения формы движения и отвечающего ей ее материального субстрата. Так, он подчеркивает в начале гл. VIII «Натурфилософия. Органический мир (окончание)», что «атомами объясняется не тяготение или другие механические или физические формы движения, а только химическое действие» [1, 20, с. 77]. Далее в гл. IX «Мораль и право. Вечные истины» Энгельс пишет, что «в физике мы имеем дело с движением молекул, в химии — с образованием молекул из атомов...» [1, 20, с. 89].

Особенно подробно в гл. VIII изложен вопрос о предмете биологии, а именно о белке как вещественном «носителе» биологической формы движения, т. е. жизни. «Жизнь есть способ существования белковых тел, — определял Энгельс, — и этот способ существования состоит по своему существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел» [1, 20, с. 82]. Следовательно, если в общем случае движение есть способ существования материи, то в частном случае специфическая форма движения (в данном случае биологическая жизнь) есть способ существования качественно определенного вида материи (в данном случае белков).

Такова суть открытия, сделанного Энгельсом примерно во второй половине 1876 г. В соответствии с ним первоначальный 3-план, обогащенный и расширенный за счет этого открытия, мы будем называть расширенным замыслом-планом (сокращенно рз-план). Энгельс пошел еще дальше. Если белок является специфическим носителем жизни вообще, то различные виды белка должны быть специфическими носителями различных биологических свойств. Так Энгельс отмечает, что «ощущение связано необходимым образом... конечно, с некоторыми, до сих пор не установленными более точно, белковыми телами» [1, 20, с. 81].

Очевидно, что и такое свойство всего живого, как наследственность, также с этой точки зрения должно иметь своего специфического материального «носителя». И напрасно столько лет враги генетики, фальшиво прикрываясь ссылками на диалектический материализм, твердили, будто признание у наследственности специфического материального «носителя» означает идеализм и метафизику. Они выдавали свои доморощенные, антинаучные взгляды за истину, тогда как в действительности их взгляды в корне противоречили и марксистской философии, и современному естествознанию.

Теперь фактически разработанный дальше Энгельсом 3-план его будущей «Диалектики природы», превращенный в рз-план, выглядел бы примерно так, причем биология оставалась бы по-прежнему взятой лишь на ее стыке с химией:

Формы движения.	Механическая		Физические	Химическая	Биологическая
	Крупные массы	Земные массы	Молекулы	Атомы	Белки
Их материальные носители (дискретные виды материи)					
Науки.	Астрономия	Механика	Физика	Химия	Биология

Как видим, несмотря на углубление и расширение 3-плана, его основа остается целиком прежней, он по-прежнему продолжает охватывать только три отрасли неорганического естествознания. Однако метод восхождения от *A* к *K* здесь представлен гораздо содержательнее и полнее, чем раньше, даже если учесть то обоснование, которое дополнительно было дано ему Энгельсом в «Историческом введении». Сейчас этот метод сопряженно охватывает собой процесс усложнения и развития как самих форм движения материи, так и дискретных видов материи, выступающих в качестве носителей этих форм, в нераздельном единстве с ними, равно как и наук, отражающих собой то и другое.

Второе открытие, сделанное Энгельсом на II этапе, касалось углубления в сущность той простейшей формы движения, которую он принял за «клеточку» изучаемого предмета. В 3-плане рассматривались лишь переходы от одной формы в другую, но заключенные в самих этих формах внутренние противоречия еще не были раскрыты. Теперь же в связи с 3-планом прежде всего было выявлено противоречие между формой движения и ее материальным содержанием, ее вещественным «носителем». Для механического движения это противоречие конкретизировалось как единство таких внешних пока еще противоположностей, как механическая масса тела и механическое его перемещение. Развитие как восхождение от простого к сложному, от низшего к высшему выступало в таком случае как превращение этих первоначально внешних одна по отношению к другой противоположностей во внутренние путем перехода от механики масс к механике (или физике) молекул (т. е. к физике) и от нее к физике атомов (т. е. к химии). Наконец, высшей своей ступени это противоречие достигало в сфере жизни как химизма белков (т. е. биологии).

Но, как мы уже видели, вопрос о соотношении материи и движения, о их неразрывности связывался у Энгельса с вопросом об относительности покоя, или равновесия. Находясь в покое (равновесии) относительно одной какой-либо формы движения, например механической на Земле, тело в то же время совершает ряд движений другого рода, т. е. находится в состоянии движения относительно других его форм. Углубляя анализ этого вопроса, Энгельс приходит к раскрытию внутреннего противоречия, заложенного уже в простейшей форме движения — в механическом перемещении (как «клеточке» изучаемого предмета).

В начале гл. XII «Диалектика. Количество и качество» он пишет: «Пока мы рассматриваем вещи как покоящиеся и безжизненные, каждую в отдельности, одну рядом с другой и одну вслед за другой, мы, действительно, не наталкиваемся ни на какие противоречия в них... Но совсем иначе обстоит дело, когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их

изменении, в их жизни, в их взаимном воздействии друг на друга. Здесь мы сразу наталкиваемся на противоречия. Движение самб есть противоречие; уже простое механическое перемещение может осуществиться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно — в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нем. А постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия — и есть именно движение» [1, 20, с. 123].

И Энгельс подчеркивает, что такое противоречие существует объективно в самих вещах и процессах.

В подготовительных материалах к «Анти-Дюрингу» мы находим заметку, которая позволяет понять, каким образом от этого простейшего случая противоречия, заключенного в механическом движении («клеточке»), Энгельс переходит к более сложным его видам и проявлениям соответственно тому, как в процессе развития осуществлялось восхождение от низшего к высшему, от простого к сложному. Отмечая, что если вещи присуща противоположность, то эта вещь находится в *противоречии с* самой собой, Энгельс писал: «Например, в том, что вещь остается той же самой и в то же время непрерывно изменяется, что она содержит в себе противоположность между „пребыванием одной и той же" и „изменением", заключается *противоречие*» [1, 20, с. 640].

Применяя это положение к молекулам как «носителям» физических форм движения и к атомам как «носителям» химической формы движения, легко показать развитие и конкретизацию вскрытого Энгельсом противоречия в «клеточке» изучаемого предмета (в механическом перемещении) при переходе к более высоким и сложным формам движения. «Если уже простое механическое перемещение содержит в себе противоречие, — отмечал Энгельс, — то тем более содержат его высшие формы движения материи, а в особенности органическая жизнь и ее развитие» [1, 20, с. 124].

Энгельс пояснял, что жизнь состоит «прежде всего в том, что белковое тело в каждый данный момент является самим собой и в то же время — иным и что это происходит не вследствие какого-либо процесса, которому оно подвергается извне... Напротив, жизнь, обмен веществ, происходящий путем питания и выделения, есть самосовершающийся процесс, внутренне присущий, прирожденный своему носителю — белку, процесс, без которого белок не может существовать» [1, 20, с. 83].

«Следовательно, — заключает Энгельс, — жизнь тоже есть существующее в самих вещах и процессах, беспрестанно само себя порождающее и себя разрешающее противоречие, и как только это противоречие прекращается, прекращается и жизнь, наступает смерть» [1, 20, с. 124].

К раскрытию этого конкретного вида противоречия Энгельс вплотную подошел еще на I этапе в заметке «Жизнь и смерть» и в наброске «Критические замечания», сделанных по поводу работы Морица Вагнера «Спорные вопросы естествознания». Но только в «Анти-Дюринге» ему удалось развернуть данную проблему во всю широту, связав вопрос о противоречии, присущем той или иной форме движения, с вопросом о материальном «носителе» этой формы движения и присущем ему противоречии. В этом и состояло второе важное открытие, сделанное Энгельсом на II этапе.

Сопоставляя теперь 3-план (I этап) с 3-планом (II этап), мы видим, в каком направлении и каким образом углублялся и расширялся основной замысел «Диалектики природы», родившийся у Энгельса 30 мая 1873 г. Стержень его оставался прежним: показать, как конкретно может быть применен к естествознанию метод диалектики (метод восхождения от абстрактного к конкретному). Но на II этапе эта мысль обогатилась, во-первых, тем, что вместе с развитием форм движения в неразрывном единстве с ними рассматривались и их материальные «носители» — соответствующие дискретные виды вещества; во-вторых, тем, что не раскрытая ранее «клеточка» изучаемого предмета (механическое перемещение) была рассмотрена с точки зрения заключенного в ней объективного противоречия; в-третьих, тем, что было прослежено, каким путем это противоречие последовательно развивается и конкретизируется у более высоких и сложных форм движения материи вплоть до биологической и как оно выступает одновременно в качестве противоречия, присущего специфическому материальному «носителю» данной более высокой и сложной формы движения (на примере жизни как способа существования белковых тел).

Это было то главное, чего достиг Энгельс на II («антидюринговском») этапе для своей будущей работы над «Диалектикой природы». И это достигнутое им на II этапе непременно дало себя знать в течение всего III этапа, сказанным не исчерпывается все, что дала работа Энгельса над «Анти-Дюрингом» для будущей «Диалектики природы». Сопоставляя гл. XII отд. 1 «Анти-Дюринга» с неоконченной статьей «Диалектика», можно заметить, что последняя писалась как своего рода продолжение и развитие гл. XII, так что и в этом отношении на II этапе фактически подготавливалось то, что создавалось затем на III этапе. Можно предположить, что если бы Энгельс продолжал писать статью «Диалектика», то раздел ее, посвященный закону отрицания отрицания, он написал бы тоже как продолжение и развитие, гл. XIII отд. 1 «Анти-Дюринга», носящей заглавие «Диалектика. Отрицание отрицания». Однако этого не случилось, так как писание статьи

«Диалектика» прервалось на законе перехода количества в качество и обратно.

Наконец, отметим еще, что первоначально составленный текст предисловия к «Анти-Дюрингу» Энгельс снял, заменив другим, более коротким, и впоследствии включил этот снятый текст в материалы «Диалектики природы». Вопрос о том, когда и как это произошло, особый, и он требует отдельного рассмотрения.

Уточнение замысла и развертывание процесса его изложения III этап (1878 — 1883)

Наступивший с начала июля 1878 г. III («послеантидюринговский») этап работы Энгельса над «Диалектикой природы» продолжался почти пять лет вплоть до смерти Маркса 14 марта 1883 г. Он не был однородным. Примерно первые полтора года продолжалась работа, начатая на I этапе и прерванная «Анти-Дюрингом», а также работа, индуцированная «Анти-Дюрингом». Но примерно на рубеже 1879 и 1880 гг. в работе Энгельса происходит крутой поворот в сторону дальнейшего уточнения замысла книги, создается новый (сокращенный) план «Диалектики природы», согласно которому начинается изложение уже самой книги в последовательном порядке, глава за главой, в течение более трех лет.

Однако прежде чем переходить к рассмотрению работы Энгельса над «Диалектикой природы» на III этапе, остановимся на трех событиях, имевших место в начале второй половины 1878 г., т. е. в самом начале III этапа.

Первое событие: предполагаемое выступление немецкого профессора зоолога, дарвиниста Оскара Шмидта против марксизма на предстоящем съезде немецких естествоиспытателей и врачей в сентябре 1878 г. 19 июля 1878 г. Энгельс посылает в Страсбург письмо О. Шмидту, где говорит: «Во вчерашнем номере „Nature“ я увидел извещение о том, что на съезде естествоиспытателей в Касселе Вы будете делать доклад „Об отношении дарвинизма к социал-демократии“».

То, что представители дарвинизма в Германии не смогут уклониться от необходимости занять определенную позицию по отношению к социалистическому мировоззрению, социалисты предвидели...» [1, 34, с. 259 — 260]. Сообщая о посылке О. Шмидту экземпляра «Анти-Дюринга», Энгельс поясняет, что он «сделал там попытку изложить в общих чертах также отношение научного социализма к установкам современного теоретического естествознания вообще и специально к дарвиновской теории...

В свое время я буду иметь честь подвергнуть Ваш доклад со своей точки зрения той беспристрастной критике, которая единственно достойна свободной науки и которую должен приветствовать каждый ученый, даже если она направлена против него самого» [1, 34, с. 260].

В ответном письме от 23 июля 1878 г. О. Шмидт сообщил, что пришлет Энгельсу отдельный оттиск своего доклада, который будет опубликован в ноябре 1878г. Немного позднее (10 августа 1878 г.) Энгельс пишет П. Л. Лаврову, что немецкие дарвинисты решительно выступили против социализма, что Геккель ограничивается тем, что в общих чертах говорит о «безумных социалистических учениях», зато г-н Оскар Шмидт из Страсбурга собирается разгромить нас на съезде естествоиспытателей в Касселе и сделает это с превеликим удовольствием. «Напрасный труд! — добавляет Энгельс. — Если реакция в Германии будет развиваться беспрепятственно, то первыми жертвами после социалистов будут дарвинисты. Впрочем, что бы с ними ни случилось, я считаю своим долгом ответить этим господам» [1, 34, с. 263].

Из этой переписки видно, что Энгельс собирался отвечать «этим господам», не откладывая в долгий ящик, а, Так сказать, идя «по горячим следам», а потому не связывая свой ответ и свою критику антимарксистских выступлений со стороны дарвинистов с работой над «Диалектикой природы» (последняя явно затягивалась на несколько лет, тогда как ответ О. Шмидту и Э. Геккелю не терпел отлагательства). Поэтому можно думать, что в июле и августе 1878 г. Энгельс стал замышлять отдельную критическую работу на данную тему, подобно тому как в 1876 г. им начато было исследование трудовой теории антропогенеза.

Второе событие: выступление Р. Вирхова против социализма и против дарвинизма, сделанное на предшествующем съезде немецких естествоиспытателей и врачей в Мюнхене в сентябре 1877 г. Вирхов, ранее признававший дарвиновское учение, предложил запретить его преподавание, заявляя, что оно связано с социалистическим движением, а потому опасно для существующего строя. Так как это выступление Вирхова было сделано в то время, когда Энгельс был целиком занят «Анти-Дюрингом», то Энгельс не мог своевременно на него реагировать. Возможно, что теперь, в связи с ответом О. Шмидту и Э. Геккелю по вопросу об отношении дарвинизма к марксизму, Энгельс предполагал в той же работе раскритиковать и выступление Вирхова. Во всяком случае об этом выступлении говорится в обоих письмах Энгельса (О. Шмидту и П. Л. Лаврову), причем в одной и той же связи — в связи с критикой позиции О. Шмидта и К°.

Третье событие: написание Энгельсом специальной критической статьи «Естествознание в мире духов» против увлечения естествоиспытателей спиритизмом. В ее конце Энгельс иронически замечает, что перед естественным отбором, который изучается дарвинизмом, открывается то же четвертое измерение, где дарвинизму уже нечего опасаться, что его будут смешивать с зловредной социал-демократией [1, 20, с. 381]. Так это третье событие прямо перекликается с обоими предыдущими. По-видимому, некоторые данные о спиритизме Энгельсу могли стать известны еще на II этапе, когда он был занят «Анти-Дюрингом», но заняться данным вопросом он смог, очевидно, лишь по окончании этого труда.

Все эти события в 1878 г. проходили параллельно и независимо от возобновившейся работы Энгельса над «Диалектикой природы», и к ней они примкнули лишь много лет спустя, уже на IV этапе.

За первые полтора года III этапа Энгельс вновь расширил объем книги, добавив вслед за «Историческим введением» новую главу «Диалектика». Можно полагать, что она была навеяна «Анти-Дюрингом», а именно теми его главами, в которых говорилось о трех основных законах диалектики, трактующих о переходе количества в качество и обратно, о взаимном проникновении противоположностей и об отрицании отрицания. Легко можно было догадаться, что прямое назначение этой вводной главы состояло в том, чтобы ознакомить читателя с диалектикой как учением о всеобщей связи и развитии и его всеобщих законах. Таким образом, новый уровень работы над «Диалектикой природы» можно было выразить так: *рз-план + Введение + Диалектика*.

Очевидно, в самом начале III этапа Энгельс приступил к написанию главы «Диалектика». Он успел разобрать лишь один (первый по принятой им группировке) основной закон диалектики — закон перехода количества в качество и обратно. Здесь мы вновь встречаем то ограничение (т. е. исключение математики и биологии), которое представлено в 3-плане. Так, уже в самом начале главы Энгельс писал: «Здесь речь идет пока только о неживых телах; этот же самый закон имеет силу и для живых тел, но в живых телах он проявляется в весьма запутанных условиях, и количественное измерение здесь для нас в настоящее время часто еще невозможно» [1, 20, с. 386].

Дальше в той же главе Энгельс еще раз подчеркивал ту же мысль: «Этот же самый закон подтверждается на каждом шагу в биологии и в истории человеческого общества, но мы ограничимся примерами из области точных наук, ибо здесь количества могут быть точно измерены и прослежены» [1, 20, с. 389].

Мы видим, что здесь полностью сохранен весь 3-план, включая и то, что организм (органическую жизнь) пока следовало исключить из числа анализируемых форм движения. Делалось это Энгельсом на том основании, что органическая жизнь не могла быть охвачена общим законом, которому подчиняются взаимные переходы и взаимообусловленность форм движения материи, действующих в неживой природе. Причина этого заключалась, очевидно, в том, что сама органическая жизнь (биологическая форма движения) не была в то время изучена еще с ее количественной стороны, без чего невозможно было рассматривать ее конкретно в общем ряду всех остальных, достаточно уже хорошо изученных форм движения материи. Ведь тот общий закон, которым они охватывались, предусматривал их количественную (суммарную) сохраняемость и качественную превращаемость (по форме). Между тем именно отсутствие знаний количественной стороны у органической жизни (биологической формы движения) и заставило Энгельса «исключить пока органическую жизнь» из общего рассмотрения форм движения, а потому и из «Диалектики природы».

Не случайно то же обстоятельство Энгельс отметил и в заметке «Применение математики», написанной, по-видимому, уже на III этапе: «В механике твердых тел абсолютное, в механике газов приблизительное, в механике жидкостей уже труднее; в физике больше в виде попыток и относительно; в химии простейшие уравнения первой степени; в биологии = 0» [1, 20, с. 587].

Этим подчеркивалось, что количественная сторона биологической формы движения (явлений жизни) пока не изучена вовсе, а потому количественные, математические методы не нашли еще в биологии своего приложения.

Рассмотрим теперь структуру написанной части главы «Диалектика». После небольшого вступления Энгельс анализирует процесс последовательного деления какого-либо неживого тела на все более и более мелкие части. Сначала, пока деление носит *механический* характер, никакого качественного изменения не наступает. «Но это деление имеет свой предел: когда нам удастся, как в случае испарения, получить в свободном состоянии отдельные молекулы...» [1, 20, с. 386], и мы переходим в область *физических* форм движения. Делить молекулы можно дальше, но лишь при полном изменении качества. Молекула распадается на свои атомы, у которых совершенно иные свойства, чем у нее. И мы вступаем тогда в сферу *химических* процессов.

«Таким образом... масса состоит из одних молекул, но она представляет собой нечто по существу отличное от молекулы, как и последняя в свою очередь есть нечто отличное от атома. На этом-то отличии и основывается обособление механики как науки о небесных и земных массах от физики как механики молекул и от химии как физики атомов» [1, 20, с. 386].

Тут ясно видно, что к самому изложению закона перехода количественных изменений в качественные Энгельс прилагает принцип восхождения от *A* к *K*, причем фактически оперирует углубленным на II этапе рз-планом, в котором формы движения даны в единстве с их материальными носителями.

В дальнейшем в той же последовательности восхождения от *A* к *K* Энгельс бегло упоминает снова *механику*, где мы не встречаем никаких качеств, потом немного подробнее *физику* и, наконец, очень детально рассматривает *химию*, в которой открытый Гегелем закон природы празднует свои величайшие триумфы. Химический материал в этой части главы располагается также в последовательности восхождения от *A* к *K*. сначала по отношению к химическим соединениям, а затем по отношению к химическим элементам. Сначала Энгельс рассматривает восходящий ряд простейших неорганических соединений (окислов азота), затем в том же восходящем порядке — гомологические ряды органических соединений (в порядке их усложнения): углеводов, первичных алкоголей, одноосновных кислот. Наконец, Энгельс приходит к химическим элементам и рассматривает их согласно их расположения по периодической системе элементов Д. И. Менделеева, которая представляет собой воплощение того же восхождения от простого к сложному и соответственно от *A* к *K*.

Мы не знаем в точности, как излагались бы Энгельсом остальные два закона диалектики; но, в частности, в отношении закона взаимного превращения противоположностей еще на I этапе Энгельс сделал набросок, показывающий, что и в данном случае ему удалось найти прием, чтобы применить здесь способ восхождения от *A* к *K*. Говоря о царящей во всей природе *объективной* диалектике, которая отражается в диалектическом мышлении (в субъективной диалектике), Энгельс отмечает, что в ней речь идет о движении путем противоположностей; эти противоположности обуславливают жизнь природы своей взаимной борьбой и своим конечным переходом друг в друга соответственно в более высокие формы. Энгельс показывает это их восхождение, за которым скрывается все то же движение от *A* к *K* сначала в области механики, потом физики, затем химии, далее следует биология, за ней история. Опять тот же з-план (еще до разработки рз-плана), так, Энгельс пишет: «Притяжение и отталкивание. В магнетизме начинается полярность; она здесь обнаруживается у одного и того же тела; в электричестве же она распределяется между двумя или несколькими? телами, приходящими во взаимное напряжение. Все химические процессы сводятся к явлениям химического притяжения и отталкивания. Наконец, в органической жизни образование клеточного ядра надо рассматривать тоже как явление поляризации живого белкового вещества, а теория развития показывает, как, начиная с простой клетки, каждый шаг вперед до наисложнейшего растения,

с одной стороны, и до человека — с другой, совершается через постоянную борьбу наследственности и приспособления» [1, 20, с. 526].

В дальнейшем Энгельс переходит к истории и прослеживает в ней действие противоречий, движение путем противоположностей. Таким образом, метод восхождения от *A* к *K* ясно выступает и в главе «Диалектика», в той ее части, которая была написана или план которой фактически был набросан.

Обратим теперь внимание на то, что из всей задуманной первоначально главы «Диалектика» Энгельс написал только примерно четвертую часть. Первый же раздел остался ненаписанным совсем и был намечен лишь в виде задания, поставленного Энгельсом самому себе: «Развить общий характер диалектики как науки о связях в противоположность метафизике» [1, 20, с. 384]. Точно так же ненамеченным остался и последний раздел главы, в котором должен был излагаться закон отрицания отрицания.

Создается впечатление, что, по-видимому, на рубеже 1879 и 1880 гг. Энгельс прервал начатое им статьей «Введение» изложение «Диалектики природы» и сразу перешел к какому-то другому плану ее изложения. Если так, то понятно, почему впоследствии Энгельс назвал написанное им Введение «Старым введением» по примеру того, как снятое им первоначальное предисловие к «Анти-Дюрингу» он назвал «Старым предисловием к „[Анти]-Дюрингу“. О диалектике» [1, 20, с. 364], или, короче, «Старое предисловие» [1, 20, с. 364].

За последние три года III этапа Энгельс, по-видимому, перешел на новый сокращенный план (с-план) изложения «Диалектики природы», из которого были опущены уже написанная глава «Историческое введение» и начатая, но незаконченная глава «Диалектика» (фотокопия 3 и [1, 20, с. 344]). Изложение начинается сразу с вопроса о движении и его основных формах, в качестве которых выступает старая полярная противоположность притяжения и отталкивания. Далее в последовательности того же метода восхождения должны излагаться механика, физика (теплота и электричество) и химия, следовательно, опять-таки три основные отрасли неорганического естествознания (без математики, биологии и проблемы антропогенеза).

начинается с этого положения, как бы продолжая развивать идеи, содержащиеся в «Анти-Дюринге»: «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» [1, 20, с. 391].

В дальнейшем, говоря о том, что «материя немислима без движения» [1, 20, с. 392], Энгельс вновь подчеркивает связь этой главы с содержанием «Анти-Дюринга». Но говоря о движении как охватывающем все изменения от простого перемещения до мышления, Энгельс и на этот раз выделяет лишь те из них, которые представлены неорганическим естествознанием: механикой, физикой и химией.

К необходимости такого ограничения он подходит на этот раз с позиций *первого из новых открытий*, которые были отражены в главе «Основные формы движения». Это открытие состояло в том, что вскрытая Энгельсом последовательность в возникновении объективных форм движения материи (в порядке восхождения от простого к сложному, от низшего к высшему) должна отразиться как такая же последовательность познания этих форм движения в истории науки. «Само собой разумеется, — писал Энгельс, — что изучение природы движения должно было исходить от низших, простейших форм его и должно было научиться понимать их прежде, чем могло дать что-нибудь для объяснения высших и более сложных форм его. И действительно, мы видим, что в историческом развитии естествознания раньше всего разрабатывается теория простого перемещения, механика небесных тел и земных масс; за ней следует теория молекулярного движения, физика, а тотчас уже вслед за последней, почти наряду с ней, а иногда и опережая ее, наука о движении атомов, химия. Лишь после того как эти различные отрасли познания форм движения, господствующих в области неживой природы, достигли высокой степени развития, можно было с успехом приняться за объяснение явлений движения, представляющих процесс жизни. Объяснение этих явлений шло вперед в той мере, в какой двигались вперед механика, физика и химия» [1, 20, с. 391].

Обращая внимание на простейшую форму движения — механическое перемещение («клеточку» изучаемого предмета), Энгельс писал: «Всякое движение связано с каким-нибудь перемещением — перемещением небесных тел, земных масс, молекул, атомов или частиц эфира. Чем выше форма движения, тем незначительнее становится это перемещение. Оно никоим образом не исчерпывает природы соответствующего движения, но оно неотделимо от него. Поэтому его необходимо исследовать раньше всего остального» [1, 20, с. 392].

Тем самым Энгельс объяснил еще раз, почему познание форм движения материи началось в истории науки именно с механического движения. Кстати, здесь у Энгельса расширяется ряд материальных «носителей» различных форм движения за счет добавления гипотетических «частиц эфира», поставленных после атомов, как «носителей» химической формы движения. Это значит, что «частицы эфира» выступают здесь как «носители» самой высокой в неорганической природе формы движения, которую Энгельс пока считал возможным включить в физику, о чем он писал затем в главе «Теплота».

Фактически такая же мысль о частицах эфира выражена Энгельсом и дальше, когда он называет «материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признается реальность последнего» [1, 20, с. 392]. (Заметим, что высказывания Энгельса по естественнонаучным вопросам соответствовали общему уровню науки 70 — 80-х годов прошлого столетия.)

В этом отношении в данной главе сделан шаг вперед по сравнению с рз-планом, изложенным в «Анти-Дюринге», где отсутствовало последнее звено («частицы эфира»). Следуя за высказанным Энгельсом положением, что чем выше форма движения, тем позднее она изучается и познается, добавление гипотетических «частиц эфира», совершенно еще не изученных, в конце общего ряда дискретных видов материи, «носителей» различных форм движения, вполне оправдывалось в глазах Энгельса тем, что речь шла, с его точки зрения, о самой высокой форме движения в неживой природе.

Вернемся теперь к биологической форме движения с его «носителем», белком, которая и на этот раз оказалась исключенной из общего ряда рассматриваемых форм движения. Энгельс объяснил это ее исключение тем, что физико-химическое обоснование важнейших явлений жизни все еще находится почти на самой начальной стадии своего развития. Поэтому, исследуя здесь (т. е. в данной главе) «природу движения, мы вынуждены оставить в стороне органические формы движения. Сообразно с уровнем научного знания мы вынуждены будем ограничиться формами движения неживой природы» [1, 20, с. 391].

Заметим, что к открытию параллелизма между последовательностью в усложнении форм движения и последовательностью изучения этих форм в истории науки Энгельс приближался на I этапе. Так, в заметке, начинающейся словами: «Необходимо изучить последовательное развитие отдельных отраслей естествознания» — такого рода последовательность уже была выявлена. То же — в наброске «Из области истории», где содержится приведенная уже ранее группировка наук (их схема) [1, 20, с. 510]. То же

самое мы видим и в «Введении». Однако на I этапе еще не была высказана обобщающая мысль, составившая первое из новых открытий, что чем выше форма движения, тем позднее она изучается.

Второе (по ходу изложения, но не по важности) открытие, сделанное в главе «Основные формы движения», касалось дальнейшего углубления в природу противоречий, заложенных в различных формах движения, начиная с простейшей («клеточки» предмета).

Рассматривая притяжение и отталкивание как *простые формы, движения* (но не как некие «силы») и памятуя, что речь идет лишь о неживой природе, Энгельс пишет: «Всякое движение состоит во взаимодействии притяжения и отталкивания» [1, 20, с. 393]. Далее Энгельс детально прослеживает это противоречие прежде всего у механического движения. Он ставит вопрос:

«Как же представляется движение во взаимодействии притяжения и отталкивания? Это лучше всего исследовать на отдельных формах самого движения» [1, 20, с. 394].

Анализ конкретных видов противоречия притяжения и отталкивания Энгельс проводит согласно рз-плану:

механика небесных тел, механика земных масс, механика (физика) молекул, физика атомов (химия). Начиная с рассмотрения движения какой-либо планеты вокруг центрального тела, Энгельс с точки зрения данного противоречия разбирает космогоническую гипотезу Канта — Лапласа.

Переходя затем к какой-нибудь телесной массе на нашей Земле, Энгельс продолжает анализ того же противоречия в рамках земной механики, а в связи с этим рассматривает *силу* тяжести и противоположную ей форму движения (отталкивательную его форму). В итоге механическое движение («клеточка» изучаемого предмета) раскрывает присущее ей внутреннее противоречие как взаимодействие притяжения и отталкивания. Тем самым конкретизируются те положения, касающиеся противоречия движения, которые стали раскрываться в «Анти-Дюринге» и анализ которых только теперь доведен был Энгельсом до завершающей стадии.

В дальнейшем в соответствии с рз-планом Энгельс прослеживает, каким образом это исходное противоречие преобразуется в новые его виды в связи с переходом механического движения в физические формы движения (теплоту, электричество), а этих последних — в химическую. При этом Энгельс все время учитывает развитие и видоизменение основного противоречия движения, заключенного именно во взаимодействии притяжения и отталкивания. Так, он отмечает, что «в явлениях статического

электричества и магнетизма мы имеем полярное распределение притяжения и отталкивания» [1, 20, с. 398].

Наконец, Энгельс прослеживает своеобразие проявления все того же противоречия в сфере химии на примере химической экзотермической реакции.

«Таким образом, — заключает он, — мы имеем теперь уже не две простые основные формы притяжения и отталкивания, а целый ряд подчиненных форм, в которых совершается процесс универсального движения, развертываясь и свертываясь в рамках противоположности притяжения и отталкивания» [1, 20, с. 399].

Глава заканчивается отсылкой к дальнейшему изложению: «О понятии работа мы будем говорить в следующей главе» [1, 20, с. 407]. Эта фраза свидетельствует, что в первоначальном с-плане за вводной главой «Основные формы движения» шла глава «Мера движения. — Работа», посвященная земной механике. В этой второй главе работа определялась Энгельсом как «изменение формы движения, рассматриваемое с его количественной стороны» [1, 20, с. 419]. В качестве же меры (механического) движения выступала «живая сила» (по Лейбницу). В самом конце главы следовало примечание по поводу ошибочного применения понятия работы в физическом смысле к экономическим трудовым отношениям и наоборот [1, 20, с. 422]. Это примечание, гармонирующее с заметкой «Работа», о которой говорилось выше, свидетельствует о том, что на данном, III этапе Энгельс не предполагал особо рассматривать соотношения между естественнонаучными и экономическими категориями и, следовательно, доводить изложение «Диалектики природы» до своей трудовой теории антропогенеза. Только в этом случае объяснялось появление такого примечания к данной главе его книги.

От главы «Работа. — Мера движения» непосредственный переход к следующей главе — «Теплота» осуществляется через рассмотрение двух форм, в которых исчезает механическое движение, живая сила: 1) превращение в механическую потенциальную энергию и 2) исчезновение механического движения *как такового* при трении и ударе. «Трение можно рассматривать как ряд маленьких ударов, происходящих друг за другом и друг подле друга; удар можно рассматривать как концентрированное в одном месте и на один момент трение. Трение — это хронический удар, удар — мгновенное трение» [1, 20, с. 428].

Таким образом, оба они приводят «от движения масс, предмета механики, к молекулярному движению, предмету физики» [1, 20, с. 428]. Процесс восхождения от *A* к *K* здесь выражен в переходе от ограниченной

способности к превращениям энергии к полной и неограниченной, выраженной законом сохранения и превращения энергии. Вместе с тем этот же процесс восхождения *от А к К* выражен и в том, что от одной лишь абстрактно учитываемой количественной стороны изменения формы движения (как это имеет место в случае понятия работы) совершается переход к конкретному учету качественной стороны процессов превращения формы движения (энергии). «Только с молекулярным движением, — пишет Энгельс, — изменение формы движения приобретает полную свободу. В то время как на границе механики движение масс может принимать только немногие другие формы — теплоту или электричество, — здесь перед нами совершенно иная картина оживленного изменения форм: теплота переходит в электричество в термоэлементе, становится тождественной со светом на известной ступени излучения, производит со своей стороны снова механическое движение; электричество и магнетизм, образующие такую же пару близнецов, как теплота и свет, не только переходят друг в друга, но переходят и в теплоту и в свет, а также в механическое движение» [1, 20, с. 429].

Восхождение от *А к К* Энгельс показывает на двух открытиях: 1) превращение механического движения в теплоту (искусственное добывание огня путем трения) и 2) изобретение паровой машины, где происходит превращение теплоты в механическое движение. Только во втором случае «диалектика процесса получает надлежащее удовлетворение, и процесс исчерпывается в круговороте — по крайней мере для начала» [1, 20, с. 430]. В первом открытии познаваемый круг явлений выступил в предельно абстрактной форме, во втором — в предельно конкретной (для данного же круга явлений с точки зрения его практического использования). Ибо во втором открытии имплицитно содержался уже общий закон изменения формы движения. Энгельс же, сопоставляя «*абстрактное и конкретное*», писал (по-видимому, запись относится к III этапу): «Общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный „конкретный“ пример этого» [1, 20, с. 537], как, скажем, каждый случай получения теплоты посредством трения.

Если оставшаяся незаконченной глава «Теплота» писалась Энгельсом в 1881 — 1882 гг., то почти одновременно с ней им сделан очень важный набросок, где развиваются дальше высказанные им ранее мысли, которые опять-таки касались применения метода восхождения от *А к К* в данной области физики и в физике вообще. Процесс восхождения от *А к К* можно представить как восхождение от единичности (абстрактное) к особенному и далее от особенного к всеобщему (конкретное). При этом Энгельс снова ссылается на Гегеля, на «Учение о понятии» его «Науки Логики». В 1882 г. он пишет:

«Единичность, особенность, всеобщность — вот те три определения, в которых движется все „Учение о понятии“. При этом восхождение от единичного к особенному и от особенного к всеобщему совершается не одним, а многими способами, и Гегель довольно часто иллюстрирует это...» [1, 20, с. 540].

Далее Энгельс ссылается на других ученых, которые употребляют те же выражения: «Надо восходить от единичного к особенному и затем к всеобщему» [1, 20, с. 541].

Такому восхождению, в котором воплощается восхождение от *A* к *K*, Энгельс посвятил особый фрагмент, освещающий историю открытия основного закона физики XIX в. При этом обе ступени, предшествующие этому открытию и подготовившие его, рассматриваются в рамках учения о теплоте, так что и весь фрагмент несомненно примыкает к главе «Теплота». Да и по содержанию этот фрагмент местами прямо перекликается с ней.

Фрагмент начинается с общего положения о том, что диалектическая логика выводит формы движения мышления одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации (соподчинения), «развивает более высокие формы из нижестоящих» [1, 20, с. 538]. Далее следует ссылка на Гегеля, на его «Большую Логик», где дана такая классификация суждений, что за 1-й их группой (единичным суждением) следуют 2-я и 3-я (особенное суждение) и, наконец, 4-я (всеобщее суждение). Следовательно, здесь имеет место отмеченное выше восхождение мысли от *A* к *K*.

«Глубокое основание эта группировка имеет не только в законах мышления, но также и в законах природы...» [1, 20, с. 539], — отмечает Энгельс и показывает, как это надо понимать: 1. Доисторические люди на практике изобрели способ получать огонь трением и нагревали то, что охладело, растиранием. Много времени спустя мозг человека смог высказать об этом суждение 1-й группы: «*Трение есть источник теплоты*». 2. В 1842 г. ряд ученых исследовали этот процесс со стороны его всеобщих условий и сформулировали суждение 2-й группы: «*Всякое механическое движение способно посредством трения превращаться в теплоту*». 3. В 1845 г. Р. Майер поднял это последнее суждение до наивысшей формы суждения 4-й группы: «*Любая форма движения способна и вынуждена при определенных для каждого случая условиях превращаться, прямо или косвенно, в любую другую форму движения*».

«Итак, — резюмирует Энгельс, — то, что у Гегеля является развитием мыслительной формы суждения как такового, выступает здесь перед нами как развитие наших, покоящихся на эмпирической основе, теоретических знаний о природе движения вообще» [1, 20, с. 539]. И далее: «Мы можем

рассматривать первое суждение как суждение единичности: в нем регистрируется тот единичный факт, что трение производит теплоту. Второе суждение можно рассматривать как суждение особенности: некоторая особая форма движения (а именно: механическая) обнаружила свойство переходить при особых обстоятельствах (а именно: посредством трения) в некоторую другую особую форму движения — в теплоту. Третье суждение есть суждение всеобщности: любая форма движения оказалась способной и вынужденной превращаться в любую другую форму движения» [1, 20, с. 540].

Так через процесс все большего обобщения совершается восхождение от *A* к *K* в области учения о теплоте сначала в ее связи с механическим движением (ограниченно), а затем в связи со всеми остальными формами движения (т. е. когда эти превращения приобретают полную свободу). Но и здесь Энгельс подчеркивает, что речь идет о формах движения, господствующих в неорганической природе и что отсюда пока исключается биологическая форма движения. «К сожалению, — отмечает он, — дело хромает в отношении той формы движения, которая свойственна белку, *alias*¹³ в отношении жизни, до тех пор пока мы не в состоянии изготовить белок» [1, 20, с. 540].

Это еще одно свидетельство, почему Энгельс и на III этапе работы продолжал следовать своему сокращенному плану, в основном совпадавшему с 3-планом, из которого *пока* исключался организм (биология).

За главой «Теплота» следовала глава «*Электричество*». Ее начало прямо свидетельствовало об этом: «Как и теплота, только в другом роде, электричество некоторым образом вездесуще» [1, 20, с. 433].

В этой главе в ряде мест Энгельс ссылается на «Философию природы» Гегеля и даже цитирует ее. Вся же глава, по сути дела, построена на сопоставлении тогдашнего состояния учения об электричестве и химии. Прежде всего Энгельс ждет в области электричества такого же открытия, которое, подобно открытию Дальтоном основ химической атомистики (с ее понятием атома и присущим ему атомным весом), даст «всей науке средоточие, а исследованию — прочную основу» [1, 20, с. 434]. Далее он считает прогрессом представление о том, что электричество есть движение частиц светового эфира. Эта эфирная теория «дает надежду выяснить, *что* является собственно вещественным субстратом электрического движения, *что* собственно за вещь вызывает своим движением электрические явления» [1, 20, с. 439].

¹³ Другими словами. — Б. К.

Другими словами, если Дальтон нашел в форме атомов исходный пункт (своего рода «клеточку») химических превращений, то учение об электричестве только еще искало ее в 1882 г., когда Энгельс писал главу «Электричество». Все главное ее содержание развертывалось в аспекте рассмотрения превращения сначала химизма в электричество, а затем электричества в химизм. В заключение Энгельс пишет: «Понимание этой тесной связи между химическим и электрическим действием, и наоборот, приведет к крупным результатам в обеих этих областях исследования... Среди химиков... И среди физиков, занимающихся исследованием электричества, начинается, по-видимому, наконец... распространяться убеждение, что только тщательное учитывание химических процессов в цепи и в электролитической ванне может вывести их науку из тупика старых традиций» [1, 20, с. 485].

В заметке «*Электрохимия*», написанной явно на III этапе, Энгельс отмечает, что при изложении действия электрической искры на химический процесс физик заявляет, что это касается скорее химии, а химик же утверждает, что это касается уже более физики. «Таким образом, — заключает Энгельс, — и те и другие заявляют о своей некомпетентности в месте соприкосновения науки о молекулах и науки об атомах, между тем как именно *здесь надо ожидать наибольших результатов*» [1, 20, с. 607]. Всем этим через электрохимию Энгельс подготовлял переход от физики к химии.

За главой «Электричество» должна была быть последняя глава по с-плану — «Химия». Но Энгельс успел сделать к ней лишь несколько заметок. Центральной идеей в этой главе, как можно предполагать, стала бы идея дискретности материи — атомистика. «Новая эпоха начинается в химии с атомистики» [1, 20, с. 608], — записал Энгельс, отметив, что по этой причине Дальтон (основатель химической атомистики) является отцом химии XIX в. Однако Дальтон признавал только атомы как единственную ступень дискретности материи. Они были у него либо простыми, состоявшими из одного элемента, либо сложными, состоявшими из соединения двух или более простых атомов. Молекулы как особой ступени в усложнении дискретных образований материи Дальтон не признавал. Новая атомистика, признавшая молекулу, фактически открыла в химию двери для диалектики с ее идеей развития, отображаемого методом восхождения от *A* к *K*. Это сделал Энгельс уже на II этапе, когда ввел представление о последовательном ряде материальных носителей различных форм движения и об изучающих их науках: небесные тела (астрономия), массы (механика), молекулы (физика), атомы (химия). В главе об электричестве к ним добавились гипотетические частицы эфира в качестве предположительных вещественных носителей электричества.

В таком случае Энгельс делал следующий обобщающий вывод, который, по-видимому, должен был стать одним из краеугольных положений главы «Химия»: «Новая атомистика отличается от всех прежних тем, что она... не утверждает, будто материя *только* дискретна, а признает, что дискретные части различных ступеней (атомы эфира, химические атомы¹⁴, массы, небесные тела) являются различными *узловыми точками*, которые обуславливают различные *качественные* формы существования всеобщей материи вплоть до такой формы, где отсутствует тяжесть и где имеется только отталкивание» [1, 20, с. 608 — 609].

Другим таким же краеугольным положением в главе «Химия» должен был служить принцип последовательного усложнения химического вещества, сначала в виде химических элементов, расположенных по периодической системе Д. И. Менделеева, потом химических соединений неорганического характера и, наконец, что особенно важно, органических соединений. Последние в пределе своего усложнения приводят к белковым веществам, а значит, согласно взглядам Энгельса, к выходу за пределы химии и к переходу к организму (к жизни).

На III этапе Энгельс не успел всего этого изложить, но на IV, в заметке «Во-первых, Кекуле», он развил последний пункт предшествующего рассуждения, касающегося перехода от химии к жизни. В обоих этих краеугольных положениях, на которых, по всем данным, должна была строиться глава «Химия», находит свое яркое воплощение принцип восхождения от *A* к *K*.

В конце 1882 г. Энгельс завершил главу «Электричество», и у него оставалось впереди только написать последнюю главу «Химия» и резюме и дописать главу «Теплота». Теперь конец всей работы казался уже совсем близким, если, разумеется, верно то, что Энгельс в течение последних трех лет III этапа строго следовал своему с-плану. В свете сказанного становятся понятными заключительные слова в письме Энгельса к Марксу от 23 ноября 1882 г., где говорится об электричестве в связи с мыслями Энгельса, высказанными им в главе «Мера движения. — Работа»: «Теперь, однако, необходимо поскорее закончить диалектику природы» [1, 35, с. 98].

Энгельс торопится с завершением своей книги, очевидно, потому, что видит, как само развитие современного ему естествознания подтверждает правильность его диалектических выводов и рассуждений. Но чтобы использовать это обстоятельство в пользу диалектического метода и выводимых с его помощью следствий в части теоретических обобщений и в особенности научных прогнозов, необходимо во что бы то ни стало, чтобы

¹⁴ После этого должно бы следовать: «молекулы», как это обычно мы и видим у Энгельса — Б. К.

«Диалектика природы» скорее увидела свет: прогресс естествознания совершался так быстро, что она могла устареть, если тянуть с ее окончанием.

Но, повторяем, сказать так, что «надо поскорее закончить» ее, можно было лишь при том условии, что писать осталось совсем немного, скажем, полторы главы, не больше. А это значит, что речь могла идти только о завершении «Диалектики природы» по с-плану, т. е. без математики и биологии, без проблемы антропогенеза, без главы «Диалектика», без включения материалов, написанных для других целей, а потому требовавших большой доработки или даже переработки.

Добавим, что на III этапе, возможно, была написана статья «Приливное трение. Кант и Томсон-Тейт». Но она не была предусмотрена первоначальным с-планом, а потому, очевидно, оказывалась вне работы над «Диалектикой природы». Возможно, однако, что она была написана как отдельная статья на каком-либо другом этапе работы Энгельса.

Смерть Маркса (14 марта 1883 г.) прервала работу Энгельса над «Диалектикой природы»; в дальнейшем эта книга так и осталась незаконченной.

Перестройка и расширение замысла IV этап (1884 — 1886)

Сейчас же после смерти Маркса Энгельс берется за подготовку к изданию сначала II, а затем III тома «Капитала», которые остались незавершенными. В этой гигантской работе, занявшей почти 12 лет, небольшие «окна» для занятий естествознанием и его философскими проблемами появлялись у Энгельса лишь в 1884 — 1886 гг., т. е. при окончании работы над II томом «Капитала» и переходе вплотную к работе над его III томом.

В то время, во-первых, Энгельс работал над предисловием ко II тому «Капитала», где большое место уделено истории первой химической революции в конце XVIII в. В начале мая 1885 г. эта работа была завершена.

Во-вторых, и это особенно важно, с апреля 1884 по конец сентября 1885 г. он занят подготовкой 2-го издания «Анти-Дюринга». Сначала это только намерение, которое затем начинает осуществляться. Так как Энгельс замышляет снабдить новое издание своей книги особыми примечаниями (Noten) или добавлениями, которые касаются философских вопросов естествознания и математики, то вполне возможно, что такие материалы он начал готовить уже в 1884 г.

Во всяком случае в апреле 1884 г. он сообщает о своем намерении заняться «Дюрингом», т. е. подготовкой нового издания «Анти-Дюринга» [1, 36, с. 11 б]. Вскоре после этого он пишет, что те изменения, которые были внесены в «Развитие социализма от утопии к науке», в «Анти-Дюринге» «нужно

вставить в самом начале, многое нужно исправить и дополнить» [1, 36, с. 124]. В мае того же 1884 г. Энгельс информирует: «Я примусь также и за „Дюринга“... Стоит мне только засесть за него, и я смогу сдать вам сразу 6 — 8 листов, хотя именно вначале придется многое переработать» [1, 36, с. 132].

Но затем Энгельс передумал и решил не перерабатывать текста «Анти-Дюринга». Спустя полгода он сообщает: «Я внесу мало изменений, а только сделаю примечания или добавления» [1, 36, с. 202]. Еще немного времени спустя, в январе 1885 г., он пишет по поводу переиздания «Анти-Дюринга»: «По зрелом размышлении я решил печатать его *без изменений*. Это мой долг по отношению к противнику. Я напишу лишь новое предисловие и добавления к некоторым главам; их можно будет поместить в конце книги. И новое предисловие. Для этого я найду время» [1, 36, с. 232]. И еще: «По поводу „Анти-Дюринга“ дополнительно еще замечу: 1) за старым предисловием последует предисловие ко 2-му изданию, но его я сейчас не могу еще как следует сделать...; 2) дополнения пойдут в виде приложения» [1, 36, с. 234].

Итак, в начале 1885 г. у Энгельса появилась мысль написать особые дополнения к «Анти-Дюрингу». Выполнить это намерение он смог в том же году, но немного позднее, очевидно летом, если, повторяем, он не стал его выполнять еще раньше, скажем, в 1884 г.

В каждом из этих добавлений или примечаний так или иначе обосновывается принцип восхождения от *A* к *K*. Так, в *первом* примечании, которое посвящено *математике*, и в описи второй связки под буквой «а», подняты два вопроса, касающиеся данного принципа. *Первый* из них связан с понятием математической аксиомы как исходного пункта изложения той или иной отрасли математической науки. Энгельс пишет: «Современное естествознание... расширяет субъект опыта, распространяя его с индивида на род: теперь уже не считается необходимым, чтобы каждый отдельный индивид лично испытал все на своем опыте; его индивидуальный опыт может быть до известной степени заменен результатами Опыта ряда его предков. Если, например, у нас математические аксиомы представляются каждому восьмилетнему ребенку чем-то само собой разумеющимся, не нуждающимся ни в каком опытным доказательстве, то это является лишь результатом „накопленной наследственности“» [1, 20, с. 581 — 582].

По этому поводу можно привести позднейшее рассуждение В. И. Ленина на счет опытного происхождения логических фигур: **«ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА МИЛЛИАРДЫ РАЗ ДОЛЖНА БЫЛА ПРИВОДИТЬ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПОВТОРЕНИЮ РАЗНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР, ДАБЫ ЭТИ ФИГУРЫ МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ**

ЗНАЧЕНИЕ АКСИОМ. ЭТО NOTA BENE». [3, 29, с. 172]. Здесь Лениным отмечен, по сути дела, генезис возникновения всяких аксиом вообще, а не только аксиом в сфере логики. Этот механизм их происхождения как раз и совпадает с тем, что Энгельс назвал условно «накопленной наследственностью». Именно так возникла, например, аксиома школьной геометрии Евклида: прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками.

То же можно сказать и о формальной логике. Касаясь того, что сказано у Гегеля в «Науке Логике» в параграфе о «первой фигуре заключения» (Все В суть А; С есть В; следовательно, С есть А), Ленин пишет: «Очень хорошо! Самые обычные логические „фигуры“... суть школьно размазанные, *sit venia verbo*¹⁵, самые обычные отношения вещей» [3, 29, с. 159].

В качестве примера приведем рассуждение о «фигуре» силлогизма, приписываемое Эйлеру: деньги в кошельке, кошелек в кармане, значит, деньги в кармане (Все С суть В; В есть А, следовательно, все С суть А). Здесь логическая «фигура» выступает как нечто само собой разумеющееся, как школьно размазанное самое обычное отношение вещей.

Второй вопрос в том же первом примечании касается восходящего ряда усложняющихся дискретных видов материи, которые следуют один за другим в последовательности восхождения от *A* к *K*. Прежде всего Энгельс рассматривает соотношение между земными массами (предметом механики) и молекулами (предметом физики) и атомами (предметом химии). Затем он пишет о том, что атомы не являются простыми и вообще мельчайшими частицами вещества. Химики полагают, что атомы сложны, а физики считают, что мировой эфир состоит из дискретных частиц. Сопоставляя различные по масштабу частицы материи с дифференциалами различного порядка (dx , d^2x и т. д.), Энгельс получает возможность рассматривать процесс восхождения от *A* к *K*. в математическом аспекте как прообраз математического бесконечного в действительном мире.

Итак, относительно строения материи Энгельс делает вывод, что «она расчленена на ряд больших, хорошо отграниченных групп с относительно различными размерами... Видимая нами звездная система, солнечная система, земные массы, молекулы и атомы, наконец, частицы эфира образуют каждая подобную группу. Дело не меняется от того, что мы находим промежуточные звенья между отдельными группами: так, например, между массами солнечной системы и земными массами мы

¹⁵ Да будет позволено так сказать. — Б. К.

встречаем астероиды... — метеориты и т. д.; так, между земными массами и молекулами мы встречаем в органическом мире клетку» [1, 20, с. 585 — 586].

Принцип восхождения от *A* к *K* здесь выражен достаточно ясно.

Во *втором* примечании, посвященном критике механицизма, тот же принцип обосновывается путем анализа взаимосвязи естественных наук. «Называя физику механикой молекул, — пишет Энгельс, — химию — физикой атомов и далее биологию — химией белков, я желаю этим выразить переход одной из этих наук в другую, — следовательно, как существующую между ними связь, непрерывность, так и различие, дискретность обеих» [1, 20, с. 567].

По содержанию (но не по целевому назначению) ко второму примечанию примыкает, его развивая, фрагмент, начинающийся словами: «Во-первых, Кекуле», в котором можно усмотреть зачаток еще одного особого примечания ко 2-му изданию «Анти-Дюринга», оставшегося неразработанным. Здесь прежде всего формулируется общее положение: «Систематизацию естествознания... можно найти не иначе, как в связях самих явлений» [1, 20, с. 570]. Далее повторяется в основном то, что содержалось во всех предшествовавших планах (3-, *p3*- и *s*-планах): механика, физика, химия с последующим переходом к биологии, химии белка. Белок «есть сам себя осуществляющий перманентный химический процесс...» [1, 20, с. 571]. И далее: «Если химии удастся изготовить этот белок... то диалектический переход будет здесь доказан также и реально, т. е. целиком и полностью. До тех пор дело остается в области мышления, *alias*¹⁶ гипотезы. Когда химия порождает белок, химический процесс выходит за свои собственные рамки, как мы видели это выше относительно механического процесса. Он вступает в некоторую более богатую содержанием область — область органической жизни» [1, 20, с. 571].

Как видим, в этой части фрагмент «Во-первых, Кекуле» прямо примыкает к заключительному разделу главы о химии. Но в целом оно представляет собой еще один вариант обоснования метода восхождения от *A* к *K*. Вместе с тем в нем еще и еще раз поясняется, почему раньше, пока переход от химизма к организму остается только в сфере мышления, Энгельс доводил изложение «Диалектики природы» лишь до этого пункта.

Наконец, в *третьем* примечании, в котором критикуется агностицизм, обоснование принципа восхождения от *A* к *K* дается на материале анализа естественных рядов каких-либо природных образований (тел); при этом познание отдельных тел, входящих в эти ряды, связывается с указанием на их *место* в соответствующем ряду. «Если мы станем сопоставлять в

¹⁶ Другими словами. — Б. К.

отдельности друг с другом такие две до крайности различные вещи — например какой-нибудь метеорит и какого-нибудь человека, — то тут мы откроем мало общего... Но между обеими этими вещами имеется бесконечный ряд других вещей и процессов природы, позволяющих нам заполнить ряд от метеорита до человека и указать каждому члену ряда свое место в системе природы и таким образом *познать* их» [1, 20, с. 547].

В материалах по химии эта общая мысль конкретизируется Энгельсом применительно к гомологическим рядам: «В органической химии значение какого-нибудь тела... обусловлено скорее его положением в том *ряду*, к которому оно принадлежит» [1, 20, с. 609]. Точно так же химический элемент определяется его местом в том ряду, который образуют все элементы согласно периодической системе Д. И. Менделеева. Последняя неполно и лишь с количественной стороны отражается в кривой Лотара Мейера, выражающей зависимость изменения атомных объемов от атомного веса элемента. Вот почему Энгельс в первом примечании отмечал:

«Химия, по-видимому, находится на верном пути к тому, чтобы из отношения атомных объемов к атомным весам объяснить целый ряд химических и физических свойств элементов. Но ни один химик не решится утверждать, что все свойства какого-нибудь элемента исчерпывающим образом выражаются его положением на кривой Лотара Мейера...» [1, 20, с. 568].

Другое положение, выдвинутое Энгельсом в третьем примечании и тоже касающееся принципа восхождения *от А к К*, относится к категориям единичности, особенности и всеобщности. Энгельс пишет, что «всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем. Но форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное» [1, 20, с. 548 — 549].

Так разрабатывался Энгельсом дальше и обосновывался снова и снова с различных сторон при подготовке нового издания «Анти-Дюринга» принцип восхождения от *А к К*.

В заключение содержательной характеристики IV этапа работы Энгельса следует рассмотреть фрагмент о трех великих открытиях естествознания XIX в., который Энгельс написал сначала в 1886 г. для своей книги «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», но затем перенес в материалы «Диалектики природы». Все эти три открытия, заключая в себе

подтверждение и обоснование идеи развития в природе, тем самым служат обоснованием и принципа восхождения от *A* к *K*.

В качестве *первого* открытия Энгельс называет «доказательство превращения энергии, вытекавшее из открытия механического эквивалента теплоты» [1, 20, с. 5 II]. Далее мы видим уже не раз приводившийся выше ряд — «механическая сила, теплота, излучение (свет и лучистая теплота), электричество, магнетизм, химическая сила», которые «являются особыми формами, способами существования одной и той же энергии... Единство всего движения в природе теперь уже не просто философское утверждение, а естественнонаучный факт» [1, 20, с. 511, 512].

Вторым открытием Энгельс называет открытие «органической клетки как той единицы, из размножения и дифференциации которой возникают и вырастают все организмы... Покров тайны, окутывавший процесс возникновения и роста и структуру организмов, был сорван» [1, 20, с. 512]. Так было установлено, что все многоклеточные организмы, включая человека, вырастают каждый из одной клетки.

Третьим открытием Энгельс считал дарвинизм, теорию развития, согласно которой «установлен ряд развития организмов от немногих простых форм до все более многообразных и сложных... кончая человеком. Благодаря этому... дана основа для предыстории человеческого духа, для прослеживания различных ступеней его развития, начиная от простой, бесструктурной, но ощущающей раздражения протоплазмы низших организмов и кончая мыслящим мозгом человека. А без этой предыстории существование мыслящего человеческого мозга остается чудом» [1, 20, с. 512].

История живой природы, охваченная клеточной теорией и дарвиновским учением, как раз и может служить великолепной основой для ее отражения в логической форме в виде метода восхождения от *A* к *K*, Энгельс показывает, что теперь этим методом может быть пронизано и неорганическое естествознание, о чем говорит первое открытие, и органическое естествознание, о чем свидетельствуют два других великих открытия. Однако естественного *перехода* от одного к другому здесь еще не получается, и это отсутствие стыка между ними становится особенно заметным именно в результате того, что внутри каждого раздела естествознания метод восхождения от *A* к *K*, стал выступать теперь с совершенной определенностью.

Сейчас же после характеристики трех великих открытий Энгельс пишет: «Остается добиться только одного: объяснить возникновение жизни из неорганической природы», иначе говоря, «изготовить белковые тела из неорганических веществ. Химия все более и более приближается к решению

этой задачи, хотя она и далека еще от этого» [1,20, с. 512]. И Энгельс заключает: «Теперь вся природа простирается перед нами как некоторая система связей и процессов, объясненная и понята по крайней мере в основных чертах» [1, 20, с. 513].

По-видимому, рассмотренный фрагмент Энгельса о трех великих открытиях, написанный в 1886 г. первоначально для работы «Людвиг Фейербах...», был по времени последней записью, которая была сделана Энгельсом с последующим ее включением в материалы «Диалектики природы». После этого последовала лишь разбивка всего рукописного материала, отнесенного Энгельсом к этой: книге, на четыре связки с составлением описи содержания двух из них. В таком виде рукопись незавершенной «Диалектики природы» дошла до наших дней.

* * *

Подводя итог рассмотренной выше поэтапно работы Энгельса над «Диалектикой природы», мы еще раз хотим напомнить следующие моменты, существенные для нашего исследования. Во-первых, мы разбираем не со всех сторон работу Энгельса над реализацией своего замысла в будущей книге, но лишь в той ее части и в том ее аспекте, которые касаются разработки, применения и обоснования метода восхождения от *A* к *K*.

Во-вторых, говоря об этом методе, мы, разумеется, понимаем его как логический адекват идеи развития, при котором реальному процессу движения от низшего к высшему, от простого к сложному соответствует его отражение в научном познании в виде движения (восхождения) от исходного абстрактного к конечному конкретному. Соответственно этому сами эти категории понимаются таким образом, что абстрактное отвечает зародышевому, недифференцированному, бедному определениями (неразвитому), а конкретное — развившемуся, дифференцированному, богатому определениями.

В-третьих, мы показываем, каким образом установление исторической последовательности вещей и процессов в развитии природы или событий в развитии естествознания, т. е. выработка исторического взгляда на природу и ее познание позволяют путем последующей логической обработки («идеализации») этой последовательности прийти к возможности обоснования метода восхождения от *A* к *K*. Другими словами, мы вовсе не считаем, что всякий случай поступательного развития или движения от низшего к высшему, от простого к сложному уже сам по себе есть пример принципа или способа восхождения от *A* к *K*, однако он может стать *обоснованием* этого принципа или способа, будучи подвергнут соответствующей логической обработке.

В-четвертых, показав, что метод восхождения от *A* к *K* может быть беспрепятственно применен к познанию как в области неорганического естествознания, так и — отдельно от него — в области органического естествознания, Энгельс обнаружил, что для всего естествознания это сделать еще невозможно и будет оставаться невозможным до тех пор, пока химия не осуществит диалектический переход к жизни посредством искусственного синтеза живого белка (носителя жизни) из неорганических веществ. Существование такого разрыва между двумя важнейшими областями естествознания и невозможность в данный момент применить сквозным образом метод восхождения от *A* к *K* ко всему естествознанию в целом обусловили, на наш взгляд, просуществовавшее до 1883 г. настойчивое стремление Энгельса ограничиться при изложении «Диалектики природы» лишь неорганическим естествознанием.

Наконец, в-пятых, другой, не менее важный переход должен был образоваться на стыке между всей природой и обществом, т. е. при переходе от природного, биологического к человеческому, общественному. Такой переход давал бы возможность применить метод восхождения от *A* к *K* сквозным образом на протяжении всего объема научного знания, как естественнонаучного, так и социально-экономического. Энгельс изучил и теоретически разработал область этого перехода, создав свою трудовую теорию антропогенеза, которая в принципе сцементировала «Диалектику природы» с экономическими работами Маркса, особенно с его «Капиталом».

Очерк 6 Общий взгляд на весь ход реализации замысла (Различные версии)

В предыдущем очерке мы изложили наш взгляд на ход реализации Энгельсом своего замысла. Но мы сознательно обошли спорный вопрос о времени составления Энгельсом своего «общего» (по одной терминологии), «расширенного» (по другой терминологии) плана «Диалектики природы». Далее мы для краткости будем именовать его полным планом — п-планом (фотокопия 4). Согласно одному предположению он был составлен в 1885 г., вскоре после выхода в свет II тома «Капитала» и еще до выхода в свет второго издания «Анти-Дюринга». Согласно другому предположению — в августе 1878 г., вскоре после выхода в свет первого издания «Анти-Дюринга». Оба предположения, на наш взгляд, одинаково хорошо обоснованы и обладают примерно равной степенью вероятности.

С вопросом о дате составления п-плана связан общий взгляд на ход всей работы Энгельса над «Диалектикой природы». Поэтому здесь мы

рассмотрим и сопоставим между собой различные возможные версии относительно того, во-первых, когда мог быть составлен n-план, во-вторых, как в зависимости от этого понимается и толкуется общий ход работы Энгельса по реализации своего замысла и, наконец, в-третьих, какие перспективы для завершения всей работы были у Энгельса в середине 80-х годов, а возможно, и позднее.

Handwritten notes in German, likely a list of topics or a plan for a book. The text is dense and difficult to read due to cursive handwriting. It appears to be a list of subjects or chapters, possibly related to the 'n-plan' mentioned in the text above. The notes include various terms and phrases, some of which are circled or underlined. At the bottom of the notes, there is a circled signature 'S W O'.

S W O

Фотокопия 4.

Полный или общий план книги Энгельса

Когда, почему и как появился полный или общий план (Первая версия)
 Как только что было сказано, согласно первой версии, полный план (n-план) был составлен Энгельсом в середине или во второй половине 1885 г. В пользу такого предположения выдвигаются следующие соображения, которые должны объяснить, каким образом именно в это время у Энгельса могла возникнуть самая мысль о выработке нового, на этот раз полного плана

«Диалектики природы» и о возможности работы по этому *n*-плану в течение более или менее близкого времени.

Напомним, что почти весь предшествующий (1884) год Энгельс работал над подготовкой к печати II тома «Капитала», а с февраля по начало июня 1885 г. — над корректурой II тома, предисловие к которому он датирует 5 мая 1885 г. Параллельно с этим начиная с конца февраля того же 1885 г. он приступает к работе по подготовке к печати III тома «Капитала». Свободного времени для других работ, в том числе и для «Диалектики природы», у него не было. 23 апреля 1885 г. он пишет В. И. Засулич: «Рукописи Маркса, которые я диктую секретарю, отнимают у меня весь день; вечером приходят гости, которых тоже ведь не выставишь за дверь; приходится читать корректуры, писать множество писем, и, наконец, существуют переводы (итальянские, датские и т. д.) моего „Происхождения"¹⁷; меня просят просматривать их, а эта проверка иной раз является далеко не лишней и не легкой работой» [1, 36, с. 259].

Вскоре после этого, 16 июня 1885 г., Энгельс пишет о том же Г. Шлютеру: «Пока III книга „Капитала" не продиктована до конца, день у меня занят от 10 до 5, а по вечерам, не говоря уже о приеме гостей, мне приходится не только отвечать на многочисленные письма, количество которых все возрастает, но и просматривать продиктованное и редактировать французские, итальянские, датские и английские переводы наших произведений (в том числе и английский перевод „Капитала") и я, право, не знаю, где найти время еще для других работ. Поэтому Вы должны иметь в виду, что я могу браться только за самое неотложное» [1, 36, с. 285-286].

Так Энгельс писал еще в первой половине 1885 г. (за полтора года до заболевания у него глаз). Можно себе представить, настолько ухудшилось у него положение с работой с момента, когда в начале 1887 г. он заболел. Как же можно допустить, что именно в 1885г. он составил значительно более расширенный *n*-план «Диалектики природы», намереваясь по этому *n*-плану написать много новых разделов и глав для нее? Уж если бы он спустя два года после смерти Маркса решил вернуться к мысли о завершении своей книги, то по причине недостатка свободного времени он, наверное, остановился бы на сокращенном ее варианте, представленном в с-плане, по которому он работал в течение 1880 — 1883 гг. Ведь в конце 1882 г. ее написание по этому с-плану близилось к концу, так что для ее завершения оставалось сделать сравнительно не так уж много усилий, на что потребовалось бы во всяком случае гораздо меньше времени, чем для работы

¹⁷ Имеется в виду «Происхождение семьи, частной собственности и государства». — Б. К.

по *n*-плану. А время, повторяем, Энгельсу надо было экономить в максимальной степени.

Почему же, несмотря на все это, Энгельс предпочел составить в таких жестких для него условиях новый *n*-план? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к некоторым свидетельствам. Прежде всего отметим, что в 1884 — 1886 гг. Энгельс рассчитывал на то, что работа над III томом «Капитала» не займет у него много времени. А раз так, то в скором будущем открывалась возможность закончить «Диалектику природы». Много позднее (в 1894 г.) Энгельс писал: «При издании второй книги в 1885 г. я полагал, что третья книга, за исключением некоторых, конечно, очень важных разделов, представит, пожалуй, только технические затруднения. Так оно и было в действительности; но тех трудностей, которые предстояли мне именно в этих важнейших разделах целого, я в то время совсем не предвидел, равно как не предвидел и других препятствий, которые столь сильно замедлили подготовку книги» [1, 25, ч. 1, с. 3].

В качестве главного такого препятствия Энгельс указывает на слабость своего зрения. Однако болезнь стала вынуждать Энгельса ограничивать себя в работе начиная лишь с января 1887 г., так что до того времени этот фактор не играл еще заметной отрицательной роли. Сейчас для нас важно установить, что в 1885 г. Энгельс полагал, что работа над III томом «Капитала» займет у него гораздо меньше времени, чем это оказалось на самом деле, и он не думал, что у него возникнут затруднения в будущем в связи с болезнью глаз. А это означает, что в 1885 г. он предполагал уже в ближайшей перспективе иметь достаточно много свободного времени для своей личной научной работы, а среди таковой несомненно оставалась работа по завершению «Диалектики природы», которая близилась к концу еще в ноябре 1883 г., т. е. всего за два года перед тем. Таково первое соображение.

Второе соображение касается содержательной стороны дела. К содержанию и плану «Диалектики природы» Энгельс неизбежно должен был обратиться вновь именно в 1884 — 1885 гг. в связи с тем, что он намеревался приступить, а затем и приступил к подготовке второго издания «Анти-Дюринга». По-видимому, еще в 1884 г., а самое позднее летом 1885 г. он начал составлять дополнения к своей книге в виде нескольких расширенных «примечаний» (Noten), из которых первое касалось математики. Можно предположить, что сначала, еще до того, как приступить к написанию задуманных «примечаний», Энгельс обратился к сокращенному плану своей книги, по которому он работал в 1880 — 1883 гг. Этот план зафиксирован уже написанными к тому времени главами будущей книги: «Основные формы движения». «Мера движения. — Работа». «Теплота» (не закончена), «Электричество» и неначатая глава «Химия». Теперь Энгельс переписывает

этот план в более развернутом виде, беря за основу план первой главы («Основные формы движения»), причем первые три пункта плана представляют собой изложение главы «Основные формы движения». Затем внизу самого плана Энгельс делает к нему два добавления (см. фотокопию 3 и ее дешифровку в [1,20, с. 344]).

Первое добавление: «а) Перед 4: Математика. Бесконечная линия + и — равны». Это означает, что Энгельс отказывается здесь от первоначального ограничения исключить математику из плана и включает главу о математике, ставя ее между п. 3, где заканчивается вводная часть, касающаяся основных форм движения, и п. 4, который посвящен механике. Но, как мы уже говорили в очерке 2, главу «Основные формы движения» Энгельс закончил фразой, что в следующей главе будет говориться о работе, т. е. о механике. Это указывает на то, что первое дополнение к с-плану (о постановке перед п. 4 о механике главы о математике) было сделано после написания первых двух глав по с-плану; более того, оно было составлено вообще после III этапа, так как Энгельс собирался тогда быстрее закончить свою книгу. Остается допустить, что первое дополнение было сделано в 1884 — 1885 гг., когда Энгельс задумывал новое издание «Анти-Дюринга».

Второе добавление: «b) При рассмотрении астрономии: работа, производимая приливной волной». Но астрономия («небесные тела») в п. 4 с-плана *предшествует* «земной механике». Таким образом, и здесь мы сталкиваемся с тем же положением, что и в случае первого добавления: перед главой «Мера движения. — Работа» вставлена отдельно написанная Энгельсом статья «Приливное трение. Кант и Томсон — Тейт». Это означает, что Энгельс начинает включать в «Диалектику природы» материал, который, по-видимому, не был первоначально для нее предназначен.

В итоге обоих добавлений с-план стал существенно дополненным; в таком виде назовем его *дс*-планом.

Приведенное выше объяснение может вызвать два критических замечания. Во-первых, непонятно, зачем Энгельсу понадобилось бы вновь записывать в самом низу *дс*-плана две ссылки на работу Гельмгольца? Такие ссылки имели смысл лишь в том случае, если бы речь шла о составлении плана главы «Основные формы движения» *перед* ее написанием. В таком случае окажется спорным предположение, что *дс*-план составлялся в 1884-1885 гг.

Во-вторых, п. 4 (механика) начинается с тяжести, а о тяжести нет речи в главе «Мера движения. — Работа». Если следовало бы, по мнению Энгельса, ввести этот пункт в план «Диалектики природы», то на этот счет должно было последовать особое добавление, а не просто указание в плане на то, о чем не было написано в других главах, кроме первой. Это также говорит как

будто в пользу того, что *дс*-план должен рассматриваться лишь как план первой главы книги «Основные формы движения».

Отмечая эти возможные возражения против приведенного выше объяснения появления *дс*-плана, можно сказать, что в данном случае трудно дать вполне логично безупречное, свободное от сомнений объяснение. Далее мы увидим, какое можно дать другое объяснение исходя из иной версии для даты составления *n*-плана. Пока же, несмотря на отмеченные натяжки, продолжим начатый ход рассуждений.

Итак, будем исходить из того, что *дс*-план оказался переходным от *с*-плана к *n*-плану, поскольку в нем появились математика и механика неба (в виде работы приливной волны). При его составлении Энгельсом был сделан решающий шаг в сторону существенного расширения объема задуманной книги, причем — и это особенно важно — за счет включения в нее нового материала (статья «Приливное трение. Кант и Томсон — Тейт»), который был написан, по-видимому, первоначально не для «Диалектики природы».

До тех пор, работая согласно *з*-плану и *рз*-плану, Энгельс относил в состав «Диалектики природы» лишь те главы («Введение» и «Диалектику», оставшуюся недописанной), которые создавались с самого начала именно для «Диалектики природы». Он так же поступал и потом, когда работал по *с*-плану. Очевидно, он тогда считал, что его книга должна быть вполне цельным произведением, написанным в одном определенном, логически последовательном русле.

Теперь же обстоятельства резко изменились. В научном архиве у Энгельса накопился уже достаточно большой материал, который первоначально предназначался для других произведений, но который в свое время не был доведен до конца и не увидел свет. Вместе с тем этот материал так или иначе касался естествознания и мог быть каким-то образом подключен к «Диалектике природы». Сюда относились прежде всего следующие материалы: во-первых, незаконченная статья, касающаяся трудовой теории антропогенеза (из начатой работы «Порабощение работника. Введение»), написанная в 1876 г.; во-вторых, часть первоначального пространного текста предисловия к первому изданию «Анти-Дюринга» о диалектике и связи между философией и естествознанием, написанная в 1878 г.; в-третьих, многочисленные заметки и фрагменты по философским вопросам математики, созданные на I и III этапах, которые теперь (согласно *дс*-плану) могли попасть в «Диалектику природы», в главу перед механикой; в-четвертых, статья «Приливное трение. Кант и Томсон — Тейт», которая, согласно тому же *дс*-плану, попадала теперь в главу о механике небесных тел (об астрономии) и время написания которой не может быть точно

установлено; в-пятых, многочисленные заметки и фрагменты по философским вопросам биологии, созданные на I и III этапах, а среди них, в частности, фрагмент «Случайность и необходимость» (о методологических проблемах дарвинизма).

Что было делать Энгельсу со всем этим огромным материалом? В условиях необходимости максимально экономить свое время он не мог планировать написание отдельных самостоятельных трудов, которые были им задуманы раньше, до смерти Маркса. Но он, конечно, не хотел бы, чтобы уже проделанная им большая работа, отраженная в перечисленных выше материалах, могла остаться впоследствии совершенно неиспользованной.

Поэтому можно предполагать, что у него зарождается мысль о том, чтобы включить весь этот материал в «Диалектику природы», как он это сделал в *ds*-плане в отношении математики и приливной волны. Но оформилась такая мысль у Энгельса, вероятно, не сразу, а только после его работы над подготовкой нового издания «Анти-Дюринга» в 1885 г. Именно она и заставила Энгельса снова заняться философскими вопросами современного ему естествознания. В письме Г. Шлютеру от 23 сентября 1885 г. он пишет: «Прилагаю, наконец, и предисловие¹⁸, которое заставило меня основательно попотеть. Во-первых, приходилось часто прерывать работу. Кроме того, я давно не занимался естественными науками и должен был многое перечитать» [1, 36, с. 308].

Но, перечитывая снова многое в области современных ему естественных наук, Энгельс так или иначе не мог не обратиться к материалам своей «Диалектики природы», работу над которой он прервал за полтора года перед тем. Теперь же эта работа как бы возобновилась временно на тот срок, пока готовилось новое издание «Анти-Дюринга», во всяком случае до конца сентября 1885 г. За это время (т. е. примерно за 1884 — 1885 гг.) были сначала намечены, а затем и написаны три дополнения для второго издания «Анти-Дюринга», которые несколько позднее (в описи третьей связки рукописей «Диалектики природы») Энгельс назвал «Примечания» (Noten)¹⁹ и озаглавил их так: а) «О прообразах математического бесконечного в действительном мире»; в) «О „механическом" понимании природы»;

¹⁸ Ко второму изданию «Анти-Дюринга». — Б. К.

¹⁹ То обстоятельство, что слово «Noten» в данной связи переводится правильно именно как «Примечания», отмечено и редакцией издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса [1, 20, с. 736, примеч. 455]. Порядковое буквенное обозначение (а, b, c) этих «Примечаний» показывает, что третье (последнее) из них, посвященное критике агностицизма Негели, являлось действительно третьим примечанием ко второму изданию «Анти-Дюринга», хотя в его начале и не указана страница этой книги, к которой оно относится. Одно (так сказать, четвертое) примечание, которое примыкает ко второму из трех перечисленных (оно снабжено пометкой «Noten»), поскольку начинается словами: «Во-первых, Кекуле» [1, 20, с. 570].

с) «О негелиевской неспособности познавать бесконечное». По-видимому, тогда же Энгельс начал писать еще

Завершив основную работу над текстом второго издания «Анти-Дюринга», Энгельс приходит к решению *не печатать* в этом издании написанных им «Примечаний». Почему? Неужели только потому, что свободного времени у него тогда не было и он мог при этом позволить себе работать впустую над написанием трех или даже четырех больших статей в виде упомянутых выше «Примечаний»? Попробуем понять, как это могло случиться. Можно предположить, что, намереваясь в недалеком будущем продолжить работу над «Диалектикой природы», Энгельс решил включить написанные им три «Примечания» (Noten) в ее материалы. При этом первое из этих «Примечаний», посвященное математике, уже предусматривалось *дс*-планом. Для двух же других «Примечаний» пока не находилось еще места в плане всей книги.

Здесь у Энгельса могла родиться мысль о том, что план готовившейся «Диалектики природы» следует существенно расширить прежде всего за счет введения двух новых разделов: одного, вводного, который был начат еще в 1875 — 1876 гг. и продолжен в 1879 г., а затем снят, и другого, заключительного, критического, который должен быть написан совершенно заново. Именно в этот заключительный раздел и попадали остальные два «Примечания», посвященные одно критике механицизма, другое — критике агностицизма. Для восстановления же первого раздела сюда включалось прежде всего уже написанное ранее «Историческое введение», которое было опущено после 1880 г., а потому стало именоваться Энгельсом «Старым введением» [1, 20, с. 714, примеч. 254]. Затем сюда же попадал материал недописанной главы «Диалектика». Между обоими этими материалами было включено первоначальное развернутое предисловие к первому изданию «Анти-Дюринга», опущенное при публикации книги, именуемое теперь кратко «Старым предисловием». Оно было написано еще в июне 1878 г. В нем говорилось о ходе теоретического развития в Германии после Гегеля и о том, что возврат к диалектике происходит стихийно, и в силу этого противоречиво и медленно (см. фотокопию 4).

Наконец, в завершение вводной части книги по вновь составляемому расширенному (или полному) плану (*п*-плану) сюда примкнута вводная часть предыдущего *с*-плана, озаглавленная «Основные формы движения», что соответствовало первым трем пунктам *дс*-плана. Однако поскольку расширялся теперь план всей работы, то оказывалась расширенной и эта ее часть: в ней уже нельзя было ограничиться, как это было в *с*-плане и даже *дс*-плане, лишь формами движения материи и их взаимосвязью, а требовалось учитывать в первую очередь связь и переходы между самими науками,

изучающими соответствующие формы движения. Отсюда четвертая глава вводной (или общей) части книги получила новое название «Связь наук», и в ней наряду с основными формами движения должна была быть рассмотрена и классификация естественных наук. К этой последней главе вводной части расширенной книги могло теперь примкнуть и «четвертое» примечание, начинающееся словами: «Во-первых, Кекуле». Вместе с тем оно наиболее близко подходило бы и к заключительной части главы о химии, поскольку главное внимание в нем уделялось вопросу перехода от химизма к жизни.

В итоге вновь образовавшийся *n*-план органически мог сочетаться с предыдущим *ds*-планом. Но это еще не все. Поскольку Энгельс уже встал на путь решительного включения в свою будущую книгу таких рукописей, которые первоначально предназначались для других произведений, постольку он отнес теперь к «Диалектике природы» еще ряд материалов такого же характера; сюда относится оставшаяся незавершенной вводная часть к задуманной им работе под названием «Три основные формы порабощения», названной им иначе — «Порабощение работника. Введение». Позднее, в оглавлении второй связки рукописей «Диалектики природы», Энгельс эту часть работы озаглавил так: «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Но в 1885 г. этот материал еще не носил особого названия и мог быть записан несколько иначе, но в сущности так же, как это было сделано в оглавлении второй связки, а именно: «Дифференциация человека благодаря труду». Вслед за этим естественно должно было последовать рассмотрение того, как трактует Гельмгольц понятие «работы» («Arbeit»), которого Энгельс уже касался ранее (в 1880 — 1881 гг.). Следовательно, сюда вместе с изложением трудовой теории антропогенеза, естественно, попадал и вопрос о соотношении между экономическими и физическими категориями «работы», чему было посвящено последнее примечание к статье «Мера движения. — Работа», которое теперь становилось, разумеется, уже излишним.

Включение статьи о роли труда в происхождении человека существенно изменяло общий объем, а главное — характер задуманного Энгельсом произведения. Во-первых, в результате этого «Диалектика природы» вплотную подводилась к «Капиталу» Маркса и другим его экономическим произведениям, важнейшая роль в которых отводилась процессу трудовой деятельности человека.

Во-вторых, проблема происхождения человека, биологический аспект которой подробно исследовал Дарвин, делала необходимым включение биологии в «Диалектику природы», без чего невозможно было бы рассмотрение процесса превращения обезьяны (существа биологического) в человека (существо социальное). Поэтому теперь нельзя уже было

ограничиваться только неорганическим естествознанием, как это было в с- и *дс*-плане.

В-третьих, биология должна была войти в «Диалектику природы» прежде всего своим главным эволюционным учением — дарвинизмом, ибо именно оно освещало путь развития живых существ вплоть до возникновения человека. Но именно характеристика дарвиновского учения в связи с категориями диалектики была задумана и в значительной своей части изложена Энгельсом в виде фрагмента под заглавием «Случайность и необходимость». Поэтому было естественно, что при расширении общего плана своей книги новый ее раздел или главу, «Биология» Энгельс представит и как «Дарвинизм», и как «Необходимость и случайность», причем то и другое предполагалось осветить в их взаимосвязи.

Теперь центральная часть будущей книги выступила в ее расширенном виде, причем в расширенном и в ее начале и в конце. Ряд наук открывался *математикой*, поставленной перед механикой, как это было уже предусмотрено в *дс*-плане. При этом намечались два круга вопросов: а) диалектические вспомогательные средства и обороты в математике и б) существование математического бесконечного в действительности. Второй круг вопросов прямо совпадал с первым примечанием к «Анти-Дюрингу». Далее следовала *механика*. Как в с-и *дс*-планах, механика неба (небесные тела), т. е. астрономия, предшествовала земной механике. А так как, согласно *дс*-плану, статья о приливном трении намечалась в раздел астрономии, то и в новом плане сохранялась такая же последовательность. Только *после* этого должна была следовать глава о собственно механике: «Мера движения. — Работа».

Разделы, посвященные *физике*, именовались в предыдущих с- и *дс*-планах как «Теплота» и «Электричество». Но в статье «Теплота» (1881 — 1882) Энгельс именуется «физику механикой молекулярного движения» [1, 20, с. 428], причем таковым он считает не только теплоту, но и электричество: «...когда мы имеем дело с электрическими и тепловыми явлениями, то нам опять-таки прежде всего приходится рассматривать молекулярные движения... Только с молекулярным движением изменение формы движения приобретает полную свободу» [1, 20, с. 429].

Вполне понятно поэтому, что, *развертывая содержание* записи, сделанной в с- и *дс*-планах: «Физика. Теплота. Электричество», Энгельс мог сформулировать этот вопрос более обобщенно: физика — переходы молекулярных движений друг в друга.

Затем шла *химия*, а за ней *биология* в качестве завершающей естественной науки, о чем уже говорилось выше.

Переходя к заключительному отделу своей книги, Энгельс как раз и включил сюда прежде всего два других оставшихся ненапечатанными «Примечания» ко второму изданию «Анти-Дюринга». Это критика агностицизма вообще и в частности агностицизма Негели, чему посвящено третье примечание, и критика механицизма (механической теории) в лице Геккеля, о чем говорится во втором примечании. Повторяем, по нашему глубокому убеждению, именно открытие возможности сохранить для будущего уже написанный материал в виде трех «Примечаний» натолкнуло мысль Энгельса на то, чтобы с этой целью начать дальше (после составления *дс*-плана, куда уже была введена математика в соответствии с будущим первым примечанием) расширять план «Диалектики природы». И это обстоятельство, имевшее место, по-видимому, летом 1885 г., прервало работу Энгельса над доработкой этих и составлением дальнейших примечаний ко второму изданию его книги.

Так, возможно, Энгельс хотел раскритиковать взгляды Вирхова на «клеточное государство», но теперь не стал писать об этом отдельного примечания, а занес этот вопрос в новый план «Диалектики природы», отложив его разбор на будущее время. В предисловии же ко второму изданию «Анти-Дюринга» в подтверждение того, что у него такое намерение все же было, Энгельс записал очень кратко: «...уже много лет назад Вирхов вынужден был вследствие открытия клетки разложить единство животного индивида на федерацию клеточных государств, — что имело скорее прогрессистский, чем естественнонаучный и диалектический характер...» [1, 20, с. 14].

Последняя фраза показывает, с каких позиций и в каком разрезе Энгельс предполагал раскритиковать взгляды Вирхова. Возможно, что были намечены еще и другие примечания, которые так и остались только намеченными и не были реализованы. Так, несомненно, Энгельс собирался раскритиковать Р. Вирхова за его доклад, сделанный на мюнхенском съезде немецких естествоиспытателей и врачей в сентябре 1877 г., на тему «Свобода науки в современном государстве». Энгельс предполагал также дать критический обзор дискуссии, происходившей на том же съезде вокруг вопроса о «душе пластидулы» (о том, имеются ли зародыши сознания в простейших живых телах). В этой дискуссии, в которой Р. Вирхов нападал на Э. Геккеля, принимал участие также и К. Негели.

Далее обратим внимание на то, что в качестве последней главы (или части) книги уже фигурировала теперь статья о роли труда в процессе антропогенеза. В таком случае переход от статей заключительного (критического) отдела к этой последней главе напрашивался сам собой: как и в предшествующих критических статьях, в этом переходном материале тоже должна быть отражена критика, но она обращена к вопросу о соотношении

между дарвинизмом (биологией) и общественной наукой. Это тем более было уместно, что еще раньше (в 1878 г.) Энгельс задумал подвергнуть критическому разбору взгляды биологов (Геккеля и Шмидта), которые смешивали понятия различных наук и подменяли социальное биологическим, и не успел тогда это сделать. В связи с этим как переход от предшествующих критических статей к статье о трудовой теории антропогенеза и вместе с тем как переход от биологии (дарвинизм) к общественным наукам вполне естественно возникал раздел, посвященный дарвинистской политике и дарвинистскому учению об обществе, подразумевающий в первую очередь критику социального дарвинизма.

Так, в итоге появился полный план (*n*-план) книги (см. фотокопию 4 и [1, 20, с. 343]). Непосредственным толчком и стимулом к его составлению послужили три «Примечания», написанные первоначально ко второму изданию «Анти-Дюринга», которые Энгельс поместил в планы своей будущей работы над «Диалектикой природы».

Но, как и в случае *dc*-плана, по отношению к *n*-плану возникает ряд сомнений, если дату его составления отнести к 1885 г.

Во-первых, в нем не упоминается ни одного из названий глав («Основные формы движения», «Мера движения. — Работа», «Теплота», «Электричество»), написанных в 1880 — 1883 гг. согласно *dc*-плану. Не упоминается ничего и о фрагменте «Приливное трение. Кант и Томсон-Тейт», хотя о работе приливной волны сделана специальная вставка-дополнение в *dc*-план.

Во-вторых, в *n*-плане нет ни одного упоминания о событиях, произошедших после августа 1878 г., тогда как события, происходившие в сентябре 1877 г. (мюнхенский съезд естествоиспытателей) и летом 1878 г. (переписка по поводу выступления дарвинистов против социализма), представлены широко. На это можно было бы, пожалуй, возразить тем, что и в четырех примечаниях к «Анти-Дюрингу» фактически фигурируют материалы той же давности (1876 — 1878), хотя примечания эти писались в 1884 — 1885 гг. Например, во втором примечании мы встречаем ссылки: на выступление А. Кекуле (1877), изданное отдельно (1878); на книги Э. Геккеля (1873, 1874 и 1876); на статью Л. Мейера (1870); следовательно, исключительно на работы 1870-х годов (не позднее 1878 г.). То же мы видим и в четвертом примечании, которое начинается ссылкой на Кекуле. Третье примечание относится также к 1877 г., когда был сделан критикуемый Энгельсом доклад. Значит, если для трех своих примечаний Энгельс в 1885 г. использовал работы 1870-х годов, то почему, например, он не мог использовать другие

работы тех же 1870-х годов для написания соответствующих критических глав, запроектированных в *n*-плане?

Наконец, в-третьих, зачем Энгельсу потребовалось бы в 1885 — 1886 гг. составление *n*-плана, гораздо более пространныго и емкого, чем его предыдущие планы, если времени и возможностей для его осуществления становилось у него с каждым годом все меньше и меньше? Но, как мы уже сказали выше, речь шла теперь о публикации *всех* накопившихся материалов по философским вопросам естествознания, которые, кроме как через включение их в «Диалектику природы», вообще могли не увидеть света. Во всяком случае для написания одной книги потребовалось бы гораздо меньше времени, нежели для написания нескольких самостоятельных работ, для которых предназначались первоначально такие статьи, как, например, «Порабощение работника. Введение» и «Естествознание в мире духов».

О том, что Энгельс именно в 1885 г. предполагал в будущем закончить и опубликовать «Диалектику природы», он говорит в Предисловии ко второму изданию «Анти-Дюринга» (датировано 23 сентября 1885 г.). Здесь сказано: «...с тех пор, как умер Карл Маркс, все мое время было поглощено более настоятельными обязанностями, и я должен был поэтому прервать свою работу в области естествознания. В данный момент я вынужден ограничиться набросками, содержащимися в предлагаемой работе²⁰, и ждать в будущем случая, который позволил бы мне собрать и опубликовать добытые результаты, — быть может, вместе с оставшимися после Маркса рукописями по математике...» [1, 20, с. 12 — 13].

Было одно обстоятельство, не позволявшее Энгельсу откладывать в долгий ящик завершение и публикацию «Диалектики природы»: все ускоряющееся развитие естествознания, в результате которого проделанная Энгельсом работа могла утратить свою актуальность. «Но может статься, — писал Энгельс в том же предисловии, — что прогресс теоретического естествознания сделает мой труд²¹, в большей его части или целиком, излишним, так как революция, к которой теоретическое естествознание вынуждается простой необходимостью систематизировать массу накапливающихся чисто эмпирических открытий, должна даже самого упрямого эмпирика все более и более подводить к осознанию диалектического характера процессов природы» [1, 20, с. 13].

В такой обстановке Энгельсу нужно было торопиться с завершением «Диалектики природы». Этому благоприятствовали в 1885 г. три обстоятельства: во-первых, ранее «добытые результаты» (рукописные

²⁰ Имеется в виду Предисловие ко второму изданию «Анти-Дюринга». — Б. К.

²¹ Речь идет о «Диалектике природы». — Б. К.

материалы) составили значительную часть книги даже при допущении, что завершаться книга будет по *n*-плану; во-вторых, Энгельс мог рассчитывать, что подготовка III тома «Капитала» не потребует очень большого времени и труда и что «случая» для завершения «Диалектики природы» ему, возможно, не придется ждать очень долго; в-третьих, здоровье у Энгельса было еще тогда достаточно крепким и болезни глаз еще не было.

Вот почему, по-видимому, где-то в 1886 г. Энгельс смог приступить к разбору своих рукописей по «Диалектике природы» и подготовке их для работы над ними, может быть, уже в недалеком времени. При этом Энгельс добавил в материалы своей будущей книги еще две рукописи, первоначально написанные независимо от «Диалектики природы»: фрагмент о трех великих естественнонаучных открытиях XIX в., озаглавленный «Опущенное из „Фейербаха“», и статью «Естествознание в мире духов». Фрагмент, естественно, попал в главу о возврате к диалектике (п. 2 согласно *n*-плану), статья — в конец критического отдела, перед п. 11.

Затем весь собранный им рукописный материал Энгельс разделил на четыре группы (или связки) в зависимости от степени его подготовки для книги. Такой принцип распределения материалов по связкам ясно указывает на то, что Энгельс руководствовался в тот момент исключительно соображениями лучшей организации своей работы над завершением «Диалектики природы». В явно незавершенные материалы, представляющие собой либо черновые заметки и наброски, которые требовали превращения их в связно написанные главы законченного произведения, либо готовые куски (фрагменты), которым недоставало до полного изложения вопроса целых разделов, написанных совершенно заново, Энгельс отвел две связки — первую и четвертую. Первую он озаглавил «Диалектика и естествознание», четвертую — «Математика и естествознание. Разное». Кстати сказать, в четвертую, по указанной выше причине, попали недописанные главы «Диалектика» и «Теплота», а в первой связке оказались: фрагмент «Случайность и необходимость», набросок, посвященный логическому анализу истории открытия закона сохранения и превращения энергии, заметка «Во-первых, Кекуле» (четвертое примечание ко второму изданию «Анти-Дюринга»).

Более обработанный материал, но требующий еще все же серьезной работы, Энгельс включил во вторую связку, озаглавленную так: «Исследование природы и диалектика». Сюда вошли материалы, которые готовились первоначально для других работ (для двух изданий «Анти-Дюринга», для «Людвига Фейербаха...» и для «Трех основных форм порабощения»). Поэтому попавшие сюда две совершенно готовые рукописи, не требовавшие уже серьезной доработки («Естествознание и мир духов» и

«Основные формы движения»), Энгельс изъясил затем из второй связки и перенес в третью.

Наконец, полностью готовый, редакционно оформленный материал Энгельс включил в третью связку, озаглавленную «Диалектика природы», т. е. так, как он назвал свою книгу. Сюда вошли три главы, написанные по с-плану: 1) «Основные формы движения», 2) «Две меры движения» и 3) «Электричество и магнетизм» (заметим, что названия двух последних из этих глав несколько отличаются от тех, которые фигурировали у Энгельса раньше). Затем идут, очевидно, три статьи, написанные не по с-плану или в качестве самостоятельных произведений: 4) «Естествознание и мир духов», 5) «Старое введение» (в «Диалектику природы». — *Б. К.*) и 6) «Приливное трение».

В самом конце четвертой связки, где обычно помещается оглавление, был помещен *n*-план, составленный незадолго перед тем. Такое его место указывало как будто на его назначение — служить общим итоговим планом распределения всего материала на заключительной стадии работы Энгельса над «Диалектикой природы».

К сожалению, желанный случай для этой стадии так и не настал, так что разбивкой всех рукописных материалов на связки по сути и закончилась работа Энгельса над его книгой. Но все же несомненно, что такая разбивка преследовала цель отделить материалы, над которыми надо еще много работать, от тех, где основа уже имеется, но требуется более или менее значительная доработка, выделив при этом вполне готовые тексты.

Вот почему нам кажется несостоятельной точка зрения, согласно которой разбивкой своих рукописей на связки Энгельс просто намеревался привести в порядок свой архив.

Заметим, что раньше нам казалось более вероятным, что такую разбивку на связки Энгельс осуществил после окончания работы над III томом «Капитала», т. е. в 1894 г. или даже в 1895 г. Однако, учитывая, что с января 1887 г. у него началось заболевание глаз и что к последним месяцам жизни его силы должны были ослабеть, нам кажется более вероятным, что разбивка материалов на связки была произведена в 1886 г., когда к ним мог быть присоединен фрагмент «Опущенное из „Фейербаха"» (вместе со статьей против спиритизма).

«Людвиг Фейербах...» печатался в № 4 и 5 журнала «Die Neue Zeit» в апреле и мае 1886 г., так что фрагмент «Опущенное из „Фейербаха"» мог быть написан примерно в первом квартале 1886 г. и тогда же снят («опущен») с последующим переносом его в материалы «Диалектики природы». Поэтому разбивка этих материалов на связки также могла быть произведена около

того же времени. И как раз к маю 1886 г. относится одно важное свидетельство Энгельса о том, что он намеревался в будущем продолжить свои работы, прерванные смертью Маркса. От издательства Ф. Г. Нестлера и Мелле из Гамбурга он получил 10 мая 1886 г. предложение взять на редактирование намечавшуюся к изданию «Библиотеку политической экономии». Письмом от 13 мая 1886 г. он отвечает отказом «из-за отсутствия времени». Он пишет: «Обязанности в связи с изданием рукописей Маркса и использованием прочих оставшихся после него материалов целиком займут мое время на несколько лет и являются для меня долгом, перед которым все остальное должно отойти на задний план.

К тому же на мне лежит еще обязанность просмотра переводов наших произведений на иностранные языки, большей частью весьма необходимого... и это отнимает у меня последние остатки свободного времени.

Когда же я завершу все это, если вообще доживу до этого момента, то мне надо будет прежде всего подумать о завершении наконец моих собственных самостоятельных работ, которые я за последние три года совершенно забросил» [1, 36, с. 413].

В последнем случае Энгельс имеет в виду в первую очередь свою «Диалектику природы», работу над которой он прервал три года и два месяца назад и которая в тот момент включала в себя и трудовую теорию антропогенеза, и приливное трение, и намечавшуюся критику дарвинистов по вопросу об отношении дарвинизма к социализму, и предполагавшуюся критику выступлений Вирхова по ряду философско-политических вопросов. Все эти свои «собственные самостоятельные работы» Энгельс тогда намеревался *завершить* через несколько лет, а пока, произведя разбивку их материалов на связки, подготовил их к завершающей обработке.

В дальнейшем, однако, вопросами естествознания ему удавалось заниматься только урывками. В 1892 г. в некрологе, посвященном К. Шорлеммеру, он характеризует развитие органической химии, а в английском предисловии к «Развитию социализма от утопии к науке» он мельком затрагивает некоторые вопросы истории естествознания. В предисловии Энгельса к третьему изданию «Анти-Дюринга» (1894) вообще ничего не говорится о естествознании в отличие от предисловия к его второму изданию. Это свидетельствует о том, что после 1886 г. Энгельс уже не занимался современным естествознанием и его философскими вопросами.

Такова первая версия хода работы Энгельса над «Диалектикой природы», включая версию времени составления *n*-плана и роли, отводимой Энгельсом этому плану.

Когда, почему и как появился общий или полный план (Вторая версия)

В отличие от первой версии, вторая исходит из того, что общий план, или *n*-план, появился у Энгельса в августе 1878 г., сразу же после завершения «Анти-Дюринга». Эта версия имеет серьезные аргументы в свою пользу, и нам она отнюдь не кажется беспочвенной. Аргументы ее таковы. Прежде чем приступить к продолжению прерванной на целых два года работы над «Диалектикой природы», Энгельсу нужно было выработать определенный план, по которому должна была вестись дальнейшая работа. Как же возник га-план?

Прежде всего не следует считать, что 3-план, представленный в письме Энгельса от 30 мая 1873 г. и в его заметке «Диалектика естествознания», просуществовал достаточно долго. Появление в 1874 г. заметок по вопросам математики и биологии уже само по себе свидетельствовало о выходе за исходные пределы трех отраслей неорганического естествознания: механики, физики и химии. Теперь к их ряду надо было присоединить математику (перед механикой) и биологию (после химии). В соединении с заметкой «Классификация наук» (1874) это как раз и давало то, что записано в п. 4 *n*-плана: «Связь наук. Математика, механика, физика, химия, биология. Сен-Симон (Конт) и Гегель».

Но еще более сильным доводом является анализ содержания Введения (или «Исторического введения»). Подобно тому как интродукция к опере намечает основную музыкальную тему или канву всей оперы, так и введение в книгу намечает основную линию развития мысли в самой книге. Если бы Энгельс действительно хотел ограничиться лишь механикой, физикой и химией (согласно 3-плану), как это он решил сделать позднее (согласно с-плану), то с какой стати во Введении к такой книге он стал бы писать о развитии живых существ, начиная с их простейших форм, о возникновении человека, об истории человеческого общества вплоть до его будущей гибели? Ведь ясно, что в этом случае во Введении должна была бы идти речь о том, почему автор (Энгельс) решил ограничить себя лишь неорганическим естествознанием и не выходить пока за его рамки, показав лишь, что из химии путем диалектического скачка должна образоваться жизнь.

Рассмотрим одну из формулировок, встречающихся в *n*-плане, и сопоставим ее с соответствующей формулировкой во Введении. В *n*-плане сказано: «Дифференциация человека благодаря *труду*». Во Введении же говорится: «И человек возник путем дифференциации, и не только индивидуально... но и в историческом смысле... после тысячелетней борьбы рука, наконец, дифференцировалась от ноги...» [1, 20, с. 357]. И там и тут, как видим, фигурирует понятие «дифференциация» в применении к человеку, к его руке.

Но ведь в первой половине 1876 г. «Порабощение работника. Введение» было уже написано. Возможно, что уже тогда Энгельс, руководствуясь идеями, высказанными в 1875 — 1876 гг. во Введении к «Диалектике природы», мог прийти к выводу, что изложение своей трудовой теории антропогенеза надо перенести в «Диалектику природы», а не давать в виде вводной части к «Трем основным формам порабощения», или «Порабощению работника».

В таком случае за разделом о биологии должен был последовать раздел об антропогенезе. К нему же должны были примкнуть такие заметки, как «Рассудок и разум» и «Vertebrata» («Позвоночные») и т. п. Далее идея, что после Введения должно быть дано изложение основных законов диалектики (т. е. выделена глава «Диалектика»), заключена уже в заметке, посвященной закону взаимопроникновения противоположностей (так называемая «*объективная* диалектика царит во всей природе»).

В итоге еще до конца мая 1876 г., когда Энгельс приступил к «Анти-Дюрингу», все основные черты общего плана его работы над «Диалектикой природы» уже вырисовывались с достаточной определенностью. Именно в этом смысле и надо понимать его замечание, сделанное в письме к Марксу от 28 мая 1876 г.: «Передо мной начинает уже вырисовываться конец и этой работы. Она начинает принимать в моей голове определенную форму...» [1, 34, с. 16].

Во время работы Энгельса над «Анти-Дюрингом» в Мюнхене в сентябре 1877 г. проходил 50-й съезд немецких естествоиспытателей и врачей. На нем присутствовал Шорлеммер. Вероятно, он привез с собой и передал Энгельсу многочисленные материалы этого съезда, которые заинтересовали тогда Энгельса и на которые он решил ответить в своей будущей «Диалектике природы». Среди них были: 1) доклад К. Негели «Границы естественнонаучного познания» (еще раньше, в августе 1872 г., на близкую тему «О границах познания природы» сделал доклад Э. Дюбуа-Реймон на 45-м съезде); 2) материалы дискуссии о «душе пластидулы» (о зародышах сознания в элементарных живых существах), в которой участвовали К. Негели, Э. Геккель, Р. Вирхов, нападавший на Э. Геккеля; 3) доклад Р. Вирхова «Свобода науки в современном государстве», где предполагалось ограничить свободу преподавания.

Раз уже Энгельс решил выделить специальные разделы, посвятив их критическому разбору всякого рода идеалистов, агностиков и антидиалектиков, то естественно, что в той же связи он мог вспомнить и о механицизме и индуктивизме Э. Геккеля, намереваясь и его подвергнуть критике.

Теперь будущий *n*-план был готов, причем не только в основном, но и в деталях. Сразу после завершения «Анти-Дюринга» Энгельс внес сюда два последних штриха: 1) он включил в «Диалектику природы» первоначальный пространственный текст Предисловия к «Анти-Дюрингу», заменив его более кратким. Это Предисловие говорило о необходимости возврата к диалектике, о соотношении между философией и естествознанием, и его место, естественно, определялось между «Введением» и главой о диалектике; 2) через две недели после выхода в свет «Анти-Дюринга» Энгельс узнает о готовящемся на 51-м съезде немецких естествоиспытателей и врачей докладе О. Шмидта «Об отношении дарвинизма к социал-демократии», который он в письме к Шмидту от 19 июня обещает раскритиковать. В письме П. Л. Лаврову от 10 августа 1878 г. он сообщает, что только что получил брошюру Э. Геккеля, где говорится о «безумных социалистических учениях» [1, 34, с. 263]. Это был последний штрих в подготовке *n*-плана.

Так родился *n*-план, будучи последовательно, шаг за шагом, пункт за пунктом, подготовлен в течение предшествующих четырех лет. Его дата может быть достаточно твердо обоснована: *август 1878 г.*, так как после этой даты не появляется никаких новых моментов, которые не были бы уже до этого отражены в *n*-плане. Напротив, Энгельс начинает работать далее в полном соответствии с этим планом и прежде всего пишет главу «Диалектика» (1879)²². Возможно, в это же время пишется фрагмент «Случайность и необходимость» (для 5-го подпункта п. 5 *n*-плана).

Но затем, примерно на рубеже 1879 — 1880 гг., работа по *n*-плану *прекращается*, и Энгельс переходит на новый, существенно сокращенный *c*-план. Он составляет этот *c*-план сначала в виде плана первой главы «Основные формы движения» (см. фотокопию 3), причем пытается найти *переход* от *n*-плана к новому *c*-плану. В связи с этим в *dc*-плане и появляются два добавления: а) о математике, которая в *ga*-плане была перед механикой и здесь тоже намечается на это место; б) о работе приливной волны, которую надо отнести к астрономии (механике неба), стоящей в *ga*-плане, как и в *c*-плане, перед механикой (земной).

Однако при написании самой главы «Основные формы движения» (1880 — 1881) оба эти добавления отпали, как они отпали и после того, когда Энгельс приступил к написанию следующих глав. Вот почему последняя фраза в главе «Основные формы движения» гласит:

²² В пользу версии, что *n*-план был составлен в 1878 г., говорит и то, что в *n*-плане Введение не называется «Старым», т. е. оно еще не было в тот момент снято, что произошло позднее (на рубеже 1879 и 1880 гг.).

«О понятии работы мы будем говорить в следующей главе» [1, 20, с. 407]. Это показывает, что к тому моменту оба дополнения, фигурировавшие первоначально в переходном с-плане, отпали полностью.

Сказанное выше показывает, что, согласно первой версии, *дс*-план, представленный на фотокопии 3, был переходным от *з*- и *рз*-планов к *га*-плану, а согласно второй версии, тоже переходным, но в обратном смысле — от *га*-плана к *с*-плану.

Позднее (1884 — 1885), при подготовке нового издания «*Анти-Дюринга*», Энгельс вернулся к *га*-плану и в полном соответствии с ним написал три примечания к этому изданию. Первое соответствовало подпункту 1 п. 5, второе — п. 6, третье — п. 7 *n*-плана. Еще позднее, при составлении описи второй связки, Энгельс заимствовал из *га*-плана формулировку для заглавия первого примечания и указания для заглавий двух других.

Что же касается того, что Энгельс только с 1885 г. стал впервые включать в материалы «*Диалектики природы*» рукописи, подготовлявшиеся для других произведений, то прецедент другого рода известен уже с 30 мая 1873 г.: этот день в материал «*Диалектики природы*» были включены, во-первых, фрагмент «*Бюхнер*», готовившийся, несомненно, для другого произведения, и, во-вторых, дубликат письма Энгельса Марксу, содержащего сообщение о родившемся у Энгельса замысле и *з*-плане «*Диалектики природы*». Немного позднее фрагмент «*Struggle for life*» повторил содержание письма Энгельса П. Л. Лаврову от 12 ноября 1875 г, раз так, то вполне можно допустить, что еще в первой половине 1876 г. Энгельс присоединил к «*Диалектике природы*» материалы по антропогенезу («*Порабощение работника. Введение*»), а в июне 1878 г. — старое Предисловие к «*Анти-Дюрингу*».

Такова вторая версия, которая нам кажется одинаково обоснованной и одинаково вероятной, как и первая. Пожалуй, во второй версии меньше натяжек с формально-текстологической, архивной точки зрения. Но зато у первой версии есть свои преимущества с познавательной, логической стороны. Еще одну (третью) версию мы рассмотрим в следующем очерке, поскольку, строго говоря, это не какая-то особая версия толкования всего хода работы Энгельса над «*Диалектикой природы*», а подведение своего рода обоснования под разделение рукописных материалов этой работы по группам и внутри каждой группы.

Принятие той или иной даты составления *га*-плана (1878 г. или 1885 г.) не вносит существенных изменений в картину общего хода работы Энгельса: согласно обеим версиям, в одинаковой мере признается, что в каждый данный момент Энгельс работал по *одному* строго определенному плану: либо сокращенному, либо полному, а потому у него не могло получиться

никаких неясностей или раздвоений в отношении конкретных путей и способов реализации своего замысла.

Сравним теперь обе версии между собой. Каким же путем шла реализация замысла? (Сопоставление обеих версий)

Выразим каждую версию хода реализации Энгельсом своего замысла в форме таблицы. Вопросы, вошедшие в исходные планы, отмечены обычным шрифтом. Если материал (пункт), ранее включенный в «Диалектику природы» или ее план, затем снимался с плана, то в соответствующем месте ставилась черточка. Если же он после прошествия некоторого времени вновь восстанавливался, то он отмечался полужирным шрифтом. Вновь включаемый в «Диалектику природы» или ее план материал (или пункт) отмечался курсивом. Разделы, не предусмотренные действующим в данный момент планом, но вводимые фактически, ставятся в квадратные скобки. Сокращения обозначают: А-Д — «Анти-Дюринг», Фбх — «Людвиг Фейербах...», пред. — предисловие, прим. — примечание, пер. — переход, доб. — добавление новых материалов, ест-ние — естествознание.

В табл. 1 представлена первая версия, в табл. 2 — вторая. Теперь их можно сравнить между собой. В обеих таблицах четко выделяется прочное сохранение с первого до последнего момента (с 1873 до 1886 г.) центральной части задуманной книги, где нашел свое приложение принцип восхождения от *А* к *К*, в неорганическом; естествознании: это расположение наук в порядке от *механики* (иногда с ее подразделением на небесную и земную) к *физике* (иногда с ее подразделением на теплоту и электричество), а затем к *химии* (с переходом от нее к биологии, но это возможно не всегда). Это *ядро* всех планов; оно твердо удерживается независимо от того, какую мы примем дату составления /г-плана — 1885-1886 гг. (табл. 1) или август 1878 г. (табл. 2).

«Отличие состоит в том, что в случае первой версии (табл. 1) у Энгельса идет постепенное расширение и уточнение плана всей работы, начиная от самого краткого (з-плана), подтвержденного в с-плане, через *дс*-план к *n*-плану, а затем к дополнению *n*-плана еще двумя новыми материалами. Небольшим отступлением от этого хода постепенного расширения объема всей работы явилось лишь появление сначала «Введения» (1875 — 1876), а за ним части главы «Диалектика» (1879), не упоминавшихся Энгельсом в ходе его дальнейшей работы над «Диалектикой природы».

В случае же второй версии (табл. 2) ход работы Энгельса в этом отношении оказывается весьма неровным. Начинаясь с того же предельно краткого з-плана, он почти сразу достигает масштабов *n*-плана (за исключением его критической части), а затем вновь через переходный *дс*-план возвращается к

исходному в части его объема, после чего опять вырастает до объема *n*-плана.

Получается так, что мысль Энгельса двигалась с некоторыми перебоями: сначала она приняла один, причем весьма узкий, план, потом расширила его до возможно больших пределов, потом снова сузила эти пределы почти до первоначальных и под конец снова расширила до ранее принятых, а затем отвергнутых предельно широких. Значит, примерно около года Энгельс работал по одному (узкому) плану, потом постепенно стал переходить к другому (предельно, широкому) плану и фактически работал по нему года два, после чего два года занимался «Анти-Дюрингом» и сразу же после окончания этого труда составил полный план, которому он уже перед тем следовал в течение примерно двух лет. Но составил он этот новый план только для того, чтобы через год-полтора от него снова отказаться и вернуться по сути дела к рамкам первоначального плана, по которому шла теперь работа в течение трех-трех с половиной лет. Когда же эта работа подошла к концу, то после двухлетнего перерыва, вызванного смертью Маркса, получалось бы, что Энгельс вновь вернулся к тому широкому плану, который он отставил в сторону на рубеже 1879 и 1880 гг.

Не создается ли впечатление, что в случае второй версии творческая мысль Энгельса развивалась непоследовательно, перескакивая с одного плана на другой, потом опять на первый, потом опять на второй?

Чтобы еще нагляднее представить общий ход мысли Энгельса и его работы над реализацией своего замысла, составим два графика (рис. 1), показывающих этот общий ход согласно первой версии и согласно второй версии. Масштабы здесь совершенно относительные. Учитывается условно лишь чисто количественная (объемная) сторона задуманной (запланированной) или выполняемой работы. На оси абсцисс откладываются года *tt* на оси ординат — объем планируемой или реально выполняемой в данный момент работы *v*. Числа обозначают: 1 — неорганическое естествознание по 3- и *c*-планам (ядро всех планов вообще); 1,5 — 3-план + Введение; 2 — то же + Диалектика; 3 — *c*-план + Математика и Приливное трение (т. е. *dc*-план); 4 — *га*-план без его критической части; 5 — *n*-план; 6 — *n*-план + два дополнения согласно описи связей. Одно деление в ряде случаев соответствует увеличению плана на два пункта или же объема написанных материалов на две рукописи.

Сопоставляя правую часть рис. 1 с левой его частью, мы видим следующее: согласно первой версии (левая часть рис. 1), идет постепенное развертывание плана задуманной Энгельсом работы (при сокращении лишь двух глав после 1879 г. с последующим их восстановлением в 1884 — 1885 гг.); согласно же

второй версии, уже в самом начале работы развертывание плана достигает почти максимального предела (начиная с 1874 г. и завершаясь в 1878 — 1879 гг.), затем резко падает до исходных минимальных границ (в 1880 г.) и сохраняется так до марта 1883 г. при отказе от многих уже написанных или начатых глав, под конец же снова восстанавливается все, что было снято на предшествующем этапе работы, и снова от минимальных исходных границ совершается резкий подскок до максимальных пределов.

Это означает, что, в то время как график движения творческого процесса, согласно первой версии, показывает нормальное развитие этого процесса, график движения, согласно второй версии, свидетельствует о наличии каких-то резких рывков и перескоков с неоправданным отказом от большой уже проделанной работы, а затем со столь же мало оправданным возвратом к ней спустя много лет.

Таблица 1

Первая версия толкования общего хода реализации замысла Энгельса

а-план		рз-план	с-план	дс-план
1873	1875	1879	1880	1884—1885
[Введение]		[Введение]		—
Связь наук — предмет ест-ния		[Диалектика] Связь наук — предмет ест-ния		—
				1—3. Основные формы движения
механика		механика масс		(а) математика
физика		физика молекул		4. механика небесных тел (б) приливное трение
химия пер. к биологии		химия атомов пер. к биологии-химии белков		5. физика теплота электричество 6. химия (пер. к биологии?)
				7. Резюме

<p><i>л-план</i></p> <p>1885—1886</p>	<p>доб. новых материа- лов согласно л-пла- ну</p>	<p>доб. по описям связок</p> <p>1886</p>
<p>1. Введение 2. <i>Возврат к диалектике</i> 3. Диалектика 4. <i>Связь наук — предмет ест-ния</i> Основные формы движе- ния</p>	<p>Старое пред. к АД 4-е прим. к АД</p>	<p>{ Опущенное из Фбх (о 3-х вели- ких откры- тиях)</p>
<p>5. Отдельные науки: 1) математика 2) механика небесных тел</p> <p>земная 3) физика</p> <p>4) химия 5) <i>биология</i></p>	<p>1-е прим. к АД Приливное трение</p> <p>4-е прим. к АД {Случ. и необходи- мость и др.</p>	
<p><i>Критика:</i> 6. <i>Агностицизма</i> 7. <i>Механицизма</i> 8—10. <i>Вирхова и др.</i> 11. <i>Геккеля и Шмидта</i></p> <p>+</p> <p><i>Роль труда в антропо- генезе</i> <i>Против смешения поня- тий</i></p>	<p>3-е прим. к АД 2-е прим. к АД</p> <p>{ Порабощение ра- ботника. Введение Работа</p>	<p>{ Ест-ние и мир духов</p>
<p>—</p>		

Таблица 2

Вторая версия толкования общего хода реализации замысла Энгельса

з-план 1873	пер. к п-плану 1874—1876	п-план 1878	по п-плану начата: 1879	дс-план 1880	с-план
	[Введение] (Диалектика) связь наук — предмет ест-ния	1. Введение 2. Старое пред. к А-Д о диалектике 3. Диалектика 4. Связь наук — предмет ест-ния	{ Диалек-тика	— — — —	1—3. Основные формы движения
	(математика) механика (небесных тел) земная физика химия пер. к биологии (биология)	5. Отдельные науки 1) математика 2) механика небесных тел земная 3) физика 4) химия 5) биология		(а) математика 4. механика небесных тел (б) приливное трение 5. земная 5. физика теплота электричество 6. химия (пер. к биологии?) —	
	(Роль труда в антропогенезе)	Критика 6. Агностицизма 7. Механицизма 8—10. Вирхова и др. 11. Геккеля и Шмидта + Роль труда в антропогенезе Против смешения понятий		— — — — —	(перенесено в прим. к п. 4)
					7. Резюме

<p>возврат к п-плану 1885—1886</p>	<p>доб. новых материалов согласно п-плану</p>	<p>доб. по описям связок 1886</p>
<p>1. Введение 2. Старое пред. к А-Д 3. Диалектика 4. Связь наук — предмет естествознания</p> <p>Основные формы движения</p>		<p>{ Опу- щенное из Фбх</p>
<p>5. Отдельные науки 1) математика 2) механика небесных тел</p> <p>+ приливное трение земная</p> <p>3) физика теплота электричество</p> <p>4) химия</p> <p>5) биология</p>	<p>1-е прим. к А-Д</p>	
<p>Критика 6. Агностицизма 7. Механицизма 8—10. Вирхова и др. 11. Геккеля и Шмидта</p> <p>+ Роль труда в антропогенезе</p> <p>Против смешения понятий</p>	<p>3-е прим. к А-Д 2-е прим. к А-Д</p>	<p>{ Ест-ние и мир духов</p>
<p>—</p>		

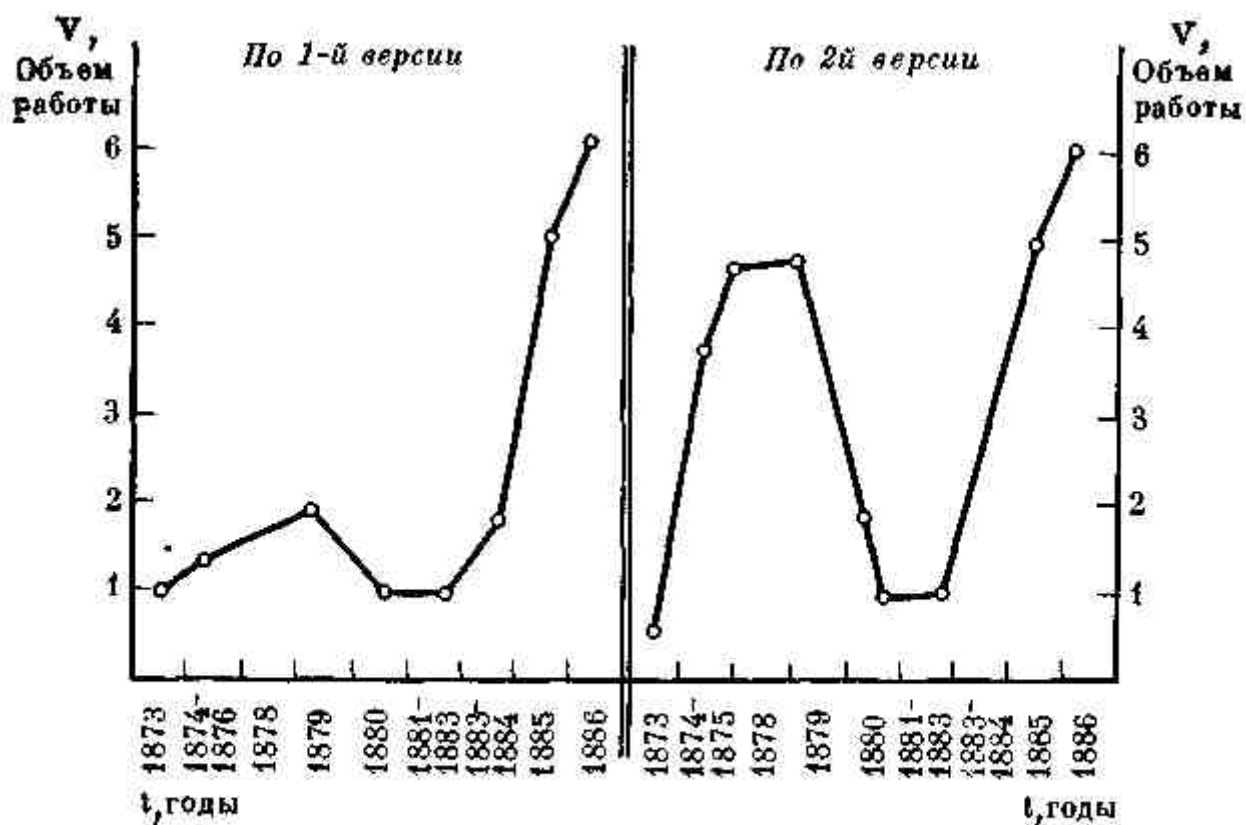

Рис. 1.

Графическое изображение общего хода реализации Энгельсом своего замысла согласно двум версиям

Датировка рукописей как ступеней реализации замысла

На примере двух версий общего хода реализации замысла Энгельса мы видели, какую громадную роль играет вопрос об установлении даты того или иного рукописного документа, в данном случае *n*-плана. В зависимости от того, будет ли этой датой 1885 — 1886 гг. (по первой версии) или август 1878 г. (по второй), вся картина работы Энгельса над «Диалектикой природы» становится разной.

Обобщая, можно сказать, что вопрос о том, когда была написана Энгельсом та или другая рукопись, особенно же, когда был составлен им тот или иной план книги или сделана опись наличного материала, имеет большое значение для понимания того, как развивался во времени основной замысел Энгельса, какие он претерпел изменения и превращения. При этом нередко бывает так, что невозможно вообще установить более или менее точную дату написания той или иной *отдельной* рукописи; в таком случае задача состоит в том, чтобы выяснить *последовательность* событий при написании Энгельсом целого ряда статей и глав, крупных фрагментов и мелких заметок, включая и самые мелкие. Другими словами, при невозможности определить время

появления данной записи внимание исследователя направляется на определение места этой записи в установленном уже хронологическом ряду рукописей, которые последовательностью своего расположения одна за другой позволяют выявить и отразить ход развития идей и мыслей автора.

Но какими же способами достигается установление такой последовательности рукописей в связи с их датировкой? И вообще каковы приемы определения дат (хотя бы примерных) написания отдельных рукописей Энгельса? Попробуем разобраться в этом вопросе, следуя за ходом работы Энгельса по этапам.

Датировка первых записей (I и II этапы). При датировке отдельных записей и особенно планов «Диалектики природы» прежде всего важно установить, к какому этапу работы Энгельса над этой книгой они относятся.

Как мы видели, над «Диалектикой природы» Энгельс работал главным образом в течение I и III этапов. Время же II и IV этапов было отведено другим делам, и в материалы «Диалектики природы» попадали лишь «отходы» от этих других дел. Таким образом, уже одно отнесение той или иной рукописи (главы, фрагменты, заметки, планы) к определенному этапу позволяет, хотя и весьма приблизительно, установить время ее написания.

Разумеется, трудности с датировкой рукописи не возникает, если в ней самой содержится указание, позволяющее определить более или менее точно (в определенных пределах) хронологические границы ее составления. Но имеются еще другие признаки, по которым можно судить о примерном времени написания данной рукописи и последовательности делаемых Энгельсом записей.

Так, мы уже говорили, что в качестве первой записи в материалы «Диалектики природы» Энгельс занес фрагмент (план-конспект) «Бюхнер», пометив весь этот лист бумаги так: «Натурдиалектика. I». Следующей затем записью на том же листе бумаги был 3-план («Диалектика естествознания»).

Далее шло еще шесть заметок одна за другой на этом же листе. Затем начинался лист 2 с нанесенными на него девятью заметками, за ним шел лист 3 с 12 заметками и т. д. Всего было перенумеровано и заполнено таким способом 12 листов, причем последние два имели номера 11a и 11b. На этих 12 листах была занесена всего 91 заметка. Можно предположить, что все эти записи были сделаны подряд вслед за 3-планом, записанным на листе 1. При этом можно принять, что заметка «Struggle for life» («Борьба за жизнь») на листе 9 может быть точно датирована, так как ее содержание почти полностью соответствует тому, что сказано Энгельсом в письме П. Л.

Лаврову от 12 ноября 1875 г. Отсюда можно заключить, что первые 80 заметок Энгельса были сделаны за время с 30 мая 1873 по 12 ноября 1875 г.

Далее на предпоследнем листе 11а имеется ссылка на журнал «Nature» № 326 от 27 января 1876 г. Если опять-таки правильно предположение, что Энгельс на перенумерованных листах записи делал подряд, то отсюда все же нельзя заключить, что следующие восемь заметок (включая ту, в которой сделана упомянутая ссылка на журнал «Nature») написаны им в промежутке между концом ноября 1875 г. и каким-то числом, стоящим близко к 27 января 1876 г. Единственно, о чем можно заключить на основании такой ссылки, что запись с этой ссылкой сделана *не ранее* 27 января 1876 г., и только. А это уже важный вывод: значит, перенумерованные листы заполнялись Энгельсом вплоть до этой даты, но, может быть, и позднее. Однако известно, что в конце мая 1876 г. Энгельс прервал свою работу над «Диалектикой природы» и в дальнейшем (после листа 11b перестал нумеровать листы бумаги со своими записями. На этом основании можно с известной долей вероятности предположить, что как раз на листе 11b прервалась в конце мая 1876 г. его работа в связи с переключением на написание «Анти-Дюринга».

Другими словами, первые 91 заметка и фрагмент, занесенные Энгельсом на 12 перенумерованных им листов бумаги (с 1 по 11b), составляют I этап работы над «Диалектикой природы». Но ограничился ли Энгельс на этом этапе только составлением одних заметок или он приступил уже к написанию Введения в будущую свою книгу?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать имеющиеся в этом Введении указания хронологического характера. При этом мы обнаружили еще несколько данных, могущих свидетельствовать о дате составления названной рукописи. В «Введении» к «Диалектике природы» сказано, например, что в момент его написания «звездная астрономия, химия, геология — насчитывают едва одно столетие, а сравнительный метод в физиологии — едва 50 лет существования как науки и что... клетка открыта менее сорока лет тому назад!» [1, 20, с. 355]. Выражение «едва» может означать и немного больше, и немного меньше. Неопределенной оказывается и точка отсчета. Вероятно, что столетие звездной астрономии Энгельс отсчитывает от работ Гершеля-отца, а столетие химии — от открытия кислорода, сделанного в 1774 г., т. е. от Пристли и Лавуазье. При этом Энгельс пишет, что в XVIII в. химия была только создана Блэком, Пристли и Лавуазье [1, 1, с. 599].

Но все равно дата написания «Введения» получается весьма неопределенной. То же касается и ссылки Энгельса на время открытия клетки. В 1858 г., когда он только что приступал к своим естественнонаучным исследованиям, он

назвал неточную дату открытия клетки — 1836 г. Прибавляя к этому числу 39 («менее сорока лет»), можно получить дату 1875 г. как время написания «Введения». Но нельзя допустить, что за 18 лет работы в области естествознания и его истории Энгельс продолжал держаться первоначальной неточной даты открытия клетки (1836). Несомненно, он должен был узнать, что клеточную теорию создали Шлейден в 1838 г. и Шванн в 1839 г. (в этом смысле они «открыли клетку»). В таком случае, если прибавлять то же число 39, получим уже не 1875 г. как дату написания «Введения», а 1877 — 1878 гг. А так как до начала июля 1878 г. Энгельс был занят «Анти-Дюрингом», то в таком случае оставалось бы допустить, что «Введение» писалось во второй половине 1878 г. Однако тогда Энгельс вряд ли мог написать, что «клетка открыта менее сорока лет тому назад». Вероятнее всего, он написал бы, что она открыта 40 лет назад.

Но почему в качестве числа, меньшего чем 40, надо брать 39, а не 38 или 37? В таком случае дата написания «Введения» может передвинуться примерно на два года раньше, т. е. может быть отнесена к 1875 — первой половине 1876 г. Но могло случиться, что первая половина «Введения», где сделана ссылка на открытие клетки, была написана в начале 1876 г. (до «Анти-Дюринга»), а вторая — позднее. Насколько такое предположение оправдывается, будет сказано в следующем очерке.

В том же «Введении» имеется еще и другая ссылка, где сказано, что «только примерно лет десять как стало известно, что совершенно бесструктурный белок выполняет все существенные функции жизни» [1, 20, с. 357]. Можно допустить, как это сделано в 20 томе Сочинений Маркса и Энгельса [1, 20, с. 714, примеч. 714], что Энгельс имел здесь в виду выход в свет в 1866 г. книги Э. Геккеля «Общая морфология организмов», в которой был введен термин «монера». Однако выражение «примерно десять лет» может означать и 9 и 11 и даже 12 лет, так что и в этом случае мы получаем все тот же временной интервал для написания «Введения» от 1875 до 1878 г. Ничего больше пока сказать тут нельзя. Насколько вообще может оказаться неопределенным полученный таким путем результат, можно судить по следующему примеру: в «Введении» Энгельс говорит, что сравнительный метод в физиологии насчитывает едва 50 лет существования в науке, т. е. что он возник по крайней мере на 10 лет раньше открытия клетки. А в наброске, начинающемся со слов «необходимо изучить последовательное развитие отдельных отраслей естествознания» (на 10-м листе), сказано по поводу открытия клетки и развития органической химии, что «благодаря этому сделались возможными сравнительная морфология и сравнительная физиология, и с тех пор обе стали подлинными науками» [1, 20, с. 501]. Значит, в одном случае сам же Энгельс датирует возникновение

сравнительной физиологии до открытия клетки, а в другом — после ее открытия.

Как же можно решать такого рода вопросы? Для этого нужно рассмотреть некоторые общие приемы и принципы датировки записей и их взаимного связывания между собой. Очевидно, одних указаний хронологического характера в рассматриваемых материалах оказывается недостаточно, и требуется выработать более широкий, более всесторонний подход к этому вопросу.

В связи со II этапом коснемся прежде всего двух обстоятельств, связанных с датировкой рукописей. Первое относится к тому, что нельзя вкладывать какое-либо хронологически точное значение в такие неопределенные выражения, как «новейшие» или «последние» (данные, события, сообщения и т. д.). Например, в статье «Естествознание в мире духов» Энгельс пишет как о «новейших сообщениях» об информации по поводу «опытов» Ф. Цельнера, которые были проделаны 17 декабря 1877 г. Отсюда можно сделать лишь тот вывод, что статья писалась Энгельсом не ранее этого срока, но никак нельзя даже предположительно утверждать, будто она написана в 1878 г., а тем более в начале этого года. Термин «новейший» достаточно растяжим, и невозможно толковать его в смысле, скажем, одного или двух месяцев. Так, Энгельс в 1867 г. в письме Марксу от 16 июня называет «новейшей» атомистику, признанную химиками на съезде в Карлсруэ в 1860 г., следовательно имеющую по меньшей мере около семи лет существования. Ленин в 1909 г. называл «новейшей» революцию в естествознании, возникшую в 1895 г., следовательно имевшую к тому времени длительность по меньшей мере 14 лет.

Кроме того, очень мало вероятно, чтобы Энгельс стал писать статью против спиритизма в начале 1878 г., когда все его время занимала работа над окончанием «Анти-Дюринга». Остается допустить, что эта статья писалась позднее, в течение III этапа.

Второе обстоятельство касается сопоставления записей и рукописей с содержанием писем, в которых идет речь о том, что сказано в этих записях и рукописях. Вообще говоря, такого рода совпадения могут служить хорошим и часто достаточно надежным подспорьем при датировке отдельных материалов, содержание которых может иногда почти дословно совпадать с тем, что написано в письме. В таких случаях обнаруживаемые совпадения означают, по-видимому, что Энгельс, отсылая данное письмо, хотел сохранить изложенные в нем мысли для своей будущей книги. Таковы фрагмент «Диалектика естествознания» (3-план), совпадающий с письмом

Энгельса Марксу от 30 мая 1873 г., и фрагмент «Struggle for life», совпадающий с письмом Энгельса П. Л. Лаврову от 12 ноября 1875 г.

Однако и при наличии письма, касающегося содержания данной рукописи, все же могут возникнуть сомнения относительно даты ее написания. Так, известно, что Энгельс сначала задумал написать большую работу на тему «Три основные формы порабощения». По-видимому, еще не написав ее, он уже пообещал В. Либкнехту дать ее для партийной газеты «Volksstaat». Во всяком случае В. Либкнехт шлет Энгельсу 10 июня 1876 г. письмо, сообщая, что он ждет с нетерпением обещанного. Однако на основании указанного письма Либкнехта нельзя заключить, что вводная часть к работе «Три основные формы порабощения» была написана в июне 1876 г. (т. е. тогда, когда Энгельс получил письмо от Либкнехта). Ведь Энгельс мог и не приступать еще к ее написанию до 10 июня 1876 г., а обещать Либкнехту то, что он намечал для себя лишь в перспективе, или же прервать работу до наступления конца мая 1876 г., когда он вынужден был переключиться полностью на критику сочинений Дюринга. Так или иначе, работа осталась незавершенной, и лишь позднее Энгельс включил ее вводную часть в материалы «Диалектики природы», назвав ее «Роль труда в процессе превращения человека в обезьяну». Но в июне 1876 г. Энгельс не мог заняться этой работой, так как именно в это время он вплотную занялся подготовкой «Анти-Дюринга».

Таким образом, мало правдоподобно, чтобы обе последние статьи (о спиритизме и трудовой теории антропогенеза) писались на II этапе: вероятнее всего, что первая из них была написана на III этапе, вторая (оставшаяся незаконченной) — на I. Однако дату написания второй статьи нельзя точно установить, но можно утверждать, что ее замысел возник у Энгельса до 10 июня 1876 г. (дата письма Либкнехта).

Во всяком случае надо считать, что за время работы над «Анти-Дюрингом» и над его изданием (с конца мая 1876 по начало июля 1878 г.) Энгельс не брался за какие-либо другие крупные исследования, которые могли бы отвлечь его внимание и силы от этой, ставшей для него тогда главной, работы.

Датировка более поздних рукописей (III и IV этапы). Заметим, что фрагменты и статьи, написанные Энгельсом в течение «послеантидюринговского» этапа, лишены (за редким исключением) того хронологического ориентира, какой с самого начала был присущ заметкам и фрагментам, написанным в течение «доантидюринговского» этапа. Тем не менее поскольку на один лист бумаги по-прежнему, как правило, Энгельс заносит подряд несколько заметок, то при наличии хотя бы у одной из них указания на дату ее составления можно с

достаточной долей вероятности назвать примерно ту же дату составления и остальных заметок, записанных на том же листе. Например, на одном листе написаны четыре сравнительно небольшие заметки и один большой фрагмент. В первой заметке «*Познание*» [1, 20, с. 554 — 555] имеется ссылка на журнал «Nature» от 8 июня 1882 г. Если допустить, что остальные материалы подряд заносились на этот лист, то тем самым устанавливается дата и для них. Это подтверждается и последней заметкой, начинающейся с фразы: «Гофман («Сто лет химии при Гогенцоллерах») критикует натурфилософию» [1, 20, с. 522]; эта заметка касается книги Гофмана, вышедшей в свет в 1881 г.

Другой пример: на одном листе написано пять заметок, из которых только *вторая* по порядку — «*Поляризация*» [1, 20, с. 532] — позволяет установить примерную дату ее написания, так как в ней говорится о Якобе Гримме, чья книга об истории немецкого языка вышла в свет в 1880 г. Но если в предыдущем случае имелись два указания, позволяющие определить хронологические рамки сделанных записей (не ранее 1881 и не ранее 8 июня 1882 г.), причем это касалось первой и последней заметок на данном листе, то здесь такой определенности уже нет. Можно утверждать лишь, что заметка «Поляризация» была написана не ранее 1880 г.

Что же касается подавляющего большинства других заметок, написанных на пронумерованных листах, то даже таких слабых оснований для их датировки не обнаруживается. Отсюда вытекает, что надо искать иные принципы, иные основания для достижения этой цели.

Одним из таких принципов, носящих содержательный характер, может быть следующее соображение: на определенном этапе своей работы Энгельс вводил в свой литературный оборот то или иное новое научное представление или понятие, имеющее принципиальное значение и поднимающееся порой до степени научного открытия или научного предвидения. В таком случае присутствие такого представления или понятия в тексте рассматриваемой рукописи может и должно служить прямым и твердым указанием на то, что данная рукопись была написана *после* того хронологического рубежа, на котором Энгельс стоял, вводя в обиход соответствующее представление или понятие. Напротив, если по ходу изложения в данном месте следовало употребить такие именно представления и понятия, а Энгельс этого не сделал, то это будет косвенным указанием на то, что данная рукопись была написана *до* упомянутого выше хронологического рубежа; во всяком случае отсутствие в тексте соответствующих представлений и понятий может рассматриваться как отсутствие противопоказаний для отнесения рассматриваемой рукописи к более раннему этапу.

Так, при написании «Анти-Дюринга» (с конца мая 1876 по начало июля 1878 г.) Энгельс сделал открытие, что каждая форма движения в природе имеет своего особого дискретного материального носителя.

Подходя с точки зрения этого открытия, сделанного в начале II этапа, к датировке отдельных рукописей «Диалектики природы», можно считать, что если в них так или иначе представлены определения, вошедшие в *рз*-план, то время их составления должно быть отнесено ко времени позднее I этапа. Так, заметка, начинающаяся фразой «гегелевское (первоначальное) деление на механизм, химизм, организм было совершенным для своего времени» [1, 20, с. 565], должна быть отнесена к III этапу, поскольку в ней механизм трактуется как движение масс, химизм — как молекулярное (ибо сюда включена и физика) и атомное движение.

То же касается таких крупных статей, как «Основные формы движения», «Диалектика», «Теплота», во всех них ясно представлены определения и формулировки, вошедшие в *рз*-план.

Относительно «Введения» можно сказать, что, несмотря на сравнительно большой его объем, в нем таких определений и формулировок не встречается. Это обстоятельство позволяет с достаточно убедительным основанием заключить, что «Введение» было написано на I, т. е. «доантидюринговском» этапе.

Как уже говорилось, на III этапе была написана большая часть материалов «Диалектики природы», и в частности начата оставшаяся незаконченной глава «Диалектика». Для этой главы Энгельс успел написать только одну часть, посвященную закону перехода количества в качество и обратно.

Во всяком случае очень важно установить время написания этой части главы «Диалектика». Здесь мы видим, что вопрос о датировке рукописей имеет действительно первостепенное значение, когда хотят установить последовательность в творческой деятельности ученого. Обратим внимание на то, что в главе «Диалектика» встречается ссылка на вышедший в свет в начале сентября 1879 г. второй том «Подробного учебника химии» Г. Роско и К. Шорлеммера (см. ссылку на кн.: Roscoe H. E., Schorlemmer C. Ausführliches Lehrbuch der Chemie. Braunschweig, 1879, Bd. II. Die Metalle und Spectralanalyse, S. 823, 828).

Эта ссылка доказывает, что глава «Диалектика» не могла быть написана ранее срока выхода в свет данной книги. Но очевидно, Энгельс для того, чтобы сделать такую ссылку, должен был, во-первых, получить эту книгу (возможно, ему ее прислал его друг Шорлеммер), а во-вторых, прочитать, по крайней мере выборочно, с тем, чтобы отыскать именно те места, которые он

процитировал в своей главе. На все это потребовалось бы достаточно длительное время, но какое точно — сказать, разумеется, невозможно даже приблизительно.

Таким образом, единственное, что можно установить при наличии в рукописи ссылок на определенный, точно датированный источник, — это то, что данная ссылка сделана позднее выхода в свет источника, на который сослался автор. Это, так сказать, нижняя хронологическая граница данной рукописи. Верхнюю же границу установить гораздо труднее. Например, абсолютно недопустимо определять ее по отсутствию в рукописи «Диалектика» ссылки на какой-либо источник или какое-либо событие. Так, можно было бы высказать предположение, что Энгельс должен был своевременно узнать об открытии скандия, сделанном в 1879 г., а поэтому, дескать, должен был бы упомянуть о нем в главе «Диалектика» при описании открытия галлия. Но так как такого упоминания здесь нет, то на этом лишь основании нельзя заключить, что данная глава писалась до открытия скандия, т. е. в последние месяцы 1879 г. В самом деле, во-первых, Энгельс, по всем данным, вообще не знал об открытии скандия не только в 1879 г., но и позднее вплоть до своей смерти; во-вторых, об открытии галлия, сделанном в августе 1875 г., Энгельс узнал лишь более четырех лет спустя из полученной им книги, посвященной металлам и спектральному анализу, с помощью которого галлий и был открыт. Значит, четырехлетний срок был нормальным для того, чтобы Энгельс узнал об открытии нового металла, причем открытого именно с помощью спектрального анализа, в то время как скандий был найден с помощью химико-аналитических методов.

Таким образом, мы вновь убеждаемся в том, что по *отсутствию* какой-либо формальной ссылки нельзя судить о возможной дате рукописи. Это должно быть железным правилом при обработке научно-архивных материалов.

Но если речь идет о содержательной стороне, то отсутствие тех или иных мыслей или положений может служить ориентиром для примерного определения времени написания данной рукописи. Так предположение о дискретных частицах эфира (мирового или светового) Энгельс впервые выдвигает в главе «Основные формы движения» (в 1880 или 1881 г.). Это значит, что те рукописи, в которых частицы эфира упоминаются, написаны в 80-х годах, а те, в которых они не упоминаются, хотя по ходу рассуждений должны были бы фигурировать, написаны в 70-х годах. Поскольку в начатой главе «Диалектика» говорилось о делении масс на молекулы, а молекул — на атомы и на этом рассмотрение общего ряда дискретных форм материи прекращалось, то можно с большей долей вероятности утверждать, что эта глава писалась примерно в 1879 или 1880 г. Иначе после молекул и атомов

должны были быть названы также и гипотетические частицы эфира в качестве более мелких дискретных образований материи в их общем ряду.

Что касается п-плана, то, очевидно, дата его составления имеет исключительное значение в том отношении, что позволяет выяснить, какую эволюцию мог претерпеть у Энгельса сам этот план. Если верна первая версия, то га-план как *подводящий итог* всей проделанной ранее работы, естественно, должен был выступить в качестве наиболее совершенного, разработанного выражения итогового взгляда Энгельса на всю «Диалектику природы». В таком случае Энгельс не успел бы произвести в нем вообще каких-либо изменений, разве только сделать небольшие сокращения, касающиеся не написанной им критики Вирхова и др., и столь же небольшое добавление, включив критику в адрес некоторых естествоиспытателей за их увлечение спиритизмом.

Совершенно иначе обстоит дело, если составление га-плана датировать августом 1878 г. В таком случае (если не считать первого наброска з-плана) га-план окажется *первоначальным*, а потому, естественно, далеко не совершенным планом задуманной работы, который в дальнейшем, в ходе реализации Энгельсом своего замысла, мог и должен был неизбежно круто видоизменяться, уточняться, перестраиваться, что и происходило в действительности, согласно второй версии.

Разумеется, принятие второй версии не дает ответа на вопрос, почему в соответствии именно с *n*-планом были написаны три примечания ко второму изданию «Анти-Дюринга», что явно свидетельствовало о возвращении Энгельса в середине 80-х годов XIX в. к га-плану. Как это могло бы случиться, если бы га-план был оставлен как якобы несовершенный и заменен каким-то другим? Во всяком случае датировка не только написания рукописей и составления планов, но и сопровождавших их событий (например, таких, как возврат к п-плану или отказ от него, если таковой был) играет исключительно большую роль при реставрации картины того, как шла реализация замысла Энгельса на протяжении всех четырех этапов работы.

* * *

Итак, мы рассмотрели различные взгляды на общий ход реализации Энгельсом своего замысла и особо остановились на том значении, какое имеет в связи с этим вопрос о датировке отдельных событий в ходе работы Энгельса. Сопоставляя между собой две версии, возникшие по причине различной датировки составления *n*-плана, мы можем констатировать, что с точки зрения частных деталей и данных формально-документального характера вторая версия имеет известное преимущество перед первой версией; с этой стороны, первая версия вызывает немало сомнений и

возражений, связанных с тем, что отнесение срока составления *n*-плана к 1885 — 1886 гг. не позволяет объяснить многие мелочи формального характера, которые, напротив, находят свое вполне удовлетворительное объяснение при допущении, что га-план был составлен в августе 1878 г.

Но с содержательной стороны как раз наоборот: допущение первой версии позволяет составить логически убедительную картину того, как последовательно развертывалась творческая мысль Энгельса, расширяя шаг за шагом объем планируемой им работы. Напротив, вторая версия создает впечатление, будто мысль Энгельса двигалась рывками, логически непоследовательно, меняя то и дело свое направление.

Со своей стороны мы готовы признать вероятной любую из обеих версий общего хода реализации замысла Энгельса, полагая, что каждая из них имеет примерно в равном соотношении и свою сильную, положительную сторону, и свою слабую, отрицательную сторону. Для нас важно в том и другом случае признание, что Энгельс, во-первых, согласно обеим версиям к концу своей работы над «Диалектикой природы» принял один и тот же ее *n*-план; значит, в обоих случаях *n*-план выступил как план законченного произведения; а во-вторых, что Энгельс всегда, в любой момент работы над «Диалектикой природы» руководствовался каким-то определенным, причем одновременно только *одним* планом. Об иной постановке вопроса как о возможной третьей версии мы скажем в следующем очерке.

Очерк 7 Различные формулировки замысла Энгельса

Теперь, подходя к концу разбора задуманной Энгельсом и в значительной части им уже написанной «Диалектики природы», вернемся снова к тому, каков был основной замысел этого произведения. Здесь возможны две диаметрально противоположные формулировки этого замысла. Та и другая не были случайными, а вытекали из существа соответствующего общему подходу к диалектике, общего понимания задачи изложения диалектики. Одну из двух формулировок разделяет автор данных строк, другую — его противники. Однако, несмотря на существенные различия между тем и другим подходом к диалектике, между тем и другим пониманием того, как ее надо излагать, всех нас объединяет общее сознание того, что Энгельс своей «Диалектикой природы», равно как и другими своими философскими произведениями (такими, как «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах...» и др.), стремился показать естествоиспытателям не только полезность, но и крайнюю необходимость для них пользоваться диалектикой. Это первое. А второе, что он ставил задачу дать им в руки такую книгу, которая, не

будучи учебником или учебным пособием или же систематическим руководством по диалектике, вместе с тем помогала бы им овладевать диалектикой.

В этом пункте мы как будто все сходимся. Но как только речь заходит о толковании способа изложения «Диалектики природы», у нас возникают серьезные разногласия. И они, как мы увидим, проистекают из диаметрально противоположного понимания основного замысла всего задуманного и во многом реализованного Энгельсом труда.

Первая формулировка: понимание и показ диалектики как научного метода

Наша точка зрения состоит в том, что Энгельс хотел продемонстрировать естествоиспытателям, в чем состоит строго научное исследование по философскому обобщению результатов современного ему естествознания и его истории, показав при этом диалектику в действии как научный метод, как метод восхождения от абстрактного к конкретному. Поскольку так или иначе этим методом уже оперировали естественные и математические науки того времени, но оперировали не осознанно, а стихийно, то показ того, как этот метод применяется сознательно и что это дает для науки, имел бы огромное значение. Видя, как творчески действует метод диалектики в различных отраслях естествознания и его истории, естествоиспытатели должны были заинтересоваться этим методом, начать изучать его и применять сознательно в своей области.

Но для этого диалектика должна быть продемонстрирована как подлинно *научный метод*, ибо только в этом случае она будет серьезно воспринята настоящими учеными. Никакого школярства, никакого даже намека на сведение диалектики к набору примеров, на подмену ее суммой иллюстраций не должно иметь места.

То обстоятельство, что «Диалектика природы», согласно ее *n*-плану, должна была завершиться трудовой теорией антропогенеза, свидетельствовало о том, что книга Энгельса должна была прямо сомкнуться с «Капиталом» Маркса, в котором важную роль играло понятие труда, создающего все богатства человеческого общества. Но именно «Капитал», к которому таким образом подводила «Диалектика природы», был построен на основе применения диалектики как научного метода, как метода восхождения от *A* к *K*.

Сам Энгельс в главе «Диалектика» указывал на то, что он не собирается писать руководства (в смысле *Handbucha*), а значит, тем более учебника по диалектике, а стремится лишь доказать объективность и всеобщность ее

основных законов. «Мы не собираемся здесь писать руководство по диалектике, — отмечал он, — а желаем только показать, что диалектические законы являются действительными законами развития природы и, значит, имеют силу также и для теоретического естествознания» [1, 20, с. 385].

Вот почему даже в главе «Диалектика», где должны были излагаться основные законы диалектики, не говоря уже об остальных главах задуманной книги» Энгельс не допускал подмены диалектики суммой примеров, приводимых к ее законам, принципам и категориям. Как мы видели, даже при изложении закона перехода количества в качество и обратно (единственного из трех, который Энгельс успел осветить в названной главе) приводятся *не примеры*, иллюстрирующие или подтверждающие высказанные общие положения, а рассматривается последовательно осуществляемый процесс деления материального тела на все более и более мелкие части. В результате достигается возможность и здесь продемонстрировать метод восхождения от *A* к *K* и рассмотреть последовательно одну за другой проходимые в ходе такого деления ступени (ступень механики, физики и химии), причем в случае химии рассмотреть соответствующую ступень в разрезе не только химических соединений (сначала неорганических, а затем органических), но и химических элементов.

Весь этот вопрос имеет первостепенное значение для понимания основного замысла Энгельса. Если бы Энгельс собирался писать руководство, а тем более учебник по диалектике, он, вероятно, поступил бы так: для иллюстрации и подтверждения всеобщего характера какого-либо принципа или закона диалектики или какой-либо ее категории, например принципа всеобщей связи или закона взаимного проникновения противоположностей или же категорий случайности и необходимости и т. д. и т. п., он стал бы подбирать примеры из различных отраслей естествознания и математики. В итоге написанные с таким расчетом материалы «Диалектики природы» не могли бы попасть ни в один из специальных ее разделов, посвященных отдельным естественным наукам (механике, астрономии, физике, химии, биологии) или математике; поэтому для таких материалов следовало бы придумывать некие «общие разделы», носящие общефилософский характер, причем естественнонаучный и математический материал выступал бы в данном случае как носящий лишь сугубо вспомогательный, чисто иллюстративный характер.

Между тем из всего, что сказано было Энгельсом, ясно следует, что Энгельс намеревался поступать как раз наоборот: применять конкретно, творчески, метод диалектики, следовательно, принципы, законы и категории диалектики к анализу вполне конкретных естественнонаучных проблем и тем самым не только способствовать выяснению и решению этих проблем с позиций

материалистической диалектики, но и добиваться дальнейшего развития и обогащения самой диалектики, продвижения ее вперед. При этом, очевидно, что никаких «общих разделов» он не предусматривал (кроме одной главы о диалектике в п. 3 *n*-плана); поэтому при оперировании тем или иным общим положением или понятием (категорией) диалектики требовалось, прежде чем начинать оперировать им в данной отрасли науки при анализе данной конкретной проблемы или естественнонаучной теории (гипотезы), рассмотреть это общее положение, понятие и т. д. вкратце, само по себе. Вот почему неизбежно в любой материал такого рода должны были включаться данные, взятые не только из той отрасли знания, где нашло применение рассматриваемое положение, понятие и т. д., но также и из области философии и ее истории. И это обстоятельство ни в какой степени не могло и не должно было служить аргументом в пользу того, что данный аргумент или заметку нельзя отнести, скажем, к главе об одной только физике (например, о теплоте) или к главе об одной только биологии (например, о дарвиновском учении), но что надо придумывать какие-то не предусмотренные самим Энгельсом «общие отделы»,

В качестве конкретного примера рассмотрим вопрос об индукции. Если замысел Энгельса толковать так, что для индукции как логического приема (причем главным образом в ее соотношении с дедукцией) следовало бы отвести особое место в некотором «общем отделе», трактующем о диалектической логике и теории познания, то сюда надо было бы автоматически включить заметки Энгельса, где говорилось о применении индукции в области биологии, а также физики, как это сделано Энгельсом в заметке «*Индукция и анализ*» [1, 20, с. 543 — 544]; и это потому, что на первый план здесь была бы выдвинута сама по себе индукция независимо от того, в какой отрасли естествознания и для каких целей она применяется в том или другом случае.

Но если на первый план выдвигается не данный логический прием сам по себе, а конкретная научная проблема, подлежащая диалектическому рассмотрению, а в связи с этим соответствующая отрасль естествознания, то в таком случае уже нельзя объединять вместе вопросы, касающиеся физики и биологии, на том лишь основании, что при их разборе речь идет об индукции. Ведь одно дело — одностороннее, преувеличенное использование индукции при классификации биологических существ, совсем другое дело — отказ от индукции со стороны Сади Карно в ходе анализа работы паровой машины, что привело к открытию второго начала термодинамики. Не случайно сам Энгельс рассматривает этот второй вопрос в статье «Теплота», т. е. в главе о физике [1, 20, с. 431], а не в каком-то мифическом «общем отделе».

Так вопрос о том, как понимать замысел Энгельса, практически преломляется в форме решения вполне утилитарной задачи: куда, в какую главу, в какой отдел следует относить заметки и фрагменты «Диалектики природы» — в некоторые не предусмотренные самим Энгельсом мифические «общие отделы» (по признаку присутствующей в них философской идеи) или же в специальные главы, соответствующие специальным отраслям науки (по признаку затронутой или поставленной в них естественнонаучной проблемы).

Сам Энгельс в п-плане четко сформулировал свою мысль, говоря, что п. 5 должен трактовать «об отдельных науках и их диалектическом содержании» [1, 20, с. 343]. Как это надо понимать, он разъяснил тут же на примере математики: «математика: диалектические вспомогательные средства и обороты». Это означало, что здесь должен рассматриваться не математический материал в качестве вспомогательного при освещении философских положений (категорий и оборотов диалектики), а как раз напротив — эти последние должны служить теоретическим и логическим инструментом при анализе конкретных математических проблем.

Именно так обстояло дело у Энгельса и с категориями случайности и необходимости. Если стоять на той позиции, что в «Диалектике природы» должны быть предусмотрены (вопреки и наперекор всему, что писал и планировал сам Энгельс) некие «общие отделы», вроде, например, посвященного общим вопросам и основным законам диалектики, то все фрагменты и заметки, и которых говорится о случайности и необходимости, нужно сосредоточить в соответствующем «общем отделе». Например, вся кинетическая теория газов опирается на диалектику соотношения именно этих категорий. Известная *H*-теорема Больцмана, указывавшая принципиальный, методологический выход науке из того тупика, куда заводила физику ложная гипотеза о «тепловой (энтропийной) смерти вселенной», опиралась на диалектику этих же категорий. Сам Энгельс считал, что условия для возрождения солнечных систем должны «быть снова воспроизведены материей, хотя бы спустя миллионы и миллионы лет, более или менее случайным образом, но с необходимостью, внутренне присущей также и случаю» [1, 20, с. 361].

Следовательно, здесь названная пара категорий диалектики «работает» в смысле их конкретного приложения к конкретным проблемам физики и астрономии (космологии).

Совершенно иная картина встает в области биологии, где та же пара категорий диалектики применяется в целях раскрытия диалектического содержания всего эволюционного учения — дарвинизма. Говоря о

«Происхождении видов», Энгельс отмечал, что Дарвин «исходит из самой широкой, покоящейся на случайности, фактической основе. Именно бесконечные случайные различия индивидов внутри отдельных видов... заставляют его подвергнуть сомнению прежнюю основу всякой закономерности в биологии — понятие вида в его прежней метафизической окостенелости и неизменности... Случайность опрокидывает существовавшее до сих пор понимание необходимости» [1, 20, с. 535 — 536].

Очевидно, что между обоими случаями оперирования категориями случайности и необходимости общее только то, что тут и там применяются одни и те же категории диалектики, но применяются они для совершенно разных целей, к разному конкретному естественнонаучному материалу и разным способом. Поэтому объединить их в каком-либо одном «общем отделе» было бы столь же неосновательно, как соединить вместе работу плотника, скульптора и врача-терапевта, выстукивающего больного, а также музыканта, играющего на ксилофоне, поскольку все они пользуются сходными инструментами (молоточками и молотками).

Напротив, придерживаясь подхода Энгельса, согласно которому в центре внимания исследователя находится конкретная естественнонаучная проблема, вполне логично применение одних и тех же категорий (случайности и необходимости) для того, чтобы рассмотреть конкретный естественнонаучный материал в первом случае в главах о физике и астрономии, а во втором — в главе о биологии (дарвинизме). Кстати, на это прямо и недвусмысленно указывает и сам Энгельс в *n*-плане: п. 5, подпункт 5, посвященный целиком биологии, так и сформулирован: «Биология. Необходимость и случайность».

Более того. Среди заметок Энгельса имеется такая, которая раскрывает смысл только что приведенной формулы: «Показать, что теория Дарвина является практическим доказательством гегелевской концепции о внутренней связи между необходимостью и случайностью» [1, 20, с. 620].

Наконец, большой фрагмент, носящий заголовок «Случайность и необходимость», хотя и в незавершенном виде, как раз служит живым доказательством того, что свое намерение, высказанное в предыдущей заметке и в *n*-плане, Энгельс во многом смог уже осуществить. Он успел более подробно охарактеризовать сами по себе обе эти категории диалектики [1, 20, с. 532 — 535], но сделал только краткий набросок того, как они «работают» в учении Дарвина [1, 20, с. 535 — 536]. Последний абзац этого фрагмента, состоящий всего из одного слова «Дарвин», вообще остался нераскрытым. Но он показывает, о чем Энгельс собирался еще написать.

Можно было бы возразить, что в разбираемом фрагменте говорится не только о биологии и не только о дарвинизме. На этом основании (опять-таки вопреки и наперекор прямым указаниям и замыслам Энгельса) можно было бы сделать попытку перенести данный фрагмент в некий мифический «общий отдел». Но повторяем: начиная вводить в действие новые категории или обороты (приемы) диалектики, Энгельс тут же для их характеристики привлекает не только материал, который заимствуется из той области, где эти категории будут затем применяться («работать») конкретно, но из других областей науки. Так и в данном случае: говоря о случайности и необходимости, Энгельс начинает со ссылки на старые взгляды в биологии (ботанике и зоологии), присоединяя попутно ссылку и на кристаллографию, на видовые признаки (необходимые) и внутривидовые различия (случайные). Далее в такой же связи Энгельс продолжает рассматривать биологические вопросы, в том числе касающиеся фауны и флоры. На материале биологических явлений он разбирает затем взгляды механического детерминизма, упоминая мимоходом, что, согласно им, «уже газовый шар, из которого произошла солнечная система, был устроен таким образом, что эти события должны были случиться именно так, а не иначе» [1, 20, с. 534].

Далее наряду с обильным биологическим материалом делается ссылка на закон движения солнечной системы и закон превращения энергии, а затем излагаются взгляды Гегеля на случайность и необходимость, противоположные как вольфовской метафизике, так и механическому детерминизму.

Это показывает, что даже вводная часть рассматриваемого фрагмента по своему содержанию почти целиком оперирует данными биологии, так что включение этого фрагмента в главу о биологии оправдано во всех отношениях.

Кстати, никто никогда не возражал против включения в главу о математике первого примечания ко второму изданию «Анти-Дюринга», носящего заглавие «О прообразах математического бесконечного в действительном мире» и «Согласие между мышлением и бытием. — Бесконечное в математике». В этом примечании, кроме философских вопросов собственно математики, освещается множество других вопросов, в частности чисто философского характера, касающихся диалектики и теории познания, в том числе о единстве мышления и бытия; о материализме XVIII в.; о происхождении содержания мышления из чувственного опыта; об исследовании предпосылки мышления со стороны *формы*; о диалектике как науке о наиболее общих законах *всякого* движения. Из области естествознания в этом же примечании рассматриваются вопросы: о наследовании приобретенных свойств; строении материи; мировом эфире; о

том, что химия считает атомы обладающими сложным составом; о том, что вся природа слагается из скачков; и др.

Если фрагмент, содержащий такое громадное множество материала явно нематематического содержания, тем не менее без колебания включается в главу о математике, то несколько мелких ссылок на кристаллографию, первоначальный туманный шар, солнечную систему и превращение энергии, а также ссылок на различные философские трактовки двух категорий диалектики никак не могут служить доводом против включения фрагмента «Случайность и необходимость» в главу о биологии.

Но если дело обстоит так, то это означает, что в ту же главу о биологии (а вовсе не в какие-то «общие отделы») должны попасть и те фрагменты и заметки, в которых говорится о категориях тождества и различия. В самом деле, фрагмент «Случайность и необходимость» начинается фразой: «Другая противоположность, в которой запутывается метафизика, — это противоположность случайности и необходимости» [1, 20, с. 532]. Но если случайность и необходимость образуют собой *другую* противоположность, то спрашивается, где же предшествующая ей первая противоположность, с которой, очевидно, должна была начинаться, по замыслу Энгельса, глава о биологии. Ответ на это дает следующая заметка: «Тождество и различие — необходимость и случайность — причина и действие — вот главные противоположности, которые, если их рассматривать раздельно, превращаются друг в друга» [1, 20, с. 531].

Почему же категории тождества и различия и их превращение друг в друга были поставлены Энгельсом на первое место в рамках главы о биологии? Да потому, очевидно, что дарвинизм, будучи теорией развития живой природы, не может обойтись без этих именно категорий и должен оперировать ими, подобно любой другой теории развития.

Рассуждая последовательно в этом же направлении, мы приходим к выводу, что и во многих других случаях в «Диалектике природы» Энгельс приводит категории диалектики (и диалектической логики) потому, что они находят свою конкретизацию и приложение к определенному естественнонаучному материалу, а не этот материал дается в целях только иллюстрации и пояснения категорий диалектики. Поэтому место соответствующих фрагментов и заметок — опять-таки в соответствующих специальных разделах п. 5 п-плана, а не в каких-либо мифических, *ad hoc* примысленных «общих отделах».

Укажем лишь один такого рода фрагмент, касающийся, на первый взгляд, вопроса о классификации суждений. Действительно, фрагмент *начинается* с этого вопроса, занимая у Энгельса неполную страницу [1, 20, с. 538]. Но

далее, в следующей части фрагмента (причем в два раза большей по объему), Энгельс выясняет, зачем в работе, посвященной диалектике природы, ему понадобилось приводить гегелевскую классификацию суждений. Оказывается, только для того, чтобы проанализировать с диалектико-логической стороны историю открытия закона сохранения и превращения энергии в физике и показать, что оно было совершено в порядке восхождения человеческой мысли сначала от суждения единичности к суждению особенности, а затем к суждению всеобщности [1, 20, с. 539 — 540]. Другими словами, здесь речь шла по сути дела об отдельной науке (физике) и диалектическом содержании ее открытий. Ясно, что такой фрагмент должен быть по этой причине включен в раздел о физике, а именно в главу о теплоте, к содержанию которой он непосредственно примыкает.

Итак, первая формулировка замысла Энгельса нацелена на то, чтобы как можно полнее и глубже показать значение диалектического метода прежде всего как метода восхождения от *A* к *K*, в области естественных наук и их истории.

Метод восхождения от *A* к *K* четко проведен Энгельсом как в междисциплинарном, так и во внутридисциплинарном аспектах. В первом случае речь идет о самой структуре центральной части *n*-плана, выраженной в ее п. 4: «Связь наук. Математика, механика, физика, химия, биология» с переходом через трудовую теорию антропогенеза к человеку, к истории (п. 11).

Во втором случае мы обнаруживаем этот метод в построении очерков об отдельных науках и их открытиях (например, об истории открытия закона сохранения и превращения энергии, о чем только что говорилось) .

Общие главы вводной (первый раздел) и заключительной (третий раздел) частей «Диалектики природы» также излагают материал в соответствии с методом восхождения от *A* к *K*. Это касается таких вводных глав, как «Историческое введение», «Диалектика» и «Основные формы движения», и таких заключительных глав, как второе и третье примечания ко второму изданию «Анти-Дюринга» (см. п. 6 и 7 *n*-плана).

Поэтому можно сказать, что замысел Энгельса состоял в первую очередь в показе, как «работает» и как *может* «работать» в естествознании в различных разрезах сознательно применяемый метод диалектики в виде метода восхождения от *A* к *K*. Это, так сказать, позитивная сторона дела.

Но, как и всегда, перед марксистским учением выдвигалась в неразрывной связи с первой, позитивной задачей вторая — негативная, критическая. Ведь речь шла о том, чтобы помочь естествоиспытателям освоить диалектический

метод, овладеть им, научиться творчески им пользоваться. А этому всячески мешали и противодействовали различные модные течения реакционной философии (агностицизм, метафизика, механицизм, спиритизм, вульгарный материализм и др.), которые отрицали и искажали диалектику, опошляли философию, лишали ее действенного, конструктивного характера.

Разумеется, критический настрой и последовательная защита материализма и диалектики присущи всем вообще работам Энгельса, всем главам задуманной им книги. Это можно показать на примере такой ее главы, как «Историческое введение», а также оставшейся ненаписанной главы о биологии, где дается критика механицизма, вольфовой метафизики, телеологизма, фатализма и т. п. воззрений. Это же касается первого примечания к «Анти-Дюрингу» о математике, а также главы «Электричество» и др.

Но сейчас речь идет не о том, что по ходу положительного изложения того или иного вопроса Энгельс попутно подвергает критике антиматериалистические и антидиалектические тенденции в современном ему естествознании, а о *специальной развернутой критике* отдельных враждебных материалистической диалектике течений.

Энгельс отлично видел, что, не разбив этих течений, не показав их несостоятельности, невозможно добиться поставленной цели — помочь естествоиспытателям овладеть диалектикой и научиться свободно оперировать ею. Этим объясняется появление особых пунктов в *n*-плане — п.8 — 10 и начало п. 11, назначение которых состояло в том, чтобы реализовать критическую, негативную сторону замысла Энгельса.

Добавим, что и здесь, как и при кратком изложении содержания отдельных наук и их диалектики, наряду с главными моментами — критикой агностиков, механистов, эмпириков, спиритов и т. д. из среды естествоиспытателей — Энгельс поднимает вопросы, связанные с частными науками (математикой, механикой и др.), а также общепhilosophические вопросы, касающиеся диалектики, логики и теории познания. Однако это обстоятельство не может служить основанием, чтобы соответствующие главы, фрагменты и заметки исключать из третьего (заключительного) отдела книги и переносить их в мифические «общие отделы», которые нигде и никогда не были предусмотрены Энгельсом. Поэтому и включать в них ничего нельзя.

Вторая формулировка: понимание и показ диалектики как суммы, примеров

Вторая возможная формулировка основного замысла Энгельса является прямой противоположностью первой. Она исходит из того, что Энгельс

намеревался будто бы изложить и развить на естественнонаучном материале основные законы и принципы диалектики и ее категории и рассмотреть некоторые общие вопросы диалектики, логики и теории познания. Однако структура будущей книги, выраженная во всех без исключения ее планах (3- и рз-планах, с- и дс-планах, *n*-плане), никак не предусматривала подобной реализации замысла Энгельса. Единственная глава «Диалектика» (п. 3 *n*-плана) четко определяла рамки и задачи освещения трех основных законов диалектики и ее предмета как науки о связях.

В этих условиях единственным выходом из положения (при желании во что бы то ни стало сохранить вторую формулировку замысла Энгельса) становилось придумывание *ad hoc* некоторых «общефилософских разделов», куда бы можно было включить, во-первых, весь принципиально важный текст, относящийся к п. 5 *n*-плана и касающийся отдельных наук и их диалектического содержания, во-вторых, весь текст, относящийся к критической (заключительной) части книги (п. 6 и 7 га-плана).

В результате замысел Энгельса полностью изменялся и нарушался как в его позитивном, так и негативном аспектах: во-первых, из центральной части задуманной им книги изымалось все самое важное в методологическом отношении, а во-вторых, третья, заключительная (специально критическая) часть книги ликвидировалась полностью. Вместо этого произвольно создавались два новых, совершенно не предусмотренных Энгельсом отдела, один из которых мог бы получить наименование «Общие вопросы диалектики. Основные законы диалектики», а другой — «Диалектическая логика и теория познания. О „границах познания"». Кроме того, можно было бы всю критику Энгельсом механицизма сосредоточить в разделе «Формы движения материи. Классификация наук».

Но оставалась бы в таком случае одна отдельно написанная Энгельсом статья «Естествознание в мире духов», содержащая едкую критику увлечения спиритизмом со стороны некоторых естествоиспытателей. Ее явно нельзя было бы поместить ни в один из трех названных выше «общих отделов». Поэтому можно было сделать только одно: перенести ее из третьей части (критической) в первую (вводную), хотя сюда эта статья абсолютно не подходит по причине своего острополемиического характера. Но поскольку вся третья часть книги оказалась ликвидированной, этот язвительный памфлет волей-неволей пришлось бы поставить не в конец, а в самое начало книги.

Но, кроме создания не предусмотренных Энгельсом «общих отделов», попытка представить, как можно было бы реализовать замыслы Энгельса согласно второй его формулировке, вызывает трудности еще и иного

порядка. Дело в том, что в состав «общих отделов» могут попасть лишь более мелкие по своему объему материалы — фрагменты и заметки, а более крупные, в частности все главы, написанные согласно с-плану, сюда не попадают. Совершенно очевидно, что эти последние писались одна за другой в следующей последовательности:

«Основные формы движения», «Мера движения. — Работа», «Теплота» (не закончена), «Электричество», «Химия» (не начата). Если сохранить первые четыре главы в таком их расположении, то это составит почти целиком (за вычетом главы «Химия» и части главы «Теплота») ту «Диалектику природы», о необходимости скорейшего завершения которой Энгельс писал Марксу 23 ноября 1882 г.

Однако можно допустить, что первые главы будущей книги — «Введение», «Старое предисловие к „Анти-Дюрингу“», «Диалектика» (не дописана) — и последнюю главу «Роль Труда в процессе превращения обезьяны в человека» Энгельс попросту присоединил к четырем, которые были написаны по с-плану. Иначе говоря, можно допустить, что работал он фактически (начиная с 1880 г.), во-первых, по двум планам одновременно: по п-плану, взяв из него п. 1, 2, 3 и 11 без его начала, а также по подпункту 5 п. 5 (биология) и по с-плану, который заменил п. 4 и подпункты 2, 3 и 4. п. 5 *n*-плана. Во-вторых, Энгельс должен был предусмотреть и мысленно предусмотрел два или даже три «общих отдела» общефилософского характера, которые хотя и не были нигде зафиксированы, но включили в себя значительную часть того, что предусматривалось подпунктами 2, 3, 4 и 5 п. 5 и пп. 6 и 7 *n*-плана. В-третьих, несмотря на прямые указания Энгельса на то, что математика должна стоять перед механикой, в этом смешанном плане осуществить подобное оказалось невозможным, поскольку глава «Основные формы движения» заканчивается фразой: «О понятии работы мы будем говорить в следующей главе» [1, 20, с. 407]. Эта фраза исключает возможность помещения математики между вводной главой и главой о механике. То же касается и статьи о приливном трении (и об астрономии вообще): согласно трем планам (*c*-, *дс*- и *n*-плану), она должна вместе со всей механикой неба предшествовать земной механике, что оказывается невозможным по той же причине, что и в случае математики.

Таким образом, возникает совершенно неразрешимая задача распределения материалов «Диалектики природы» согласно некоторому третьему комбинированному ее плану, начало и самый конец которого берутся из *n*-плана, а середину составляет с-план. Можно сильно сомневаться, что Энгельс мог работать по такому более чем странному «плану». И если для приливного трения можно с натяжкой найти место в главе о механике, но *не*

перед, как предусматривал Энгельс, а только *после* земной механики, то в отношении математики обсуждение вопроса заходило явно в тупик.

И тут как выход из этого тупика могло быть найдено решение разделить все материалы «Диалектики природы» на две группы: а) крупные, достаточно литературно обработанные статьи и главы и б) менее крупные фрагменты и многочисленные мелкие заметки, требующие дополнительной серьезной обработки. Прецедентом к такому разделению материалов явилась их разбивка самим Энгельсом на связки, из которых первая и четвертая содержали мелкие заметки и явно недописанные главы, а вторая и третья — более обработанный в литературном отношении материал.

Таким образом, благовидным поводом к такому разделению здесь служило бы соображение удобства для чтения материалов «Диалектики природы». Более или менее отработанные материалы можно было бы читать подряд, как книгу, а мелкие заметки — вразброс, выборным порядком. Однако действительная причина такого деления лежала глубже. Первый раздел можно было изложить так, чтобы за главой «Основные формы движения» шла сразу же глава «Мера движения, — Работа» в прямое нарушение позднейших планов Энгельса (*дс*- и *п*-планов), следовательно не включая сюда первое примечание к «Анти-Дюрингу» о математике. Второй же раздел можно было бы, напротив, изложить так, что после вводного раздела («Формы движения материи. Классификация наук»), соответствующего в известной степени главе «Основные формы движения», шел раздел «Математика». Но для этого обязательно требовалось изъять первое примечание к «Анти-Дюрингу» из числа более или менее подготовленных крупных статей и глав книги и перенести его в раздел мелких заметок и фрагментов. Иначе ведь для него *не находилось места* в первом разделе крупных глав и статей! И сделать это надо было бы вопреки тому, что сам Энгельс включил первое примечание к «Анти-Дюрингу» во вторую связку со «Старым предисловием к „Анти-Дюрингу“» и статьей «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Между тем эти последние две статьи, несмотря на их явно незаконченный характер, включаются в первый раздел (статьи и главы), поскольку их помещению сюда не препятствует фраза, стоящая в конце статьи «Основные формы движения».

Но уж поскольку одно из трех примечаний к «Анти-Дюрингу» перешло бы из первого раздела, куда его намечал Энгельс, во второй, то вместе с ним попали бы во второй раздел и остальные два примечания, тем более что критическая (заключительная) часть «Диалектики природы» вообще оказалась бы снята. Это обстоятельство явилось бы еще одним доводом в пользу создания «общих отделов» философского характера именно во втором разделе (заметки и фрагменты) книги.

Наконец, из первого раздела исчез бы и фрагмент «Опущенное из „Фейербаха"», фигурирующий у Энгельса в той же второй связке. Зато вместо произвольно удаленных из первого раздела статей и фрагментов, включенных сюда самим Энгельсом, здесь появились бы не просто недописанные, но явно *неполные*, написанные лишь частично главы «Теплота» и «Диалектика», которые сам Энгельс сюда не включал, а отнес к материалам четвертой связки как требующие еще очень большой работы. Теперь же они переключались бы в первый раздел вопреки тому исходному положению — соображению Энгельса, которым он руководствовался при распределении своих материалов по связкам и из которого только и можно было исходить при их делении на две группы: 1) статьи и главы и 2) фрагменты и заметки.

Возвращаясь теперь к возможному третьему варианту плана работы Энгельса над реализацией своего замысла, отметим, что в сущности таким вариантом был бы отказ от признания, что после 1880 г. у Энгельса вообще был какой-либо единый план всей его работы. От *n*-плана как общего, который датируется августом 1878 г., кое-что осталось, но сравнительно очень немного: «Введение», «Старое предисловие к „Анти-Дюрингу"» и «Диалектика» — в начале книги и «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» — в ее конце. Середину Энгельс стал писать по частичному плану (так именовался бы *c*-план), причем «планом» книги становился бы *самый процесс* ее написания. Поэтому раз перед главой о механике Энгельс не оставил места для математики, то, значит, он мысленно, не фиксируя этого на бумаге, запланировал ей другое место, например *перед* главой «Основные формы движения», поскольку математика имеет касательство не только к природным, но и к социальным объектам.

То же самое соображение могло быть высказано и по любому другому поводу. Так, Энгельс мог мысленно, не фиксируя на бумаге, предусмотреть «общие отделы» типа «общие вопросы диалектики» или «Диалектическая логика и теория познания», поскольку к отделам с такими примерно наименованиями могли бы подойти многие заметки, фрагменты и даже целые статьи.

Однако мы считаем несерьезным такой подход к вопросу, когда учитываются лишь одни *возможности* («Энгельс мог бы ввести такие-то отделы», «Энгельс мог бы поставить математику там-то» и т. д.). Подлинный исследователь обязан исходить из *действительного* положения вещей, из *реальных* планов, поскольку они зафиксированы на бумаге, а не из субъективных гадательных соображений, которых можно придумать бесчисленное множество и проверить истинность которых на основе объективных данных невозможно.

О названии основной, или центральной, части замысла Энгельса

В жизни и научном исследовании нередко случается так, что в каком-нибудь на первый взгляд совершенно второстепенном вопросе, как в капле воды, вдруг отразится самое существо различных трактовок обсуждаемой проблемы или подходов к ней. Мы уже видели, в чем состоит различие взглядов по вопросу о том, что считать основным и главным в замысле Энгельса. Согласно одному взгляду, главное отражено во втором разделе *n*-плана (его п. 5), где как раз применен метод восхождения от *A* к *K* к отдельным наукам; согласно другому взгляду, главное составляют общие вопросы диалектики, извлеченные из всех трех разделов *n*-плана и собранные в особые, хотя и не предусмотренные самим Энгельсом «общие отделы» его незавершенной «Диалектики природы».

Для того чтобы оправдать этот второй взгляд, нужно было, разумеется, найти какие-либо аргументы в пользу того, что Энгельс не столь уж высоко ставил п. 5 *n*-плана, где нашел применение метод восхождения от *A* к *K*. В *n*-плане этот пункт озаглавлен так: «Aperçus об отдельных науках и их диалектическом содержании». Слово *aperçus* («аперсю») переводилось в этом случае как «соображения», «заметки», «замечания». Между тем этим словом Энгельс отнюдь не хотел сказать, что речь идет о чем-то менее существенном, нежели то, что сказано во «Введении» или статье «Диалектика». Из дальнейшего пояснительного текста видно, что под «аперсю» понимается краткое изложение диалектического содержания отдельных наук, носящее очерковый характер. Само собой ясно, что, скажем, в главу о математике Энгельс отнюдь не намеревался вложить изложение содержания самой математики как науки, но лишь «диалектические вспомогательные средства и обороты» и прообраз математического бесконечного в действительном мире. Такое краткое изложение лишь определенного аспекта математики Энгельс и мог назвать «аперсю» в *n*-плане. Точно так же из всего необъятного материала физики он выбрал лишь один аспект — «Переходы молекулярных движений друг в друга», включая вопрос о выводах из второго начала термодинамики (Клаузиус и Лошмидт), что опять-таки хорошо и точно выражает слово «аперсю», примененное в данном случае в смысле «очерки». То же самое касается других отраслей естествознания, например химии и биологии.

Однако второй взгляд, отрицающий, что главная, центральная часть замысла книги Энгельса предусмотрена в п. 5 *n*-плана, противоречит предложению назвать «очерками» то, что у Энгельса обозначено как «аперсю». Но среди многих значений слова «аперсю» имелись такие, как «очерк» и «обозрение» (что особенно подходило, когда речь шла о науке). Зачем же надо было выбирать не их, а другие слова вроде «замечания», «заметки»,

«соображения»? Уж не потому ли, что эти последние явно подчеркивали недостаточно глубокий и неразвернутый, беглый характер излагаемых вопросов, исключая возможность признать соответствующий раздел за основной или центральный в «Диалектике природы»?

Но обратимся теперь не к этимологической, а к содержательной стороне вопроса. К числу глав, вошедших в «Диалектику природы» в качестве «аперсю» об отдельных науках и их диалектическом содержании, оказались главы «Мера движения. — Работа», «Приливное трение. Кант и Томсон — Тейт», «Теплота» (недописанная), «Электричество», а также первое примечание ко второму изданию «Анти-Дюринга» о математике. Ни об одном из этих материалов нельзя сказать, что это просто «заметки» или «соображения». Нет, это вполне полнокровные, достаточно систематически написанные (или задуманные такими) главы будущей книги, которые представляют собой отнюдь не отрывочные замечания по отдельным вопросам той или иной науки, а связное, логически последовательное освещение определенного, а именно диалектического аспекта ее содержания.

Слово «аперсю» подчеркивает, что автор не ставит перед собой задачу изложить все или хотя бы основное содержание отдельных наук, как это пытался сделать О. Конт в своем «Курсе позитивной философии». Автор стремится лишь к тому, чтобы в кратком очерке (аперсю) раскрыть диалектический характер каждой науки и ее предмета, а для этого ему вовсе не требуется изложения всего ее содержания, всех ее теорий и гипотез и т. д. Поэтому-то словом «аперсю» здесь указывается не на отрывочность или беглость, поверхностность изложения, а на то, что излагается лишь *суть* вопроса, *сущность* дела, а потому по необходимости излагается *кратко*.

И еще одно соображение: те, кто переводит «аперсю» как «замечания», «соображения», «заметки», придерживаются того взгляда, что *n*-план был составлен в августе 1878 г. и что впоследствии он подвергся серьезным изменениям, которые отразились, в частности, в *c*-плане. Если так, то спрашивается, почему же должно было сохраниться понимание центральной части задуманной книги в прежнем смысле «аперсю», тогда как в *c*-плане почти все его пункты посвящены механике, физике и химии (а в *dc*-плане — еще и математике и астрономии)? Иначе говоря, *c*- и *dc*-планы свидетельствуют о том, что дальнейшая разработка замысла «Диалектики природы» касалась отнюдь не мифических «общих вопросов диалектики», но вполне реальных «отдельных наук и их диалектического содержания». Уже одно это доказывало, что нельзя называть словом «аперсю» (в смысле беглых замечаний и случайных соображений) этот вполне реальный, а не мифический раздел «Диалектики природы». Но в смысле «очерков» и

«обозрений» это слово вполне подходило и к тому, что было написано Энгельсом согласно с-плану.

Таким образом, на поверку выяснилось, что если вести линию на недооценку и прямое принижение центральной части *n*-плана, то это логически приведет к нарочитому подбору таких значений слова «аперсю», которые здесь явно не подходят, но зато дают возможность объявить данную часть работы Энгельса не главной, менее существенной по сравнению с «общими» отделами, которые в *n*-плане Энгельса вообще отсутствуют.

Все вяжется в одну цепочку, только одна цепочка соответствует планам и замыслам Энгельса, а другая расходится с ними, противоречит им. Мелкий вопрос о толковании и переводе *одного* слова вырос в итоге в большую проблему принципиальной важности в смысле понимания замысла Энгельса. При этом потребовалось прибегнуть к помощи словарей столетней давности.

Каков мог быть итоговый план реализации замысла Ф. Энгельса

Все сказанное выше дало нам основание высказать следующее предположение: примерно в 1885 — 1886 гг. Энгельс, приняв *n*-план, нашел возможность органически слить с ним, во-первых, *s*-план, по которому он писал свою книгу в течение 1880 — 1883 гг., во-вторых, основной подготовительный материал (заметки и фрагменты), написанные на I и III этапах, в-третьих, все материалы, предназначавшиеся первоначально для других произведений и включенные позднее в «Диалектику природы» (см. табл. 1). При этом он не оставлял, по-видимому, до последних месяцев жизни надежды, что ему все же удастся завершить свой труд. Всего за три месяца до смерти он еще строил весьма обширные планы своей будущей работы, о чем свидетельствует его письмо Каутскому от 21 мая 1895 г. В нем Энгельс говорит по поводу некоторых интересовавших его исторических событий: «Это обширная тема, которую я надеюсь *in extenso*²³ развить в „Крестьянской войне“, только бы дошли до этого руки!» [1, 39, с. 400].

О своих планах закончить «Диалектику природы» Энгельс никому не сообщал, очевидно по той причине, что люди, которые были в курсе этой его работы, к тому времени скончались: это были Маркс и Шорлеммер, умерший в 1892 г. С другими же лицами Энгельс вообще не делился на эту тему.

Теперь посмотрим, каково было совпадение между наличными материалами «Диалектики природы» и соответствующими пунктами различных ее планов. Так, статья «Основные формы движения», углубляющая изложение предмета естествознания, становится в п. 4 *n*-плана (после упоминания о связи наук). После нее, как указывалось в п. 5 *n*-плана, следуют очерки о диалектике

²³ Пространно. — Б. К.

отдельных наук; они начинаются с математики, о чем указывается и в подпункте 1 п. 5 *n*-плана и в добавлении (а) *dc*-плана. Поэтому связующая фраза между главами «Основные формы движения» и «Мера движения. — Работа», требует теперь примечания: непосредственно обе главы примыкали одна к другой лишь первоначально, когда они писались.

За математикой следует механика, причем в обоих планах (*dc*- и *n*-) небесная механика стоит перед земной, как уже и в *rc*-плане. Поэтому раздел «Приливное трение» следует за математикой, а не за механикой земных масс.

По поводу заключительного примечания к главе «Мера движения. — Работа» (о смешении понятий) дается разъяснение, что тут этот вопрос явился потому, что в момент написания главы Энгельс работал по *c*-плану, который не предусматривал п. 11 *n*-плана в самом конце книги, где данный вопрос предполагалось осветить специально.

Главы «Теплота» (с добавлением соответствующих заметок и фрагментов) и «Электричество» становятся на свои места, предусмотренные всеми вообще планами.

Так материалы, написанные по разным планам, объединяются вместе и почти без всяких натяжек и повторений образуют единый последовательный текст развертывания и реализации замысла Энгельса (табл. 3).

Из материалов, не указанных в *n*-плане и фигурирующих в описи второй и третьей связок рукописей «Диалектики природы», следует назвать два: 1) «Опущенное из „Фейербаха"» и 2) «Естествознание и мир духов». Первый отрывок логично подключается к «Старому предисловию к „Анти-Дюрингу"», поскольку говорит о возврате естествоиспытателей к диалектике; второй же, носящий сугубо критический, даже памфлетный характер, становится в один ряд с главами аналогичного характера, в которых критикуются Дюбуа-Реймон, Негели, Геккель, Вирхов и др. (см. п. 6 — 10 и начало п. 11 *n*-плана).

Так нам рисуется расположение материалов «Диалектики природы», позволяющее отчетливо показать и проследить главный ее замысел — применение к естествознанию метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Таблица 3

Сопоставление крупных материалов «Диалектики природы» с пунктами всех ее планов и содержанием ее связей

пункты а- и рз-планов	пункты с- и дс-планов	Главы, статьи, фрагменты, крупные заметки	пункт 4 4-х связей	пункты а-плана
		Историческое введение («старое»). 1875—76.	III, 5	1
		Опущенное из «Фэйрбаха» (о 3-х великих открытиях). 1886.	II, 6	2
		О диалектике (старое предисловие к «Анти-Дюрингу»). 1878.	II, 2	
		Диалектика. 1879.	IV (1)	3
		Так называемая объективная диалектика. . . 1875.	I (79)	
вводный		Диалектика естествознания. 1873.	I (2)	4
		Классификация наук. 1874.	I (45)	
		Во-первых, Кекуле. 1885?	I (127)	
		Необходимо изучить последовательное развитие. . . отраслей естествознания. 1875.	I (84)	
	1, 2, 3	Основные формы движения. 1880—81.	III, 1	}
		Движение и равновесие. . . 1) Движение небесных тел. 1874.	I (30)	
		<i>Аргумент об отдельных науках и их диалектическом содержании</i>		
	доб. а перед 4	1-е примечание к «Анти-Дюрингу» (о математике). 1885.	II, 1a	5, 1
1	перед земной мех. 4 доб. б 4	Causa finalis. 1873.	I (10)	5, 2 мех. неба перед механикой
		Первоматерия. 1874.	I (24)	
		Приливное трение. 1880—81.	III (6)	
		Мера движения.— Работа. 1880—81.	III, 2	
		Сила. 1874.	I (26)	5, 2
2	5	Теплота. 1881—82.	IV, 2	5, 3
		Диалектическая логика. . . (об открытии превращения энергии). 1882.	I (94)	
		Электричество. 1882.	III, 3	

Таблица 3 (окончание)

пункты 3- и ре- планов	пункты 5- и де- планов	Главы, статьи, фрагменты, круп- ные заметки	пункт 4-х с я- зюк	пункты п-пла- на
3	6	Новая эпоха начинается в гимн. . . — ?	IV (17)	5,4
4	—	Физикография. — ?	IV (16)	
5	—	Морц Вагнер. . . Критиче- ские замечания. 1874.	I (61)	5,5
		Generatio aequivoca. 1874.	I (56)	
		Протисты. 1874.	I (46)	
		Принцип толждества. 1874.	I (52)	дарви- низм 5,5
		Абстрактное толждество. 1874.	I (15)	
Случайность и необходи- мость. — ?	I (106)			
Hard and fast lines. . . 1875	I (78)			
—	—	3-е примечание к «Анти-Дю- рингу» (против эгиостицизма). 1885?	III, 1с	6
		Формой развития естество- знания. . . является гипотеза. 1874.	I (11)	
		2-е примечание к «Анти-Дю- рингу» (против механицизма). 1885.	III, 1b	7
		Механическое движение. . . 1874.	I (36)	
—	—	Бюхнер (против вульгарного материализма). 1873.	I (1)	после 7
		Естествознание в мире духов (против спиритизма). 1878.	III, 4	
—	—	Зачатки в природе. 1874.	I (43)	8,9 10
		Struggle for life. 1875.	I (80)	
		Роль труда в процессе пре- вращения обезьяны в чело- века. 1876.	II (4)	11
		Рабство. 1876?	I (92*)	
		Работа. 1875.	I (82)	
		резюме	7	

Вместе с тем выполняется и другое связанное с главным замыслом весьма существенное условие построения Энгельсом задуманной им книги: в ней категории и принципы диалектики применяются при анализе тех или иных конкретных разделов и проблем естествознания, но никак не наоборот: конкретный естественнонаучный материал отнюдь не рассматривается как иллюстрация к тем или иным общим положениям диалектики, ее категориям и принципам. Но, кроме того, при составлении *n*-плана возникла дополнительная детализация основного замысла: довести восхождение от *A* к *K* до такого пункта, где «Диалектика природы» вплотную подведет к «Капиталу» и другим экономическим произведениям Маркса. Это достигалось тем, что от трудовой теории антропогенеза перебрасывался мост к позднейшим социально-экономическим формациям, в которых человеческий труд играл всегда решающую роль.

Наконец, как составная часть или, вернее, сторона основного замысла возникла идея развернуть специальную критику главных противников материалистической диалектики (и вообще теоретического мышления) того времени и тем самым защитить в целом и частностях идеи, развитые в «Диалектике природы», от нападков со стороны ее хулителей.

Рассмотренная с таких позиций вся проделанная Энгельсом работа по реализации своего замысла четко подразделяется на три отдела: 1) общий, или вводный, очерк диалектики всего естествознания в целом; 2) центральный, или главный, очерк по диалектике отдельных наук; 3) заключительный, или специально критический. Антидиалектика в естествознании. — Переход к человеку (к истории).

В соответствии с этим автором этих строк была осуществлена попытка изложить хрестоматийным способом труд Энгельса в связном виде (см.: Фридрих Энгельс о диалектике естествознания: Хрестомат. изд. Ред.-сост. Б. М. Кедров. М.: Наука, 1973). Ниже мы воспроизведем в главных чертах основное расположение материалов «Диалектики природы», ее структуру, отвечающую тому, что в ней выдерживаются, во-первых, способ восхождения от абстрактного к конкретному в качестве приложения диалектического метода к естествознанию и, во-вторых, вытекающее отсюда требование не сводить диалектику, к сумме примеров, а трактовать ее как метод научного познания, научного исследования. При желании ради удобства чтения можно подразделить весь материал «Диалектики природы» (184, составные части) на две группы: 1) статьи, главы, крупные фрагменты и заметки, имеющие особо важное принципиальное значение, и 2) остальной материал, более мелкие фрагменты и заметки, в том числе более частного характера. В первую группу войдут, во-первых, 12 материалов, перечисленных самим Энгельсом в описях 2-й и 3-й связок; во-вторых, три

незаконченные статьи, предусмотренные *n*-планом: «Теплота», «Диалектика», «Случайность и необходимость»; в-третьих, 15 материалов более крупного характера; наконец, в-четвертых, пять мелких заметок, которые должны хотя бы частично заполнить пустующие разделы, предусмотренные планами Энгельса. Итого всего 40 материалов.

Остальные 144 материала составят вторую их группу.

Теперь, опираясь на предшествующий анализ, можно построить (разумеется, только предположительно) возможное оглавление будущей «Диалектики природы», если бы она была закончена Энгельсом. При этом мы опираемся, во-первых, на совокупность всех планов, составленных Энгельсом, взятых в их взаимосвязи; во-вторых, на все наличные материалы «Диалектики природы», рассмотренные не только в их взаимосвязи, но и под углом зрения планов Энгельса; в-третьих, на «Анти-Дюринг» и подготовительные материалы к нему, поскольку работа над ним протекала в неразрывной связи с предшествующей и последующей работой Энгельса над «Диалектикой природы»; наконец, в-четвертых, на другие работы Энгельса и на его переписку, где поднимались философские вопросы естествознания.

На схеме 1 приведена в общих чертах структура названного выше хрестоматийного издания. В кавычки поставлены заголовки, взятые из текстов Энгельса; в квадратных скобках стоят страницы 20-го тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Попробуем теперь коротко остановиться на некоторых моментах. Вся книга, как уже было сказано, делится на три отдела («очерка»): I. Вводный; II. Центральный; III. Заключительный. Предисловие и резюме

Схема I

СТРУКТУРА ХРЕСТОМАТИЙНОГО ИЗДАНИЯ «ДИАЛЕКТИКИ ПРИРОДЫ» Ф. ЭНГЕЛЬСА

Предисловие (10 — 13)

Отдел I. Вводный очерк диалектики всего естествознания

Глава первая. «Историческое введение».

I. История естествознания (345 — 355).

II. История природы (355 — 363).

Глава вторая. «Возврат к диалектике».

I. Общий ход познания природы и его итоги а. Непосредственное созерцание, анализ и синтез (20 — 23) б. Три великих открытия (510 — 514; 354 — 355).

II. Философия и естествознание а. Соотношение философии и естествознания в историческом аспекте (502 — 504; 595; 560 — 561) б. «Два философских направления» (516 — 520).

III. «О диалектике». Назревшая потребность в ней (364 — 372).

Глава третья. «Диалектика как наука».

I. «Диалектика как наука о связях» (384).

II. «Главные законы». а. «Закон перехода количества в качество и обратно» (385 — 390) б. «Закон взаимного проникновения противоположностей» (326 — 327; 531 — 532; 606; 640; 123 — 124; 610 — 611; 578 — 579) с. «Закон отрицания отрицания» (140 — 142; 507; 640 — 641; 145).

Глава четвертая. Формы движения. «Связь наук» I. Классификация наук а. Материя и движение. «Сен-Симон (Конт) и Гегель» (631 — 632; 564 — 565) б. «Предмет естествознания». Общий ряд Наук (570 — 571; 563 — 564; 565-566; 610; 666)

II. «Последовательное развитие отдельных отраслей естествознания» (500 — 501; 506 — 507; 510) III. «Притяжение и отталкивание» а. «Основные формы движения» (391 — 407) б. «Движение и равновесие» (561 — 562; 559; 601; 588).

Отдел II. Очерк об отдельных науках и их диалектическом содержании.

Глава первая. «Математика».

I. Математические понятия (572; 37 — 38; 573 — 578).

II. «Диалектические вспомогательные средства и обороты» (572 — 573; 124 — 125; 578 — 580; 138 — 139).

III. «О прообразах математического бесконечного в действительном мире» (581 — 587; 630).

Глава вторая. «Механика».

I. «Механика неба». Астрономии

а. «Механика неба как процесс» (56 — 58; 558 — 559; 588 — 589; 608)

б. Данные звездной астрономии (589 — 592) II. «Приливное трение» (593; 423 — 427)

III. Сохранение и «перенесение движения. Сила» (59 — 60; 595 — 598)

IV. Механическая работа. — Машина а. «Мера движения. — Работа» (408 — 422) б. Машина и ее генезис (—)

Глава третья. «Физика. Теплота» I. «Основной закон движения» а. Логика открытия (538 — 540) б. «Переходы молекулярных движений друг в друга» (594; 607; 600; 601)

II. «Теплота» а. Переходы между теплотой и другими формами движения (428 — 429) б. История познания взаимосвязи механической и тепловой форм движения (429-432; 543 — 544; 558 — 559)

III. «Излучение теплоты в мировое пространство» (599 — 600; 602)

Глава четвертая. «Физика. Электричество»

I. О теориях электричества (433 — 440; 604 — 606)

II. Взаимопревращения химизма и электричества а. Превращение химизма в электричество (440 — 458) б. Превращение электричества в химизм (458 — 470)

III. Способ действия электрической искры (470 — 476)

IV. На грани химии и физики а. Особенности протекания химического процесса в цепи (476 — 481) б. Новая сторона взаимосвязи химизма и электричества (481 — 485; 607) с. Мера электрического движения. Ватт (—)

Глава пятая. «Химия»

I. Эмпирия и «теории» (608, 521)

II. «Атомистика. Делимость материи» а. Атомистика старая и новая (504 — 505; 608 — 609) б. «Делимость материи» (560, 602)

III. От углеводов до химизма белков а. Углеводы и гомологические ряды (130 — 131; 609) б. Жизнь как химизм белков (634 — 635; 82 — 83; 81; 566; 513 — 514)

Глава шестая. «Биология» I. Происхождение жизни а. О мнимой вечности жизни (612 — 614) б. «Критические замечания» (614 — 617) с. Мнимое «самопроизвольное зарождение» (6) 1 — 612)

II. Клетка и одноклеточные а. Клеточная теория (528 — 529; 619, 633) б. «Протисты» (617 — 620)

III. Теория развития. «Дарвинизм» а. «Тождество и различие» (528 — 531) б. «Случайность и необходимость» (532 — 536; 620) с. Общее и

частное. «Индукция и дедукция» (541 — 542; 521— 528; 646; 542 — 543; 540 — 541) d. Причинность и целесообразность (523 — 524)

Отдел III. Заключительный очерк, критики антидиалектики в естествознании. — О переходе к истории

Глава первая. «Границы познания»

I. «Вещь в себе» (546 — 547; 555 — 557; 547; 602 — 603; 544 — 540, 536 — 537)

II. О мнимой «неспособности познавать бесконечное» (547 — 551: 521 — 522; 551 — 552)

Глава вторая. «Механическая теория»

I. Истоки механицизма (563; 528; 523; 540)

II. «О «механическом» понимании природы» (566 — 570)

Глава третья. Прочие: вульгаризаторы, грубые эмпирики, спириты

I. Вульгарный материализм. «Бюхнер» и К^о (516; 520)

II. Грубый эмпиризм (11 — 12; 521 — 522; 603; 524 — 525)

III. «Естествознание в мире духов» а. Мнимые спиритические опыты (373 — 381) б. Плод грубой эмпирии и презрения к диалектике (381 — 383) **Глава четвертая. Выделение человека из природы**

I. Биологическое и социальное а. Зародыши человеческой деятельности у животных (623 — 624; 537 — 538) б. Дарвинизм и «социальный дарвинизм» (620 — 623) с. Смещение природного и человеческого (—)

II. «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» а. Решающий шаг (486 — 490) б. Возникновение общества (490 — 498; 537; 521)

Глава пятая. Общественные науки и естествознание

I. Трудовая деятельность позднейшего человека а. Труд, общество и природа (498 — 499; 643; 646) б. Свобода и необходимость (причинность) (116 — 117; 544 — 546)

II. Естествознание, техника и политическая экономия а. Промышленная революция XVIII века (—) б. Теория и практика. Наука и производство (—) с. «Работа» как категория физики и политической экономии (624 — 625; 422) «Резюме» (13 — 14) соответствуют примерно тому, что сказано во второй части предисловия Энгельса ко 2-му изданию «Анти-Дюринга», поскольку это как раз те вопросы, которыми, с одной

стороны, открывается «Диалектика природы», с другой — она подытоживается.

Во всей «Диалектике природы» ярко проводится концепция историзма (развития) в аспекте как объекта (природы), так и его отражения в сознании человека (в естествознании). Таков замысел «Исторического введения» (глава I). В дальнейшем прослеживаются те формы, в каких исторически происходило отражение природы, начиная от наивной диалектики древних, затем через отрицание диалектики метафизикой, кончая диалектикой современного естествознания. При этом главное внимание обращено на образовавшийся разрыв между способом мышления ученых (метафизическим) и объективным содержанием естественнонаучных открытий (диалектическим) (глава II). После краткой характеристики предмета диалектики и ее трех главных законов (глава III) в тех же двух аспектах (объективном и субъективном) рассматриваются предмет естествознания и его отраслей (формы движения материи) и отражение их взаимосвязей и переходов в виде классификации наук. При этом констатируется совпадение последовательности возникновения ступеней (форм) развития объекта (природы) и последовательности (логической и исторической) расположения и развития отдельных наук (глава IV).

Для отдела II характерно своеобразное соотношение объективного и субъективного в каждой отрасли науки. В каждой из них «работают» свои категории диалектики, помогающие обобщать данные об изучаемых явлениях и проникать в их сущность. Назовем только некоторые из них (далеко не все). В математике выступают диалектические категории конечного и бесконечного, количества и скачка, абстрактного (в смысле отвлеченного от чувственного, вещественного содержания) (глава I). В небесной механике (астрономии) — диалектическая категория абстрактного в смысле недифференцированного, неразвитого, зародышевого (глава II). В физике (учении о теплоте) — диалектические категории единичности, особенности и всеобщности при анализе истории научного открытия и его сущности; качества, количества и меры при анализе учения о движении (об энергии, о «силах») (глава III). В другом разделе физики (в учении об электричестве) на первый план выдвигается методологический вопрос о правильном соотношении между теорией и эмпирией, о скачкообразных переходах от одной качественной формы к другой (глава IV). Последний вопрос касается и химии, где особую роль играют диалектические категории дискретности (прерывности) и континуальности (непрерывности) в связи с проблемами «новой атомистики» (глава V). Наконец, в биологии во многом действуют те же диалектические категории, что и в химии, поскольку речь идет о структуре организма, а при анализе учения о развитии (дарвинизма) —

категории тождества и различия, случайности и необходимости, общего и частного (с этим связаны методы индукции и дедукции), причинности и целесообразности.

В отделе III на передний план выступает критика субъективных искажений того, что дает объективная диалектика природы. Здесь особо опасными являются рецидивы кантовского агностицизма и юмовского скептицизма, подвергаемые критике (глава I). Но в качестве одного из главных противников диалектики выступает механицизм, пытающийся реставрировать слабые стороны французского материализма XVIII в. (глава II). Отсюда намечается логический переход к критике вульгарного материализма бюхнеровского сорта, далее к критике грубого эмпиризма и антидиалектики, которая вытекает уже из презрения к теории, что в конце концов вырождается в форму такого дикого суеверия, как спиритизм (глава III). Особое внимание уделено пограничным проблемам между биологическим и социальным: зародышам «государства» у животных, отличию разума и языка человека от их зачатков у животных, причем критике подвергаются тенденции смешивать человеческое и природное и подменять одно другим. Здесь в центре анализа находится трудовая теория антропогенеза (глава IV). Наконец, сопоставляются общественные и естественные науки, изложение вплотную подводится к проблемам политической экономии (глава V).

* * *

Так обстоит дело с некоторыми неясными моментами, возникающими при рассмотрении вопроса о возможной структуре «Диалектики природы», о соотношении между собой ее различных планов и их соотношении с наличными ее материалами. В заключение же мы попытались по возможности ответить на вопрос: какой в окончательно завершенном виде могла бы предстать «Диалектика природы», задуманная и во многом уже осуществленная Энгельсом. При этом был бы реализован ее основной замысел — приложить диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному ко всей системе современных Энгельсу естественных и математических наук. Это влекло за собой три важных следствия: во-первых, доведение процесса восхождения до возникновения человека (через труд) и в перспективе до современного общества, дабы «Диалектика природы» могла бы сомкнуться с «Капиталом» Маркса; во-вторых, конкретное применение категорий и законов диалектики при разборе конкретных же проблем естествознания и математики, избегая малейшего намека на использование их в целях подбора к ним суммы естественнонаучных примеров; в-третьих, сочетание творческого, конструктивного применения диалектического метода с развертыванием по всему фронту сокрушительной критики

различных антидиалектических течений в естествознании. В сводных планах «Диалектики природы» все эти моменты наряду с главным ее замыслом представлены в ясно выраженном виде.

Хотелось бы отметить еще одно обстоятельство. Как уже подчеркивалось, сам термин «Диалектика природы» был заимствован из рукописей Ф. Энгельса и из его письма К. Марксу от 23 ноября 1882 г. Однако в соответствующих местах Энгельс употребляет не выражение «Diaiektik der Natur» («Диалектика природы»), а «Naturdiaiektik» («Натурдиалектика») (См. [1, 20, с. 517]). В первом термине подчеркивается лишь одна объективная диалектика, присущая самой природе. Напротив, в более широком термине «Натурдиалектика», который противопоставляется Энгельсом старому термину «Натурфилософия», подчеркивается не только одна объективная диалектика природы, но и ее отражение в субъективной диалектике, в диалектике естествознания. (Замечу в скобках, что выражение «Диалектика естествознания» нередко встречается у Энгельса наряду с «Натурдиалектика». См., например [1, 20, с. 563]). Легко видеть, что оба термина «Диалектика природы» и «Диалектика естествознания» каждый в отдельности неполно выражают основное содержание замысла Энгельса. Между тем, слово «Натурдиалектика», не совпадающее по смыслу ни с одним из двух других терминов, наиболее адекватно выражает замысел Энгельса, состоявший в том, чтобы показать субъективную диалектику (диалектику естествознания) как отражение объективной диалектики (диалектики природы). Именно эта центральная идея красной нитью проходит через весь труд Энгельса. Она выражается в формуле, уже упоминавшейся мною: «Так называемая *объективная* диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей...» [1, 20, с. 526].

Однако выше я придерживался общепринятой терминологии, вытекающей из смысловой неточности перевода с немецкого языка слова «Naturdialektik», употребляемого Энгельсом. В соответствии с более правильным, как я теперь вижу, его переводом мне следовало бы подготовленное мною хрестоматийное издание «Фридрих Энгельс о диалектике естествознания» назвать более точно:

«Фридрих Энгельс о натурдиалектике». Это было бы адекватно замыслу самого Энгельса и точному смыслу введенного им термина «Натурдиалектика».

III ЛЕНИН. Замысел труда о диалектическом методе. Задуманное, подготовленное и воплощенное в жизнь в иной форме

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕЛА ГЕГЕЛЯ И МАРКСА

ДОЛЖНО СОСТОЯТЬ

В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКЕ

ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ,

НАУКИ И ТЕХНИКИ.

В. И. Ленин, 1914

ТАКОВ ЖЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ МЕТОД ИЗЛОЖЕНИЯ

(RESPECTIVE ИЗУЧЕНИЯ)

ДИАЛЕКТИКИ ВООБЩЕ (ИБО ДИАЛЕКТИКА

БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА У МАРКСА

ЕСТЬ ЛИШЬ ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ДИАЛЕКТИКИ).

В. И. Ленин, 1915

Очерк 8 Как вызревал ленинский замысел (1894-1913)

Прежде чем у В. И. Ленина созрел замысел создать труд по материалистической диалектике, он в течение долгих лет своей теоретической и практической деятельности убеждался в необходимости разработки диалектики в направлении, отвечающем уровню современного развития общества и задачам революционной борьбы пролетариата в новых исторических условиях. Необходимость эта проявлялась особенно в обстановке создания марксистской партии в России на рубеже XIX и XX вв. и назревания революционной ситуации в России в начале XX в., а затем в обстановке революции 1905 — 1907 гг. и последующего исторического периода. Не претендуя на исчерпывающую характеристику взглядов Ленина на материалистическую диалектику в течение всех этих лет и оценку им ее роли в идейно-теоретической работе марксистской партии, рассмотрим лишь некоторые ленинские высказывания этих лет, относящиеся к данной проблеме. При этом у Ленина все яснее выступал ответ на вопрос, что именно надо излагать и разрабатывать, когда речь заходит о изложении и

разработке диалектики. Ответ же на вопрос, как это надо делать, составит предмет следующего нашего очерка, ибо в этом ответе и заключена суть замысла Ленина.

Теперь же оговоримся, что условно мысли о диалектике, высказанные в работах Ленина, предшествующих рождению ленинского замысла, мы связываем со следующими историческими этапами: 1) борьба Ленина за марксизм, за создание марксистской партии (1893 — 1904); 2) первая русская революция и ее канун (1905 — 1907); 3) годы реакции, их начало (1908-1909); 4) годы реакции (их конец) и начало подъема революционного движения (1910-1913).

Борьба за марксизм и его развитие, за создание марксистской партии в России. (Вопросы диалектики в ленинских работах 1893 — 1904 гг.)

В конце 80-х и начале 90-х годов XIX в. В. И. Ленин штудировал произведения Маркса и Энгельса, в том числе «Капитал», «Анти-Дюринг», «Нищета философии» и др. В 1893 г., опираясь на «Капитал» Маркса, Ленин выступает с работой «По поводу так называемого вопроса о рынках». Здесь он отвечает утвердительно на вопрос: «*Может ли у нас в России развиваться и вполне развиться капитализм, когда масса народа бедна и беднеет все больше?*» [3, 1, с. 71]. Ленин отмечает, что соображение народников о мнимом отсутствии рынка является одним из главнейших доводов против применимости теории Маркса к России. В. И. Ленин полностью опроверг этот довод народников. При этом он показал не только блестящее и глубокое знание «Капитала» (в частности, его I и II томов), но и замечательное умение творчески применять метод Маркса к решению новых вопросов теоретического и практического характера, встающих перед марксизмом в конкретных условиях исторического развития России.

В названной работе Ленин, прослеживая диалектику развития капитализма в России, показывает, например, [3, 1, с. 10] действие того «противоречия в капиталистическом способе производства», о котором Маркс говорит в следующих словах: «Рабочие, как покупатели товара, важны для рынка. Но капиталистическое общество имеет тенденцию ограничивать рабочих минимумом цены как продавцов своего товара — рабочей силы». [1, 24, с. 356, примеч.32].

Ленин с позиций марксовской диалектики подходит к анализу запутанного народниками вопроса о рынках. Он формулирует главную задачу, стоящую перед любой наукой, — *объяснить* изучаемое явление. Именно эту задачу народники не только не ставят и не решают, но они, как показывает Ленин, даже не понимают ее. Имея в виду российских народников всяческих оттенков, Ленин пишет: «И по сию пору... не помышляя никогда о том,

чтобы *объяснить*, каким образом возник наш капитализм и каким образом он функционирует, они ограничиваются сопоставлением „больного места" наших порядков, капитализма, с „здоровым" — непосредственными производителями, „народом"; первое ставится ошую²⁴, второе — одесную²⁵, и все глубокомысле завершается сентиментальными фразами о том, что „вредно" и что „полезно"» [3, 1, с. 86].

Следовательно, здесь у Ленина речь идет об отыскании истинных причин наблюдаемого экономического явления с целью его научного объяснения в противоположность теоретической беспомощности народников. Для решения подобных вопросов нужен строго научный, т. е. диалектический, метод, каким всегда пользовался Маркс в своих экономических исследованиях.

Мысль о необходимости применения диалектического метода присутствует здесь еще в неявной форме. Совершенно определенную форму она обрела в следующей работе Ленина.

Развертывая борьбу против идеологии народников, Ленин в 1894 г. создает труд «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?». В нем наряду с многими другими темами широко ставятся и решаются вопросы, касающиеся марксистской диалектики. Идеолог народничества Михайловский, как показывает Ленин, обвиняет материалистов в том, что они, дескать, опираются на «непререкаемость» диалектического процесса, т. е., что они будто основывают свои социологические теории на триадах Гегеля. По этому поводу Ленин пишет, что тут выдвинуто «то шаблонное обвинение марксизма в гегелевской диалектике, которое уже, казалось, достаточно истрепано буржуазными критиками Маркса. Не будучи в состоянии возразить что-нибудь по существу против доктрины, эти господа уцеплялись за способ выражения Маркса, нападали на происхождение теории, думая тем подорвать его сущность» [3, I, с. 163].

Здесь мы видим, как уже в самых ранних произведениях Ленина, где горячо защищалось и развивалось марксистское учение, со всей остротой вставал вопрос об отношении марксистской диалектики к гегелевской.

Ленин указывает далее, что, возражая Дюрингу, нападавшему на Диалектику Маркса, Энгельс разъяснял» что Маркс никогда и не помышлял о том, чтобы «доказывать» вообще что бы то ни было гегелевскими триадами, Маркс только изучал действительный процесс и единственным критерием теории

²⁴ Осуждается. — Б. К.

²⁵ Превозносится. — Б. К.

признавал соответствие ее с действительностью. Если же при этом иногда оказывалось, что развитие какого-либо общественного явления подпадало под гегелевскую схему (положение-отрицание — отрицание отрицания), то тут ничего нет удивительного, потому что в природе это вообще не редкость.

Ленин подчеркивает далее, что «центр тяжести аргументации Энгельса лежит в том, что задача материалистов — правильно и точно изобразить действительный исторический процесс, что настаивание на диалектике, подбор примеров, доказывающих верность триады, — не что иное, как остатки того гегельянства, из которого вырос научный социализм, остатки его способа выражения. В самом деле, раз заявлено категорически, что „доказывать“ триадами что-нибудь — нелепо, что об этом никто и не помышлял, — какое значение могут иметь примеры „диалектических“ процессов? Не ясно ли, что это — указание на происхождение доктрины и ничего больше» [3, 1, с. 164].

Здесь мы видим раннюю формулировку мысли Ленина о том, что нельзя сводить диалектику к сумме примеров, подменять ее как метод научного познания мира и его практического преобразования детски-школярским занятием подбора иллюстраций (примеров) к тем или иным ее положениям.

В дальнейшем Ленин снова подчеркивает, что у Маркса и Энгельса «не может быть и речи о том, чтобы *доказывать* что-нибудь триадами, или о том, чтобы подсовывать в изображение действительного процесса „условные члены“ этих триад, так что совершенно ясна „нелепость обвинения марксизма в гегелевской диалектике“» [3, 1, с. 175, примеч.]. В свою очередь, как показывает Ленин, в корне нелепо и другое высказывание Михайловского, предложившего снять с «Капитала» тяжелую, неуклюжую и ненужную крышку гегельянской диалектики [3, 1, с. 182].

С таких же общеметодологических, научно-диалектических позиций Ленин отводит ложное обвинение, выдвинутое народниками против Маркса и марксистов, в том, что, дескать, «марксисты исповедуют непреложность абстрактной исторической схемы!» [3, 1, с. 195].

Ленин категорически отвергает это неумное и совершенно голословное обвинение, противоречащее всему, что говорил Маркс и что вслед за ним говорили его последователи. «Да ведь это же сплошная ложь и выдумка! — пишет Ленин. — Ни один из марксистов нигде и никогда не аргументировал таким образом, что в России „должен быть“ капитализм, „потому что“ он был на Западе и т. д. Ни один из марксистов никогда не видел в теории Маркса какой-нибудь общеобязательной философско-исторической схемы, чего-нибудь большего, чем объяснение такой-то общественно-экономической формации... Никогда ни один марксист не основывал своих социал-

демократических воззрений на чем-нибудь ином, как на соответствии ее с действительностью и историей данных, т. е. русских, общественно-экономических отношений...» [3, 1, с. 195].

Здесь мы видим, как Ленин подводит читателя к выводу о необходимости оперировать научным, материалистически-диалектическим, но не метафизическим, антинаучным методом.

Опираясь на диалектику, Ленин разъясняет и защищает взгляд Маркса «на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс» [3, 1, с. 133], следовательно, как на строго закономерный процесс движения общества. В связи с этим он цитирует известное положение Маркса из Предисловия «К критике политической экономии» [3, 1, с. 134-135].

Отвергаемое Михайловским сопоставление Маркса с Дарвином Ленин обосновывает и защищает. Он пишет: «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, „богом созданные" и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними, — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механической агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» [3, 1, с. 139].

Как доказал Ленин, следуя за Марксом, такое понимание истории представляет не «по преимуществу» ее научное понимание, как думал Михайловский, «а единственное научное понимание ее» [3, 1, с. 140].

Говоря о Михайловском, Ленин пишет: «Философ этот чисто метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений. Он вырывает одно из таких явлений — принадлежность земли земледельцу в средневековых формах — и думает, что его можно точно так же пересадить во всякие другие формы, как кирпич переложить из одного здания в другое» [3, 1, с. 191].

Этим Ленин наносит сокрушительный удар по метафизическому (механистическому) взгляду на общество.

Развивая свою критику философской концепции народничества, Ленин обосновывает самую суть научного, т. е. материалистически-диалектического, подхода к изучаемому предмету, исходный пункт всего научного познания. При этом он подчеркивает, что критике подлежат самые методологические принципы народников. На упрек Михайловского в адрес Маркса в том, что он, Маркс, не «пересмотрел (sic) всех известных теорий исторического процесса», Ленин отвечает, что эти теории на 9/10 состояли в априорных, догматических, абстрактных построениях того, что такое общество, что такое прогресс? и т. п. «Да ведь такие теории негодны уже тем, — пишет Ленин, — что они существуют, негодны по своим основным приемам, по своей сплошной и беспросветной метафизичности. Ведь начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс? — значит начинать с конца» [3, 1, с. 141].

Ленин далее спрашивает: «Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений?» [3, 1, с. 141].

Ленин считает это самым наглядным признаком метафизики (позднее он скажет: натурфилософии), с которой начинала всякая наука: пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли заранее (априори) общие теории, всегда остававшиеся бесплодными. Метафизик-химик, не умея еще исследовать с фактической стороны химические явления, рассматривал вопрос, что это за сила — химическое сродство? Метафизик-биолог выяснял, что такое жизнь и жизненная сила? Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже прием (т. е. метод исследования): «Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы» [3, 1, с. 142].

Далее Ленин разъясняет, что гигантский шаг вперед, сделанный Марксом, в том и состоял, что Маркс отбросил все рассуждения об обществе и прогрессе вообще и дал *научный* анализ *одного* общества и *одного* прогресса — капиталистического. Михайловский же обвиняет Маркса за то, что Маркс начал с начала, а не с конца, с анализа фактов, а не с конечных выводов, с изучения частных, исторически определенных общественных отношений, а не с общих теорий о том, в чем состоят эти общественные отношения вообще!

В своей работе Ленин подробно останавливается на показе и разъяснении того, в чем состоит диалектический метод; он иногда называет его материалистическим, поскольку исходит из признания необходимости соответствия теории самой действительности (объекту). Вопрос состоит в выяснении того, что представляет собой «диалектический метод» в общественной науке, «диалектическое мышление» — опять-таки в сфере общественных вопросов. Ленин характеризует этот метод, ссылаясь на труды Маркса и Энгельса и воспроизведя целиком его описание, содержащееся в Послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» [3, 1, с. 165 — 168].

Ленин особо выделяет слова Маркса о том, что «его метод — „прямо противоположен" методу Гегеля. По Гегелю, развитие идеи, по диалектическим законам триады, определяет собой развитие действительности... По-моему — наоборот — говорит Маркс: „идеальное есть только отражение материального"» [3, 1, с. 168].

Так, Ленин характеризует и защищает «один из «устоев» научного материализма, т. е. диалектику...» [3, 1, с. 168]. Ленин раскрывает связь и сосуществование отдельных звеньев процесса развития, рассматриваемого диалектически: «...если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего...» [3, 1, с. 181].

Доктрина Маркса, пишет Ленин, «опирается, во-первых, на материалистическое понимание истории и, во-вторых, на диалектический метод» [3, 1, с. 184]. Диалектический метод характеризуется им как второй устой марксизма [3, 1, с. 186]. И Ленин ставит задачу перед русскими марксистами — творчески применить учение Маркса к российской действительности. Как же это осуществить? Ленин отвечает: «...теория Маркса состоит в исследовании и объяснении эволюции хозяйственных порядков известных стран, и „приложение" ее к России может состоять только в том, чтобы, **ПОЛЬЗУЯСЬ** выработанными приемами **МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО**²⁶ метода и **ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ** политической экономии, **ИССЛЕДОВАТЬ** русские производственные отношения и их эволюцию» [3, 1, с. 274 — 275].

Мысли, высказанные Лениным в его работе «Что такое „друзья народа"...», касающиеся диалектического метода и задачи его применения к анализу российской действительности, получили свое развитие в дальнейших его трудах. Такова работа Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе)», написанная по поводу книги П. Струве «Критические заметки

²⁶ Здесь в смысле диалектике материалистического. — Б. К.

к вопросу об экономическом развитии России» (СПб., 1894). Эта ленинская работа (конец 1894 — начало 1895 г.) направлена против «легального марксизма», представители которого пытались приспособить учение Маркса к идеологии буржуазии. Именно в этой своей статье Ленин сформулировал принцип партийности материалистической философии в противоположность «объективизму», на почве которого стояли «легальные марксисты». Ленин пишет: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения... Таким образом, материалист» с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [3, 1, с. 418 — 419].

Анализируя содержание аргументов Струве, выдвигаемых им против идеологии народничества, Ленин показывает, что в сущности Струве повторяет ошибку народников, уходя от выяснения сущности конкретного прогресса в область туманных и голословных догм. При этом он вводит такие неопределенные термины, которые можно натягивать на противоположные вещи [3, 1, с. 432].

Принцип партийности материализма Ленин развивает и позднее. В работе «От какого наследства мы отказываемся?» (1897), возражая Михайловскому, Ленин говорит: «Если известное учение требует от каждого общественного деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве этой действительности отношений между различными классами, то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это „не полагается?“ Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек *не может не становиться на сторону* того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д. и т. д.» [3, 2, с. 547 — 548].

В статье-некрологе «Фридрих Энгельс» (1895) Ленин отмечает, что в юности Энгельс сделался последователем Гегеля. Хотя сам Гегель был поклонником прусского самодержавия, «учение Гегеля было революционным» [3, 2, с. 7].

Это проистекало от веры Гегеля в человеческий разум и его права, от признания, что в мире происходит постоянный процесс изменения и развития. Охарактеризовав вкратце гегелевскую философию, Ленин пишет: «Маркс и Энгельс, удержав мысль Гегеля о вечном процессе развития²⁷, отбросили предвзятое идеалистическое воззрение» [3, 2, с. 7].

Далее Ленин характеризует диалектико-материалистические взгляды Маркса и Энгельса. По поводу «Анти-Дюринга» он говорит, что «здесь разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук» [3, 2, с. II].

Рассказывая о том, как Энгельс после смерти Маркса принялся за тяжелый труд обработки и издания II и III томов «Капитала», Ленин пишет: «Работы над этими двумя томами потребовалось очень много... Адлер верно заметил, что изданием II-го и III-го томов „Капитала“ Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Действительно, эти два тома „Капитала“ — труд двоих:

Маркса и Энгельса» [3, 2, с. 12]. Но Ленин не знал, что ради этого труда Энгельс даже прервал работу над своей собственной книгой («Диалектикой природы»), которую он так и не смог по этой причине закончить.

Диалектический метод «в действии», т. е. в его применении к конкретному экономическому исследованию (о чем говорилось выше), широко представлен в ленинском труде «Развитие капитализма в России» (1896-1899). В предисловиях к 1-му (1899) и 2-му (1908) изданиям этого труда содержатся важные аспекты диалектического метода. Говоря о необходимости возразить представителям народнических воззрений, Ленин пишет, что ему казалось недостаточным «привести факты, говорящие об образовании и росте внутреннего рынка, ибо могло бы являться возражение, что такие факты выбраны произвольно и опущены факты, говорящие против. Нам казалось необходимым рассмотреть и попытаться изобразить весь процесс развития капитализма в России в его целом» [3, 3, с. 5]. Но для этого «безусловно необходимо показать связь и взаимозависимость отдельных сторон того процесса, который происходит во всех областях общественного хозяйства» [3,3, с. 6].

Здесь мы видим формулировку одного из важнейших принципов диалектического метода, который получил у Ленина философское

²⁷ «Маркс и Энгельс не раз указывали, что они в своем умственном развитии многим обязаны великим немецким философам, и в частности Гегелю. «Без немецкой философии, — говорит Энгельс, — не было бы и научного социализма» [3, 2, с. 7, Примеч.]

обоснование позднее, особенно в «Философских тетрадах» и статье «Социология и статистика» (1917).

В Предисловии ко второму изданию работы «Развитие капитализма в России» говорится о важности умения применять общее марксистское положение ко всем экономическим и политическим вопросам русской революции: «Его надо уметь применять. Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, — т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом» [3, 3, с. 14].

Раскрывая глубоко противоречивый характер антагонизмов, присущих экономике России того времени, Ленин показывает, что эти противоречия в силу их антагонистической природы могут быть разрешены по формуле либо — либо. Отсюда «на данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода: Либо старое помещичье хозяйство... сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, „юнкерское" хозяйство... Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические. Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего... Иными словами... разрушение помещичьего землевладения и всех главных устоев соответствующей старой „надстройки"; преобладающая роль пролетариата и крестьянской массы при нейтрализации неустойчивой или контрреволюционной буржуазии; ... — отсюда создание наиболее благоприятных условий для дальнейшего осуществления рабочим классом его настоящей и коренной задачи социалистического переустройства. Возможны, конечно, — добавляет Ленин, — бесконечно разнообразные сочетания элементов того или иного типа капиталистической эволюции, и только безнадежные педанты могли бы решать возникающие при этом своеобразные и сложные вопросы посредством одних только цитаток из того или иного отзыва Маркса про другую историческую эпоху» [3,3, с. 14 — 16].

Раскрывая и прослеживая диалектику реального исторического процесса — развития капитализма в России, Ленин подробно останавливается на том, каким образом так называемые средние числа маскируют собой качественные изменения в русском крестьянстве, его классовую дифференциацию. Приведя соответствующие данные, Ленин пишет: «Достаточно взглянуть на эту табличку, чтобы понять полную фиктивность

тех „средних" цифр, с которыми так любят оперировать у нас, говоря о „крестьянстве"» [3, 3, с. 65]. Ниже Ленин ставит вопрос по аналогичному поводу: «Спрашивается, какое значение могут иметь тут «средние» цифры? Неужели тот факт, что арендаторов „много" — 56%, — уничтожает концентрацию аренды богачами? Не смешно ли брать „средний" размер аренды...» [3, 3, с. 73].

Критикуя прием «средних» чисел, Ленин, разъясняет: «Пользуясь группировкой по наделу, мы складываем вместе бедняка, который сдает землю, и богача, который арендует или покупает землю... Мы складываем, другими словами, сельского пролетария с представителями сельской буржуазии. Получаемые от такого сложения „средние" *затушевывают разложение* и являются потому чисто фиктивными» [3, 3, с. 94]. Напротив, «экономическая статистика необходимо должна положить в основание группировки *размеры и типы хозяйства*... Вопрос о приемах сводки подворных записей о крестьянском хозяйстве вовсе не такой узко специальный и второстепенный вопрос, как можно бы думать с первого взгляда. Напротив... в настоящее время это — основной вопрос земской статистики... вследствие неудовлетворительной сводки масса драгоценнейших сведений прямо-таки теряется, и исследователь получает в свое распоряжение только „средние" цифры... А эти „средние"... зачастую совершенно фиктивны» [3, 3, с. 96].

Кроме «средних» чисел выдвигались еще и «средние» понятия, маскировавшие истинное положение вещей. Таково, как показывает Ленин, понятие «промысел» (или «заработки»). «В самом деле, к „промыслам" относят *все и всяческие* занятия крестьян вне надела; и фабриканты и рабочие, и владельцы мельниц, бахчей и поденщики, батраки... и т. д. — все это „промышленники"! Это дикое словоупотребление есть переживание того традиционного... воззрения, по которому „надел" есть „настоящее", „естественное" занятие мужика, а все остальные занятия относятся безразлично к „сторонним" промыслам... Подобная терминология... замечательно гармонирует с фикцией о „среднем"²⁸ крестьянстве и *прямо исключает возможность* изучать разложение крестьянства...» [3, 3, с. 85-86].

Здесь мы видим, как замечательно «работает» у Ленина марксистская диалектика, позволяющая ему за игрой в цифры, за чисто количественными «усредненными» данными обнажать замаскированные коренные, качественные сдвиги в жизни русской деревни и тем самым раскрывать действительную классовую динамику действительного процесса развития (разложения), совершающегося в русском крестьянстве. Вполне понятно, что

²⁸ Образуем посредством «усредненных» цифр. — Б. К.

если диалектический метод оказывался в руках Ленина столь действенным и результативным при анализе огромного множества статистических данных самого различного характера, то уже одно это могло привести в дальнейшем к мысли о необходимости изложить этот метод в логически последовательной и систематической форме в виде отдельного сочинения.

Необходимость диалектического мышления отмечается Лениным на каждом шагу проводимого им исследования. Например: «Замечают противоречие в одной форме, в одной местности и не понимают, что оно свойственно всему общественно-хозяйственному строю, проявляясь повсюду в различных формах. Замечают противоречивое значение одного „выгодного промысла“ — и усиленно советуют „насаждать“ среди крестьян всяческие другие „местные промыслы“. Замечают противоречивое значение одного из сельскохозяйственных прогрессов — и не понимают, что машины, например, имеют и в земледелии совершенно то же политико-экономическое значение, как и в промышленности» [3, 3, с. 278].

Диалектически мыслить нужно было и при анализе той отрасли народного хозяйства, которая именовалась «кустарной промышленностью». Ленин показывает, что «это — абсолютно непригодное для научного исследования понятие, под которое подводят обыкновенно все и всяческие формы промышленности, начиная от домашних промыслов и ремесла и кончая наемной работой в очень крупных мануфактурах. Это смешение самых разнородных типов экономической организации... было перенято без всякой критики и без всякого смысла экономистами-народниками... „Кустарная промышленность“ рассматривалась как нечто экономически однородное, само себе равное, и *противопологалась* (sic!) „капитализму“, под которым... разумели „фабрично-заводскую“ промышленность» [3, 3, с. 451].

Мы не можем далее столь же подробно проследить применение Лениным диалектики к приводимому им конкретному экономическому материалу. Отметим только вкратце несколько интересных с этой точки зрения мест в его книге.

Делая выводы из главы II («Разложение крестьянства»), Ленин отмечает: «Нет ни одного экономического явления в крестьянстве, которое не имело бы этой, специфически свойственной капиталистическому строю, противоречивой формы, т. е. которое не выражало бы борьбы и розни интересов, не означало плюс для одних и минус для других» [3, 3, с. 164]. Здесь у Ленина «работает» самый стержень диалектики — учение о противоречии.

Далее в этих же выводах (опираясь на III том «Капитала») Ленин прослеживает эволюцию земельной ренты, начиная от ее первоначальной

формы (*отработочная рента*}; затем появляется *рента продуктами* (продуктовая, или натуральная, рента) и, наконец, *денежная рента*, которая является простым изменением предыдущей формы ренты: непосредственный производитель отдает землевладельцу не продукты, а их цену. «...Еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения. Но развиться эти зачатки могут только при следующей форме ренты, при *денежной ренте*» [3, 3, с. 167].

Об этой диалектической способности судить (заглядывать вперед) на основании зачатков о будущем развитии анализируемого явления Ленин сказал в другом месте так: «Перед тем, кто хочет изобразить какое-либо живое явление в его развитии, неизбежно и необходимо становится дилемма: либо забежать вперед, либо отстать. Середины тут нет. И если все данные показывают, что характер общественной эволюции именно таков, что эта эволюция зашла уже очень далеко (см. II главу) ... — тогда в подобном забегании вперед нет никакой ошибки» [3, 3, с. 322].

В заключение укажем на отмеченные Лениным ступени развития капитализма — мануфактуру и промышленный капитализм. Главу VII («Развитие крупной машинной индустрии») Ленин начинает с анализа того, что представляет собой «научное понятие фабрики» и каково «значение фабрично-заводской статистики». Он критикует ходячее понятие «фабрика», под которым обычно имеется в виду «всякое более или менее крупное промышленное заведение с более или менее значительным числом наемных рабочих. Теория же Маркса называет крупной машинной (фабричной) индустрией лишь определенную, именно высшую, ступень капитализма в промышленности. Основной и наиболее существенный признак этой стадии состоит в употреблении для производства системы машин. Переход от мануфактуры к фабрике знаменует полный технический переворот, ...а за этим... неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства, окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц...» [3, 3, с. 455].

Эти общие положения Маркса Ленин конкретизирует, применяя их к российской действительности. Капитализм в России берется Лениным в его живом движении, развитии, т. е. диалектически. С этих позиций дается анализ употребляемых терминов и понятий. Смешивать мануфактуру и фабрику, пишет, например, Ленин, — значит брать в основу классификации чисто внешние признаки и просматривать те существенные особенности техники, экономики и бытовой обстановки, которые отличают мануфактурный и машинный период капитализма [3, 3, с. 455]. К этому

вопросу Ленин возвращается в статье «К вопросу о нашей фабрико-заводской статистике» [3, 4, с. 1 — 34].

В целом труд «Развитие капитализма в России» наглядно и убедительно показывает, что к этому времени Ленин блестяще овладел марксистским диалектическим методом и с громадным успехом сумел применить его творчески, конкретно к анализу современной российской экономики, ее структуры и динамики.

На книгу Ленина появилась «сердитая» рецензия П. Скворцова под названием «Товарный фетишизм», и Ленин ответил на нее статьей «Некритическая критика» (1900). В частности, одно из «обвинений» рецензента состояло в том, что Ленин излагает Маркса «своими словами». Ленин высмеял подобную «критику», показав, что она исходит из нелепого допущения, будто «„настоящий" марксизм состоит в том, чтобы выучить „Капитал" наизусть и цитировать его кстати и некстати...» [3, 3, с. 617].

С этим связано и другое замечание из той же ленинской антикритики. Оно направлено против сторонников эклектизма, выступающих *за* так называемую «новую критическую струю» *против* тех, кто стоит за так называемую «ортодоксию», т. е. *против* подлинных марксистов. Разногласие между ними Ленин видит в том, что «те и другие в *разных направлениях* хотят претворять и развивать марксизм: одни хотят оставаться последовательными марксистами, развивая основные положения марксизма сообразно с изменяющимися условиями и с местными особенностями разных стран и *разрабатывая* *далее теорию диалектического материализма*²⁹ и политико-экономического учения Маркса; другие отвергают некоторые более или менее существенные стороны учения Маркса, становятся, напр., в философии не на сторону диалектического материализма, а на сторону неокантианства...» [3, 3, с. 634 — 635].

Первые правильно обвиняют вторых в эклектизме и отвергают не критику вообще, а «критику» эклектиков, ибо первые «являются представителями последовательного и целостного, а не эклектического развития марксизма... Представители эклектического направления группировались в последнее время вокруг Эд. Берштейна» [3, 3, с. 635].

В примечании Ленин говорит, что вопрос о современном эклектическом направлении в философии и политической экономии в русской литературе требует критического разбора, но что его представители пока что не раскрыли подробно своих взглядов. Пусть новое «критическое направление»

²⁹ В подчеркнутых нами словах Ленина ясно выступает мысль о необходимости дальнейшей разработки теории диалектического материализма, значит, и теории диалектики как научного метода. - Б. К.

вырисуеться с полной определенностью, не ограничиваясь одними намеками. Чем скорее это произойдет, тем лучше, ибо тем меньше будет путаницы и тем яснее будет публика сознавать различие между марксизмом и новым «направлением» буржуазной критики Маркса.

В статье «Еще раз к вопросу о теории реализации» (1899) Ленин резко критикует тех «учеников» Маркса, которые призывают «назад к Канту». «Наоборот, — пишет Ленин, — те ученики, которые пошли назад не к Канту, а к философскому материализму до Маркса, с одной стороны, и к *диалектическому идеализму*³⁰, с другой стороны, дали замечательно стройное и ценное изложение диалектического материализма, показали, что он представляет из себя законный и неизбежный продукт всего новейшего развития философии и общественной науки» [3, 4, с. 75].

В той же статье Ленин касается вопроса о противоречиях в развитии капитализма и дает количественную характеристику его развития «вглубь» (т. е. совершающегося интенсивно) и «вширь» (т. е. экстенсивно). А в статье «Уроки кризиса» (1901) Ленин вводит еще одну характеристику: «Капиталистическое производство не может развиваться иначе, как скачками, два шага вперед и шаг (а иногда и целых два) назад» [3, 5, с. 82].

Замечательная ленинская работа «Что делать?» (1901 — 1902) ярко показывает применение Лениным марксистского диалектического метода к задачам организации в России марксистской партии рабочего класса. В качестве образца приведем одно место из III раздела «Тред-юнионистская и социал-демократическая политика» (подраздел «Рабочий класс как борец за демократию»). Так называемые экономисты отрицали роль и значение политической борьбы для рабочего класса, предлагая ограничиться лишь рамками чисто экономической борьбы. Перед марксистами же стояла такая задача. «Необходимо развивать политическое сознание рабочего класса. Спрашивается, — писал Ленин, — *как это сделать и что надо для того, чтобы это сделать? Экономическая борьба „наталкивает“ рабочих только на вопросы об отношении правительства к рабочему классу и поэтому, сколько бы мы ни трудились над задачей «придать самой экономической борьбе политический характер», мы никогда не сможем развить политическое сознание рабочих... в рамках этой задачи, ибо самые эти рамки узки*» [3, 6, 78 — 79].

³⁰ В подчеркнутых нами словах Ленина выражена мысль, что для того, чтобы двигать вперед диалектический материализм, необходимо обращаться к его философским источникам, в том числе к идеалистической диалектике Гегеля, иначе говоря, идти назад (в смысле: обращаться к историческому прошлому) от Маркса к его прямым предшественникам и показывать, как его учение выросло из их учений.

Основную ошибку всех «экономистов» Ленин видит в том, что они убеждены, что можно развить классовое политическое сознание рабочих *изнутри*, так сказать, из экономической борьбы, базируясь только (или главным образом) на ней. «Классовое политическое сознание, — утверждает Ленин, — может быть принесено рабочему *только извне*, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношения *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами. Поэтому... чтобы принести *рабочим* политическое знание, социал-демократы должны *идти во все классы населения*, должны рассылать *во все стороны* отряды своей армии» [3, 6, с. 79].

Как выпукло выступает здесь мастерское умение Ленина конкретизировать общий вопрос о *развитии* (а этот вопрос составляет как раз предмет диалектики) и об условиях его осуществления в желаемую сторону применительно к важнейшей задаче, стоявшей тогда перед русскими марксистами, перед революционным рабочим движением в России!

В работе «Что делать?» таких образцов творческого применения диалектики можно отыскать немало. Укажем здесь только на образные ленинские сравнения, например, «*основной нити*», держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять революционную организацию рабочего класса, с нитью отвеса при кладке каменщиками строительных кирпичей [3, 6, с. 163-164]; роли газеты как коллективного организатора «с *лесами*, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обзрывать общие результаты, достигнутые организованным трудом» [3, 6, с. 165].

Сюда же можно отнести проникновенные слова Ленина о роли и значении мечтаний «в нашем движении», связанных с действительностью [3, 6, с. 172 — 174]. В связи с этим Ленин приводит отрывок из высказываний Писарева.

«„Идти во все классы населения“, — поясняет Ленин, — мы должны и в качестве теоретиков, и в качестве пропагандистов, и в качестве агитаторов, и в качестве организаторов... теоретическая работа социал-демократов должна направляться на изучение всех особенностей социального и политического положения отдельных классов...» [3, 6, с. 82]. Для выполнения такой работы необходимо умение конкретизировать общие положения марксистского диалектического метода применительно к соответствующим задачам теоретического, пропагандистского, агитационного и организационного характера. А это вновь и вновь выдвигало задачу систематического

изложения названного метода с тем, чтобы помочь марксистам в овладении им.

В работе «Аграрная программа русской социал-демократии» (1902) имеется место, весьма интересное в методологическом отношении. Ленин пишет: «Когда решается какой-нибудь сложный и запутанный общественно-экономический вопрос, то азбучное правило требует, чтобы сначала был взят самый типичный, наиболее свободный от всяких посторонних, усложняющих влияний и обстоятельств, случай и уже затем от его решения чтобы восходили далее, принимая одно за другим во внимание эти посторонние и усложняющие обстоятельства» [3, 6, с. 328]. И далее на примере эксплуатации детьми барина детей бывших крепостных Ленин показывает, как может быть осуществлено такое восхождение. Легко видеть, что здесь перед нами такое развитие мысли исследователя, которое представляет собой по сути частный случай восхождения от *A* к *K*.

Вопросы диалектики нашли яркое отражение в ленинской работе «Шаг вперед, два шага назад» (1904) Здесь Ленин неоднократно рассматривает образцы правильного оперирования диалектикой и примеры неправильного оперирования ею Плехановым. Речь идет прежде всего о ее конкретном применении к новым ситуациям и попытках подменить такое применение использованием шаблонов. Так, Ленин критикует тех горе-марксистов, которые «идут в поход во имя вульгарного марксизма» и мешают «вопросу, сколько-нибудь выходящему из рамок обычного и установленного уже шаблона, сколько-нибудь требующему самостоятельного приложения теории Маркса к своеобразным и новым... социально-экономическим отношениям...» [3, 8, с. 221]

Плеханов сетовал на то, что его не поняли вследствие новизны его мыслей и незнакомства с диалектикой В действительности же он «нарушил основное положение столь неудачно помянутой им диалектики: отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна. Именно поэтому и неуместно было облекать в отвлеченную форму весьма конкретную мысль об уступке мартовцам...» [3, 8, с. 357], т. е. правой группировке. Плеханов готов был толковать диалектически, но поступил «в насмешку над диалектикой, которая требует конкретного и всестороннего рассмотрения» [3, 8, с. 360], чего у Плеханова не было «вследствие абстрактности его рассуждений и неясности его намеков...» [3, 8, с. 362].

В одном из приложений к книге Ленин с тех же позиций критикует Розу Люксембург. «Она повторяет лишь голые фразы, не давая себе труда уяснить их конкретный смысл. Она запугивает различными ужасами, не изучив действительной основы спора. Она приписывает мне, — возражает Ленин, —

общие места, общеизвестные принципы и соображения, абсолютные истины и старается умалчивать об истинах относительных, которые основываются на строго определенных фактах и которыми я только и оперирую. И она еще жалуется на шаблон и взывает при этом к диалектике Маркса. А как раз статья уважаемого товарища содержит исключительно выдуманные шаблоны, и как раз ее статья противоречит азбуке диалектики... что никакой отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна» [3, 9, с. 47].

Свою книгу Ленин завершает известным экскурсом в область диалектики. В разделе «Нечто о диалектике. Два переворота» он характеризует «развитие нашего партийного кризиса», которое вызвала «борьба революционного и оппортунистического крыла нашей партии. Но борьба эта проходила самые различные стадии... Каждая стадия представляет из себя, так сказать, отдельное сражение в одном общем военном походе. Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретной обстановки каждого сражения. Изучив же это, мы ясно увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы (§ 1)³¹ „отрицается“, уступая место все заполняющей дрязге, но затем начинается „отрицание отрицания“ и... мы возвращаемся к исходному пункту чисто идейной борьбы, но уже этот „тезис“ обогащен всеми результатами „антитезиса“ и превратился в высший синтезис, когда изолированная случайная ошибка по § 1 выросла в quasi-систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю» [3, 8, с. 398 — 400].

Ленин тут же предупреждает, что «великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью,

³¹ Имеется в виду § 1 Устава партии. — Б. К.

которая выражается итальянской поговоркой... просунуть хвост, где голова не лезет» [3, 8, с. 400 — 401].

Касаясь итога «диалектического развития нашей партийной борьбы», Ленин говорит, что «правда и то, что мир, вообще говоря, движется революциями. Но конкретное значение каждой конкретной революции этим общим изречением еще не определяется» [3, 8, с. 401]. Поэтому всегда надо знать, какая реальная сила совершила данный переворот.

Итак, в нашем философском анализе трудов Ленина, который мы осуществляем главным образом в хронологическом порядке, мы подошли ко времени первой русской революции 1905 г. Мы стремились, где это было возможно, к тому, чтобы показать, что для партийных кадров в то время назревала острая потребность в творческом овладении диалектикой и противопоставлении ее бездумному цитатничеству и шаблонным приемам. В канун революции 1905 г., когда писалась ленинская книга «Шаг вперед, два шага назад», эта потребность выступила с особой силой. В заключение своей книги Ленин говорит: «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации... Пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса» [3, 8, с. 403 — 404]. В решении этой великой задачи диалектике, как душе марксизма, как руководству к революционному действию, отводилась Лениным решающая роль.

Вопросы диалектики во время первой русской революции. (Ленинские работы 1905 — 1907 гг.)

В начале 1905 г. в России вспыхнула революция. В течение трех последующих революционных лет Ленин все свои силы и весь свой разум направляет на анализ ее событий, на руководство рабочим классом и его боевым передовым отрядом — партией большевиков, на выработку для них основного стратегического плана и тактических приемов в ходе начавшейся революции. Он пишет статьи и книги, выступает с докладами, инструктирует руководящие партийные кадры, рассылает письма. Но мы, как это делали и до сих пор, будем отмечать во всем этом множестве ленинских материалов лишь то, что соответствует нашей теме, касающейся диалектики. Здесь вновь и вновь выступает у Ленина на первый план требование конкретности истины, которое в новых революционных условиях звучит особенно настойчиво. Так, в статье «Социал-демократия и временное революционное правительство» (март — апрель 1905 г.) Ленин критикует утверждение Парвуса, что мы должны «быть революционнее всех». «Это неверно... — пишет Ленин, — если взять это положение в том общем смысле, который

придан ему фразой Парвуса... Если взглянуть на это положение диалектически, т. е. относительно, конкретно, всесторонне, не подражая тем литературным наездникам, которые даже много лет спустя выхватывают из цельного произведения отдельные фразы и извращают их смысл, — тогда ясно будет, что это направлено Парвусом именно против хвостизма и, *постольку*, это справедливо...» [3, 10, с. 17].

В программной статье «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (март — апрель 1905 г.) Ленин обсуждает вопрос об участии социал-демократов во временном революционном правительстве. «Наша программа верна, — пишет Ленин. — Именно ход вещей подтвердит ее непременно, и чем дальше, тем больше. Именно ход вещей „навяжет“ нам безусловную необходимость отчаянной борьбы за республику... Именно ход вещей неизбежно навяжет нам при демократическом перевороте... массу союзников из мелкой буржуазии и крестьянства...» [3, 10, с. 24].

Далее Ленин показывает всю нелепость и неправомерность переносить на условия русской революции то, что было характерно для условий современной" буржуазной республики во Франции. «Объективные условия³² отличаются от французских как небо от земли. Объективно, исторический ход вещей поставил теперь русский пролетариат как раз перед задачей демократического буржуазного переворота (все содержание которого мы обозначаем для краткости словом республика)...

Представьте себе конкретно все различие объективных условий и скажите: что следует думать о людях, которые забывают это различие, увлекаясь сходством некоторых слов, подобием некоторых букв, одинаковостью субъективной мотивировки?» [3, 10, с. 25].

«Аргументация» противников серьезной борьбы за республику в России сводится к ссылке на то, что Жорес во Франции проводил реформистскую линию, прикрывая ее субъективной целью борьбы за республику. Такая ссылка показывает, что ее авторы «выучили на память хорошие резолюции, но не поняли значения их; — зазубрили некоторые антижоресистские словечки, но не продумали их и применяют поэтому совсем некстати; — усвоили себе букву, но не дух последних уроков международной революционной социал-демократии. Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия» [3, 10, с. 24 — 25]. Ленин именно так и поступает. Напротив, один из главных недостатков взгляда его противников «состоит в его мертвенности,

³² В России. — Б. К.

шаблонности, в том, что упускаются из вида условия революционного времени» [3, 10, с. 26].

Так сама история, сам «объективный ход вещей», сама объективная диалектика ставили перед партией большевиков и всем пролетариатом России такие конкретные задачи, решить которые можно было лишь с помощью революционной диалектики.

Далее Ленин пишет, что «нужно поистине школьническое понятие об истории, чтобы представлять себе дело без „скачков" в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазией — уступочки самодержавия, потом за революционной мелкой буржуазией — демократическая республика, наконец за пролетариатом — социалистический переворот... составлять себе по этой картине план собственной деятельности в революционную эпоху, — для этого надо быть виртуозом филистерства. Если русское самодержавие... будет не только поколеблено, а действительно *свергнуто*, тогда, очевидно, потребуется гигантское напряжение революционной энергии всех передовых классов, чтобы отстоять это завоевание. А это „отстоять" и есть не что иное, как революционная диктатура пролетариата и крестьянства!» [3, 10, с. 26-27].

Все это требует «цельного мирозерцания, стоящего на уровне науки...» [3, 10, с. 28].

В ленинской статье «Маркс об американском „Черном переделе"» (апрель 1905 г.) подчеркнута важная мысль, созвучная той революционной эпохе: «Стоя на диалектической точке зрения, т. е. рассматривая движение всесторонне, принимая во внимание и прошлое и будущее, Маркс отмечает революционную сторону нападения на поземельную собственность, Маркс признает мелкобуржуазное движение за своеобразную первоначальную форму пролетарского, коммунистического движения» [3, 10, с. 58-59].

Здесь вопрос идет о крестьянстве как союзнике пролетариата в революции. «Для нас, русских социал-демократов, — пишет Ленин, — постановка вопроса Марксом... должна служить образцом» [3, 10, с. 59].

В статье «О смешении политики с педагогикой» (июнь 1905 г.) Ленин выступает против метода аналогий: «Всякое сравнение хромает, это давно известно. Всякое сравнение уподобляет лишь одну сторону или лишь некоторые стороны сравниваемых предметов или понятий, абстрагируя временно и условно другие стороны... сравним социал-демократическую партию с большой школой, низшей, средней и высшей в одно и то же время» [3, 10, с. 358]. Никогда нельзя забывать о деле преподавания азбуки,

обучения начаткам знания, начаткам самостоятельной мысли. Но нельзя отделяться от вопросов высшего знания ссылками на азбуку, это была бы близорукость невероятная. В таком случае был бы извращен весь смысл большой школы, это «лишь облегчило бы шарлатанам, демагогам и реакционерам сбить с толку прошедших одну только азбуку людей» [3, 10, с. 358].

Так Ленин защищал необходимость «высшего знания» внутри партии как «большой школы», а оно как раз и включает в себя знание диалектики и того, как надо ее применять на практике революционной борьбы.

Интересна с этой точки зрения ленинская брошюра «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (июнь — июль 1905 г.). Своих противников («новоискровцев») Ленин обвиняет в том, что они «могут сносно описывать и объяснять процесс происходящей у них на глазах борьбы, но совершенно не могут дать правильного лозунга в этой борьбе» [3, 11, с. 31]. И Ленин применяет к ним 11-й тезис Маркса о Фейербахе, подчеркивая, что речь тут идет о старом, чуждом идее диалектики материализме. На этот тезис Ленин не раз ссылается и позднее. Так он писал «разделистам», выступавшим против национализации помещичьей земли за ее раздел: «Вы повторяете ошибку старого материализма, о котором Маркс сказал: старые материалисты умели объяснять мир, а нам надо изменять его. Вот точно так же и сторонники раздела *правильно* понимают крестьянские слова о национализации, *правильно объясняют их*, но — в этом вся суть — но не умеют это правильное объяснение сделать *рычагом изменения мира*, орудием дальнейшего движения вперед» [3, 13, с. 28].

Ленин подчеркивает, что нельзя «забывать логическую и историческую разницу между демократическим и социалистическим переворотом. Забывать это значило бы забывать об *общенародном* характере демократического переворота» [3, 11, с. 73].

Интересна ленинская статья «Последнее слово „искровской" тактики или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания» (октябрь 1905 г.). Ленин осудил и высмеял здесь попытку «Искры» защитить путаницу своих лозунгов ссылкой на «диалектику» бессознательного, стихийного процесса. «Жизнь-де не знает резких границ... Пролог и эпилог в диалектическом процессе развития нередко-де переплетаются».

«Это последнее, — пишет Ленин, — совершенно справедливо. Да, процесс действительного развития *всегда* идет запутанно, всовывая кусочки эпилога раньше настоящего пролога. Но значит ли это, что... позволительно *запутывать* задачи борьбы, позволительно смешивать пролог с эпилогом? Может ли диалектика запутанного стихийного процесса

оправдывать путаницу в логике сознательных социал-демократов? Не значит ли это подменять диалектику в смысле Маркса диалектикой в смысле Плеханова?» [3, 11, с. 369].

В заключение статьи Ленин делает вывод: «1) Оппортунисты социал-демократии и накануне социалистического и накануне демократического переворота имеют дурную привычку носиться, как с писаной торбой, с одним из мелких кусочков великого процесса, возводя этот кусочек в целое, соподчиняя этому кусочку целое, уродуя этим целое, превращаясь в силу этого в прихвостней непоследовательных и трусливых реформистов. 2) Диалектика стихийного процесса, который всегда и обязательно бывает запутанным, не оправдывает путаницы логических заключений и политических лозунгов...» [3, 11, с. 371-372].

Богатый материал о диалектике содержится в ленинской брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партий» (Март 1906 г.). «...Марксизм учит нас, — Пишет Ленин, — рассматривать всякое явление в его развитии и не довольствоваться одним поверхностным очертанием, не верить в красивые вывески, исследовать экономические, классовые основы партий, изучать ту объективную политическую обстановку, которая предрешит значение и исход их политической деятельности. Примените этот метод рассмотрения к кадетам, — и вы увидите правильность нашего утверждения» [3, 12, с. 293].

Эту мысль Ленин развивает и дальше применительно к другому конкретному случаю. «Вы говорите, — пишет он, — Что миллионам не нужно насилия против тысяч? Вы ошибаетесь, и ошибаетесь оттого, что рассматриваете явление не в его развитии. Вы забываете, что новая власть не с неба сваливается, а вырастает, возникает наряду со старой, против старой власти, в борьбе против нее. Без насилий по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников» [3, 12, с. 319].

Здесь вновь и вновь встает на переднем плане требование диалектического подхода, отвергающего абстрактные лозунги. Например, Плеханов выдвинул лозунг «Мы должны стремиться изолировать реакцию». Ленин пишет, что это верно, но до смешного общо: это положение можно применить и к России и 1870 г., и 1906 г., и к России вообще, и к другим странам и материкам. «Оно ничего не говорит и ничего не дает, ибо вся задача в определении того, что такое реакция, и с кем именно, как именно надо объединиться... чтобы изолировать реакцию. Плеханов боится дать конкретное указание, а на деле, на практике его тактика сводится... к поддержке кадетов социал-демократией» [3,12, с. 304].

Та же критика направлена Лениным в адрес Аксельрода и его доклада на IV (Объединительном) съезде РСДРП; «...докладчик витал всецело в области абстрактностей, в заоблачной выси общих мест и прекрасных исторических соображений, годных для всех времен, для всех наций, для всех исторических моментов вообще, — негодных только в силу своей абстрактности для схватывания конкретных особенностей стоявшего перед нами конкретного вопроса» [3, 13, с. 39]. И Ленин приводит далее одно особенно рельефное проявление этой абстрактной и бессодержательно общей постановки вопроса Аксельродом.

Ленин подробно анализирует революционное творчество масс в различные исторические периоды; он не отрицает революционную роль реакционных периодов «Мы знаем, — пишет он, — что форма общественного движения меняется, что периоды непосредственного политического творчества народных масс сменяются в истории периодами, когда царит внешнее спокойствие, когда молчат или спят (по-видимому, спят) забитые... массы, когда революционируются особенно быстро способы производства, когда мысль передовых представителей человеческого разума подводит итоги прошлому, строит новые системы и новые методы исследования» [3, 12, с. 331].

Сославшись на создание «Капитала» Маркса, Ленин резюмирует, что «очередь мысли и разума» наступает иногда в такие исторические периоды человечества, которые можно сравнить с пребыванием революционера в тюрьме, где он может отдаться научным занятиям [3, 12, с. 332].

В брошюре «Роспуск Думы и задачи пролетариата» (июль 1906 г.) Ленин вновь и вновь подчеркивает положение о конкретности истины применительно к новым сторонам рабочего движения, возникающим в новой обстановке. «Марксист, — говорит он, — ни в каком случае не должен забывать, что лозунг *непосредственно* предстоящей борьбы не может быть выведен просто и прямо из *общего* лозунга известной программы. Недостаточно сослаться на нашу программу... чтобы определить лозунг непосредственно — *теперь* предстоящей, летом и осенью 1906 года, борьбы. Для этого надо учесть *конкретную* историческую ситуацию, проследить все развитие и весь последовательный ход революции, вывести наши задачи не из принципов программы только, а из *предыдущих* шагов и этапов движения. Только такой анализ будет действительно историческим анализом, обязательным для диалектического материалиста» [3, 13, с. 312].

Ту же мысль Ленин развивает и в статье «Партизанская война» (сентябрь 1906 г.). В этой связи он выдвигает два положения марксизма: «Во-1-х, марксизм... признает самые различные формы борьбы, причем не

„выдумывает" их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собою в ходе движения... Марксизм ни в каком случае не ограничивается возможными и существующими только в данный момент формами борьбы, признавая *неизбежность* новых, неведомых для деятелей данного периода форму борьбы с изменением данной социальной конъюнктуры. Марксизм в этом отношении *учится*, если можно так выразиться, у массовой практики, далекий от претензий *учить* массы выдумываемым кабинетными „систематиками" формам борьбы» [3, 14, с. 1 — 2].

Здесь мы наглядно видим, как Ленин творчески применяет диалектику в качестве всесторонне и глубоко понятого развития к вопросу о формах борьбы рабочего класса, их развития и отношения к ним марксизма. И далее: «Во-2-х, — говорит Ленин, — марксизм требует безусловно *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма» [3, 14, с. 2].

Ленин резюмирует: «Таковы два основные теоретические положения, которыми мы должны руководиться. История марксизма в Западной Европе дает нам бездну примеров, подтверждающих сказанное» [3, 14, с. 2].

С интересующей нас сейчас стороны очень важна брошюра Ленина «Против бойкота» (июнь — июль 1907 г.). В ее начале Ленин отводит обвинение большевиков со стороны меньшевиков в «прямолинейности», в нежелании считаться с зигзагообразным путем, каким идет история. «Что история обыкновенно идет зигзагообразным путем, и что марксист должен уметь считаться с самыми запутанными и причудливыми зигзагами истории, это бесспорно» [3, 16, с. 8], — признает Ленин. Но это совершенно не относится, как он показывает далее, к вопросу о том, как быть марксисту, когда та же самая история ставит на решение борющихся сил вопрос о выборе прямого или зигзагообразного пути. Нельзя в такие периоды отделяться рассуждениями об обычной зигзагообразности истории.

«А революционные периоды, — продолжает Ленин, — являются по преимуществу как раз такими периодами истории, когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время. Необходимость считаться с зигзагообразным путем несколько не устраняет того, что марксисты должны уметь разъяснять массам в решающие моменты их истории предпочтительность прямого пути...» [3, 16, с. 8-9].

И Ленин поясняет далее, что отношение марксизма к зигзагообразному пути истории сходно, по сути дела, с его отношением к компромиссам: «Всякий зигзагообразный поворот истории есть компромисс, компромисс между старым, уже недостаточно сильным для полного отрицания нового, и между новым, еще недостаточно сильным для полного свержения старого» [3, 16, с. 9].

Здесь Ленин раскрывает диалектику процесса развития, идущего через противоречия, через борьбу таких противоположностей. При одном их соотношении возможны и даже необходимы компромиссы, порождающие зигзагообразность движения, при другом сама история с предельной остротой ставит вопрос или — или, заставляя выбирать не уклончивый, а прямой путь. Марксизм не зарекается от компромиссов, но он «в качестве живой и действующей исторической силы со всей энергией борется против компромиссов, — говорит Ленин. — Кто не умеет усвоить себе этого, якобы, противоречия, тот не знает азбуки марксизма» [3, 16, с. 9].

Далее Ленин отмечает, что «опошление вопроса, производимое при помощи благовидной ссылки на простой здравый смысл... основывается на том, что обходят молчанием особый период русской революции, *забывают о бойкоте булыгинской Думы*, подменяют конкретные ступени пройденного нашей революцией пути общим обозначением всей, прошлой и будущей, нашей революции в целом, как революции, порождающей конституционализм. Это — образчик нарушения метода диалектического материализма людьми, которые, подобно Плеханову, с наибольшим пафосом об этом методе говорили» [3, 16, с. 14].

В связи с борьбой против бойкота выборов в Думу в изменившейся уже обстановке Ленин дает общую характеристику марксизма с идейно-политической и организационно-тактической точек зрения. «Марксизм, — говорит он, — отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — так же, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами» [3, 16, с. 23].

Как видим, Ленин здесь раскрывает диалектику соотношения объективных и субъективных факторов (моментов, сторон) революционной борьбы, причем субъективному фактору отводит исключительно крупную роль. Он продолжает: «Высокая оценка революционных периодов в развитии человечества вытекает из всей совокупности исторических взглядов Маркса:

именно в такие периоды разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития» [3, 16, с. 23].

Здесь вновь и вновь Ленин прослеживает объективную диалектику процесса развития общества, идущего через противоречия.

Чрезвычайно интересны замечания Ленина, сделанные в написанных им предисловиях к русскому изданию писем К. Маркса к Л. Кугельману и писем Маркса, Энгельса и других деятелей международного движения к Ф. А. Зорге и др. Как и следовало ожидать, Ленин ищет здесь то, что может быть созвучно с революционной обстановкой в России 1907 г. Так, по поводу указанной переписки Ф. А. Зорге Ленин замечает (апрель 1907 г.), что он намерен остановить внимание читателей «на оценке тех мест печатаемой переписки, которые особенно важны с точки зрения современных задач рабочей партии в России...» [3, 15, с. 232]. По поводу сравнения Марксом и Энгельсом англо-американского и немецкого рабочего движения он пишет: «С научной точки зрения мы наблюдаем здесь образчик материалистической диалектики, уместно выдвинуть на первый план и подчеркнуть различные пункты, различные стороны вопроса в применении к конкретным особенностям тех или иных политических и экономических условий. С точки зрения практической политики и тактики рабочей партии, мы видим здесь образчик того, как творцы «Коммунистического манифеста» определяли задачи борющегося пролетариата применительно к различным этапам национального рабочего движения разных стран» [3, 15, с. 232-233].

Но особенно интересны замечания Ленина в его предисловии (февраль 1907 г.) к письмам Маркса к Кугельману. Здесь Ленин с особой силой подчеркивает революционную позицию Маркса по отношению к Парижской коммуне 1871 г., противопоставляя эту позицию оппортунизму Плеханова в текущей революции в России, когда по поводу декабрьского восстания 1905 г. в Москве Плеханов бросил замечание: «Не надо было браться за оружие». Критикуя меньшевиков во главе с Плехановым, Ленин писал: «Ни в одной стране в мире нет в данную минуту такого глубокого революционного кризиса, как в России, — и ни в одной стране нет „марксистов" (принижающих и вульгаризирующих марксизм), которые бы так скептически, филистерски относились к революции. Из того, что содержание революции буржуазно, у нас делают плоский вывод о буржуазии, как *двигателе* революции, о подсобных, несамостоятельных задачах пролетариата в этой революции, о невозможности пролетарского руководства ею!

Как разоблачает это плоское понимание марксизма Маркс в письмах к Кугельману!» [3, 14, с. 373].

По поводу «малодушного хныканья после временных неудач революции» и нежелания учиться у Маркса «вере в революцию» Ленин писал: «Педанты марксизма думают: это все этическая болтовня, романтика, отсутствие реализма! Нет, господа, это — соединение революционной теории с революционной политикой, то соединение, без которого марксизм становится брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом. Доктрина Маркса связала в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы» [3, 14, с. 375].

Прочитав одно из писем Маркса и приведя слова: «Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!» — и далее, — «История не знает еще примера подобного героизма», — Ленин подчеркивает: «*Историческую инициативу* масс Маркс ценит выше всего. Ох, если бы поучились у Маркса наши русские с.-д. в оценке *исторической инициативы* русских рабочих и крестьян в октябре и декабре 1905 года!

Преклонение глубочайшего мыслителя, предвидевшего за полгода неудачу³³, перед *исторической инициативой* масс, — и безжизненное, бездушное, педантское: «Не надо было браться за оружие!» Разве это не небо и земля?» [3, 14, с. 376 — 377], — спрашивает Ленин. А далее он ссылается на суровую отповедь Маркса Кугельману, когда тот, по-видимому, усомнился в целесообразности восстания парижан, и приводит слова Маркса: «*Творить мировую историю... было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов*» [3, 14, с. 378].

И далее Ленин поясняет: «Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба *масс* даже за безнадежное дело *необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей* борьбе». (Так потерпевшая поражение революция 1905 — 1907 гг. в России явилась подготовкой к следующей, на этот раз уже победоносной русской революции 1917 г., на что позднее указывал Ленин.)

«Нашим нынешним квазимарксистам, — продолжает Ленин, — любящим цитировать Маркса всеу, чтобы брать только оценку прошлого у него, а не умение творить будущее, — совсем непонятна, даже чужда в принципе такая *постановка* вопроса» [3, 14, с. 379].

³³ Восстания парижского пролетариата. — Б. К.

В итоге получилась своеобразная переключка двух революций: Парижской коммуны 1871 г. и русской революции 1905 — 1907 гг. Эту переключку революций Ленин подчеркнул заключительными словами своего предисловия: «Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен „штурмовать небо"» [3, 14. с. 379].

Оба сборника писем, к которым Ленин написал в 1907 г. свои предисловия, позволяли, таким образом, с позиций материалистической диалектики взглянуть на русскую революцию 1905 — 1907 гг., так сказать, глазами Маркса и Энгельса. Но их значение касалось и общеметодологических проблем марксизма и его диалектического метода, которым так блестяще оперировали Маркс и Энгельс, а, идя по их стопам, столь же блестяще оперировал и Ленин.

Именно тому, как надо на деле, конкретно, творчески применять этот метод, учили письма, вошедшие в оба эти сборника. Так, говоря о законе стоимости и его объяснении Марксом в письме от 11 июля 1868 г., Ленин писал: «Маркс показывает здесь, каким путем он шел и каким путем надо идти... Он учит, на примере самых обыденных возражений, своему *методу*. Он выясняет связь такого Чисто (казалось бы) теоретического и отвлеченного вопроса, как теория стоимости, с „интересами господствующих классов", требующими „увековечения путаницы". Остается пожелать, чтобы всякий, начинающий изучать Маркса и читать „Капитал", читал и перечитывал названное нами письмо вместе с штудированием первых и наиболее трудных глав „Капитала"» [3, 14, с. 372].

Это было написано Лениным 5 февраля 1907 г. А спустя семь с половиной лет (в конце 1914 г.) он запишет в «Философских тетрадах», что нельзя понять «Капитала», и в особенности его I главы, если не проштудировать «Логики» Гегеля. К такому выводу подводило изучение Лениным как писем Маркса, так и его «Капитала», ибо речь здесь шла о том, как Маркс учил своему *методу*, а его он взял у Гегеля, извлек его из гегелевской «Логики» и в корне переработал на материалистической основе.

Штудирование и реферирование Лениным обоих названных выше сборников писем Маркса, Энгельса показывали, что в них можно найти ответы на самые актуальные вопросы современного революционного движения, как теоретические, так и практические, в том числе касающиеся *метода* Маркса. Понятно поэтому, с какой энергией взялся спустя шесть с половиной лет (осенью 1913 г.) Ленин за штудирование переписки Маркса и Энгельса, в которой как раз и был высказан неосуществившийся замысел Маркса написать специальный труд о своем *методе* и его генезисе.

Потребность в знании этого метода со стороны пролетариата России и его партии остро возникла в условиях продолжавшейся революции. В статье «Опыт классификации русских политических партий» (октябрь 1906 г.) Ленин указывал на то, что «революция требует от нас все более и более настоятельного применения марксистского метода и марксистской теории к освещению того глубокого и интереснейшего процесса образования партий, который идет в России по понятным причинам, быстрее и острее, чем где бы то ни было» [3, 14, с. 21].

Применения марксистского (т. е. диалектического) метода и марксистской теории требовали буквально вся революционная обстановка России тех лет, все события, быстро сменявшие друг друга. Все это подводило к необходимости того, что нужно *изложить* марксистский диалектический метод, чтобы помочь партии и рабочему классу изучать его в различных звеньях «большой школы» и овладевать им на практике.

Итак, революция 1905 — 1907 гг. в России, обострившая до предела все противоречия самодержавного строя России, ускорила и убыстрила весь ход исторических событий; это сделало особенно важным для рабочей партии во главе с Лениным правильно и своевременно ориентироваться в быстро меняющейся политической обстановке напряженной борьбы классов, для чего абсолютно необходимой становилась марксистская диалектика. Сама история, сам ход вещей подводили марксистов к тому, что диалектику надо изучать, ею надо овладевать на деле, а для этого ее надо изложить как теоретическое пособие партии.

***Борьба против махистской ревизии философии марксизма.
(«Материализм и эмпириокритицизм», 1908 — 1909).***

Уже из предыдущего ясно видно, как интересовался Ленин философией и как успешно применял марксистский диалектический метод в своей теоретической и практической деятельности. Ленин всегда учитывал всю важность диалектики, составляющей живую душу марксизма, и всю назревшую потребность в ее изучении и овладении ею партийными кадрами и массами пролетариата. В «Материализме и эмпириокритицизме» на передний план выдвигалась защита философского материализма от нападок со стороны махистов. Вопросы диалектики освещались здесь не сами по себе, а через призму этой защиты. Но так как Ленин не ограничился одной только простой защитой материализма, а развил его как *диалектический* материализм и так как в марксизме диалектика совпадает с материалистической теорией познания, то фактически защита и развитие Лениным философского материализма осуществлялись через дальнейшее развитие самой диалектики, выступающей во внутреннем единстве с материализмом.

В книге Ленин фактически дает ответ на вопрос, почему он выдвинул на передний план материализм, а не диалектику, как это делали Маркс и Энгельс, теорию познания, а не метод мышления, как это делали они. Объяснение заключается в том, что так этого требовала сама историческая обстановка, сама объективная логика вещей. Ленин пишет: «Маркс и Энгельс, вырастая из Фейербаха и мужая в борьбе с кропателями, естественно обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории. От этого Маркс и Энгельс в своих сочинениях больше подчеркивали *диалектический* материализм, чем *диалектический материализм*, больше настаивали на *историческом* материализме, чем на историческом *материализме*. Наши махисты, желающие быть марксистами, подошли к марксизму в совершенно отличный от этого исторический период, подошли в такое время, когда буржуазная философия особенно специализировалась на гносеологии и, усваивая в односторонней и искаженной форме некоторые составные части диалектики (например, релятивизм), преимущественное внимание обращала на защиту или восстановление идеализма внизу, а не идеализма вверху» [3, 18, с. 350].

Это обстоятельство сказалось и на характере современного Ленину ревизионизма. «Все более тонкая фальсификация марксизма, — пишет Ленин, — все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, — вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще, как в гносеологии, так и в социологии» [3, 18, с. 351].

Вполне понятно, что контрудар по современной Ленину реакционной, буржуазной философии, т. е. по идеализму, и по ревизионистам марксизма надо было наносить именно в той области, откуда на материализм вообще и диалектический материализм как философию марксизма в особенности шло наступление как со стороны его открытых врагов из лагеря буржуазной реакции, так и со стороны ревизионистов, прикрывающихся марксизмом и пытающихся подорвать его изнутри.

Вот почему, защищая и двигая вперед диалектический материализм как единое, монолитное философское учение марксизма, Ленин вынужден был в новой исторической обстановке делать упор на *диалектический материализм*, а не на *диалектический* материализм; поэтому вопросы собственно диалектики уже не выдвигались теперь на передний план, как это было у Маркса и Энгельса; они выдвигались лишь постольку, поскольку в диалектическом материализме диалектика органически слита с материализмом и выступает одновременно и как метод, и как общее учение о

развитии в его наиболее полном и глубоком виде, и как *теория познания материализма*.

Это последнее Ленин в своей книге формулирует так: «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» [3, 18, с. 102].

Это означает, по Ленину, встать «на точку зрения развития человеческого познания из незнания...» [3, 18, с. 102], другими словами, охватить общей теорией развития, составляющей предмет диалектики, и сферу познания, составляющую предмет теории познания, гносеологии. Уже в этой ленинской формулировке выражено центральное положение марксистской философии о включении теории познания материализма в диалектику, о ее совпадении с диалектикой.

Далее мы увидим, как Ленин развивает это положение применительно к учению об истине, о соотношении между абсолютной, относительной и объективной истиной. Сейчас же нам важно подчеркнуть, каким образом, разрабатывая вопросы материалистической гносеологии, Ленин *тем самым* разрабатывал и вопросы диалектики.

То, что философия марксизма — это диалектический материализм и что это основное положение упорно обходится махистами, выдающими за таковую свой собственный путаный субъективный идеализм, Ленин подчеркивает с первых же страниц своей книги. Уже первый из «Десяти вопросов референту» (А. А. Богданову) (май 1908 г.) гласил: «I. Признает ли референт, что философия марксизма есть *диалектический материализм*?

Если нет, то почему не разобрал он ни разу бесчисленных заявлений Энгельса об этом?

Если да, то зачем называют махисты свой „пересмотр“ диалектического материализма „философией марксизма“?» [3, 18, с. 3].

Предисловие к первому изданию книги (сентябрь 1908 г.) начинается с того же: «Целый ряд писателей, желающих быть марксистами, предприняли у нас в текущем году настоящий поход против философии марксизма... Все эти лица не могут не знать, что Маркс и Энгельс десятки раз называли свои философские взгляды диалектическим материализмом. И все эти лица, объединенные... враждой против диалектического материализма, претендуют в то же время на то, что они в философии марксисты! Энгельсовская диалектика есть „мистика“, — говорит Берман» [3, 18, с. 9] и т. д. В том же духе выступают махисты. Называя их «наши истребители диалектического

материализма», Ленин отмечает, что они «безбоязненно договариваются до прямого фидеизма» [3, 18, с. 10]. «На деле — полное отречение от диалектического материализма, т. е. от марксизма. На словах — бесконечные увертки, попытки обойти суть вопроса, прикрыть свое отступление... Это — типичный философский ревизионизм...» [3, 18, с. 10].

В Предисловии ко второму изданию книги (сентябрь 1920 г.) Ленин отмечает, что «оно будет бесполезно, независимо от полемики с русскими „махистами“, как пособие для ознакомления с философией марксизма, диалектическим материализмом, а равно с философскими выводами из новейших открытий естествознания» [3, 18, с. 12].

Следует заметить, что Ленин давно и серьезно интересовался философией вообще, философией марксизма в особенности. С махистами (А. А. Богдановым) Ленин разошелся во взглядах на философию, можно сказать, с самого начала. Это видно из его письма к А. М. Горькому от 25 февраля 1908 г. «За сочинениями Богданова, — пишет Ленин, — я следил с его энергетической книги об „Историческом взгляде на природу“, каковую книгу штудировал в бытность мою в Сибири. Для Богданова эта позиция была лишь переходом к другим³⁴ философским взглядам» [3, 47, с. 141].

В 1904 г. Богданов презентовал Ленину «одну свою *тогдашнюю* философскую работу» («Эмпириомонизм», 1904). «И я тотчас же (весной или в начале лета 1904 г.), — продолжает Ленин, — писал ему из Женевы в Париж, что он меня своими писаниями сугубо разубеждает в правильности своих взглядов и сугубо убеждает в правильности взглядов Плеханова... Летом и осенью 1904 г. мы окончательно сошлись с Богдановым, как *беки*³⁵, и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время революции... Философией заниматься в горячке революции приходилось мало» [3, 47, с. 141 — 142].

Летом 1906 г. Богданов презентовал Ленину еще одну вещь (III выпуск «Эмпириомонизма»?). Ленин внимательно ее прочел, и ему стало ясно, что Богданов идет архиневерным, немарксистским путем. Ленин тогда написал ему «письмецо по философии в размере трех тетрадок». Называя себя «*рядовой марксист* в философии», Ленин писал, что он окончательно убедился в неправоте Богданова по существу и в правоте Плеханова. «Сии тетрадочки... подумывал было напечатать под заглавием: „Заметки рядового марксиста о философии“, но не собрался. Теперь жалею о том, что тогда тотчас не напечатал. Написал на днях в Питер с просьбой разыскать и

³⁴ А именно: махистским. — Б. К.

³⁵ Большевики. — Б. К.

прислать мне эти тетрадки» [3, 47, с. 142]. (Тетрадки эти так и не были разысканы).

«Теперь вышли „Очерки философии марксизма“, — продолжает Ленин. — Я прочел все статьи, кроме суворовской (ее читаю), и с каждой статьей прямо бесновался от негодования... И лезут наши эмпириокритики, эмпириомонист и эмпириосимволист в болото... Я себя дам скорее четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей.

Меня опять потянуло к „Заметкам рядового марксиста о философии" и я их начал писать³⁶, а Ал. Ал — чу³⁷ — в процессе моего чтения „Очерков" — я свои впечатления, конечно, излагал прямо и грубо» [3, 47, с. 142-143].

Это ленинское письмо к Горькому особенно интересно в том отношении, что оно вскрывает непосредственный мотив, побудивший Ленина засесть за «Материализм и эмпириокритицизм»: таким мотивом было стремление Ленина в условиях политической реакции, начавшейся после поражения революции 1905 — 1907 гг., нанести удар по упадочным, ревизионистским тенденциям, захватившим некоторую (неустойчивую) часть русской интеллигенции, ранее примкнувшую к революции, а теперь отвернувшуюся от нее. Чтобы сохранить в чистоте марксизм и не дать расшататься революционной партии в обстановке отступления, надо было во что бы то ни стало со всей силой ударить по махистской ревизии марксизма. По этой причине то молчаливое временное соглашение, которое было заключено Лениным с Богдановым как философское перемирие на время революции, в условиях наступившей реакции неминуемо должно было быть нарушено: в этих новых исключительно тяжелых условиях борьбы речь шла о сплочении рядов партии, о чистоте ее теоретических знамен, в том числе и прежде всего философии марксизма, на которую посягнули русские махисты.

Но чтобы нанести им сокрушительный удар, необходимо было к самой критике их писаний подойти с позиций историзма, т. е. диалектики: надо было вскрыть источники их взглядов, показать их самих как простых подпевал модной реакционной философии, которую они совершенно некритически позаимствовали у представителей буржуазной философии и выдавали за философию... марксизма!

Возможно, у Ленина могла и раньше возникнуть мысль о необходимости создания труда по материалистической диалектике, которую он с таким успехом применял в своей теоретической и практической деятельности, но

³⁶ Речь идет о книге «Материализм и эмпириокритицизм». — Б. К.

³⁷ Богданову. — Б. К.

сама сложившаяся обстановка прямо вынуждала его взяться за критику писаний русских махистов, предпринявших философскую ревизию марксизма. Подобно тому как Энгельс в 1876 г. вынужден был прервать работу над «Диалектикой природы» и заняться критикой Дюринга, так и Ленин, если у него возникала ранее мысль о труде по диалектике, вынужден был *в то время* (1908) отодвинуть ее временно в сторону и заняться критикой писаний русских махистов. Но подобно тому как в «Анти-Дюринге» сквозь критику дюринговских выпренных благоглупостей и помимо нее на каждом шагу проступает положительное изложение Энгельсом всего учения марксизма, в том числе и материалистической диалектики, так и в «Материализме и эмпириокритицизме» сквозь критику махистских претенциозных благоглупостей и помимо нее на каждом шагу выступает положительное изложение Лениным Диалектического материализма как подлинной философии марксизма. И подобно тому как по окончании «Анти-Дюринга» в 1878 г. Энгельс приступил с новыми силами к прерванной ранее «Диалектике природы», так и Ленин почти шесть лет спустя после окончания «Материализма и эмпириокритицизма» приступил к созданию специального труда по диалектике.

Итак, Ленин, как этого и требует марксистский метод — диалектика, начинает свою книгу с прослеживания *истоков* тех воззрений, которые проповедуют русские махисты. Этому посвящено «Вместо введения» к книге, озаглавленное «Как некоторые „марксисты" опровергали материализм в 1908 году и некоторые идеалисты в 1710 году» [3, 18, с. 13]. Сопоставление высказываний махистов и епископа Беркли в его «Трактате об основах человеческого познания» не оставляет ни малейшего сомнения в их родстве, лучше сказать, полном совпадении: спустя 200 лет махисты повторили Беркли! Но вместе с тем они запутали, завуалировали свои воззрения, подогнав их словесно под уровень научного развития XX в.

Далее Ленин показывает столь же близкое родство современных махистов со скептицизмом Юма. Берклианству и юмизму Ленин противопоставляет французский материализм XVIII в. в лице Дидро. Таким образом вскрыты основные непримиримые между собой в истории философии направления — идеализм и материализм. Махисты же пытаются «спутать два непримиримые основные направления в философии...» [3, 18, с. 32].

Мы не сможем далее столь же подробно анализировать содержание замечательного ленинского труда. Это сделано нами в ряде других работ, к которым мы и отсылаем читателя. В частности, мы имеем в виду два наших пособия, написанных в помощь изучающим книгу Ленина³⁸. Сейчас же

³⁸ См. ниже примеч. на с. 318 этого очерка.

попытаемся остановиться только на некоторых сторонах книги «Материализм и эмпириокритицизм», а именно тех, которые показывают, как Ленин применял и развивал материалистическую диалектику в ходе критики махизма и в ходе философского обобщения современных ему открытий физики. Но прежде чем это сделать, остановимся на ленинской статье «Марксизм и ревизионизм» (апрель 1908 г.), содержание которой тесно связано с «Материализмом и эмпириокритицизмом». В ней, в частности, говорилось:

«В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской „науки“. Профессора шли „назад к Канту“, — и ревизионизм тащился за неокантианцами, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма, — и ревизионисты... бормотали... что материализм давно „опровергнут“; профессора третировали Гегеля, „как мертвую собаку“, и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики, — и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя „хитрую“ (и революционную) диалектику „простой“ (и спокойной) „эволюцией“» [3, 17, с. 19].

Ленин далее добавляет, что «единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного материализма, был Плеханов» [3, 17, с. 20]. И Ленин предупреждает, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки протащить старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова.

К этому месту Ленин делает примечание, в котором ссылается на махистские «Очерки». «Здесь не место разбирать эту книгу, — отмечает он, — и я должен ограничиться пока заявлением, что в ближайшем будущем покажу в ряде статей или в особой брошюре, что *все* сказанное в тексте про неокантианских ревизионистов относится по существу дела и к этим „новым“ неюмуистским и необерклианским ревизионистам» [3, 17, с. 20].

Переходя к содержанию «Материализма и эмпириокритицизма», прежде всего отметим, что в первых трех главах теории познания эмпириокритицизма противопоставляется теория познания диалектического материализма. Об этом говорят уже сами названия этих трех глав. Обратим внимание на то, что речь идет о теории познания не просто материализма, а именно диалектического материализма, т. е. о материалистической гносеологии, вытекающей из диалектики и сливающейся с ней. Это видно

хотя бы на примере того, что первичность материи по отношению к сознанию (духу) как вторичному Ленин обосновывает исторически: в развитии природы сначала не было сознания (духа), а была сначала мертвая (безжизненная) материя, которая впоследствии породила жизнь (живую материю), и эта последняя на высшей ступени своего развития породила мозг человека, способный мыслить, следовательно, породила мыслящий дух.

В специальном параграфе «Существовала ли природа до человека?» (гл. 1) Ленин показывает, что естествознание дает на это положительный ответ. «Органическая материя есть явление позднейшее, плод продолжительного развития» [3, 18, с. 71]. «Ни один сколько-нибудь образованный и сколько-нибудь здоровый человек, — пишет немного дальше Ленин, — не сомневается в том, что земля существовала тогда, когда на ней *не могло* быть никакой жизни, никакого ощущения, никакого „центрального члена“, и, следовательно, вся теория Маха и Авенариуса... есть *философский обскурантизм*, есть доведение до абсурда субъективного идеализма» [3, 18, с. 74-75].

Характеризуя взгляд материализма на ощущение, Ленин и тут привлекает диалектику как теорию развития в его наиболее полном и глубоком понимании: «Материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи» [3, 18, с. 50].

Ленин с позиций последовательного материализма раскрывает связь ощущений с материей. Он ссылается снова на естествознание, которое «непреклонно стоит на том, что мысль есть функция мозга, что ощущения, т. е. образы *внешнего мира*, существуют *в нас*, порождаемые действием вещей на наши органы чувств» [3, 18, с. 88].

Но каким образом *возникают* ощущения? На этот вопрос можно ответить только с позиций диалектики, показав, как зарождается, возникает и развивается какое-либо явление, качество, свойство в процессе *развития* данного объекта. Такой вопрос является камнем преткновения для всего махизма. Но Ленин отвечает на него, обращаясь к тому, *где* и в какой форме следует искать зародыши или зачатки способности ощущать. Он считает, что «в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя)», но что «„в фундаменте самого здания материи“ можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением» [3, 18, с. 39 — 40]. Далее он вновь повторил эту же мысль: «Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения» [3, 18, с. 91].

Ленин тем самым ставит перед философией (материалистической) и естествознанием задачу — применив диалектический метод, вскрыть и проследить, как из свойства отражения, сходного с ощущением, из неорганической материи в ходе ее развития возникает не только жизнь, но и материя, ощущающая в ясно выраженной (т. е. развитой) форме.

На такой основе Ленин строит всю теорию отражения. Опираясь на Фейербаха, он пишет, что «ощущение есть субъективный образ объективного мира, мира *an und fur sich*³⁹» [3, 18, с. 120]. С этой точки зрения диалектически решается вопрос о превращении «вещи в себе» в «вещь для нас», т. е. о процессе познания мира человеком.

Ленин блестяще разворачивает диалектику соотношения между абсолютной, относительной и объективной истиной, причем делая акцент именно на объективной истине, которую отрицают махисты, отрицая вместе с ней абсолютную. В результате остается чистый релятивизм.

Ленин пишет: «Диалектика, — как разъяснял еще Гегель, — *включает в себя* момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но *не сводится к* релятивизму. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине» [3, 18, с. 139]. Ленин поясняет, что с точки зрения марксизма «исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней... Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа... Это различие относительной и абсолютной истины... как раз настолько „неопределенно“, чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько „определенно“, чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом» [3, 18, с. 138 — 139] от всех видов реакционной философии.

Разбирая вопрос о критерии практики в теории познания, Ленин пишет: «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания... Конечно, при этом не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько „неопределенен“, чтобы не позволять знаниям

³⁹ В себе и для себя. — Б. К.

человека превращаться в „абсолют", и в то же время настолько определен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» [3, 18, с. 145 — 146].

Как видим, здесь Ленин применяет аналогичным образом диалектику, как в случае трактовки вопроса о релятивизме.

Махисты, подчеркивает он, «боятся или не умеют ясно и прямо поставить вопрос об отношении релятивизма к диалектике. Для Богданова (как и для всех махистов) признание относительности наших знаний *исключает* самое малейшее допущение абсолютной истины. Для Энгельса из относительных истин складывается абсолютная истина. Богданов — релятивист. Энгельс — диалектик» [3, 18, с. 136].

Приведя соответствующее рассуждение Энгельса, Ленин резюмирует: «Итак, человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то сужаемы дальнейшим ростом знания» [3, 18, с. 137].

Как видим, здесь Ленин раскрывает тот внутренний механизм, посредством которого идет накопление относительных истин, совершается добавление (включение) новых зерен в наличную уже сумму относительных истин.

Вопрос о релятивизме Ленин разбирает и в V главе своей книги, где говорится о новейшей революции в естествознании и физическом идеализме. Спекулируя на новых физических открытиях, идеалисты пытались дать им идеалистическое толкование, и это породило «кризис физики». Такое идеалистическое течение среди самих физиков Ленин назвал «физическим» идеализмом. Разбирая гносеологические причины, вызвавшие это болезненное явление, Ленин пишет: «Другая причина, породившая „физический" идеализм, это — принцип *релятивизма*, относительности нашего знания, принцип, который с особенной силой навязывается физикам в период крутой ломки старых теорий и который — *при незнании диалектики* — неминуемо ведет к идеализму» [3, 18, с. 327].

Ленин продолжает: «Этот вопрос о соотношении релятивизма и диалектики едва ли не самый важный в объяснении теоретических злоключений махизма. Вот, например, Рей, как и все европейские позитивисты, понятия не имеет о марксовской диалектике... В действительности, единственная теоретически правильная постановка вопроса о релятивизме дается материалистической диалектикой Маркса и Энгельса, и

незнание ее *неминуемо* должно привести от релятивизма к философскому идеализму» [3, 18, с. 327].

Как рассуждает чистый релятивист, скатившийся через релятивизм в идеализм? «Все старые истины физики, вплоть до считавшихся бесспорными и незыблемыми, оказываются относительными истинами, — значит, никакой объективной истины, не зависящей от человечества, быть не может. Так рассуждает не только весь махизм, но весь „физический" идеализм вообще» [3, 18, с. 328].

Диалектика Энгельса остается для них, как выражается Ленин, книгой за семью печатями, в том числе и такие ее положения, что в каждой научной истине, несмотря на ее относительность, есть элемент абсолютной истины и что научное познание идет в сторону того, что относительные истины как относительно верные отражения независимого от человека объекта становятся все более верными. Например, Сталло воюет против атомистически-механического понимания природы, т. е. против *старого* материализма, для которого характерно незнание диалектики, непонимание относительности всех научных теорий. Сталло не дает себе ясного отчета в том, против чего он воюет, а воюет он против метафизики в смысле антидиалектики. «Материалистической диалектики он не понял и поэтому часто катится через релятивизм к субъективизму и идеализму» [3, 18, с. 329].

Напротив, «Энгельс сумел (в отличие от Сталло) выбросить гегелевский идеализм *и понять* гениально истинное зерно гегелевской диалектики. Энгельс отказался от старого метафизического материализма в пользу *диалектического* материализма, а не в пользу релятивизма, скатывающегося в субъективизм» [3, 18 с. 329].

Ленин, продолжая свой анализ взглядов «физических» идеалистов, отмечает, что «в том-то и беда Дюгема, Сталло, Маха, Пуанкаре, что двери, открытой диалектическим материализмом, они не видят. Не умея дать правильной формулировки релятивизма, они катятся от него к идеализму» [3, 18, с. 329]. Ленин в качестве примера приводит высказывание Дюгема о том, что закон физики «не истинен и не ложен, а приближителен». «В этом „а" есть уже начало фальши, — констатирует Ленин, — начало стирания грани между теорией науки, приблизительно *отражающей объект*, т. е. приближающейся к объективной истине, и теорией произвольной, фантастической, чисто условной...» [3, 18, с. 329].

Здесь мы видим, с каким мастерством Ленин применяет *диалектику* в ходе критики махистов, с каким умением он прослеживает *начало* фальши, начало сползания их мысли в идеализм через неправильно понятый ими релятивизм.

Вскрывая у Дюгема элементы кантианства, Ленин оговаривается, что это не сознательное кантианство, а просто Дюгем *«шатается, как и Мах, не зная, на что опереть ему свой релятивизм. В целом ряде мест он вплотную подходит к диалектическому материализму»* [3, 18, с. 330].

Резюмируя свою оценку «физического» идеализма, Ленин указывает на то, что одна школа естествоиспытателей не сумела прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому и скатилась к реакционной философии.

Стихийное приближение физиков к диалектическому материализму при незнании ими диалектики Маркса и Энгельса Ленин выявляет и подчеркивает во многих случаях. Так, в отношении А. У. Риккера, защищающего в физике материалистическую линию, Ленин пишет: *«Недостает этому физика только знания диалектического материализма (если не считать, конечно, тех очень важных житейских соображений, которые заставляют английских профессоров называть себя „агностиками“)*» [3, 18, с. 293].

В другом случае он отмечает: *«Основной недостаток книги Э. Бехера — абсолютное незнание автора с диалектическим материализмом. Это незнание часто приводит его к путанице и нелепостям...»* [3, 18, с. 308. Примеч.].

Ленин убедительно показывает, что те, кто воюет против диалектики, обнаруживают полнейшее незнание с ней. *«Вся беда наших махистов в том, — пишет он, например, — что они принялись говорить со слов реакционных профессоров о диалектическом материализме, не зная ни диалектики, ни материализма»* [3, 18, с. 118].

Говоря, что единственная правильная в теоретическом отношении постановка вопроса о релятивизме дана материалистической диалектикой Маркса и Энгельса, Ленин пишет, что *«незнание ее неминуемо должно привести от релятивизма к философскому идеализму»* [3, 18, с. 327]. И далее он пишет, что Берман в своей нелепой книжке о диалектике *«повторил старый-престарый вздор о диалектике, которой он совершенно не понял. Мы уже видели, — подчеркивает Ленин, — что такое непонимание на каждом шагу в теории познания обнаруживают все махисты»* [3, 18, с. 327 — 328].

Незнание диалектики, незнание с диалектическим материализмом махистов-философов и физиков различных школ Ленин подчеркивает неоднократно. *«Новая физика, — пишет он, — свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики»* [3, 18, с. 276 — 277]. Говоря о Риги, Ленин замечает: *«Если бы этот физик*

познакомился с *диалектическим* материализмом, его суждение об ошибке, противоположной старому метафизическому материализму, стало бы, может быть, исходным пунктом правильной философии. Но вся обстановка, в которой живут эти люди... бросает в объятия пошлой казенной философии» [3, 18, с. 279]. И еще одно свидетельство: в связи с идеей о материальности мира Ленин отмечает, что «ни этот физик⁴⁰, ни А. Корню не знают о том, как диалектические материалисты Маркс и Энгельс очистили эту основную посылку материализма от односторонностей *механического* материализма» [3,18, с. 315, примеч.].

Вполне понятно, если физики и философы, не знающие диалектики, через релятивизм катятся в идеализм или если они критикуют абсолютизацию научных понятий, с одной стороны, и путь чистого релятивизма — с другой, но делают это непоследовательно, то встает задача помочь им созданием руководства по диалектике, причем такого руководства, которое раскрывало бы диалектику самой современной физики. Такое руководство должно было бы явиться прямым продолжением «Материализма и эмпириокритицизма», в котором как раз и освещаются такого рода проблемы. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин блестяще их решает, делая, однако, упор на теорию познания, которую он берет в единстве с диалектикой. «Нас интересуют исключительно гносеологические выводы из некоторых определенных положений и общеизвестных открытий» [3, 18, с. 266], — пишет он. Но уже возникает задача дать такое продолжение «Материализма и эмпириокритицизма», где на первый план была бы выделена диалектика в ее применении к современной физике и философии (не говоря уже о тактике рабочего движения), другими словами, где в слитном единстве диалектики и теории познания материализма акцент был бы сделан на диалектике.

Такая мысль сквозит в тех местах, где Ленин говорит о Марксе и Энгельсе и их диалектике. Он пишет, что Маркс и Энгельс обратили все свое внимание «на серьезное *развитие* материализма, на применение его к истории... они *ограничивались*... подчеркиванием того, чего этим (Бюхнеру, Дюрингу — Б. К.) наиболее... популярным в рабочей среде писателям *особенно* не доставало... диалектики» [3, 18, с. 256]. Ленин подчеркивает, что Маркс и Энгельс направляли свое внимание на то, чтобы не было забвения «*ценного* плода идеалистических систем, гегелевской диалектики — этого жемчужного зерна, которого петухи Бюхнеры, Дюринги и К° (вместе с Леклером, Махом, Авенариусом и пр.) не умели выделить из навозной кучи абсолютного идеализма» [3,18, с. 256].

⁴⁰ Пуанкаре. — Б. К.

В этой связи отметим, что Ленин ссылается на письмо Маркса к Кугельману от 27 июня 1870 г., где Маркс «презрительно третирует «Бюхнера, Ланге, Дюринга, Фехнера и т. д.» за то, что они не сумели понять диалектики Гегеля и относятся к нему с пренебрежением» [3, 18, с. 358].

Еще в одном месте Ленин критикует «наших» махистов за то, что они, подобно Бюхнеру и К°, «ровнехонько ничего не поняли насчет применения Энгельсом диалектики к гносеологии (абсолютная и относительная истина, например)» [3, 18, с. 253].

Со всей силой Ленин в VI главе обрушивается на махистов за то, что у них нет «ни тени конкретного экономического исследования, ни намека на *метод* Маркса, метод диалектики и мирозерцание материализма», а есть лишь «простое *сочинение* дефиниций, попытки подогнать их под готовые выводы марксизма» [3, 18, с. 347].

Между тем, как показывает Ленин, важность и острая необходимость применять диалектику в философии и естествознании настолько назрели, что, ставя современные философские и естественнонаучные проблемы, без нее невозможно сделать ни шагу вперед. Это относится, в частности, и к анализу основных философских понятий и категорий. При этом диалектика в ленинском анализе философских и физических проблем, вокруг которых развернулась борьба между основными философскими направлениями, выступает как метод раскрытия глубоких диалектических противоречий, лежащих в основе этой борьбы.

Прежде всего Ленин показывает непримиримый, антагонистический характер взаимоотношения между этими основными направлениями в философии — материализмом и идеализмом. Такую черту непримиримости к идеализму Ленин распространяет и на естественнонаучный материализм. Так, он подчеркивает, что книге Э. Геккеля «Мировые загадки» присущи «*неискоренимость*» естественноисторического материализма, *непримиримость* его со *всею* казенной профессорской философией и теологией» [3, 18, с. 371]. Ленин показывает, что с философией махизма и их учением об истине непримиримо положение естествознания о существовании земли до человечества [3, 18, с. 124].

Ленин категорически и решительно осуждает всякие попытки «примирить» непримиримое, найти какую-то «середину» между материализмом и идеализмом. «Рей запутался потому, — пишет он, — что поставил себе неразрешимую задачу: „примирить“ противоположность материалистической и идеалистической школы в новой физике» [3, 18, с. 315]. Далее Ленин по-партийному квалифицирует «партию середины»: «„Реалисты“ и т. п., а в том числе и „позитивисты“, махисты и т. д., все это —

жалкая каша, презренная *партия середины* в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление. Попытки выскочить из этих двух коренных направлений в философии не содержат в себе ничего, кроме „примиренческого шарлатанства"» [3, 18, с. 361].

Но это не значит, как показывает Ленин, что материя и дух — абсолютно полярные противоположности. Таковыми они являются лишь в области гносеологии, а за ее пределами их противоположность носит уже относительный характер. Ленин излагает взгляды Дицгена на то, что «различие материи от духа *относительно, не чрезмерно*» [3, 18, с. 257]. Далее по поводу противопоставления материи духу он пишет: «Что это противопоставление не должно быть „чрезмерным", преувеличенным, метафизическим, это бесспорно (и в подчеркивании этого состоит большая заслуга *диалектического* материалиста Дицгена). Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют *направление* гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» [3, 18, с. 259].

Исключительно успешно диалектика применяется Лениным при анализе ее собственных категорий, — категорий диалектического материализма. При определении категорий материи и духа Ленин применяет особый прием диалектической логики, который можно назвать определением через противоречие или через отношение противоположных предельно широких понятий. Так, Ленин показывает, что понятия «бытие» и «мышление», «материя» и «ощущение», «физическое» и «психическое» — предельно широкие понятия, дальше которых по сути не пошла до сих пор гносеология. «Только шарлатанство или крайнее скудоумие может требовать такого „определения" этих двух „рядов" предельно широких понятий, которое бы не состояло в „простом повторении": то или другое берется за первичное» [3, 18, с. 149].

Отсюда и рождается знаменитое ленинское определение материи, исходящее из ее отношения к духу как объекта (объективной реальности) по отношению к субъекту, материи, существующей вне и независимо от нас, от нашего сознания и данной нам в ощущениях, отражаемой нашим сознанием. Все признаки в этом ленинском определении материи целиком вытекают из общего исходного положения о первичности материи как объекта по отношению к сознанию — духу, нашим ощущениям, вообще субъекту.

Вместе с тем Ленин и здесь предупреждает, что, «конечно, и противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна» [3,18, с. 151].

Заметим попутно, что Ленин, как и Энгельс, никогда и нигде не разрывал обе стороны основного вопроса любой философии об отношении мышления к бытию, сознания к материи: первую — что из них *первично?* и вторую — способно ли наше мышление (сознание, ощущения и т. д.) *правильно отражать* мир? Это следует из всего текста «Материализма и эмпириокритицизма», особенно первых трех глав: везде Ленин исходит из того, что обе стороны этого вопроса, а тем самым и весь основной вопрос всякой философии относится к сфере гносеологии (теории познания).

Между тем в нашей философской литературе стала выдвигаться версия о том, что основной вопрос всякой философии, а также и ленинское определение материи будто бы делится на две части: первую — якобы «онтологическую» и вторую — гносеологическую. Подобное утверждение представляется нам чуждым марксизму и противоречащим всему, что писали Энгельс и Ленин.

Поскольку речь зашла у нас о таких категориях, среди которых фигурирует материя, остановимся кратко на ленинском анализе взаимоотношения *материи и движения*. Уже в вводной части V главы Ленин приводит слова И. Динэ-Дэнеса о том, что новейшими открытиями естествознания «блистательно подтверждается изречение Энгельса: движение есть форма существования материи» [3, 18, с. 265], а далее Ленин настаивает на необходимости для махистов откровенно и решительно посчитаться с безусловно существенным в данном вопросе утверждением Энгельса, что «движение немислимо без материи» [3, 18, с. 266].

Показав далее, что в основе энергетики Оствальда лежит отрыв движения от материи, Ленин определяет позицию метафизического и диалектического материализма по данному вопросу: «Метафизический, т. е. антидиалектический, материалист может принимать существование материи (хотя бы временное, до „первого толчка" и т. п.) без движения. Диалектический материалист не только считает движение неразрывным свойством материи, но и отвергает упрощенный взгляд на движение и т. д.» [3, 18, с. 285].

Итак, диалектика раскрывает диалектическое единство материи (как содержания) и движения (как формы существования).

С такой же диалектической и вместе с тем гносеологической стороны, с позиций материалистической теории познания Ленин подходит к анализу категории пространства и времени — основных форм всякого бытия. «Человеческие представления о пространстве и времени относительны, — говорит он, — но из этих относительных представлений складывается абсолютная истина, эти относительные представления, развиваясь, идут по линии абсолютной истины, приближаются к ней. Изменчивость человеческих представлений о пространстве и времени так же мало опровергает объективную реальность того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает объективной реальности внешнего мира» [3, 18, с. 181 — 182].

Далее, критикуя позицию идеализма, в том числе «Гениально-последовательных идеалистов классической философии» по этому вопросу, Ленин отмечает: «Сколько-нибудь толковый философский идеалист... легко признает развитие наших понятий времени и пространства, не переставая быть идеалистом, считая, например, что развивающиеся понятия времени и пространства приближаются к абсолютной идее того и другого и т. п.» [3, 18, с. 182 — 183]. Специально махистам Ленин ставит вопрос: «Если в *относительном*, релятивном понятии времени и пространства нет ничего, кроме относительности, если нет объективной (=ни от человека, ни от человечества не зависящей) реальности, отражаемой этими относительными понятиями, то почему бы человечеству... не иметь права на понятие о существах вне времени и пространства» [3, 18, с. 189].

Мы видим, как тесно, органично, нераздельно переплетается у Ленина в подобных рассуждениях диалектика с теорией познания материализма. И вместе с тем еще яснее осознаем всю нелепость различения, точнее сказать, разрыва якобы онтологической и гносеологической постановки вопроса, «изобретенной» некоторыми нашими авторами.

Аналогичным образом с позиций диалектики, включающей в себя теорию познания, или, что то же самое, с позиций материалистической теории познания, совпадающей с диалектикой, Ленин анализирует другие так называемые парные категории диалектики. Он отмечает: «Энгельс подчеркивает особенно диалектический взгляд на причину и следствие» [3, 18, с. 160]. И далее по поводу махистской попытки подменить понятие причинности понятием функциональности Ленин пишет: «Действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле, — а в том, является ли источником нашего

познания этих связей объективная закономерность природы или свойства нашего ума...» [3,18, с. 164].

По поводу махистских высказываний И. Петцольда, открывшего «великий „закон однозначности"», как иронизирует Ленин, сказано: «Перед нами чистейший метафизик, который понятия не имеет об относительности различия случайного и необходимого» [3, 18, с. 168].

По вопросу о свободе и необходимости Ленин приводит слова Энгельса, который ссылается на гегелевское определение свободы как познанной необходимости [3, 18, с. 195]. Подводя итог высказываниям Энгельса, Ленин говорит: «Каждый шаг в рассуждении Энгельса, почти буквально каждая фраза, каждое положение построены всецело и исключительно на гносеологии диалектического материализма, на посылаках, бьющих в лицо всему махистскому вздору...» [3, 18, с. 198].

Так материалистическая диалектика красной нитью прошла через весь ленинский разбор ее категорий, начиная с основных категорий философии — материи и сознания.

Диалектический метод, помогающий улавливать тонкие нюансы в ходе изменения научных понятий и воззрений, раскрывать истинные отношения вещей, спрятанные и завуалированные словесно с помощью ложно истолкованных связей и отношений, помогает Ленину разбираться в самых сложных проблемах современной науки и их философском толковании. В начале XX в. одной из таких проблем было пресловутое «исчезновение» материи. Этим положением махисты провозгласили «крушение» материализма, которое они «обосновывали» ссылками на новейшие физические открытия. Ленин же доказал, что действительным содержанием заявления об исчезновении материи, о замене ее электричеством является то, что естествознание приводит к *«единству материи»*.

Ленин пишет: «„Материя исчезает" — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными... и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи» [3,18, с. 275]. И далее: «Исчез вчерашний предел нашего знания бесконечно малых частиц материи, — следовательно, заключает идеалистический философ, — исчезла материя (а мысль осталась)» [3, 18, с. 300].

Всю науку вообще, физику в частности Ленин рассматривает в ее развитии, в ее непрестанном движении и углублении в изучаемый предмет, в его сущность. «„Сущность" вещей или „субстанция", — отмечает он,

— *тоже* относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня — дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих *вех* познания природы прогрессирующей наукой человека» [3, 18, с. 277].

С таких позиций Ленин характеризует сложившуюся в те годы обстановку в физической науке, «когда физики, если можно так выразиться, от атома отошли, а до электрона не дошли. Это время и сейчас в значительной степени продолжается» [3, 18, с. 302], — констатировал Ленин в конце октября 1908 г.

Но такая ситуация в науке будет продолжаться и дальше, с точки зрения диалектики она будет существовать всегда, поскольку атом, электрон *и так далее* суть только ступени или вехи, которые проходит наука, углубляясь в познание материи. Ленин цитирует работу И. Дицгена, где сказано, что «всякая частичка, будь то частица пыли или камня или дерева, есть нечто *непознаваемое до конца...* т. е. каждая частичка есть неисчерпаемый материал для человеческой познавательной способности...» [3, 18, с. 121]. Поэтому, согласно И. Дицгену, «объект науки бесконечен», «неизмеримым, непознаваемым до конца, *неисчерпаемым* является не только бесконечное, но и «самый маленький атом», ибо «природа во всех своих частях без начала и без конца» [3, 18, с. 276]. «Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно существует, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание и отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма и идеализма» [3, 18, с. 277-278].

Дальше Ленин еще раз повторил эту же мысль: «...природа бесконечна, как бесконечна и мельчайшая частица ее (и электрон в том числе), но разум... бесконечно превращает „вещи в себе" в „вещи для нас"» [3, 18, с. 330].

Диалектика, требующая конкретного подхода ко всякому явлению, применена Лениным и к анализу развития современного естествознания и всего его методологического состояния. Здесь Ленин вскрывает глубокую противоречивость развития науки в эпоху империализма: во-первых, это подлинная *революция* во взглядах на материю, на мир, бурное движение познания вперед; во-вторых, это резкая реакция в философских выводах, это попятное движение в сторону давно отживших философских систем и учений. И обе противоположные стороны научного развития, обе эти противоречивые его тенденции закономерно связаны между собой и взаимно влияют одна на другую.

Ленин ссылается на Динэ-Дэнеса, который уловил лишь момент революции в естествознании, но не увидел связи ее с философской реакцией, с появлением «физического» идеализма, приведшего к кризису не только современную физику, но и все естествознание. Недостатком же статьи Динэ-Дэнеса было, как отмечает Ленин, «игнорирование гносеологических выводов, которые делаются из „новой“ физики и которые специально интересуют нас в настоящее время... связь новой физики или, вернее, определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями современной идеалистической философии не подлежит ни малейшему сомнению. Разбирать махизм, игнорируя эту связь, — как делает Плеханов, — значит издеваться над духом диалектического материализма, т. е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса» [3, 18, с. 264, 265].

Читая опубликованную в 1909 г. статью А. М. Деборина «Диалектический материализм», Ленин выделил слова автора, касающиеся характеристики революции в физике: «В чем, в самом деле, заключается сущность *нового течения в области естествознания?* — задавал вопрос автор, и Ленин подчеркнул это (как и далее). — Прежде всего в том, что атом, который физики представляли себе неизменным и наиболее простым, т. е. элементарным и неразложимым „телом“, оказывается состоящим из еще более элементарных единств, или частиц. Предполагают, что в электронах мы имеем перед собой последние элементы бытия. Но разве диалектический материализм утверждает, что атом есть абсолютная граница бытия?..»

На полях против этого текста у Ленина написано: «Ага! Плеханов молчит об этом „новом течении“, *не знает* его. Деборин *неясно* его представляет» [3, 29, с. 532 — 533]. Неясно потому, что Деборин не видит связи революции в физике с «физическим» идеализмом.

А против последнего вопроса Ленин записал: «Верно!» [3, 29, с. 533]. Революцию в физике, ее диалектику Ленин вскрыл и показал прекрасно. Приведем два места из его книги: «...диалектический материализм настаивает на приблизительном, относительном характере всякого научного положения о строении материи и свойствах ее, на отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое, по-видимому, с нашей точки зрения, непримиримое с ним и т. д.» [3, 18, с. 276]. Как ни диковинны, как ни «странны», как ни необычны новейший физические открытия — «все это только лишнее *подтверждение* диалектического материализма» [3, 18, с. 276]. И далее: «Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма. Все грани в природе условны, относительны, подвижны, выражают приближение нашего ума к познанию материи, — но это несколько не

доказывает, чтобы природа, материя сама была символом, условным знаком, т. е. продуктом нашего ума... Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней, но это не значит, чтобы природа была созданием нашего ума...» [3, 18, с. 298].

Но, как было сказано выше, именно эта величайшая революция в физике, полностью и блестяще подтверждавшая диалектический материализм, была прямо использована философами-идеалистами и представителями «физического» идеализма в явно реакционных целях. Показав, что первая (гносеологическая) причина «физического» идеализма кроется в неправильно толкуемой математизации физики, Ленин пишет: «Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки. Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками. «Материя исчезает», остаются одни уравнения. На новой стадии развития и, якобы, по-новому получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природе» [3, 18, с. 326].

По аналогичному поводу в другом месте книги Ленин пишет в связи с выяснением того, как можно элиминировать из уравнения ту или другую величину, связанную с конкретным материальным образованием или его свойством: «Понятно, что если какое-нибудь *тело* взять за единицу, то движение (механическое) всех прочих тел можно выразить простым отношением ускорения. Но ведь „тела“ (т. е. материя) от этого вовсе еще не исчезают, не перестают существовать независимо от нашего сознания. Когда весь мир сведут к движению электронов⁴¹, из всех уравнений можно будет удалить электрон именно потому, что он везде будет подразумеваться, и соотношение групп или агрегатов электронов сведется к взаимному ускорению их, — если бы формы движения были так же просты, как в механике» [3, 18, с. 305 — 306].

Что же представляет собой кризис физики, кризис естествознания? Махисты выдавали его за кризис упадка и даже гибели, крушения всей науки. Это был глубоко *пессимистический* прогноз, вполне созвучный идеалистической философии. Ленин, напротив, видел в этом кризисе временный зигзаг в развитии науки, вполне и неизбежно преодолимый в ходе дальнейшего научного движения. Это был глубоко *оптимистический* прогноз, созвучный диалектике, диалектическому материализму. «Уклон в сторону реакционной философии, — говорит Ленин, — обнаружившийся... у одной школы естествоиспытателей в одной отрасли естествознания, есть временный зигзаг, преходящий болезненный период в истории науки, болезнь роста, вызванная

⁴¹ Т. е. представят его как их движение. — Б. К.

больше всего *крутой ломкой*⁴² старых установившихся понятий» [3, 18, с. 323].

Отсюда раскрываются благоприятные перспективы для научного прогресса, и на этой основе Ленин строит свой замечательный прогноз, полностью оправдавшийся в наши дни: «Материалистический основной дух физики, как и всего современного естествознания, победит все и всяческие кризисы, но только с неременной заменой материализма метафизического материализмом диалектическим» [3, 18, с. 324].

Диалектический подход характерен для ленинской критики махизма, когда махизм рассматривается как живое философское течение,двигающееся и развивающееся в определенном направлении. С таких именно позиций написана IV глава «Философские идеалисты, как соратники и преемники эмпириокритицизма». Прежде всего Ленин определяет «место» того или иного философского течения в общей совокупности взаимосвязанных и поразному относящихся друг к другу течений философии, прежде всего поразному критикующих одно другое и борющихся между собой. Так, Ленин выявляет существенное различие в критике «кантианства слева и справа» [3, 18, с. 202]; говоря «о двойкой критике Дюринга» [3, 18, с. 251], он вскрывает тенденции развития прогрессивной философии прошлого века, отмечая, что «*вся школа Фейербаха, Маркса и Энгельса пошла от Канта влево...*» [3, 18, с. 213]. Материалистам Ленин противопоставляет махистов, которые пошли за *реакционным* направлением в философии.

С позиций диалектики как учения о развитии в его полном виде Ленин ставит и разбирает вопрос: «Куда растет эмпириокритицизм?» [3, 18, с. 227].

Специально и подробно Ленин останавливается на анализе философской эволюции Богданова [3, 18, с. 173 — 174]. «За девять лет, с 1899 по 1908 год, Богданов прошел четыре стадии своего философского блуждания». Сначала он был «естественноисторическим» материалистом. Вторая ступень — модная в те годы энергетика Оствальда. Потом он перешел к Маху. Четвертая ступень — попытки убрать некоторые противоречия махизма, создав подобие объективного идеализма. В итоге Богданов описал дугу почти в 180°, начиная от своего исходного пункта. И Ленин ставит тут вопрос, полный глубочайшей диалектики: «Дальше ли отстоит эта стадия богдановской философии от диалектического материализма, или ближе, чем предыдущие стадии? Если он стоит на одном месте, тогда, разумеется, дальше. Если он продолжает двигаться вперед по такой же кривой линии, по которой он двигался девять лет, то тогда ближе: ему нужен теперь *только* один серьезный шаг, чтобы снова повернуть к материализму,

⁴² Т. е. революцией в физике. — Б. К.

именно — универсально выкинуть вон свою универсальную подстановку» [3, 18, с. 243-244].

Это положение Ленина перекликается с тем, которое позднее (спустя семь лет) он записал в «Философских тетрадах»: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм. Диалектический идеализм вместо умный; метафизический, неразвитый, мертвый, грубый, неподвижный вместо глупый» [3, 29, с. 248].

Беря анализируемое явление в развитии, Ленин вскрывал его возможные перспективы, тенденции дальнейшего движения. «Поживем — увидим, — заключал он, — долго ли еще будет расти китайская коса махистского идеализма» [3, 18, с. 244].

С таких же диалектических позиций Ленин подходит к анализу любой философской школы или концепции. Так, он показывает глубокую противоречивость оствальдовской энергетики: она открыто провозглашает явно идеалистический тезис о «чистом» движении, якобы отозванном от материи. Но вместе с тем само естествознание трактует превращение энергии как объективный процесс, независимый от сознания человека и опыта человечества. «И у самого Оствальда в массе случаев, даже вероятно в громадном большинстве случаев, под энергией разумеется *материальное* движение» [3, 18, с. 288], — подчеркивает Ленин. Из ленинского анализа энергетики прямо вытекает, что у нее, как и у всякой половинчатой, внутренне противоречивой концепции, имеются два пути дальнейшей эволюции: либо вправо, в сторону усиления реакционной, идеалистической струи, либо влево, в ту сторону, где материалистическая струя возьмет верх над идеалистической.

В том же, 1908 г. этот фактический прогноз Ленина блестяще осуществился: в предисловии к 4-му изданию «Оснований неорганической химии» Оствальд открыто признал объективную реальность атомов и молекул, отрицавшуюся им до тех пор, и, следовательно, признал полное поражение своей энергетики.

В этом разделе данного очерка мы смогли раскрыть содержание книги Ленина и ее историческое значение лишь в малой степени⁴³ и лишь в той

⁴³ Подробнее это сделано в других наших работах. Таковы три монографии — «Ленин и революция в естествознании. Философия и естествознание» (М., 1969); «Ленин и диалектика естествознания. Материя и движение» (М., 1971), «Ленин и научные революции Естествознание. Физика» (М., 1980); два учебных пособия — «Как изучать книгу В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“» (М., 1972) и «К изучению книги В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“; (Ответы на вопросы)» (М., 1973); три брошюры — «Книга В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм и современное естествознание“» (М., 1959) и «Ленинские

связи, которая показывала, как конкретно применял Ленин диалектический метод к анализу философской борьбы партий в науке. Это важно было нам сделать потому, чтобы показать, как уже в ходе работы Ленина над своей книгой все больше и больше вызревала задача самостоятельной разработки диалектики. Создание же труда по диалектическому *материализму* теперь было уже решено выходом в свет «Материализма и эмпириокритицизма».

Годы реакции и начавшегося подъема рабочего движения. (Ленинские работы 1908 — 1913 гг.)

В первые годы реакции, начавшейся после поражения русской революции 1905 — 1907 гг., встала задача теоретического осмысления опыта минувшей революции и его обобщения. Здесь снова и снова вставал вопрос об умении подходить конкретно к анализу исторических событий, подходить с позиций марксистской диалектики. В статье «По поводу двух писем» (ноябрь 1908 г.) Ленин писал: «...всякий политический вопрос марксисты обязаны ставить *конкретно*, а не абстрактно, учитывая *всю* революционную обстановку в целом, а не одно только до убожества голое соображение: „если есть представительство, то надо представлять"» [3, 17, с. 300].

Особенно остро вставал вопрос о содержании (характере) самой революции и ее движущих силах. Меньшевики из того обстоятельства, что революция была буржуазной по своему содержанию, т. е. должна была выполнить задачи, стоявшие перед буржуазной революцией, игнорировали тот факт, что ее гегемоном был революционный пролетариат, выступающий в союзе с крестьянством, а сама революция была поэтому буржуазно-демократической. Из одного признания ее буржуазной меньшевики автоматически делали вывод, что ее движущей силой должна быть якобы русская либеральная буржуазия, которая к этому времени целиком перешла на позиции контрреволюции. «Таким образом, — пишет Ленин в статье „К оценке русской революции" (апрель 1908 г.), — мы видим, что понятие буржуазной революции недостаточно еще определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции» [3, 17, с. 44]. И далее: «...для конкретного определения тактики революционной партии в самые бурные времена переживаемого страной общенационального кризиса явно недостаточно одного указания на те классы, которые способны *действовать* в духе победоносного завершения революции. Революционные периоды тем и отличаются от периодов так называемого мирного развития... что *формы* борьбы в периоды первого вида неизбежно бывают *гораздо разнообразнее*... Поэтому, если при оценке революционных периодов мы

предвидения в области естествознания на основе материалистической диалектики» (М., 1969)
«Ленин. Наука. Социальный прогресс» (М., 1982).

ограничимся определением *линии* действия разных классов, не анализируя *форм* их борьбы, то наше рассуждение с научной точки зрения будет неполно, недialeктично...» [3, 17, с. 42 — 43].

В статье «„Левение" буржуазии и задачи пролетариата» (апрель 1909 г.) Ленин писал, что «меньшевики проявляют поразительную слепоту и непонимание диалектики марксизма» [3, 17, с. 413] в отношении характера буржуазно-демократической революционности русского крестьянства. Что же касается эсеров, то в статье «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам» (январь 1909 г.) Ленин показал, что эсеры «не знают ни исторического материализма, ни диалектического метода Маркса, оставаясь целиком в плену вульгарных буржуазно-демократических идей» [3, 17, с. 345-346].

Назвав далее несколько разных форм классовой борьбы, Ленин разъясняет, что «диалектика истории такова, что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой нисколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке» [3, 17, с. 346].

Этого не могут понять эсеры, рассуждающие исходя из субъективного метода в социологии и неспособные проверять свои рассуждения с помощью объективных данных.

Вопросы диалектики Ленин затрагивает в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» (июнь 1908 г.). Здесь, как и раньше, воюя против метода средних цифр, Ленин показывает, например, как поляризуется в классовом отношении русская деревня и как на одном ее полюсе выделяется арендатор-бедняк, а на другом — арендатор-богач, о чем свидетельствует величина арендуемой ими земли. «Ясно, что здесь количество переходит в качество» [3, 17, с. 88], — констатирует он.

Исключительно важна во всех отношениях, особенно с философской точки зрения, работа Ленина «Об отношении рабочей партии к религии» (май 1909 г.). Она во многом перекликается с «Материализмом и эмпириокритицизмом». В ней Ленин говорит: «Философской основой марксизма, как неоднократно заявляли и Маркс и Энгельс, является диалектический материализм...» [3, 17, с. 415]. Далее он пишет, что человек, не вдумавшийся в основы диалектического материализма, т. е. философии Маркса и Энгельса, может не понять [3, 17, с. 420] противоречий, возникающих в ходе борьбы марксистской партии против религии. У некоторых возникает возражение: как можно подчинить эту борьбу

классовой борьбе? «Подобное возражение, — подчеркивает Ленин, — принадлежит к числу ходячих возражений против марксизма, свидетельствующих о полном непонимании марксовой диалектики. Противоречие, смущающее тех, кто возражает подобным образом, есть живое противоречие живой жизни, т. е. диалектическое, не словесное, не выдуманное противоречие. Отделять абсолютной, непреходимой гранью теоретическую пропаганду атеизма, т. е. разрушение религиозных верований у известных слоев пролетариата, и успех, ход, условия классовой борьбы этих слоев — значит рассуждать недиалектически, превращать в абсолютную грань то, что есть подвижная, относительная грань, — значит насильственно разрывать то, что неразрывно связано в живой действительности» [3, 17, с. 420].

Ленин сопоставляет далее диалектическую позицию марксизма с антидиалектической позицией анархизма: «Анархист, проповедуя войну с богом во что бы то ни стало, на деле помог бы попам и буржуазии (как и всегда анархисты *на деле* помогают буржуазии). Марксист должен быть материалистом, т. е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т. е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почву отвлеченной, чисто теоретической, всегда себе равной проповеди, а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей *на деле* и воспитывающей массы больше всего и лучше всего. Марксист должен уметь учитывать всю конкретную обстановку, всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (эта граница относительна, подвижна, переменна, но она существует), не впадать ни в абстрактный, словесный, на деле пустой „революционаризм" анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента...» [3, 17, с. 421].

Эти отрывки прекрасно иллюстрируют то, как Ленин понимал Марксову диалектику и как он ее применял *на деле*. В статье «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства» (сентябрь 1909 г.) Ленин развил свою критику теоретических посылок анархистов и показал, в чем корень их ошибок: «...они, ввиду в корне неправильных представлений о ходе общественного развития, не умеют учесть особенностей конкретного политического (и экономического) положения в разных странах, обуславливающих специфическое значение *для известного периода времени* то одного, то другого средства борьбы... Те, кто вздумал бы целиком приравнять условия той или другой страны, впали бы в целый ряд крупнейших ошибок. Но попробуйте поставить вопрос так, как обязательно ставить его марксисту: в чем специфическая особенность политики и тактики русских социал-демократов данного момента?» [3, 19, с. 79 — 80].

В ленинской статье «Разногласия в европейском рабочем движении» (декабрь 1910 г.) Ленин вскрывает объективные источники этих разногласий, заключающихся прежде всего в одностороннем восприятии марксизма отдельными группами и лицами.

Первый источник — это то, что отсталые и отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового миросозерцания или отдельные лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного миросозерцания вообще и буржуазно-демократического миросозерцания в частности.

Другим «постоянным источником разногласий является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий» [3, 20, с. 65]. Ленин показывает далее, в чем состоят эти противоречия, которые несет с собой капитализм. Капитализм, например, сам создает своего могильщика (пролетариат), сам творит элементы нового строя, и в то же время без «скачка» (т. е. без социальной революции) все эти моменты не затрагивают господства капитала. «Эти противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма» [3, 20, с. 66]. Здесь Ленин опять называет марксизм *теорией диалектического материализма*, подчеркивая тем самым его философские основы. Далее он поясняет, что «массы учатся из жизни, а не из книжки, и поэтому отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики то одну, то другую черту капиталистического развития, то один, то другой „урок“ этого развития» [3, 20, с. 66].

Буржуазные идеологи постоянно перескакивают от одной беспомощной крайности к другой. Анархо-синдикализм и реформизм являются прямым продуктом буржуазного миросозерцания: они хватаются за *одну* какую-нибудь сторону рабочего движения, возводят ее в теорию, объявляют «взаимно исключаящими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса. А действительная жизнь, — подчеркивает Ленин, — действительная история *включает* в себя эти различные тенденции, подобно тому, как жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности» [3, 20, с. 66].

Ревизионисты считают лишь фразами все рассуждения о «скачках» (революциях) и принципиальной противоположности рабочего движения всему старому обществу. Они считают реформы частичным осуществлением социализма.

Анархо-синдикалисты, отвергают «мелкую работу» (например, использование парламентской трибуны). На деле такая тактика сводится к поджиданию «великих дней» при неумении собирать для них силы.

И те и другие тормозят сплочение рабочих в крупные организации, умеющие функционировать при *всяких* условиях, воспитываемые в действительно марксистском мирозерцании.

С этими положениями перекликается мысль Ленина, высказанная в письме к Горькому от 16 сентября 1909 г.: «Прав был философ Гегель, ей-богу: жизнь идет вперед противоречиями, и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется» [3, 47, с. 219].

Конкретность подхода к анализу любого вопроса Ленин применяет и к самому марксизму, к его развитию. В статье «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» (январь 1911 г.) он пишет: «Но задачи ближайшего и непосредственного действия изменялись за это время⁴⁴ очень резко, как изменялась конкретная социально-политическая обстановка, — а следовательно, и в марксизме, как в живой доктрине, *не могли* не выдвигаться на первый план *различные* стороны его» [3, 20, с. 85].

Приведя слова Энгельса «наше учение не догма, а руководство для действия», Ленин отмечает, что те, кто упускает это из виду, делают марксизм односторонним, уродливым, мертвым, вынимают из него его душу живую, подрывают «его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии» [3, 20, с. 84].

Не заучивание или выучивание положений марксизма и лежащей в его основе диалектики, а умение связывать их постоянно и гибко с живой практикой, *применять* на деле — такова установка подлинного марксизма, как этому учили Маркс и Энгельс и как это воспринял от них Ленин. Нельзя подрывать связи марксизма «с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории» [3, 20, с. 84].

⁴⁴ За шесть лет после 1905 г. — Б. К.

Подытоживая с этих позиций истекшее шестилетие, Ленин пишет: «Диалектика исторического развития оказалась такова, что в первый период⁴⁵ на очереди дня стояло осуществление непосредственных преобразований во всех областях жизни страны, а во второй — переработка опыта, усвоение его более широкими слоями... Именно потому, что марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно-резкой смены условий общественной жизни» [3, 20, с. 87 — 88].

Эти положения Ленин развивает дальше в статье «Наши упразднители» (февраль 1911 г.). Он пишет: «При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма... В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции — марксистская политика, после революции — марксистская философия. Это не значит, что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне» [3, 20, с. 128].

В дальнейшем Ленин указывает, что в передовых течениях русской мысли нет такой великой философской традиции, которая была у французов (энциклопедисты XVIII в.) и у немцев (классическая философия от Канта до Гегеля и Фейербаха); для передового класса России запоздалая философская «разборка» произошла во время реакции, когда пролетариат «переваривал» богатые уроки революции. Это было то время, «когда основные теоретические, и в том числе философские, вопросы для всякого *живого* направления выдвигаются на одно из первых мест» [3, 20, с. 128]. «Эта философская „разборка“, — добавляет Ленин, — подготовлялась давно и в других странах мира постольку, поскольку, например, новая физика поставила ряд новых вопросов, с которыми должен был „сладить“ диалектический материализм» [3, 20, с. 128].

В заметке «По поводу юбилея» (февраль 1911 г.) (о крестьянской реформе 1861 г.) Ленин поднимает теоретико-философский вопрос, касающийся диалектики: «Понятие реформы, несомненно, противоположно понятию революции; забвение этой противоположности, забвение той грани, которая разделяет оба понятия, постоянно приводит к самым серьезным ошибкам во

⁴⁵ Годы революции. — Б. К.

всех исторических рассуждениях. Но эта противоположность не абсолютна, эта грань не мертвая, а живая, подвижная грань, которую надо уметь определить в каждом отдельном конкретном случае. Реформа 1861 года осталась только реформой в силу крайней слабости, бессознательности, распыленности тех общественных элементов, интересы которых требовали преобразования» [3, 20, с. 167].

Подвижность, текучесть граней, разграничивающих различные общественные явления, Ленин отмечает и в статье «Избирательная кампания в IV Государственную думу» (декабрь 1911 — январь 1912 г.). «Разумеется, — пишет он, — все грани и в природе и в обществе подвижны, в известной степени условны, изменчивы, а не мертвы. Переходные формы и колебания партий и групп, стоящих „на границе“ основных делений, неизбежны, но суть дела, порожденная соотношением классовых сил в России начала XX века, несомненно, определяется именно указанным „тройственным“ делением» [3, 21, с. 39]. (Ленин говорит о трех *основных* политических силах в тогдашней России.)

О диалектике говорится и в ленинской заметке «Старое и новое» (декабрь 1911 г.). Здесь Ленин приводит вывод Н. Николина: «Одинаково вредно как увлечение старыми способами действия, так и резко отрицательное к ним отношение» — и говорит по поводу него: «Этот вывод, по-моему, не диалектический, а эклектический. Безрассудное безрассудно и поэтому всегда и безусловно вредно; ...чтобы придать этой части вывода живое, диалектическое, значение, надо бы сказать, примерно: попытка оправдать отказ от участия в III или IV Думе ссылкой на старые способы действия была бы величайшей ошибкой, пустой фразой, бессодержательным выкриком... именно потому, что необходимо резко положительное отношение к этим способам» [3, 21, с. 59 — 60].

Так, Ленин учил, как надо преодолевать эклектицизм и творчески, на деле, в конкретных случаях применять диалектику.

Но особенно ярко Ленин говорит о диалектике в статье «Памяти Герцена» (апрель — май 1912 г.). Герцен, пишет он, сумел подняться в крепостной России 40-х годов XIX в. «на такую высоту, что встал на уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя „алгебру революции“. Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом... Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом.

Эта „остановка“ и вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 года» [3, 21, с. 256].

Сходную оценку Ленин дает Чернышевскому в «Материализме и эмпириокритицизме», где рассматривает «гносеологическую позицию великого русского гегельянца и материалиста Н. Г. Чернышевского» [3, 18, с. 381]. «Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» [3, 18, с. 384].

Обратим внимание: оценка Герценом гегелевской диалектики как «алгебры революции» должна была вновь и вновь наводить на мысль о необходимости ее специальной разработки в обстановке приближающегося нового подъема рабочего класса России и в преддверии грядущей (второй) русской революции, о неизбежности которой Ленин часто писал.

Фактически то же о диалектике Ленин пишет Б. Н. Книповичу 6 июня 1912 г.: «За рядами цифр не упускаются ли иногда из виду *типы*, общественно-экономические *типы* хозяйств (крепкий хозяин-буржуа; средний хозяйчик; полупролетарий; пролетарий)?⁴⁶ Опасность эта *очень* велика в силу *свойств* статистического материала. „Ряды цифр“ увлекают. Я бы советовал автору учитывать эту опасность: наши „катедры“ безусловно *душат* таким образом живое, марксистское, содержание данных. Топят классовую борьбу в рядах и рядах цифр. У автора этого *нет*, но в большой работе, предпринимаемой им, учесть эту опасность, эту „линию“ катедров, либералов и народников следует сугубо. Учесть и *обрезать* ее, конечно» [3, 48, с. 64].

Так Ленин преподавал урок живой диалектики, показав, как надо пользоваться ею на практике. Спустя полтора года по другому поводу он преподавал такой же урок в письме Инессе Арманд (конец декабря 1913 г.). Он высмеял людей, которые «гонятся за *словом*, не вдумываясь, как дьявольски сложна и хитра жизнь, дающая *совсем новые* формы, лишь частью „уцепленные“ нами.

Люди большей частью (...около 60 — 70% из большевиков) не умеют *думать*, а только *заучивают* слова. Заучили слово: „подполье“. Твердо. Повторить могут. Наизусть знают.

А как надо изменить его *формы*, в новой обстановке, как для этого заново учиться и думать надо, этого мы не понимаем» [3, 48, с. 242-243].

Если, по признанию Ленина, около двух третей большевиков не умеют думать и только заучивают слова, то, значит, им необходима диалектика («хитрая диалектика»), чтобы понимать «хитрую» механику рабочего

⁴⁶ Т. е. качественный момент за чисто количественным. — Б. К.

движения и партийной работы, использования новых и *хитрых* форм подполья и ячеек, о которых идет речь в упомянутом письме Ленина.

На вопрос, как и у кого надо рабочим учиться философии, Ленин отвечает в заметке «К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена» (май 1913 г.): «Вот значение Дицгена: рабочий, самостоятельно пришедший к диалектическому материализму, т. е. к философии Маркса... Чтобы стать сознательными, рабочие должны читать И. Дицгена, но *не забывать* ни на минуту, что он дает *не всегда верное* изложение учения Маркса и Энгельса, у которых только и можно *учиться* философии» [3, 23, с. 117-118].

Далее Ленин объясняет значение диалектики в философии: «И. Дицген писал в такую эпоху, когда всего шире был распространен опрошенный, опошленный *материализм*. Поэтому И. Дицген особенно напирал на исторические изменения материализма, на *диалектический* характер материализма, то есть на необходимость стоять на точке зрения развития, понимать относительность каждого человеческого познания, понимать всестороннюю связь и взаимозависимость всех явлений мира, доводить материализм естественноисторический до материалистического взгляда на историю» [3, 23, с. 118].

Далее Ленин вскрывает некоторые философские ошибки у Дицгена: «Напирая на относительность человеческого познания, И. Дицген часто попадает в путаницу, делая неправильные уступки идеализму и агностицизму... Но, в общем и целом, И. Дицген — материалист» [3, 23, с. 118-119].

Мы видим, как Ленин все ближе и ближе подходит к постановке задачи — изложить диалектику в развитии взглядов Маркса и Энгельса, но с учетом всего нового, что дали после них история и естествознание. С этой точки зрения очень показательна ленинская работа «Три источника и три составных части марксизма» (март 1913 г.). Все марксистское учение, весь марксизм Ленин рассматривает здесь в историческом (диалектическом) аспекте, показывая, что «в марксизме нет ничего похожего на „сектантство“ в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма... Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке...» [3, 23, с. 40 — 43].

Среди трех источников марксизма Ленин первым выделяет философию: «Философия марксизма есть *материализм*... Но Маркс не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля... Главное из этих приобретений — *диалектика*, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи. Новейшие открытия естествознания — радий, электроны, превращение элементов — замечательно подтвердили диалектический материализм Маркса, вопреки учениям буржуазных философов...» [3, 23, с. 43 — 44].

Здесь ясно выражено исходное общее положение (первый момент), состоящее в показе диалектики как учения о развитии в его полном виде, т. е. как распространенного на области познания учения об относительности (изменчивости) человеческого знания. Об этом Ленин писал и в статье, посвященной памяти Дицгена. И тут же второй момент — подтверждение диалектико-материалистических взглядов марксизма данными новейшего естествознания. Наконец, третий момент выражен как распространение материалистической диалектики на общество: «Углубляя и развивая философский материализм⁴⁷, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*», что показало, «как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий...» [3, 23, с. 44].

И снова при характеристике диалектического метода Ленин подчеркивает присущий этому методу конкретно-исторический подход к изучаемым явлениям и требование опираться на строго проверенные факты.

В статье «О праве наций на самоопределение» (февраль — май 1914 г.) Ленин начинает ее второй раздел, носящий подзаголовок «Историческая конкретная постановка вопроса», следующими словами: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране... учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи» [3, 25, с. 263 — 264].

И далее Ленин показывает, что означает это безусловное требование марксизма (его диалектики) в применении к вопросу о праве наций на самоопределение.

⁴⁷ Следовательно обогащая его диалектикой. — Б. К.

Серию статей «Спорные вопросы (открытая партия и марксисты)» (апрель — июнь 1913 г.) Ленин начинает с вопроса: «Как доискаться истины? Как разобраться среди противоречащих друг другу мнений и утверждений?» — и отвечает: «Всякий разумный человек понимает, что если идет горячая борьба из-за какого бы то ни было предмета, то для установления истины необходимо не ограничиваться заявлениями спорящих, а самому проверять *факты* и *документы*, самому разбирать, есть ли показания *свидетелей* и достоверны ли эти показания» [3, 23, с. 67]. Та же мысль высказана в ленинских заметках «Нечто об итогах и фактах» (апрель 1913 г.) и «Вниманию читателей „Луча“ и „Правды“» (май 1913 г.). В последней заметке говорится, что, разбираясь в серьезном споре между обеими газетами, «рабочие познакомятся с *фактами* партийной жизни, приучатся отличать в этом споре верное и принципиальное от мелкого и случайного, будут искать *классовых* корней разброда» [3, 23, с. 115].

Так учил Ленин марксистов обосновывать свою позицию в споре со своими противниками и одновременно показывать слабость, уязвимость, необоснованность их позиций.

* * *

Мы подошли вплотную к тому моменту, когда у Ленина родился замысел создать специальный труд по диалектике и когда он приступил к его выполнению (сентябрь 1913 — сентябрь 1914 г.). Из всего сказанного выше видно, как упорно, настойчиво возникала задача и выявлялась необходимость в таком труде, который мог бы служить руководством к изучению марксистской диалектики на уровне общественно-исторического развития всего человечества соответственно новой исторической эпохе и развития новейшего естествознания, а главное — руководством к творческому ее применению к конкретным условиям рабочего движения в России данной эпохи. Как мы показали, на протяжении всей своей научно-партийной деятельности с середины 90-х годов XIX в. и вплоть до осени 1913 г. Ленин последовательно проводил взгляд, что философской основой марксистского учения, т. е. философией марксизма является диалектический материализм. В различные исторические эпохи могут делаться различные акценты на те или иные его стороны, и эти стороны тогда выдвигаются вперед, но сам диалектический материализм всегда и неизменно выступает как единое, цельное и нерасчленимое философское учение.

Созданием труда «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин защитил и двинул вперед материализм, т. е. диалектический *материализм* (с упором на его гносеологические проблемы). Теперь, в обстановке начавшегося подъема рабочего движения в России, в ожидании и предвидении второй русской

революции, как воздух, нужен был для партии большевиков, для подавляющего большинства ее членов труд-руководство по материалистической *диалектике*. По отдельным поводам, в отдельных случаях Ленину приходилось все чаще разъяснять, что такое диалектика, и учить, как ее надо применять. Назрел момент перейти от отдельных, частных ситуаций к изложению ее в общей форме, как «алгебры революции» (или, лучше сказать, как «высшей математики революции»). Теперь не доставало только *толчка*, чтобы у Ленина *мог родиться и оформиться такой замысел*. И такой толчок пришел осенью 1913 г., когда Ленин познакомился с перепиской Маркса и Энгельса. Из нее-то Ленин и узнал о нереализованном замысле Маркса создать философский труд по диалектике и о том, какими путями и способами Маркс намеревался осуществить свой замысел. Толчок был дан, и могучая творческая мысль Ленина заработала в данном ей направлении. Произошла переключка титанов мысли: задуманное когда-то более полувека назад Марксом было подхвачено и двинуто вперед Лениным.

Очерк 9 Рождение замысла (1913-1914)

Как мы видели, двадцатилетняя теоретическая и революционно-практическая деятельность подводила В. И. Ленина к необходимости самому взяться за творческую разработку марксистской диалектики применительно к условиям новой исторической обстановки и задачам, которые встали перед революционным марксизмом. Теперь мы перейдем к выяснению того, какое именно обстоятельство могло послужить непосредственным толчком к тому, чтобы Ленин задумал написать специальный труд по диалектике исходя при этом из гегелевского диалектического метода и его коренной критической переделки, т. е. двигаясь тем же путем, каким в свое время шли Маркс и Энгельс.

Затем мы рассмотрим, какие конкретные шаги для осуществления задуманной работы предпринимал Ленин и как он долгие месяцы активно занимался подготовкой к реализации этой задачи, как он искал план ее разработки, завершившийся открытием наиболее совершенного плана изложения диалектики. При этом мы остановимся на анализе двух принципов диалектики и их взаимосвязи между собой, которыми руководствовался Ленин при выработке планов изучения и изложения диалектики.

Ознакомление Ленина с замыслом Маркса.

(Работа над «Перепиской К. Маркса и Ф. Энгельса»,

сентябрь 1913 г. — начало 1914 г.)

В сентябре 1913 г. вышла в свет переписка между Марксом и Энгельсом в четырех томах под названием «Der Briefwechsel zwischen Fridrich Engels und Karl Marx, 1844 bis 1883», herausgegeben von A. Bebel und Ed. Bernstein. Ленин стал работать над этой книгой сейчас же после ее выхода в свет и закончил ее чтение в середине ноября 1913 г. В письме к М. И. Ульяновой от 13 или 14 ноября того же года из Кракова он писал: «Только что закончил чтением четыре тома переписки Маркса с Энгельсом. Хочу писать о ней в „Просвещении“. Много интересного» [3, 55, с. 345].

Эту статью Ленин начал писать в конце 1913 г., но она осталась незавершенной и была опубликована в таком незаконченном виде лишь семь лет спустя (28 ноября 1920 г.) по случаю столетия со дня рождения Энгельса. В этой статье Ленин отметил то самое главное, стержневое, что пронизывает всю переписку Маркса и Энгельса: «Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, — тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» [3, 24, с. 264].

Обратим внимание: в переписке содержится не иллюстрирование диалектики, ее принципов, законов и категорий примерами, а творческое *применение* диалектики к решению вопросов из самых различных областей науки и революционной практики, следовательно, конкретизация диалектики и ее дальнейшее развитие путем этой конкретизации — вот что отмечает со всей ясностью Ленин, читая письма Маркса и Энгельса друг к другу.

Есть основание предполагать, что над составлением конспекта «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса» Ленин работал в течение нескольких месяцев, причем не только до, но и после середины ноября 1913 г. При этом Ленин неоднократно перечитывал «Переписку», о чем говорят многочисленные подчеркивания и надписывания в ее тексте карандашами четырех разных цветов; ленинский конспект «Переписки» носит следы неоднократных поправок и возвращений [4, с. 425, примеч. I]. Сам Ленин датировал свою незаконченную статью о «Переписке» 1913 или началом 1914 г.

Оставшаяся недописанной статья Ленина «Переписка Маркса с Энгельсом» содержит, кроме краткой вводной части, лишь раздел I «Общий обзор». В

дальнейшем Ленин намеревался дать «очерк наиболее интересных замечаний и рассуждений Маркса и Энгельса, отнюдь не претендуя на исчерпывание всего содержания писем» [3, 24, с. 264]. Но, как уже было сказано ранее, стержнем наиболее интересных высказываний Маркса и Энгельса была диалектика и ее конкретизация применительно к различным областям науки и практической деятельности партии рабочего класса. Поэтому очерк, который намеревался писать Ленин, должен был быть прежде всего очерком о диалектике и ее конкретном применении.

Именно над такой статьей, по всем данным, и начал работать Ленин в конце 1913 и начале 1914 г. Здесь возникает вопрос: почему же Ленин не осуществил этого своего намерения? Не довел до конца уже начатую им статью, которая в первую очередь освещала бы диалектику в переписке Маркса с Энгельсом? Можно высказать предположение, что произошло это потому, что в ходе подготовки указанной статьи Ленин пришел к выводу о целесообразности и необходимости, отталкиваясь от диалектики Маркса и Энгельса, написать самому работу о диалектике применительно к новой исторической обстановке — эпохе империализма и пролетарской революции — и к новому уровню развития естествознания — новейшей революции и кризису в нем.

Разумеется, это только предположение, но оно имеет под собой глубокое основание, поскольку спустя всего несколько месяцев (в сентябре 1914 г.) Ленин вплотную начал заниматься подготовкой своего собственного труда по диалектике, что отражено в «Философских тетрадах». Можно думать, что еще в течение первых месяцев 1914 г. Ленин готовил труд по диалектике в виде обзора высказываний Маркса и Энгельса в «Переписке». Однако весной 1914 г эта работа, по-видимому, была прервана, о чем будет сказано ниже. Пока же мы рассмотрим ход работы Ленина над томами «Переписки», которая протекала в следующей последовательности: Ленин сначала стал изучать письма 1854 — 1860 гг. (т. II), затем письма 1868 — 1883 гг. (т. IV), после чего обратился к письмам 1844 — 1853 гг. (т. I) и закончил письмами 1861 — 1867 гг. (т. III). В заключение на одиннадцати страницах своего конспекта Ленин сделал подробные выписки из ранее законспектированных писем. Итак, читать «Переписку» Ленин начал с писем 1854 — 1860 гг. Это значит, что упоминавшиеся нами в очерке 2 письма о диалектике, написанные в 1858 г., Ленин прочел почти в самом начале своего знакомства с «Перепиской».

На шестой странице ленинского конспекта «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса» изложено уже неоднократно упоминавшееся письмо Маркса к Энгельсу от 14 января 1858 г., содержащее замысел Маркса. Запись Ленина гласит: «*Рациональное* в „Логике“ Гегеля и его методе. II Маркс 1858: снова

перелистовал „Логику" Гегеля и хотел бы на 2 — 3 листах изложить, что в ней рационального. II [Минус его, Гегеля, „мистификация"]». На полях против этой записи Ленин озаглавил крупно ее содержание: «Рациональное в „Логике" Гегеля» [4, с. 33].

Можно считать, таким образом, что в сентябре или начале октября 1913 г. Ленин узнал о замысле Маркса изложить то рациональное, что содержалось в гегелевской «Логике», т. е. в диалектическом методе Гегеля, освободив это рациональное от гегелевской «мистификации». Ленин, разумеется, знал, что такой работы специально о диалектике, о диалектическом методе, изложенной в духе критического рассмотрения главного (рационального) содержания гегелевской «Логики», Марксу написать не пришлось. Не зародилась ли именно в этот момент у самого Ленина идея выполнить то, что не сделал в свое время Маркс? Если это так, то оформиться такая идея должна была несколько позднее, о чем мы скажем ниже. Сейчас же проследим, как отмечались Лениным вопросы диалектики при дальнейшей работе над «Перепиской».

Следующим письмом, законспектированным Лениным, было письмо Маркса к Энгельсу от 1 февраля 1858 г. Ленинская запись гласила: «„Гераклит" Лассалья — ученическая вещь. Никакой *критики понятия диалектики*» [4, с. 33]. На полях стоит отчеркнутое двумя вертикальными линиями «NB».

Эта запись непосредственно согласуется с предыдущей, в которой прямо подчеркнута поставленная Марксом задача сугубо *критического* освоения гегелевского метода, следовательно, критики самого понятия диалектики у Гегеля.

Вопросы, касающиеся диалектики подчеркиваются Лениным и в других томах «Переписки». Так, в самом начале конспекта следующего (IV) тома законспектировано письмо Маркса к Энгельсу от 8 января 1868 г.:

«Диалектика *versus?* *деревянная трихотомия* (Steina)» [4, с. 55]. На полях против этой записи Ленин отметил: «Диалектика NB» — Н отчеркнул двумя вертикальными чертами. А внизу он сделал отсылку на с. 65 своей тетради, где выписал соответствующее место из письма Маркса полностью (по-немецки): «...самое же забавное, что он (Дюринг) сопоставляет меня со Штейном, так как я занимаюсь диалектикой, а Штейн выкладывает бессмысленный набор величайших пошлостей в деревянных трихотомиях, облеченных в кое-какие гегелевские категории...» [4, с. 411].

Можно предположить, что такого рода текстуальные выписки Ленин сделал уже после составления всего своего конспекта «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса» (поскольку эти выписки вплотную примыкают к последней

странице конспекта) и что их назначение состояло в том, чтобы процитировать полностью соответствующие места «Переписки» при написании очерка о их содержании.

Следующим законспектировано письмо Маркса к Энгельсу от 11 января 1868 г. Запись гласит: «Фейербах виноват в непонимании диалектики Гегеля» [4, с. 55]. Далее идут две вертикальные черты и жирная отметка:

«NB Фейербах и диалектика». В конце же конспекта на с. 66 Ленин сначала записал свое замечание, что Маркс в каталоге Британского музея вычитал, что Дюринг, великий философ, написал диалектику против Гегеля. Далее шла цитата из письма Маркса от 11 января 1868 г.: «Господа в Германии (за исключением реакционных богословов) полагают, что диалектика Гегеля — „мертвая собака". На совести Фейербаха большой грех в этом отношении». Прочитанное место отмечено двумя чертами и знаком «NB». Далее в письме Маркса к Энгельсу от 25 марта 1868 г. выделено место, которое законспектировано так: «Гегель не видел, как абстрактные понятия вытекают из нашего оборота (сношений)» [4, с. 60]. На полях за двумя жирными чертами записано: **«Гегель и его недостатки».** Цитата же на с. 66 конспекта гласит (как высказанная между прочим); «Но что бы сказал старик Гегель, если бы узнал на том свете, что *общее* (Allgemeine) означает у германцев и северян не что иное, как общинную землю, а частное (Sundre, Besondre) — не что иное, как выделившуюся из этой общинной земли частную собственность. Выходит, что логические категории — проклятие — прямо вытекают из „наших отношений" (aus unserem Verkehr)» [4, 60].

В дальнейшем Ленин выделяет три письма, касающихся Дицгена и его работы о диалектике. Из письма Маркса к Энгельсу от 4 октября 1868 г. (речь шла о посылке манускрипта Дицгена) Ленин выписал место, где Маркс высказывал свое мнение о том, что было бы лучше всего, если бы Дицген изложил все свои мысли на *двух печатных листах*. «Если же он опубликует их в том объеме, в каком он предполагает, то скомпрометирует себя недостаточным диалектическим развитием и тем, что вертится в одном и том же кругу» [4, с. 413]. В конспекте это место записано Лениным так: «Дицген (сократить) — вертится в кругу» [4, с. 75]. Дальше по-немецки: «Недостаток диалектического развития» и на полях: **«Дицген».**

Энгельс ответил Марксу письмом от 6 ноября 1868г., которое Ленин законспектировал так (приводим немецкие выражения в переводе на русский язык): «Энгельс о Дицгене (очень **пугано**). (Вещь в себе **как мысленная вещь гениально**, если бы его это было)» [4, с. 80]. На полях против последней фразы стоит: **«Дицген».** В приложении Ленин излагает и цитирует более подробно это письмо, в котором Энгельс отмечает, что у Дицгена

терминология «очень путаная», что его источники (Фейербах, «Капитал» и популярные сочинения по естествознанию) не велики, что сокращения не помогут: «Диалектика тоже имеется, но больше в виде проблесков, чем в связном виде» [4, с. 413].

Маркс отвечает письмом от 7 ноября 1868 г., из которого Ленин выписывает: «Исследование Дицгена, кроме тех мест, где проглядывает влияние Фейербаха и т. д., словом, его источники, я считаю вполне самостоятельной работой. В остальном согласен со всем, что ты говоришь... Очень плохо для него, что как раз Гегеля он *не* изучал» [4, с. 413]

В конспекте это письмо записано так: на полях в жирных скобках стоит: «(Маркс о Дицгене)». Далее: «Дицген (согласен с Энгельсом). **Главное — Дицген не штудировал Гегеля...**» [4, с. 82].

Эти подробные записи и выписки свидетельствуют о том, что Ленин, ссылавшийся нередко на Дицгена, подчеркивает вслед за Марксом главный недостаток в изложении диалектики Дицгеном — незнакомство с трудами Гегеля, что при изложении диалектики необходимо глубоко изучить и знать гегелевскую диалектику. Такой вывод прямо вел к возникновению замысла у Ленина, точнее, к оформлению замысла — реализовать в новых условиях оставшийся ранее неосуществленным замысел Маркса.

Интересуясь, очевидно, всем, что касается гегелевской диалектики, Ленин подробно выписывает из письма Маркса к Энгельсу от 14 апреля 1870 г. характеристику выступления Стерлинга (переводчика «Логики» Гегеля) «против Гексли и его *протоплазмы*». Стерлинг, «как шотландец, усвоил себе ложную религиозную и идейную мистику Гегеля... Но его знание гегелевской диалектики позволяет ему вскрыть слабые места Гексли, когда тот начинает философствовать...» [4, с. 417]. В конспекте это резюмировано следующим образом: «Stirling (английский гегельянец-идеалист), зная диалектику Гегеля, правильно указал *слабости Гексли*» [4, с. 127]. Конец фразы многократно отчеркнут и отмечен «NB», а на полях записано: «**Stirling. Диалектика и Гексли.**».

Ленин отмечает высокую оценку Марксом не только Гегеля, но и другого немецкого философа-идеалиста — Лейбница. На полях конспекта он записал по-английски слова: «„**Мое преклонение перед Лейбницем**“ (Маркс)» [4, с. 129], сказанные в письме Маркса к Энгельсу от 7 мая 1870 г.

Продолжая отмечать тему о диалектике в «Переписке», Ленин выписывает из письма Энгельса к Марксу от 28 мая 1876 г. (по-немецки): «Собственно **философия** — формальная логика, диалектика, метафизика и т.

д.» [4, с. 148], оговаривая «((en passant))» ((между прочим)) и отчеркивая несколькими линиями с выделением всей записи с помощью «NB».

Здесь Ленина интересует не то, что в книге Дюринга «совсем нет собственно философии», на что указывает Энгельс, а то, что именно под собственно философией понимает Энгельс.

С рассмотрением общих вопросов диалектики в ленинском Конспекте «Переписки» Маркса и Энгельса тесно связано подчеркивание диалектики «Капитала». Письмо Маркса к Энгельсу от 7 ноября 1867 г. Ленин законспектировал так: «Маркс послал **Капитал** *католическому* журналу: „первый опыт применения *диалектического метода* к политической экономии"» [4, с. 395]. Журнал этот занимался немецкими делами, как-то: немецкой философией, естествознанием, Гегелем и т. д., и Ленина заинтересовал не только факт посылки туда Марксом своего главного произведения, но и подчеркнутое Марксом указание «на эту первую попытку применения *диалектического метода* к политической экономии».

В отношении письма Энгельса к Марксу от 16 июня 1867 г. Ленин законспектировал, что Энгельс о I главе «Капитала» высказал пожелание о том, чтобы в ней было больше «историчности и конкретности...» [4, с. 388].

Далее Ленин отметил ответное письмо Маркса Энгельсу от 22 июня 1867 г. в виде краткой записи «Маркс о I главе» [4, с. 390].

Особое внимание Ленин уделил вопросу о стоимости, излагаемому Марксом. Так, он делает выписку из письма Маркса к Энгельсу 2 апреля 1858 г.: «Стоимость как таковая не имеет никакого иного „вещества", кроме самого труда... Оно само по себе уже предполагает: 1. уничтожение первобытного коммунизма (Индия и т. д.), 2. всех недоразвитых, добуржуазных способов производства, в которых обмен еще не господствует полностью. Хотя это и абстракция, но абстракция историческая, которая могла быть произведена только на основе определенного экономического развития общества» [4, с. 407]. На полях записано: «Маркс о стоимости».

Последнюю фразу Ленин внес в свой «конспект...», подчеркнув слово «*историческая*» (абстракция) [4, с. 37].

В письме Маркса к Энгельсу от 1 августа 1877 г. Ленин (отметив эту дату) подчеркнул: «**Стоимость** в политической экономии» [4, с. 152]. Далее Ленин законспектировал приведенное Марксом высказывание Кауфмана из работы «Теория колебания цен»; «**Не проводят до конца всвязи с остальными понятиями.** (Это верно, говорит Маркс, что понятие стоимости не проводят до конца во всей политической экономии. Этим грешен Адам Смит.)» [4, с. 153]. Первая фраза отчеркнута Лениным двумя жирными линиями.

В связи с анализом понятия машины и ее истории Ленин отметил в письме Маркса к Энгельсу от 28 января 1863г.: «Маркс о **понятии** машины — популярно, ясно. NB» [4, с. 305]. Отчеркнув четырьмя линиями, Ленин еще раз на полях записал «NB». Затем в том же письме он снова отметил: «История машины: часы и мельница» [4, с. 306], а на полях записал: «ср. „Капитал" I» и снова провел четыре линии. По поводу же завершения I тома «Капитала» в письме от 7 мая 1867г. Ленин законспектировал: «Маркс Энгельсу: без тебя не кончил бы „Капитала"» [4, с. 387] и в другом письме Маркса к Энгельсу: «16.VIII.1867. Кончен „Капитал"» [4, с. 392]. А перед этим из письма Маркса к Энгельсу от 13 февраля 1866 г. Ленин выписал: «„Капитал" готов (1866), но не может быть издан без доделки. Издохнуть бы» [4, с. 358].

Касаясь требований диалектического метода, основоположники марксизма в разных своих письмах выдвигали те или иные отдельные положения, которые Ленин выделял в своем конспекте. Так, в письме Маркса к Энгельсу от 10 октября 1868 г. высказано общее для всех наук принципиальное положение, законспектированное Лениным: «**Факты — основа политической экономии, а не догмы**» [4, с. 78]. Далее Ленин выписывает и подчеркивает слова «**практика лучше чем все теории**» [4, с. 82], сказанные в письме Маркса к Энгельсу от 14 ноября 1868 г.

Особое внимание основоположники марксизма уделили диалектике исторических периодов мирного и революционного времени и их соотношения между собой. Мы лишены возможности подробнее входить в рассмотрение этих интереснейших вопросов и вынуждены ограничиться одним высказыванием Маркса в письме Энгельсу от 9 апреля 1863 г. Ленин законспектировал (по-немецки) это так: «20 лет = 1 дню в подобных великих развитиях. хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет (Маркс). (Дни и годы.)» [4, с. 315]. На полях, отчеркнув многими линиями, Ленин записал: «Дни и годы. "**Революции**" и „мирные времена"!».

Исключительно подробно Ленин прослеживает в «Переписке» вопросы диалектики естествознания. И здесь, как правило, подчеркивается отношение современного Марксу и Энгельсу естествознания к диалектике Гегеля. Так, Ленин конспектирует: «(Энгельс 14.VII.1858) — **Гегель и современное естествознание...** (Клетка — в растительных и животных организмах. Превращение движения в теплоту, электричество etc.» [4, с. 39]. Все это трижды отчеркивается жирно и на полях записывается: «Диалектика...», а снизу указывается на сходство человека с другими млекопитающими.

Вскоре после этого Маркс пишет Энгельсу, и это письмо Ленин конспектирует: «„*Дарвин — естественно-историческая основа*“ и для наших взглядов» [4, с. 52]. «Marx. 19.XII.1860: Дарвин-Natural Selection»⁴⁸. Далее выписка по-немецки: «Хотя изложено грубо, по-английски, но эта книга дает естественноисторическую основу для наших взглядов...». Все это отчеркнуто двумя жирными линиями и на полях написано: «Дарвин и Маркс».

Позднее между Марксом и Энгельсом вспыхнула небольшая дискуссия по вопросу об оценке взглядов французского натуралиста П. Тремо и отношения его трудов к дарвинизму. В письме к Энгельсу от 7 августа 1866 г. Маркс хвалил взгляды Тремо: «*Tremaux* (1866) — значительный прогресс против Дарвина» [4, с. 376]. Дальше Маркс процитировал слова Тремо, а Ленин привел их в своем конспекте (по-французски): «Человеческие проекты, не считающиеся с великими законами природы, приносят только несчастье».

Энгельс в письме от 2 октября 1866 г. возражает Марксу, и Ленин записывает в конспекте: «Энгельс не согласен... (спор Маркса и Энгельса о *Tremaux*)» [4, с. 378] — и далее ссылается на письмо Маркса от 3 октября и Энгельса от 5 октября 1866 г. Заметим от себя, что более правым в оценке Тремо оказался Энгельс.

Исключительный интерес представляет ленинский конспект письма Энгельса к Марксу, содержащего замысел Энгельса: «Энгельс 30.V.1873: Диалектика в естествознании. (Энгельс. Ср. Anti-Duhring) В роде черняка Anti-Duhringa» [4, с. 142]. Отчеркнуто тремя линиями, на полях стоит «NB». Об этом мы уже говорили в очерке 5. Важно, что отмеченная Лениным диалектика в естествознании выражена в этом письме как применение к естественным наукам метода восхождения от *A* к *K*. Таким образом, Ленин знал, как родился замысел Энгельса создать «Диалектику природы», хотя он и принял это за черновой набросок будущего «Анти-Дюринга»

Об этой работе Ленин узнал еще раз из письма Энгельса к Марксу от 23 ноября 1882 г. Конспект этого письма гласит: «**Naturdialektik: Energie**⁴⁹ в электричестве. Переход одной энергии в другую» [4, с. 164]. Сопротивление (тока) и масса. Отчеркнув тремя линиями все это, Ленин поставил на полях «NB».

Теперь Ленин знал оба замысла — и Маркса и Энгельса, и это обстоятельство, несомненно, не могло не влиять самым прямым образом на оформление аналогичного же по характеру замысла у самого Ленина.

⁴⁸ Естественный отбор. — Б. К.

⁴⁹ Naturдиалектика: Энергия. — Б. К.

Если Энгельс занимался диалектикой естествознания, то Маркс — диалектикой высшей математики. Об этом свидетельствует письмо Энгельса к Марксу от 18 августа 1881 г., резюме которого записано Лениным так: *«Дифференциальные исчисления, Маркс и Гегель. Дифференциальные исчисления и Гегель»* [4, с. 158].

Пространную выписку Ленин сделал из следующего письма: *«Энгельс, 21.IX.1874: „Я глубоко погружен в учение о сущности⁵⁰. Вернувшись с Джерсея, я нашел здесь речи Тиндаля и Гексли в Бельфасте, в которых снова обнаруживается неумение этих людей разобраться в вещи в себе и тоскливое искание спасительной философии. Это... снова дало мне повод заняться диалектикой. Ограниченным естествоиспытателям можно рекомендовать только отдельные места большой „Логики“, хотя она значительно глубже проникает в диалектическую сущность вещей, изложение в „Энциклопедии“, напротив того, как будто приурочено к этим людям, иллюстрации берутся большей частью из их области и очень убедительны, притом, ввиду большей популярности изложения, более свободны от идеализма; а так как я не могу и не хочу освободить этих господ от необходимости изучать самого Гегеля, то здесь настоящий клад; тем более, что старик выдвигает для них еще достаточно головоломных проблем, над которыми придется потрудиться“»* [4, с. 419].

Из этой первой половины выписки ясно следует, что, с точки зрения Энгельса, серьезно и глубоко изучать диалектику Гегеля можно только по большой «Логике», что и сделал Ленин начиная с сентября 1914 г.; далее, что Энгельс считал обязательным даже для естествоиспытателей, не говоря уже о философах, изучать самого Гегеля в оригинале.

Далее в той же выписке содержится характеристика Энгельсом философской обстановки, сложившейся в Англии того времени: «речь Тиндаля представляет собою самое смелое, что до сих пор сказано в Англии в собрании подобного рода; она произвела огромное впечатление и навела ужас. Видно, что гораздо более смелая манера Геккеля не дает ему покоя... То, что он признает Эпикура, позабавит тебя. Несомненно, во всяком случае, что здесь, в Англии, возврат к действительно разумному взгляду на природу совершается гораздо серьезнее, чем в Германии, и вместо того, чтобы искать спасения в Шопенгауэре и Гартмане, здесь его ищут, по крайней мере, в Эпикуре, Декарте, Юме и Канте. Французы восемнадцатого столетия остаются для них, конечно, запретным плодом...» [4, с. 419].

Конспективно это письмо записано так: **«Гегель (Логика большая и малая) и современное естествознание. В Англии серьезнее, чем в Германии»** [4, с.

⁵⁰ Т. е. в чтение раздела о сущности гегелевской большой «Логики» — Б. К.

144]. Эта конспективная запись, рано как и подробная выписка из самого письма, ясно указывает, на что именно было нацелено внимание Ленина: все настойчивее и убедительнее вырисовывалась и оформлялась задача-замысел — заняться критической переработкой большой «Логике» Гегеля в том направлении, как это было задумано Марксом, но, разумеется, в свете новой исторической эпохи и «новейшей революции в естествознании». Вместе с тем Ленин отмечает философские шатания естествоиспытателей, на которые обращали пристальное внимание Маркс и Энгельс. Так, в письме от 12 декабря 1861 г. Маркс пишет (и Ленин это конспектирует), что «последняя речь Гексли более *материалистична*, но... остается лазейка к Юму в виде утверждения, что категории причины не имеют общего с вещью в себе». И Ленин подчеркивает резюме: «**[материализм-Юм — Гексли — объективная причинность.]**» [4, с. 383].

Даже при рассмотрении более частных вопросов диалектики естествознания Ленин подчеркивает в письмах основоположников марксизма связь этих вопросов с гегелевской диалектикой. Так, Ленин выписывает: «*Энгельс, 16.VI.1867*: „...Гофмана прочитал. Новейшая химическая теория, при всех своих ошибках, является большим шагом вперед по сравнению с прежней атомистической. Молекула как мельчайшая часть материи, *способная /с самостоятельному существованию*, — вполне рациональная категория. Говоря словами Гегеля, это — „узел“ в бесконечном ряду делений, узел, который не замыкает этого ряда, но устанавливает качественную разницу. Атом, который прежде изображался как предел делимости, теперь — только *отношение*, хотя сам г. Гофман на каждом шагу возвращается к старому представлению, будто существуют действительно неделимые атомы. В общем, констатированные в книге успехи химии действительно огромны, и Шорлеммер говорит, что эта революция непрерывно продолжается, так что каждый день можно ожидать новых переворотов“...» [4, с. 409, 411].

В скобках Ленин записывает вкратце: «((Маркс отвечает Энгельсу 22.VI.1867, стр. 383, что-де „относительно Гофмана ты совершенно прав“ и что я-де упоминаю в Капитале молекулярную теорию, но что не Гофман открыл, а Лоран, Жерар и Вюрц))» [4, с. 411]. (Впоследствии имя Вюрца было снято.). В самом конспекте данное письмо было записано так: «Новейшая химическая теория. Молекула *рациональнее атома*» [4, с. 389]. Затем отчеркнуто пятью линиями: «*Старое воззрение о неделимости атома (1867)*».

С этой записью связана другая, касающаяся атомов, упомянутых в письме Энгельса к Марксу от 4 января 1866 г.: «„Атомы“». Это — на полях. Затем двумя жирными чертами обведено: «„Теория *атомов* так доведена до

крайности, что скоро *должна* крахнуть"» [4, с. 358]. Ниже, с приведением даты письма, Ленин повторно записал то же самое по-немецки и добавил, что в письме сказано также: «По поводу Тиндаля „Теплота как вид движения"». Трактовка теплоты как движения открывала возможность преодолеть ложную гипотезу тепловой смерти Вселенной (но, конечно, не земли!). По этому поводу Ленин законспектировал письма Энгельса к Марксу от 21 марта 1869г.: «*Идиотская* теория Warmetod земли⁵¹ (Энгельс) NB [4, с. 92]. На полях Ленин еще раз повторил эту запись жирными буквами.

Приведем еще несколько ленинских записей, касающихся естествознания. В письме Маркса к Энгельсу от 25 марта 1868 г. Ленин отметил: «*Fraas*. (1847) „Klima und Pflanzenwelt in der Zeit, eine Geschichte beider". Изменение климата в истории: капиталистическое земледелие опустошает (без сознательного руководства)» [4, с. 60 — 61]. На полях же стоит: «**Изменение климата в истории**».

В той же связи стоит многократно отчеркнутая Лениным конспективная запись одной части письма Маркса к Энгельсу от 2 августа 1862 г.: «Глупость закона **падения плодородия земли**» [4, с. 289].

Наконец, еще в одной записи указывается: «Неудачная попытка Подолинского найти **естественноисторическое** доказательство за **социализм**» [4, с. 166], и дальше идет цитата по-немецки: «...и потому спутал физическое и экономическое». Ленин датирует: «Энгельс. 19.XII.1882».

Разумеется, в нашем очерке невозможно осветить хотя бы в малой степени все, что близко заинтересовало Ленина в переписке Маркса и Энгельса. Несомненно, что особенно важно для Ленина было отметить то в этой переписке, что могло иметь отношение к развитию революционного движения в России, в частности, к вопросу о союзе между рабочим классом и трудовым крестьянством в нашей стране. Так, Ленин, озаглавив конспективную запись сильно выделенными словами «**Пролетариат и крестьянство NB**» [4, с. 20], выписывает положение Маркса в письме к Энгельсу от 16 апреля 1856 г. о том, что все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать *пролетарскую* революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны.

С этим связаны и мысли Энгельса, высказанные в письме к Марксу от 20 июля 1851 г., которые Ленин резюмирует так: «Среднее крестьянство может примкнуть к коммунистам — „**passer par la mer rouge**"⁵² **на время** (1851)»,

⁵¹ Надо: тепловой смерти Вселенной. — Б. К.

⁵² Пройти через Красное море. — Б. К.

много раз отчеркнув это и поставив «NB», Ленин на полях записал: «**Среднее крестьянство и коммунисты**» [4, с. 228]. Лениным выделено и конспективное изложение письма к Марксу от 5 февраля 1865 г.; «Подло в земледельческой стране нападать от промышленных рабочих только на буржуа, *забывая „палочную эксплуатацию“* в деревне **феодалами** (1865) (Энгельс)» [4, с. 346].

Исключительно интересны и важны многие другие конспективные записи и отметки, сделанные Лениным при изучении писем основоположников марксизма, однако мы лишены здесь возможности на них остановиться и разобрать их подробно, оставляя это до другой работы.

Итак, в «Переписке К. Маркса и Ф. Энгельса», как мы видели, четко проявилась и была со всей силой подчеркнута Лениным мысль, что необходима дальнейшая разработка диалектики, что эту разработку надо вести путем критического изучения большой «Логики» Гегеля, привлекая, разумеется, материалы живой действительности — революционной практики и современного естествознания.

Краткое систематическое изложение диалектики. (Работа над статьей «Карл Маркс», весна — ноябрь 1914 г.)

Вернемся к вопросу: почему же Ленин не написал очерка о содержании переписки основоположников марксизма, о котором он говорит в начале своей незавершенной статьи «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса»? Прежде чем ответить на него, рассмотрим, чем был занят Ленин начиная с весны 1914 г., когда он прервал свою работу над указанной статьей. Среди многих других дел, которыми он был тогда занят, обратим внимание на то, что именно весной 1914 г. он приступил к подготовке статьи «Карл Маркс» для Энциклопедического словаря братьев Гранат. В ней, естественно, должен был быть выделен определенный раздел, посвященный диалектическому методу Маркса. Очевидно, над этой статьей Ленин начал работать еще весной 1914 г., так как уже 21 июля 1914 г. он писал в редакцию издательства Гранат, что «ряд совершенно исключительных и непредвиденных обстоятельств... заставил меня в самом начале перервать начатую статью о Марксе, после ряда безуспешных попыток найти время для ее продолжения...» [3, 48, с. 324 — 325]. Но уже через неделю в связи с вспыхнувшей войной Ленин пишет в ту же редакцию, что он «сейчас мог бы взяться за продолжение начатой статьи о Марксе и, вероятно, успел бы кончить вскоре» [3, 35, с. 330]. Почему же Ленин взялся закончить именно статью «Карл Маркс», а не начатую, несомненно, до нее статью «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса»?

Наш посильный ответ на этот вопрос, разумеется, сугубо предположителен. Он гласит, что во всех отношениях Ленину интереснее и важнее было осветить в систематической форме все учение Маркса, а также данные биографического и библиографического характера, касающиеся жизни и деятельности Маркса и его трудов, включая его переписку с Энгельсом, нежели разобрать все стороны его учения только в свете переписки с Энгельсом.

Заметим, что на протяжении 1914 г. в других работах Ленина не раз поднимались вопросы диалектики, а также находило отражение его изучение переписки Маркса и Энгельса. Так, в статье «Еще одно уничтожение социализма», опубликованной в марте 1914 г., Ленин писал, что «Маркс сумел воспринять и развить дальше... историзм (а также диалектику) философов и историков начала XIX века...», которые, несмотря на свои реакционные взгляды, двигали науку вперед, «развивая диалектический метод и применяя или начиная применять его к общественной жизни» [3, 25, с. 49]. «...Марксизм, сделавший ряд громадных шагов вперед именно по этому пути, есть *высшее развитие* всей исторической и экономической, и философской науки Европы» [3, 25, с. 49].

В статье «О праве наций на самоопределение», написанной в феврале — мае 1914 г., в разделе 8 («Утопист Карл Маркс и практическая Роза Люксембург»), приведено и процитировано много писем Маркса и Энгельса, проштудированных Лениным незадолго перед тем и касающихся национального вопроса и национально-освободительных движений [3, 27, с. 104 — 110].

Однако нас сейчас интересует то, как Ленин осветил учение о марксистской диалектике в статье «Карл Маркс». Раздел «Диалектика» в ней начинается так: «Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции, они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе» [3, 26, с. 53 — 54]. И далее: «В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции» [3, 26, с. 55].

Ленин приводит слова Энгельса о том, что они с Марксом поставили задачу спасти (при разгроме идеализма и гегельянства в том числе) сознательную

диалектику и перевести ее на почву материалистического понимания природы, поскольку природа есть подтверждение диалектики и новейшее естествознание это доказывает.

Ленин приводит затем положение Энгельса о том, что великая основная мысль, гласящая, что мир состоит не из готовых предметов, а представляет собой совокупность процессов, со времен Гегеля вошла в общее сознание. Диалектическая философия является простым отражением в мыслящем мозгу непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного процесса восхождения от низшего к высшему.

Но спросим себя: в виде какого метода отражается в мыслящем мозгу диалектика объективного процесса восхождения от низшего к высшему? Очевидно, мысленное отражение такого процесса как раз и выступит как восхождение от *A* к *K*.

«Таким образом, — резюмирует Ленин, — диалектика, по Марксу, есть „наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления“.

Эту, революционную, сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс» [3, 26, с. 54].

Как видим, Ленин, характеризуя диалектический метод Маркса, все время ссылается на Гегеля. Это же мы обнаруживаем и дальше. Так, после процитированного места из «Анти-Дюринга», что от прежней философии остается «учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика», следует ленинская формулировка тезиса о совпадении теории познания с диалектикой: «А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию» [3, 26, с. 54 — 55].

Характеризуя более детально диалектику бесконечного восхождения от низшего к высшему, отражаемого в мыслящем мозгу в виде диалектической философии, следовательно, также и в виде диалектического метода восхождения от *A* к *K*., как отражения процесса развития, Ленин отмечает в следующем порядке (мы отметим их буквами алфавита) «некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии» [3, 26, с. 55]:

а) развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии;

- б) развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное, «перерывы постепенности», превращение количества в качество;
- в) внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления, или внутри данного общества;
- г) взаимозависимость и теснейшая неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения.

Формулировка этих «черт диалектики» (по выражению Ленина) касается трех основных ее законов и принципа всеобщей связи, явно перекликается с некоторыми ленинскими формулировками в «Философских тетрадах», содержащих, в частности, ленинский конспект большой «Логики» Гегеля⁵³. Окончание этого конспекта помечено Лениным датой: «Конец „Логики“. 17.XII.1914» [3, 29, с. 215]. О завершении же статьи «Карл Маркс» Ленин писал родным 14 ноября 1914 г. [3, 55, с. 355], об ее отсылке в редакцию издательства Гранат — 17 ноября 1914 г. [3, 49, с. 31].

Это показывает, что с начала сентября почти до середины ноября 1914 г. работа над статьей «Карл Маркс» и штудирование гегелевской большой «Логики» протекали у Ленина параллельно, так что вполне возможно, что в статье нашла отражение и ленинская работа над «Логикой» Гегеля.

Но особенно сильно представлены в названной статье результаты предшествующей работы Ленина над перепиской основоположников марксизма. Ссылки на их письма и цитаты из них встречаются почти в каждом разделе, иногда несколько раз. Так, в разделе «Философский материализм» процитировано письмо Маркса к Энгельсу от 12 декабря 1868 г. по поводу более материалистического, чем обычно, выступления известного естествоиспытателя Т. Гексли.

В разделе «Диалектика» упомянуто его же письмо к Энгельсу от 8 января 1868 г. с насмешкой над «деревянными трихотомиями» Штейна.

В разделе «Материалистическое понимание истории» приведены слова Маркса из письма к Энгельсу от 7 июля 1866 г.: «Наша теория об определении организации труда средствами производства» [3, 26, с. 57].

В разделе «Экономическое учение Маркса» Ленин отметил, что «замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию

⁵³ Он перекликается также и с письмом Ленина к Инессе Арманд от 30 ноября 1914 г. (т.е. написанным тогда же), где сказано: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (р) лишь в связи с другими; (f) лишь в связи с конкретным опытом истории» [3, 49, с. 329].

средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 августа 1862 г. Ср. также письмо от 9 августа 1862г.» [3,26, с. 70].

В разделе «Тактика классовой борьбы пролетариата» говорится, что движение классов рассматривается Марксом диалектически, и цитируются слова: «20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях, — писал Маркс Энгельсу, — хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет» [3, 26, с. 78]. Дальше в этом же разделе использованы еще 26 писем Маркса и Энгельса, в числе которых письмо Маркса к Энгельсу от 16 апреля 1856 г., где говорится о возможности поддержать пролетарскую революцию в Германии «каким-либо вторым изданием крестьянской войны» [3, 26, с. 80]. На это же письмо Ленин позднее сослался (14 мая 1918 г.) в предисловии к отдельному изданию его статьи «Карл Маркс».

Вопросы современного естествознания в их связи с диалектикой и философским материализмом нашли отражение в упоминаниях Лениным об «электрической теории материи» и о том, что ссылка Энгельса на подтверждение диалектики новейшим естествознанием прозорливо сделана «до открытия радия, электронов, превращения элементов и т. п.!» [3, 26, с. 54].

Добавим, что в разделе «Экономическое учение Маркса» Ленин сжато изложил диалектику «Капитала», которую он охарактеризовал так: «Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке...» [3, 26, с. 60]. Далее Ленин объясняет, почему анализ Маркса начинается с анализа товара.

Так всю ленинскую статью «Карл Маркс» пронизывает диалектика, рассмотренная как метод всего марксистского учения, как его «душа».

* * *

Итак, мы можем считать установленным с большой долей вероятности, что замысел написать специально философский труд о диалектике мог родиться у Ленина в течение его работы над чтением и изучением «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса, 1844 — 1883 гг.» (начиная с сентября 1913 г.) или при намерении написать статью «Карл Маркс» (примерно весной или в июле 1914 г.). Во всяком случае к началу сентября 1914 г. он настолько уже оформился у Ленина, что этим временем можно датировать начало его практического осуществления.

Очерк 10 Начало реализации замысла (О четырех ленинских планах в «Философских тетрадах» 1914 — 1915)

Немедленно по приезде в Швейцарию в самом начале первой мировой войны (сентябрь 1914 г.) Ленин приступил к осуществлению родившегося у него замысла написать «Диалектику» (с большой буквы). Так как этот замысел в своей основе, по всей вероятности, совпадал с неосуществленным замыслом Маркса — раскрыть все рациональное в диалектическом методе Гегеля, освободив его от гегелевского мистифицирования, — то Ленин должен был начать именно с критического штудирования сочинений Гегеля, его «Науки Логики» в первую очередь.

При завершении работы Ленина над ней у него родился первый план диалектики: «Элементы диалектики». Затем Ленин приступил к работе над другим произведением Гегеля — его «Лекциями по истории философии», на которые часто ссылались Маркс и Энгельс, а также «Лекциями по философии истории» Гегеля и над книгой Ноэля «Логика Гегеля», в итоге чего у Ленина появился второй план: «План диалектики (Логики) Гегеля», в котором суммирована предыдущая работа Ленина над обоими гегелевскими сочинениями. После этого Ленин приступил к критическому разбору книги Лассаля о философии Гераклита, упоминавшейся неоднократно в переписке Маркса и Энгельса, и при завершении ее разбора он составил третий план, который мы условно назовем «Планом источников диалектики». Наконец, непосредственно вслед за этим, после прочтения «Метафизики» Аристотеля, Ленин написал фрагмент «К вопросу о диалектике», который можно рассматривать как четвертый план, но настолько уже развернутый, что он выглядит как краткий проспект будущей книги о диалектике или как начало ее изложения, первый ее набросок.

*Работа над гегелевской «Логикой». Появление первого плана
(сентябрь — декабрь 1914 г.)*

Как уже было сказано, к критическому штудированию гегелевской большой «Логики» Ленин приступил сразу же после переезда из Пороняно (Галиция) в Берн (Швейцария) в начале сентября 1914 г. Н. К. Крупская впоследствии вспоминала об этом времени: «...Ильич... тотчас же по приезде в Берн засел за составление для Энциклопедического словаря Граната статьи „Карл Маркс“, где, говоря об учении Маркса, начал с очерка его мирозерцания, с разделов „Философский материализм“ и „Диалектика“... В связи с писанием глав о философском материализме и диалектике Ильич стал опять усердно перечитывать Гегеля и других философов и не бросил эту работу и после того, как окончил работу о Марксе» [6а, с. 226].

Если толчок к изучению Лениным диалектики Гегеля был дан его работой над статьей «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса», а затем над статьей «Карл Маркс», то есть все основания предполагать, что к началу сентября 1914 г. (к моменту приезда в Берн) у Ленина уже ясно созрел и оформился замысел написать специальный труд по диалектике, причем написать его так, как задумывал в свое время Маркс, — путем раскрытия того рационального, что содержалось в диалектическом методе Гегеля, следовательно, путем освобождения этого рационального от его мистифицирования Гегелем.

Это означает, что уже с самого начала изучение большой «Логики» Гегеля должно было быть рассчитано не только в целях написания статьи «Карл Маркс», но и в расчете на создание вполне самостоятельной работы, специально посвященной материалистической диалектике.

Работа Ленина над сочинениями Гегеля и других философов протекала в читальном зале в Бернской Национальной библиотеке. Рисуя обстановку своей работы, Ленин писал родным 22 декабря 1914 г.: «Мы живем ничего себе, тихо, мирно в сонном Берне. Хороши здесь библиотеки, и я устроился недурно в смысле пользования книгами. Приятно даже почитать — после периода ежедневной газетной работы» [3, 55, с. 357]. Спустя полтора месяца он снова пишет (9 февраля 1915 г.): «Здесь мы хорошо устроились на счет иностранных газет и книг в библиотеках. Живем ничего себе: Берн — скучный, маленький, но культурный городок» [3, 55, с. 358].

В нашей книге «Из лаборатории ленинской мысли (очерки о „Философских тетрадах" В. И. Ленина)» мы подробно осветили ход работы Ленина сначала над большой «Логикой» Гегеля, затем над его малой логикой («Энциклопедией») и, наконец, над его «Лекциями по истории философии» [15, с. 9 — 78, 157 — 260]. Поэтому здесь мы не будем еще раз столь же подробно проследивать весь ход этой работы; наша цель — по-новому, в новой связи рассмотреть некоторые ленинские записи. Нас будет интересовать только то, как Ленин приближался к осуществлению планов своего будущего труда о диалектике, как эти планы выкристаллизовывались в ходе его работы над сочинениями Гегеля и как они могут быть слиты в единый сводный план, резюмирующий всю проделанную им работу над «Философскими тетрадами». При этом мы не будем повторять того, что было сказано в упомянутой выше нашей книге о ленинских планах [15, с. 263-343].

Напомним, о каких именно ленинских планах идет речь. Первый, под названием «Элементы диалектики», родился как некоторый итог работы Ленина над большой «Логикой» Гегеля. Приведем несколько важных ленинских формулировок, возникших в ходе этой работы и касавшихся диалектики ее предмета, ее существа. В самом начале своего конспекта

гегелевской логики Ленин записал: «*Движение* научного познания — вот суть» [3, 29, с. 79].

Ленина интересует движение, *развитие* научного познания, путь, проходимый им, ибо научное познание есть отражение объективного движения, развития природы и общества. Прочитывая гегелевское выражение «сам себя конструирующий путь», Ленин пишет: «= путь (тут гвоздь, по-моему) действительного познания, познавания, движения от незнания к знанию» [3, 29, с. 80]. В противоположность гегелевскому идеализму, приписывающему приоритет духовному моменту, Ленин ставит задачу: «Перевернуть: логика и теория познания должна быть выведена из „развития всей жизни природы и духа“» [3, 29, с. 80]. Далее он вновь многократно подчеркивает, ставя «NB», ту мысль, что развитие (познание) «должно определяться природой вещей и самого содержания» [3, 29, с. 93]. Познание движется от непосредственных явлений («бытия») к раскрытию их сущности — таков его путь.

Выписывая из Гегеля соответствующее место, Ленин отмечает, что первая фраза («Истина бытия есть сущность») звучит насквозь идеалистически, мистично. Но далее раскрывается рациональный смысл. Ленин отмечает его подчеркиваниями, и в скобках повторением важной формулы, и знаками «NB»: «„Бытие есть непосредственное. Так как знание хочет познать истину того, что такое бытие *в себе и для себя*, то оно не останавливается" (*не останавливается NB*) (а на полях Ленин записывает, отчеркнув все это: „Теория познания“) „на непосредственном и его определениях, *но проникает (NB)* через (*NB*) него в предположении, что *за* (курсив Гегеля) этим бытием есть еще нечто иное, чем самое бытие, что этот задний план составляет истину бытия. Это познание есть опосредствованное знание, так как оно не находится непосредственно при сущности и в сущности, но начинается с чего-то другого, с бытия, и должно проделать предварительный путь, путь выхода за бытие или, правильнее, вхождения в него"..."» [3, 29, с. 115]. Отчеркнув дважды это место, Ленин в кавычках на полях записал: «*путь*».

Такое движение, пишет далее Ленин, путь знания кажется «деятельностью познания» «внешней относительно бытия». «Но этот ход есть движение самого бытия». Последнюю выписанную им гегелевскую фразу Ленин отчеркивает четырежды и ставит на полях: «*Объективное значение*».

Под этим диалектическим углом зрения Ленин рассматривает и понятие истины. «...*Истина*, как процесс, — пишет он, — ибо истина есть *процесс*, — проходит в своем *развитии* (*Entwicklung*) три ступени: 1) жизнь; 2) процесс познания, включающий *практику* человека и *технику*...; 3) ступень абсолютной идеи (т. е. полной истины)» [3, 29, с. 183].

Ленин поясняет и материалистически истолковывает это положение: жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверая и применяя в своей практике правильность этих отражений, человек приходит к объективной истине. На полях Ленин записывает все это в виде формулы «Истина есть процесс. От субъективной идеи человек идет к объективной истине *через* „практику" (и технику)» [3, 29, с. 183].

Ленин указывает основные ступени, которые проходит познание в своем движении к истине: «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное* (NB)... *от* истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом, *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*. От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины, познания объективной реальности*» [3, 29, с. 152 — 153].

В этой связи исключительно интересно выписанное Лениным положение Гегеля, гласящее, что «то, что *известно*, еще не есть оттого *познанное*» [3, 29, с. 82]. Это положение раскрывает свой глубокий смысл, например, при сопоставлении открытия, совершенного в порядке эмпирической констатации нового факта, с его теоретическим истолкованием, объяснением.

Категории логики (диалектики) выступают, по Гегелю, — и это Ленин выписывает — как суть *сокращения* («извлеченное») «бесконечной массы» «частностей внешнего существования и деятельности». В свою очередь эти категории *служат* людям на практике [3, 29, с. 82]. Ленин уже от себя резюмирует: «Объективизм: категории мышления не пособие человека, а выражение закономерности и природы и человека» [3, 29, с. 83].

Раскрывая с позиций материалистической теории познания роль и значение категорий мышления в процессе познания, Ленин пишет: «Перед человеком *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [3, 29, с. 85].

Ниже Ленин резюмирует: «Моменты познания (= „идеи") человеком природы — вот что такое категории логики» [3, 29, с. 180]. Исторический (диалектический) взгляд на категории логики приводит к раскрытию соотношения между историческим и логическим, к раскрытию их единства. «Видимо, — замечает Ленин, — Гегель берет свое саморазвитие понятий, категорий в связи со всей историей философии. Это дает еще *новую* сторону всей Логике» [3, 29, с. 104].

Основываясь на указанном соотношении, Ленин определяет и саму логику (диалектику) как *обобщение* истории человеческой мысли: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей“, т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [3, 29, с. 84]. Говоря далее о логическом, Ленин характеризует его словами Гегеля как «итог опыта наук» и ставит «NB» [3, 29, с. 90].

Далее Ленин называет гениальной строку, где логика определяется Гегелем как «знание во **всем** объеме его **развития**» [3, 29, с. 92]. Это гармонирует с тем, как выражен предмет логики: «„развитие“ мышления в его необходимости» [3, 29, с. 86]. Отсюда встает задача, которую Ленин формулирует так: «История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий логики» — вот что нужно! [3, 29, с. 159].

Чрезвычайно важно отмеченное Лениным гегелевское понимание научных абстракций как содержательных, богатых определениями, а не пустых, формальных, лишенных конкретного содержания. Ленин выписывает из Гегеля: «Система логики есть царство теней», свободное от «всех чувственных конкретностей», но «не абстрактное, мертвое, неподвижное, а конкретное».

[«Характерно! — пишет Ленин. — Дух и суть диалектики!»] [3, 29, с. 91]. Ленин отметил у Гегеля, что конкретность научных абстракций («теней», образующих систему логики) состоит в их движении, в том, что они не мертвы, не неподвижны. «Вещь в себе» у Канта «пустая абстракция, а Гегель требует абстракций, соответствующих *der Sache*⁵⁴, — подчеркивает он; «объективное понятие вещей составляет самое их суть» (это слова Гегеля), «соответствующих — материалистически говоря — действительному углублению нашего познания мира» (это слова Ленина) [3, 29, с. 84]. Конкретность, содержательность наших абстракций как «всеобщее» заключена в его единстве с его противоположностью. «Прекрасная формула, — записывает Ленин. — „Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного“ (все богатство особого и отдельного!)!» [3, 29, с. 90].

В дальнейшем Ленин отметил сопоставление: «NB: Абстракции и „конкретное единство“ противоположностей. Прекрасный пример: самый простой и самый ясный, диалектика понятий и ее материалистические

⁵⁴ Сути. — Б. К.

корни» [-3; 29, с. 181]. И тут же Ленин записывает: «NB отдельное = всеобщему».

Для Ленина важно дать принципиальную, материалистическую оценку гносеологических источников («корней») диалектики, которые носят не субъективный, а объективный характер: «Диалектика не в рассудке человека, а в „идее“, т. е. в объективной действительности» [3, 29, с. 181], — так Ленин материалистически истолковывает взгляды Гегеля.

Именно поэтому Ленин выделяет мысль Гегеля, что «категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не „рассказывая“, не „уверяя“, а *доказывая*), исходя из простейших основных (бытие, ничто, становление (das Werden)) (не беря иных) — здесь, в них „все развитие в этом зародыше"» [3, 29, с. 86].

Здесь мы подходим к вопросу о том, *как*, по Гегелю, — и Ленин эту мысль разделяет и поддерживает — надо строить систему категории логики, а значит, определять структуру самой диалектики.

Мы уже неоднократно говорили, какую важную роль при этом играет исходный пункт (начало познания) в развитии и утверждении, а главное — в деле систематического изложения любой отрасли знания. Началом познания Гегель считает образование первых абстракций, понятия общего: «„Бесконечный прогресс" — „освобождение" „форм мышления" от материала... представлений, желаний etc., выработка общего (Платон, Аристотель): начало познания» [3, 29, с. 82].

Конспектируя вводный раздел «Учения о бытии» гегелевской «Логике» («С чего следует начинать науку?»), Ленин выписывает из Гегеля: «С чего начать? „Чистое бытие" (Sein)... — „ничего не предполагать", начало. „Не заключать в себе никакого содержания"... „не быть ничем опосредствованным"... Развитие познания... „должно определяться природой вещей и самого содержания"... Начало содержит в себе и „Nichts" и „Sein" („ничто" и „бытие". — *Б. К.*), оно есть их единство: ..., „начинающегося еще *нет*; оно лишь направляется к бытию"... (*от небытия к бытию*: „небытие, которое есть вместе с тем бытие")» [3, 29, с. 92-93].

Как и во всех аналогичных случаях, Ленин и здесь материалистически «перевортывает» гегелевскую диалектику, ставя ее с головы на ноги. Он подчеркивает: «Образование (абстрактных) понятий и операции с ними *уже* включают в себе представление, убеждение, *сознание* закономерности объективной связи мира... Отрицать объективность понятий, объективность общего в отдельном и особом, невозможно. Гегель много глубже, следовательно, чем Кант и другие,

прослеживая отражение в движении понятий движения объективного мира» [3, 29, с. 160].

Далее непосредственно вслед за этим Ленин на примере экономической «клеточки» буржуазного общества показывает, в чем в общем случае состоит «начало» (исходный пункт) всего человеческого познания: «Как простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного, товара на другой, уже включает в себе в неразвернутой форме *все* главные противоречия капитализма, — так уже самое простое *обобщение*, первое и простейшее образование *понятий* (суждений, заключений etc.) означает познание человека все более и более глубокой *объективной* связи мира. Здесь надо искать истинного смысла, значения и роли гегелевской Логики. Это NB» [3,29, с. 160-161].

Говоря о движении познания, Гегель особо выделяет — и Ленин это подчеркивает — переходы между понятиями. Ленин выписывает: «В старой логике перехода нет, развития (понятий и мышления), нет „*внутренней, необходимой связи*“ всех частей и „перехода“ одних в другие» [3, 29, с. 88]. В другом месте Ленин записывает: «Видимо, и здесь главное для Гегеля *наметить переходы*. С известной точки зрения, при известных условиях всеобщее есть отдельное, отдельное есть всеобщее. Не только (1) *связь*, и связь неразрывная, всех понятий и суждений, но (2) *переходы* одного в другое, и не только переходы, но и (3) *тождество противоположностей* — вот что для Гегеля главное. Но это лишь „просвечивает“ сквозь туман изложения архи-„abstrus“⁵⁵» [3, 29, с. 159].

То, что вошло в 3-й пункт, Ленин еще раньше выписал так: «Диалектическое = „охватить противоположности в их единстве“...» [3, 29, с. 90]. Развертывая и конкретизируя эту формулу, Ленин записал: «*Диалектика* есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*, — *при* каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» [3, 29, с. 98].

Ленин отмечает, что эти, как и следующие мысли о диалектике возникли у него при чтении Гегеля: «Понятия, обычно кажущиеся мертвыми, Гегель анализирует и показывает, что в них *есть* движение... Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть... Гибкость, примененная *объективно*, т. е. отражающая всесторонность материального

⁵⁵ «Темно». — Б. К.

процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» [3, 29, с. 98 — 99].

Рассматривая гегелевское понимание диалектического противоречия как источника всякого движения, всякого развития, Ленин записал: «Движение и „самодвижение" (Это NB! самопроизвольное (самостоятельное) спонтаннейное, **внутренне-необходимое** движение), „изменение", „движение и жизненность", „принцип всякого самодвижения", „импульс" (Trieб) к „движению" и к „деятельности" — противоположность „мертвому бытию" — кто поверит, что это суть „гегелевщины", абстрактной и abstrusen (тяжелой, нелепой?) гегельянщины?? Эту суть надо было открыть, понять, hinuberretten⁵⁶, вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс» [3, 29, с. 126-127].

Сопоставляя «Логикку» Гегеля (1813) с «Манифестом Коммунистической партии» Маркса и Энгельса (1847) и «Происхождением видов» Ч. Дарвина (1859), Ленин объединил эти три произведения человеческого гения тем, что в них нашла свое выражение одна и та же общая диалектическая идея: «Идея универсального движения и изменения (1813, Логика) угадана до ее применения к жизни и к обществу. К обществу провозглашена раньше (1847), чем доказана в применении к человеку (1859)» [3, 29, с. 127].

С точки зрения того, как понимается соотношение между различием и противоречием, Ленин в процессе материалистической переработки диалектики Гегеля рассматривает обычное представление, остроумие и разум (ум). Он пишет: «NB

(1) Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не переход от одного к другому, а *это самое важное*.

(2) Остроумие и ум.

Остроумие схватывает противоречие, *высказывает* его, приводит вещи в отношения друг к другу, заставляет „понятие светиться через противоречие", но не *выражает* понятия вещей и их отношений.

(3) Мыслящий разум (ум) заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до *существенного* различия, до *противоположности*. Лишь поднятые на вершину противоречия, разнообразия становятся подвижными (regsam) и живыми по отношению одно к другому, — приобретают ту негативность, которая является *внутренней пульсацией самодвижения и жизненности*» [3, 29, с. 128].

⁵⁶ Спасти. — Б. К.

В этом учении о противоречии Ленин видел определяющее ядро диалектики, ее суть как научного метода. И он выписывает слова Гегеля: «Ибо метод есть сознание формы внутреннего самодвижения ее содержания» [3, 29, с. 88].

Далее для диалектики, по Ленину, существенно, чтобы учитывалась «*необходимая* связь, объективная связь всех сторон, сил, тенденций etc. данной области явлений» [3, 29, с. 89]. Ленин подчеркивает слова Гегеля: «**Цельность, совокупность моментов действительности**, которая в своем *развертывании* оказывается необходимостью» [3, 29, с. 141]. По поводу последних слов Гегеля Ленин тут же от себя замечает: «Развертывание всей совокупности моментов действительности *NB* = сущность диалектического познания». По разным поводам Ленин отмечает, что существует «связь (всех частей) бесконечного прогресса» [3, 29, с. 103], что «(идея) истина всесторонняя» [3, 29, с. 180], и ряд других положений, касающихся многогранности и внутренней связности мирового процесса, универсальной связи явлений. «*Совокупность всех сторон явления, действительности и их (взаимо) отношения — вот из чего складывается истина. Отношения (= переходы == противоречия) понятий = главное содержание логики, причем эти понятия (и их отношения, переходы, противоречия) показаны как отражения объективного. Диалектика вещей создает диалектику идей, а не наоборот*» [3, 29, с. 178].

На поводу этого афоризма Ленин записал на полях: «Гегель гениально *угадал* диалектику вещей (явлений, мира, природы) в диалектике понятий», а потом пояснил еще раз: «Именно *угадал*, не больше» [3, 29, с. 178-179].

Стремясь развить высказанную им мысль и сделать ее еще более доступной и понятной для всякого, кому она может быть сообщена, Ленин добавил: «Этот афоризм надо бы выразить популярнее, без слова диалектика: примерно так: Гегель гениально *угадал* в смене, взаимозависимости *всех* понятий, а *тождестве их противоположностей*, в *переходах* одного понятия в другое, в вечной смене, движении понятий **ИМЕННО ТАКОЕ ОТНОШЕНИЕ ВЕЩЕЙ**, природы» [3, 29, с. 179].

Исходя из материалистического положения, что понятия не первичны по отношению к материальным образованиям, а вторичны, Ленин пишет: «Обернуть: понятия высший продукт мозга, высшего продукта материи» [3, 29, с. 149]. Он подчеркивает, что у Гегеля гениальна основная идея: всемирной, всесторонней, *живой* связи всего со всем и отражения этой связи — материалистически на голову поставленный Гегель — «в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки,

подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир» [3, 29, с. 131].

Резюмируя эти свои высказывания, Ленин поставил вопрос: «**В чем состоит диалектика?**» — и ответил на него своеобразной табличкой, говорящей, что диалектика означает «взаимозависимость понятий», взаимозависимость *всех* понятий без исключения, «переходы понятий из одного в другое»; переходы всех понятий без исключения. «Относительность противоположности между понятиями... тождество противоположностей между понятиями» [3, 29, с. 179]. На полях Ленин записал дополнительно: «= NB. Каждое понятие находится в известном **отношении**, в известной связи со *всеми* остальными».

Добавим еще отмеченное Лениным важное положение об активности сознания (идеального). Ленин формулирует его как способность идеального (духовного) превращаться (воплощаться) в реальное (материальное): «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока*: очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды. Против вульгарного материализма. NB. Различие идеального от материального тоже не безусловно, не *uberschwinglich*⁵⁷» [3, 29, с. 104].

Идеалистическая (гегелевская) трактовка активности человеческого сознания, как выразил ее Ленин своими словами, звучит так: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [3, 29, с. 194]. В противовес этому Ленин дает свою материалистическую ее трактовку, состоящую в признании того, «что мир не удовлетворяет человека, а человек своим действием решает изменить его» [3, 29, с. 195]. В этой ленинской формулировке мы видим прямую перекличку с 11-м тезисом Маркса о Фейербахе.

Мы не можем здесь более подробно разбирать ленинский конспект гегелевской «Логики» и отсылаем читателя к упоминавшейся уже нашей книге, специально посвященной этому вопросу. Остановимся лишь вкратце еще на трех вопросах. Первый касается ссылок Ленина на Маркса и на его «Капитал».

Так, Ленин отмечает, говоря о «чисто логической» обработке и ее соотношении с действительностью: «Это *должно* совпадать, как индукция и дедукция в „Капитале"» [3, 29, с. 131]. Анализ заключений у Гегеля, как пишет далее Ленин (единичное — особенное — всеобщее; особенное — единичное — всеобщее и т. д.), «напоминает о подражании Гегелю у Маркса в

⁵⁷ Не чрезмерно. — Б. К.

I главе⁵⁸» [3, 29, с. 160]. Ленин высказывает затем «*Афоризм*: Нельзя вполне понять „Капитала" Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!» [3, 29, с. 162].

Вторым вопросом является отношение между диалектикой, логикой и теорией познания. «Логика есть учение о познании. Есть теория познания» [3, 29, с. 163], — пишет Ленин. Далее он записывает по поводу одного из разделов «Логики» и соответствующего раздела «Энциклопедии», что это «**ЕДВА ЛИ НЕ САМОЕ ЛУЧШЕЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ДИАЛЕКТИКИ**. Здесь же замечательно гениально показано совпадение, так сказать, логики и гносеологии» [3, 29, с. 174]. Запись эта отмечена жирными чертами и «NB».

Третий вопрос касается отношения диалектики к другим наукам. Логическое (в смысле: диалектическое), писал Гегель, стоит «не *наряду* с прочими предметами и реальностями как *отдельное* знание, но как существенное содержание всех иных знаний». Конец этой фразы Ленин отчеркивает жирными линиями, повторяет на полях и ставит в скобках: «(„суть")» [3, 29, с. 91]. Этой «сутью» диалектики является, таким образом, логически обобщенное (выраженное в общей форме) существенное содержание всех наук (знаний). Говоря, что, «с одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции», Ленин указывает на связь диалектики с историей всего человеческого познания и человеческой практики. Он продолжает: «Двоякого рода примеры должны бы пояснить это: 1) из истории естествознания и 2) из истории философии. Точнее: не „примеры" тут должны быть — *comparaison nest pas raison*⁵⁹, — а *квинтэссенция* той и другой истории + истории техники» [3, 29, с. 142-143].

Из всего сказанного вытекает главная задача, сформулированная Лениным как основной путь выполнения его собственного замысла: «Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники» [3, 29, с. 131]. Эту ленинскую формулу мы приняли за эпиграф всего данного раздела нашей книги.

В конце своего конспекта гегелевской «Логики», как бы подводя итог проделанной работы над этим произведением Гегеля, Ленин составил перечень основных идей, тезисов или принципов диалектики, назвав их

⁵⁸ Капитала — Б. К.

⁵⁹ Сравнение не есть доказательство. — Б. К.

«Элементами диалектики» [3, 29, с. 202 — 203]⁶⁰. О том, как возник этот перечень и как последовательно Ленин развивал одни элементы диалектики из других, подробно рассказано в 10-м очерке нашей книги «Из лаборатории ленинской мысли». Поэтому сейчас мы ограничимся приведением только одного ленинского перечня «Элементов диалектики» (см. схему 1 и фотокопию 5). Это, в сущности, был *первый план*, составленный Лениным, по которому можно было бы излагать диалектику. Опыт такого изложения можно найти в той же коллективной работе «Ленин об элементах диалектики».

После составления «Элементов диалектики» Ленин развил и углубил некоторые из них в заключительной части своего конспекта гегелевской «Логики». Прежде всего он вновь и вновь подчеркнул «объективность диалектики...» [3, 29, с. 204]. «Здесь важно, — пишет он дальше: 1) характеристика диалектики: самодвижение, источник деятельности, движение жизни и духа; совпадение понятий субъекта (человека) с реальностью; 2) объективизм в высшей степени» [3, 29, с. 210]. Отвергая такой взгляд, когда «диалектика понимается как кунштюк» [3, 29, с. 205], Ленин пишет: «Гегель жестоко ругает формализм, скуку, пустоту игры в диалектику» [3, 29, с. 211].

Затем Ленин снова подчеркивает текучесть понятий как их объективную характеристику: «Понятия не неподвижны, а — сами по себе, по своей природе = *переход*» [3, 29, с. 206 — 207]. И вновь Ленин отмечает исходный пункт этого их движения, следовательно, познания: «Первое общее понятие (и = первое встречное, любое общее понятие)» [3, 29, с. 207]. Исходное значит зачаточное, не успевшее еще развиться и существующее

⁶⁰ Детально анализ этого ленинского фрагмента дан в коллективной работе «Ленин об элементах диалектики» под нашей редакцией [7]. В более общей форме некоторые вопросы, поднятые в «Философских тетрадах» Лениным, разобраны в нашей брошюре «В. И. Ленин и гегелевская диалектика: (О ленинских принципах и способах материалистической переработки диалектики Гегеля)» (М., 1975).

Схема 2

ПЕРВЫЙ ПЛАН: «ЭЛЕМЕНТЫ ДИАЛЕКТИКИ»

- 1) *объективность* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе).
- 2) вся совокупность многообразных* *отношений* этой вещи к другим.
- 3) развитие этой вещи (*respective* явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь.
- 4) внутренние противоречивые *тенденции* (и стороны) в этой вещи.
- 5) вещь (явление etc.) как сумма *и единство*** *противоположностей* [***].
- 6) *борьба respective* развертывание этих противоположностей, противоречивых стремлений etc.
- 7) соединение анализа и синтеза, — разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе.

[***] Вкратце диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики, но это требует пояснений и развития.

[*]8) отношения каждой вещи (явления etc) не только многообразны, но всеобщи, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связана с *каждой*.

[**]9) не только единство противоположностей, но и *переходы каждого* определения, качества, стороны, свойства в *каждое* другое (в свою противоположность?)

10) бесконечный процесс раскрытия *новых* сторон, отношений etc.

11) бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности.

12) от сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей.

13) повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc. низшей и

14) возврат якобы к старому (отрицание) (отрицания)

15) борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания.

16) переход количества в качество и vice versa ((15 и 16 суть примеры 9-го)).

Примечание: в квадратные скобки поставлены звездочки отсылки, которые в записях Ленина отсутствуют, но предполагаются по смыслу лишь в возможности. И Ленин поясняет: «„в себе“ = в потенции, еще не развито, еще не развернуто» [3, 29, с. 208].

Ленин анализирует соотношение между представлением и мышлением, как его трактует Гегель, показывая «развитие обоих» [3, 29, с. 206]; вместе с тем он отмечает, что в известном смысле представление есть нечто низшее по сравнению с мышлением: «Суть в том, что мышление должно *охватить* все „представление“ в его движении, а для этого мышление должно быть диалектическим. Представление *ближе к* реальности, чем мышление? — ставит вопрос Ленин и отвечает. — И да и нет. Представление не может схватить движения *в целом*, например, не схватывает движения с быстротой 300 000 км. в 1 секунду, а мышление схватывает и должно схватить. Мышление, взятое из представления, тоже отражает реальность» [3, 29, с. 209].

Особенно подробно Ленин развивает 13-й и 14-й элементы диалектики (см. схему 1), говоря по поводу сделанных выписок из «Логике» Гегеля, касающихся этих двух ее элементов: «Это очень важно к пониманию диалектики» [3, 29, с. 207]. Далее следует ленинская формулировка: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике, — которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент, — нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики» [3, 29, с. 207].

Конец цитат перекликается и с первым элементом диалектики, в котором требуется объективность подхода и отвергается эклектицизм при изучении предмета исследования («вещи»).

Переходя от понятия отрицания к отрицанию отрицания, Ленин записывает: «Диалектика вообще состоит в отрицании *первого* положения, в смене его *вторым* (в переходе первого во второе, в указании связи первого со вторым etc). Второе может быть сделано предикатом первого — „например, конечное есть бесконечное, одно есть многое, единичное есть всеобщее“ ...» [3, 29, с. 208].

Далее Ленин подробно объясняет, каким образом действует отрицание отрицания: «По отношению к простым и первоначальным, „первым“ положительным утверждениям, положениям etc. „диалектический момент“, т. е. научное рассмотрение, требует указания различия, связи, перехода. Без этого простое положительное утверждение неполно, безжизненно, мертво. По отношению к „2-му“, отрицательному положению, „диалектический момент“ требует указания „единства“, т. е. связи отрицательного с положительным, нахождения этого положительного в отрицательном. От утверждения к отрицанию — от отрицания к „единству“ с утверждаемым, — без этого диалектика станет голым отрицанием, игрой или скепсисом» [3, 29, с. 208].

Но наиболее интересным, с нашей точки зрения, является выписанная Лениным гегелевская характеристика «абсолютного метода», т. е. диалектического метода как метода восхождения от абстрактного к конкретному. Об этом уже говорилось в очерке 1. Ввиду важности этого фрагмента мы повторим его здесь еще раз (но только в другом переводе): «Познание движется от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все *богаче* и *конкретнее*. Ибо результат содержит в себе свое начало, и движение последнего обогатило его некоторой новой определенностью. Всеобщее составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть принимаемо за некоторое течение от некоторого другого к некоторому другому. Понятие в абсолютном методе *сохраняется* в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении, в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное, и обогащается и уплотняется внутри себя» [3, 29, с. 212].

От себя Ленин записал в скобках: «Этот отрывок очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика» [3, 29, с. 212]⁶¹.

Исходя из приведенной выше формулировки, Гегель характеризовал высший пункт, достигаемый в процессе восходящего движения следующим образом: «Богатейшее есть поэтому самое конкретное и самое *субъективное*, и то, что возвращает себя в наиболее простую глубину — самое мощное и преобладающее» [3, 29, с. 212]. Отчеркнув дважды жирными линиями это

⁶¹ Эту ленинскую оценку и выписанное перед ней гегелевское положение мы попытались применить в 1948 г. к анализу развития менделеевского понятия химического элемента см.: например: Развитие понятия элемента от Менделеева до наших дней. М.; Л., 1948, с. 224 — 227.

положение, Ленин записал на полях: «*Это NB: Богаче всего самое конкретное и самое субъективное.*»

А перед этим Ленин записал: «Но *расширение* требует также *углубления* („In-sich-gehen")⁶², и большее расширение есть равным образом более высокая интенсивность"» [3, 29, с. 212]. В этих словах фактически сформулирован закон диалектической логики о прямой зависимости между объемом («расширением») и содержанием («углублением») развивающегося понятия в его отличии от известного «закона» формальной логики об обратной зависимости между объемом и содержанием готовых понятий, связанных соотношением, какое существует между родовым и видовым понятиями⁶³.

На этом мы закончим рассмотрение ленинского конспекта гегелевской «Логики».

Работа над «Лекциями по истории философии» Гегеля. Появление второго плана (декабрь 1914 — 1915 г.)

Мы переходим теперь к рассмотрению того, как родился у Ленина второй план, известный под названием «План диалектики (Логики) Гегеля», в котором резюмирована работа Ленина не только над «Логикой» Гегеля, но и над его «Лекциями по истории философии». Завершив в середине декабря 1914 г. штудирование большой «Логики» Гегеля и параллельно его малой логики («Энциклопедии»), Ленин приступил к изучению «Лекций» Гегеля, столь высоко ценимых Марксом и Энгельсом. В ленинских конспектах перебрасывается как бы мост между концом конспекта гегелевской «Логики», где стоит запись: «Наука есть *круг кругов*» и началом конспекта «Лекций». Он начинается записью: «Сравнение истории философии *с кругом* — „у этого круга по краям большое множество кругов"..."» [3, 29, с. 221]. На полях, трижды отчеркнув жирными линиями, Ленин отметил: «Очень глубокое верное сравнение! Каждый оттенок мысли = круг на великом круге (спирали) развития человеческой мысли вообще» [3, 29, с. 221].

Ленин вскрывает в гегелевских «Лекциях» прежде всего то, что относится к пониманию самой диалектики, трактуемой как учение о развитии, о движении, но взятой в историческом (историко-философском) аспекте. Ленин отмечает, что Гегель прослеживает «преимущественно *диалектическое* в истории философии» [3, 29, с. 223], что «отрицательное определение *диалектики*» выражено Гегелем в признании, что сухие, лишённые процесса, покоящиеся определения являются не диалектическими

⁶² В-себя-вхождения. — Б. К.

⁶³ Этот закон диалектической логики рассмотрен в моей работе «Эволюция понятия элемента в химии» (М., 1956, с. 151 — 153 и далее).

[3, 29, с. 223]. При этом первичным оказывается реальная история, за которой должно идти логическое развитие философской мысли: «Развитие философии в истории „должно соответствовать" (??) развитию логической философии». Тут же Ленин замечает: «Тут очень глубокая и верная мысль в сущности материалистическая (действительная история есть база, основа, бытие, за *коим* идет сознание)» [3, 29, с. 237].

Ленин везде имеет в виду развитие, движение человеческой мысли, отражающей процессы внешнего, объективного мира. Так, Ленин приводит слова Гегеля, сказанные о *диалектике* в связи с элеатской школой, а на полях записывает: «Что такое диалектика?» [3, 29, с. 226]. Здесь в сущности два определения (два признака, две характерные черты, определения, не дефиниция) диалектики, пишет Ленин, и приводит гегелевские слова, вставляя в скобках свои: во-первых, диалектика — это «чистое движение мысли в понятиях»; во-вторых, «в (самой) сущности предметов (выяснить) (вскрывать) противоречие, которое она (эта сущность) имеет в себе самой (*диалектика в собственном смысле*)» [3, 29, с. 226].

Этот «фрагмент» Гегеля Ленин передает так: «Диалектика вообще есть „чистое движение мысли в понятиях" (т. е., говоря без мистики идеализма: человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, „искусство оперировать с ними" (Энгельс) требует всегда изучения *движения* понятий, их связи, их взаимопереходов).

В частности, диалектика есть изучение противоположности вещи в себе (*an sich*), сущности, субстрата, субстанции, — от явления, „для-других-бытия". (Тут тоже мы видим переход, перелив одного в другого: сущность является. Явление существенно.) Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без концам* [3, 29, с. 226 — 227].

Здесь, как мы видим, Ленин развивает и углубляет 11-й элемент диалектики, представленной в ее первом плане (см. табл. 5). В этой связи он дает одно из определений диалектики: «В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия *в самой сущности предметов*: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и сущности вещей также» [3, 29, с. 227].

Далее Ленин формулирует свое, последовательно научное понимание развития как предмета диалектики в противоположность пошлому ходячему антидиалектическому представлению о нем. Такое ленинское понимание развития включает в себя прежде всего два основных признака: первый — признание внутренних противоречий и взаимных переходов в процессе

развития; второй — распространение принципа развития не только на бытие (объект), но и на мышление. Так, обращаясь «к вопросу о *диалектике* и ее объективном значении», Ленин пишет: «С „принципом развития" в XX веке (да и в конце XIX века) „согласны все". — Да, но это поверхностное, непродуманное, случайное, филистерское „согласие" есть *того рода* согласие, которым душат и опошляют истину. — Если все развивается, значит все переходит из одного в другое, ибо развитие заведомо не есть простой, всеобщий и вечный *рост, увеличение* (respectively уменьшение) etc. — Раз так, то во-1-х, надо *точнее* понять эволюцию как возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы. — А во-2-х, если *все* развивается, то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение» [3, 29, с. 229]. Здесь Ленин поставил отсылочный знак, к которому мы вернемся ниже.

Пока же нас будет интересовать первый из двух признаков диалектического понимания развития. Так, по поводу критики Гегелем ограниченности современных ему естествоиспытателей-эмпириков Ленин записал: «Очень верно и важно — именно это повторял популярнее Энгельс, когда писал, что естествоиспытатели должны знать, что итоги естествознания суть понятия, а искусство оперировать с понятиями не прирождено, а есть результат 2000-летнего развития естествознания и философии.

У естествоиспытателей узко понятие превращения и нет понимания диалектики» [3, 29, с. 236]. Такое непонимание ими диалектики Ленин отмечает и далее: «Верно только указание⁶⁴ на незнание диалектики вообще и диалектики понятий. По критика⁶⁵ *материализма* швах» [3, 29, с. 267].

Столкновение двух взглядов на превращение Ленин, читая Гегеля, отмечает еще у древних философов: «...превращение одни понимают в смысле наличности мелких качественно-определенных частиц и роста (respectively уменьшения) [соединения и разъединения] их. Другое понимание (Гераклит) — превращение *одного* в *другое*» [3, 29, с. 241]. При этом особенно важно превращение в свою собственную противоположность.

В связи со всем этим встает вопрос: что же означает *понять* природу, материю, движение как предмет естествознания? «Понять значит выразить в форме понятий» [3, 29, с. 231], — выписывает Ленин из гегелевских «Лекций». И далее: «Понять природу, значит: изобразить *ее* как процесс» [3, 29, с. 236].

⁶⁴ Гегелем. — Б. К.

⁶⁵ Гегелем же. — Б. К.

Вопрос об умении правильно оперировать понятиями Ленин ставит со всей остротой, когда речь заходит о доказательстве существования движения как «чувственной достоверности»: «NB сие можно и должно *обернуть*: вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий» [3, 29, с. 230].

«Движение само есть диалектика всего сущего, — выписывает Ленин. — Движение есть противоречие, есть единство противоречий» [3, 29, с. 231]. И здесь на первый план выступает второй пункт приведенного выше диалектического понимания развития — распространение его на процесс познания, мышления, на его понятия и категории. Ленин выписывает из гегелевских лекций и ставит на полях: «Верно!». «Что составляет всегда затруднение, так это — мышление, потому что оно связанные в действительности моменты предмета рассматривает в их разделении друг от друга» [3, 29, с. 232].

Ленин поясняет и углубляет это положение материалистически: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия.

И в этом *суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей» [3, 29, с. 233].

Это положение Ленин развивает в дальнейших своих записях. Так, он отмечает, читая Гегеля, что Гераклит вообще «связывал целое и нецелое (часть)» ... «сходящееся и расходящееся, созвучное и диссонирующее; и из всего (противоположного) будет одно, и из одного все» [3, 29, с. 235]. По поводу Горгия он записывает: «„Исчезающие моменты" = бытие и небытие. Это — прекрасное определение диалектики!!» [3, 29, с. 245].

Особенно важно материалистически переработанное Лениным гегелевское понимание общего. «Значение *общего* противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc. etc., но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного*, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. *Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте» [3, 29, с. 252].

Отсюда Ленин проводит прямую нить к диалектическому пониманию процесса познания, его противоречивости: «Движение познания к объекту всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть» [3, 29, с. 252], отступить, чтобы лучше прыгнуть (познать?). Такой

противоречивый путь познания как раз и отмечен Лениным выше, когда речь шла о том, в чем заключена *суть* диалектики, которую выражает единство противоположностей.

Далее Ленин продолжает, трижды отчеркивая это место и ставя «NB»: «Линии сходящиеся и расходящиеся: круги, касающиеся один другого. Knotenpunkt⁶⁶ = практика человека и человеческой истории. (Практика = критерий совпадения одной из бесконечных сторон реального.)» [3, 29, с. 252].

И тут же Ленин раскрывает диалектическую противоречивость, заключенную в этих «узловых пунктах» познания: «Эти Knotenpunkte представляют из себя единство противоречий, когда бытие и небытие, как исчезающие моменты, совпадают на момент, в данные моменты движения (= техники, истории etc.)» [3, 29, с. 252].

Понятие общего, противоречивость которого Ленин отметил, занимает видное место в философии Гегеля, и Ленин дает этому объяснение с материалистической точки зрения. Еще в самом конце своего конспекта гегелевской «Логики» Ленин записывает: «род = закон!» по поводу гегелевского выражения, надо с помощью абстракции выделить «род или силу и закон» [3, 29, с. 216]. При чтении гегелевских «Лекций», а именно «Философии Анаксагора», Ленин отметил ту же мысль: «NB: родовое понятие есть „сущность природы“, есть закон...» [3, 29, с. 240]. «NB: „общее“ как „сущность“» [3, 29, с. 241].

С этой стороны Гегель подходит к вопросу о соотношении мысли (языка тоже) и чувств, и Ленин опять же с позиций материализма анализирует гегелевские высказывания на этот счет: «NB в языке есть только *общее*» [3, 29, с. 249]. «Всякое слово (речь) уже *обобщает* ср. Фейербах» [3, 29, с. 246]. На полях против последней записи Ленин отмечает в двойной рамке: «Чувства показывают реальность; мысль и слово — общее». А далее Ленин раскрывает соотношение между чувствами и мышлением, опять-таки ссылаясь на Фейербаха: «Ср. *Фейербаха*: евангелие чувств читать в связи = мыслить» [3, 29, с. 257].

При изложении философии Эпикура Гегель писал — и Ленин отметил это четырьмя жирными линиями и четырьмя знаками восклицания: «Из ощущений мы создаем себе представления как всеобщее — благодаря этому оно становится устойчивым». Представления сами (во мнении) «испытываются при помощи ощущений, являются ли они устойчивыми,

⁶⁶ Узловой пункт. — Б. К.

повторяются ли. Это... — первое начало, механика представления в отношении первых восприятий».

«„Первое начало" забыто и извращено идеализмом, — пишет Ленин. — *А диалектический материализм связал „начало" с продолжением и концом*» [3, 29, с. 264]. Здесь мы видим конкретное выражение центрального пункта ленинского понимания единства и совпадения диалектики с теорией познания материализма. «Диалектичен не только переход от материи к сознанию, — замечает в другом месте Ленин, — но и от ощущения к мысли etc.». И поясняет: «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия» [3, 29, с. 256].

Критикуя с этих позиций всякий идеализм — объективно-идеалистический рационализм и субъективно-идеалистический сенсуализм и эмпиризм, по-разному забывающий или извращающий «первое начало» познания — роль ощущений, Ленин вместе с тем подвергает критике идеалистическую основу философии Гегеля, приходящую в вопиющее противоречие с его же диалектическим методом. Ленин отмечает: «Сторонник диалектики, Гегель, не сумел понять *диалектического* перехода *от* материи к движению, *от* материи к сознанию — второе особенно. Маркс исправил ошибку (или слабость?) мистика» [3, 29, с. 256].

Гегель, как показывает Ленин, даже не подозревал, что диалектика может быть не идеалистической, а материалистической. В материализме Гегель видел только грубую форму механистического или даже вульгарного материализма, который не признает специфичности мышления, оперирующего общими понятиями, и сводит его к чему-то непосредственно материальному. Поэтому, когда Гегель утверждал, что чувственное «есть нечто всеобщее», то Ленин отмечает этот довод, якобы сокрушающий, по мнению Гегеля, любой материализм. Нет, говорил Ленин: «Этим Гегель бьет всякий материализм *кроме* диалектического. NB» [3, 29, с. 250].

По этому поводу Ленин дал следующее объяснение, озаглавив его так: «Гегель и диалектический материализм»: «Гегель серьезно „верил", думал, что материализм как философия невозможен, ибо философия есть наука о мышлении, об *общем*, а общее есть мысль. Здесь он повторял ошибку того самого субъективного идеализма, который он всегда называл „дурным" идеализмом. Объективный (и еще более абсолютный) идеализм зигзагом (и кувырком) подошел вплотную к материализму, частью даже *превратился в него*» [3, 29, с. 250].

Приближение к такому превращению Ленин видит прежде всего в том, что Гегель подчеркивает «отличие субъективной, софистической диалектики от

объективной» [3, 29, с. 252], что им отвергается «пустая диалектика» [3, 29, с. 252, 253], что у него выступает «NB объективизм» [3, 29, с. 253], что важна и необходима «диалектика в самом предмете» [3, 29, с. 246], что «диалектика = „разрушение себя самого"» [3, 29, с. 276].

Ленин много раз показывает партийную враждебность Гегеля по отношению к материализму, доходящую порой до прямой его клеветы на материализм. Этим объясняется, почему диалектик Гегель не сумел разглядеть и оценить гениальные догадки древних атомистов-материалистов, предвосхищавшие позднейшее развитие естествознания. Так, по поводу критического замечания Гегеля в адрес Эпикура, что приписывание Эпикуром «криволинейное» движение это-де «произвол и скука» [3, 29, с. 266], Ленин ставит два вопроса: 1) «((а „бог" у идеалистов???)»), т. е. разве идея о боге не «произвол и скука»? 2) «а электроны»? т. е. что в конце XIX в. идея Эпикура о криволинейном движении частиц материи подтвердилась спустя всего две трети века после смерти Гегеля: значит, Гегель-идеалист не смог предвидеть за несколько десятилетий того, что за 2000 лет предвидел Эпикур-материалист!

Ленин отмечает также «гениальность догадки Эпикура (300 лет до Р. Х., — т. е. более 2000 лет до Гегеля) насчет, например, света и его быстроты» [3, 29, с. 265]. По поводу гегелевского пренебрежительного замечания: «Душа-де, по Эпикуру, „известное" собрание атомов... Все это — пустые слова"...» [3, 29, с. 266], Ленин возражает: «((нет, это гениальные догадки и указания пути науке, а не поповщине))».

Все сказанное выше еще и еще раз приводит Ленина к выводу, что «Логикку Гегеля нельзя *применять* в данном ее виде; нельзя *брать* как данное. Из нее *надо выбрать* логические (гносеологические) оттенки, очистив от Ideenmystik⁶⁷: это еще большая работа» [3, 29, с. 238].

⁶⁷ От мистики идей. — Б. К.

Философия. Наука. Ученый человек, философ, педагог,
чл. Кавказского общества.

Сост. и изданы:

А. Плещинский Афины, 1840 г. в 1 т. 1 кн.

П. Яковлев: 6 диалектических тезисов Лейбница и др. М., 1880 г.

Лавров: 6 глав, contemporanea in Hebe.

Вера: 1 т. 1 кн. 2 т. 1 кн. 3 т. 1 кн.

[См. также в кн. "Логика" (1840)]

Матрица (логика) Лейбница:

I. Ученый человек. 1) Кавказское общество; 2) Кавказское общество; 3) Кавказское общество; 4) Кавказское общество; 5) Кавказское общество.

II. Ученый человек. 1) Кавказское общество; 2) Кавказское общество; 3) Кавказское общество; 4) Кавказское общество; 5) Кавказское общество.

III. Ученый человек. 1) Кавказское общество; 2) Кавказское общество; 3) Кавказское общество; 4) Кавказское общество; 5) Кавказское общество.

IV. Ученый человек. 1) Кавказское общество; 2) Кавказское общество; 3) Кавказское общество; 4) Кавказское общество; 5) Кавказское общество.

Матрица (логика) Лейбница (См. также в кн. "Логика" (1840))
всего 6 глав (Логика, метафизика, философия) — 1 т. 1 кн.
Логика Лейбница (Логика Лейбница) в 1 т. 1 кн.
Логика Лейбница (Логика Лейбница) в 1 т. 1 кн.
Логика Лейбница (Логика Лейбница) в 1 т. 1 кн.
Логика Лейбница (Логика Лейбница) в 1 т. 1 кн.
Логика Лейбница (Логика Лейбница) в 1 т. 1 кн.
Логика Лейбница (Логика Лейбница) в 1 т. 1 кн.

Фотокопия 6.

Второй план Ленина:
«План диалектики (Логики) Гегеля»

Теперь нам надо вернуться к той отсылке Ленина, о которой говорилось выше и которая относилась к его характеристике двух важнейших признаков правильно понятого развития как предмета диалектики: «...всеобщий принцип развития⁶⁸ надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи etc.⁶⁹» [3, 29, с. 229].

Это положение о взаимосвязи двух принципов диалектики имеет исключительно важное значение для решения задачи объединения всех четырех ленинских планов в один сводный план, как это мы покажем в следующем очерке.

А сейчас нам надо рассмотреть, каким образом Ленин подытожил всю уже проделанную им работу над двумя сочинениями Гегеля — «Логикой» и «Лекциями» — в виде второго плана, названного Лениным так: «План диалектики (Логики) Гегеля» [3, 29, с. 297-298, 301-302] (фотокопия 6). В схеме 3 этот план воспроизводится с добавлением (в круглых скобках) данных нами названий трех основных разделов плана и с введением цифрового и буквенного порядкового обозначения его разделов и подразделов (тоже в круглых скобках). Замечания и добавления Ленина, записанные на полях плана, поставлены нами внизу текста для удобства.

Схема 3

ВТОРОЙ ПЛАН: «ПЛАН ДИАЛЕКТИКИ (ЛОГИКИ) ГЕГЕЛЯ»

(1. Оглавление малой Логики (Энциклопедии))

I. Учение о бытии А. Качество: а) бытие; б) наличное бытие; с) для-себя-бытие.

**В. Количество: а) чистое количество; б) величина (Quantum); с) степень.
С. Мера.**

II. Учение о сущности

А. Сущность, как основа существования: а) тождество — различие — основа; б) существование; с) вещь.

В. Явление: а) мир явления; б) содержание и форма; с) отношение.

С. Действительность: а) отношение субстанциональности; б) отношение каузальности; с) взаимодействие.

III. Учение о понятии А. Субъективное понятие: а) понятие; б) суждение; с) заключение.

⁶⁸ На полях Ленин ставит: «I принцип развития».

⁶⁹ На тех же полях записано: «II принцип единства».

В. Объект: а) механизм; б) химизм; с) телеология.

С. Идея: а) жизнь; б) познание; с) абсолютная идея.

(2. Общий ход человеческого познания)

(А) Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон, причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще; Таков ход и *естествознания* и *политической экономики* (и истории). Диалектика Гегеля есть, постольку, обобщение истории мысли.

(В) Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на *истории отдельных наук*. В логике история мысли должна, в общем и целом, совпадать с законами мышления.

(3. Категории диалектики (логики) как ступени познания и практической деятельности человека)

(А) Бросается в глаза, что иногда Гегель идет от абстрактного к конкретному (*sein* абстрактное⁷⁰ — *Dasein* конкретное — *Fursichsein*), — иногда наоборот (субъективное понятие — объект — истина (абсолютная идея)). Не есть ли это непоследовательность идеалиста (то, что Маркс называл *Ideenmystik* у Гегеля)? Или есть более глубокие резоны? (Например, *бытие* = *ничто* — идея становления, развития).

(В) Сначала *мелькают* впечатления, затем выделяется ничто, — потом развиваются понятия *качества*⁷¹ (определения вещи или явления) и *количества*. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности *versus* явления, — причинности etc. Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине (=абсолютной идее).

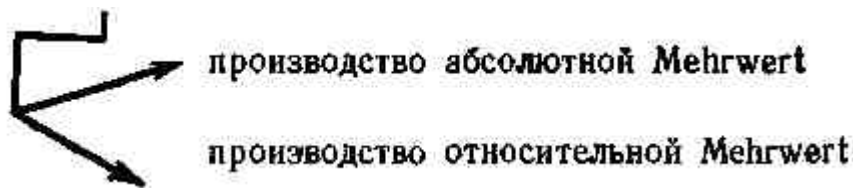
(4. Логика «Капитала» Маркса как образец диалектики).

(А). Если Маркс не оставил «*Логики*» (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед.

(В.) Товар — деньги — капитал

⁷⁰ Абстрактное «*Sein*» только как момент в «*Fursichsein*» (все течет. — Б. К.)

⁷¹ Качество и ощущение (*Empfindung*) одно и то же, говорит Фейербах. Самым первым и самым первоначальным является ощущение, а в нем неизбежно и качеств о...

[история капитализма и анализ *понятий*,] [резюмирующих ее.]

(С.) Начало — самое простое, обычное, массовидное, непосредственное «бытие»; отдельный товар («Sein» в политической экономии). Анализ его как отношения социального. Анализ *двоякий*, дедуктивный и индуктивный, — логический и исторический (формы стоимости).

(Д.) Проверка фактами *respective*, практикой есть здесь в *каждом* шаге анализа.

(Е.) Ср. к вопросу о сущности *versus* явление

— цена и стоимость — спрос и предложение *versus* Wert (-kristallisierte Arbeit)

— заработная плата и цена рабочей силы.

Примечания: Sein — бытие; Dasein — наличное бытие; Poursichsein — для-себя-бытие; "Ideenmystik — мистика идей; *versus* — по отношению к; Mehrwert — прибавочная стоимость; Wert — стоимость; kristallisierte Arbeit — кристаллизованный труд.

В заключение отметим то чрезвычайно интересное обстоятельство, что Ленин собирался дополнить раздел о диалектике в своей статье «Карл Маркс». Если ее рукопись была отослана в редакцию издательства Гранат в середине ноября 1914 г., то спустя полтора месяца с небольшим (4 января 1915 г.) он шлет в ту же редакцию письмо, в котором спрашивает: «Кстати: не успели ли бы еще некоторые поправки к отделу о диалектике? Может быть, Вы будете любезны черкнуть, когда именно сдается в набор и когда последний срок представления поправки. Я как раз этим вопросом занимался последние полтора месяца и думаю, что мог бы добавить кое-что, если бы было время» [3, 49, с. 48 — 49].

Сейчас, разумеется, трудно сказать, что конкретно имел в виду Ленин, говоря, что он «мог бы добавить кое-что» к тексту раздела о диалектике в статье «Карл Маркс». Можно предположить, что за один месяц (с 17 ноября по 17 декабря 1914 г.), протекший после отправки рукописи этой статьи, Ленин доштудировал конец «Логики» Гегеля, включая, скажем, составление фрагмента «Элементы диалектики». А с середины декабря 1914 по 5 января

1915 г. он начал штудирование гегелевских «Лекций по истории философии». Поэтому в то «кое-что», что Ленин хотел добавить к своему первоначальному тексту, могло войти, например, определение диалектики как учения о единстве противоположностей и некоторые ее формулировки как метода познания (например, как соединения анализа и синтеза и т. п.).

Во всяком случае можно только пожалеть, что Ленину не пришлось, основываясь на своей работе над сочинениями Гегеля, внести соответствующие дополнения в статью «Карл Маркс» и этим не только обогатить ее раздел о диалектике, но и начать осуществлять, хотя бы частично, свой замысел написать особый труд по диалектике, созданный путем материалистической переработки гегелевского метода.

Работа над лассалевским «Гераклитом». Появление третьего плана (1915)

Уже в самом начале ленинского конспекта книги Ф. Лассалья «Философия Гераклита Темного из Эфеса» дана ее оценка. Это показывает, что в данном случае Ленин сначала прочитал книгу, а уже после этого приступил к составлению конспекта. Из этих же записей ясно видно, что за чтение этой книги Ленин взялся под влиянием прочитанного им письма Маркса к Энгельсу от 1 февраля 1858 г., на которое в конспекте имеется прямая ссылка, но лишь без указания его даты. «Понятно, почему Маркс назвал это сочинение Лассалья „ученическим“...: Лассаль просто *повторяет* Гегеля, *списывает* его, *пережевывает* миллион раз по поводу отдельных мест Гераклита, снабжая свой труд невероятной бездной ученийшего, гелертерского-архи, балласта.

Отличие от Маркса: у Маркса тьма *нового* и интересует его только движение вперед *от* Гегеля и от Фейербаха *дальше, от* идеалистической диалектики *к* материалистической. У Лассалья рюминирование Гегеля на всякую частную тему: в сущности, списывание Гегеля *по поводу* цитат из Гераклита и о Гераклите» [3, 29, с. 305].

Ленин продолжает: «Маркс в 1844 — 1847 гг. ушел от Гегеля к Фейербаху и *дальше* Фейербаха к историческому (и диалектическому) материализму. Лассаль в 1846 г. начал... в 1855 г. возобновил и в VIII.1857 г. ... кончил работу голого, пустого, никчемного, гелертерского пережевывания гегельянщины!!» [3, 29, с. 306].

Вместе с тем Ленин отмечает, что отдельные места конспектируемой книги интересны и небесполезны, но лишь по переводам отрывков из Гераклита и по популяризации Гегеля. «Иногда прямо прелестна по своей детской наивности философия древних и Гераклита...» [3, 29, с. 306], — отмечает он. Например, по поводу отрывка из Плутарха Ленин говорит, что «отрывок

хорош: передает дух греческой философии, наивность, глубину, переходы = переливы» [3, 29, с. 307].

Далее Ленин выписывает высказывание Гераклита: «Мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим...» [3, 29, с. 311]. «Очень хорошее изложение начал диалектического материализма», — замечает Ленин и тут же показывает, как Лассаль «портит живость, свежесть, наивность, историческую цельность Гераклита натяжками под Гегеля...» [3, 29, с. 312].

В связи с этим Лениным сделано замечание, касающееся развития, идущего через противоречия путем отрицания отрицания: «Лассаль, так сказать, *вбивает* колотушкой в голову читателя ту гегелевскую мысль, что в абстрактных понятиях (и в их системе) *нельзя* иначе выразить принцип движения, как принципом тождества противоположностей. Движение и Werden⁷², вообще говоря, могут быть без повторения, без возврата к исходному пункту и *тогда* такое движение не было бы „тождеством противоположностей“. Но и астрономическое и механическое (на земле) движение и жизнь растений и животных и человека — все это вбивало человечеству в головы не только идею движения, но именно движения с возвратами к исходным пунктам, т. е. диалектического движения» [3, 29, с. 308].

Ленин добавляет: «Наивно и прелестно выражено это в знаменитой формуле (или изречении) Гераклита: „Нельзя войти дважды в одну и ту же реку“...» [3, 29, с. 308]. Так, Ленин еще и еще раз находит новые подходы, новые стороны с тем, чтобы охарактеризовать диалектическое понимание развития в отличие от ходячей, вульгарной его трактовки.

Приведем еще два места из ленинского конспекта, в которых раскрывается диалектика познания и которые перекликаются с тем, о чем Ленин писал в двух предыдущих конспектах. Так, по поводу выражения «NB: „**связь всего**“» [3, 29, с. 310] и слов Цицерона, что роком он называет «порядок и последовательность причин, когда одна причина, связанная с другой причиной, порождает из себя явление» [3, 29, с. 310 — 311], Ленин ставит задачу, аналогичную тем, какие он ставил и раньше: «Тысячелетия прошли с тех пор, как зародилась идея „связи всего“, „цепи причин“. Сравнение того, как в истории человеческой мысли понимались эти причины, дало бы теорию познания бесспорно доказательную» [3, 29, с. 311].

⁷² Становление — Б. К.

Другое замечание касается имен (слов) и заключенного в них понятия общего. «...„Имена для него" (для Гераклита), — выписывает Ленин, — „суть законы бытия, они для него — общее вещей, как законы для него — „общее всех"»...

И Гиппократ-де именно гераклитовские мысли *выражает*, говоря: „Имена суть законы природы"» [3, 29, с. 314].

Ленин отчеркивает эти выписки, дважды ставит «NB» и отмечает: «Очень важно!».

В конце конспекта записан третий план [3, 29, с. 314], которому мы от себя дадим название «Источники диалектики как теории познания». Мы изложим его графически несколько иначе, чем он записан Лениным, и введем два подзаголовка (они взяты в круглые скобки так же, как и введенная нами нумерация источников, из коих, по мысли Ленина, должна сложиться диалектика и теория познания) (табл. 4 и фотокопия 7). Смысл введенной цифровой и буквенной нумерации будет разъяснен в следующем очерке.

Работа над «Метафизикой» Аристотеля. Появление четвертого плана (конец 1915 г.)

Как было уже отмечено выше, в отдельных случаях Ленин составляет конспект прочитанной им книги уже после ее прочтения. Так было, по-видимому, и при работе над «Метафизикой» Аристотеля. Еще до того, как Ленин стал писать фрагмент «К вопросу о диалектике», явившейся четвертым итоговым планом и результатом всей проделанной им работы в «Философских тетрадах», Ленин уже прочитал «Метафизику» Аристотеля, на которую он дважды сослался в своем фрагменте.

Таблица 4

Третий план. Источники диалектики как теория познания

вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика

(их зародыш)	(сами источники)	(их резюме)
(1А) греческая философия наметила все свои моменты	(1В) история философии (1С) » (2А) » (2В) » (3А) »	<i>Ergo</i> (kurz история познания вообще) (вся область знания)
	отдельных наук умственного развития ребенка » животных языка NB (2С) + психология (3В) + физиология органов чувств	

Примечания: *Ergo* — следовательно; *kurz* — кратко.

Прежде всего Ленин отмечает: «NB: В начале „Метафизики“ упорнейшую борьбу с Гераклитом, с идеей тождества бытия и небытия (подошли к ней греческие философы, но не сладили с ней, с диалектикой). Прехарактерно вообще везде, *passim*⁷³ живые зачатки и запросы диалектики...» [3, 29, с. 326].

То, что интересует Ленина у Аристотеля, — это, в частности, соотношение *общего* и *отдельного*: «Прехарактерна и глубоко интересна (в начале „Метафизики“) полемика с Платоном и „недоуменные“, прелестные по наивности, вопросы и *Bedenken*⁷⁴ на счет чепухи идеализма. И все это при самой беспомощной путанице вокруг *основного* понятия и *отдельного*» [3, 29, с. 326].

Далее Ленин развивает эту свою оценку: «У Аристотеля *езде* объективная логика *смешивается* с субъективной и так притом, что *езде видна* объективная. Нет сомнения в объективности познания. Наивная вера в силу разума, в силу, мощь, объективную истинность познания. И

⁷³ Повсюду. — Б. К.

⁷⁴ Сомнения. — Б. К.

Приведя цитату из «Метафизики», Ленин отмечает: «Прелестно! Нет сомнений в реальности внешнего мира. Путается человек именно в диалектике общего и отдельного, понятия и ощущения etc., сущности и явления etc.» [3, 29, с. 327].

В связи с критикой Аристотелем учения Пифагора о числах (и Платона об идеях), как чего-то отдельного от чувственных вещей, Ленин вскрывает гносеологические корни идеализма: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (*совершенно* в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и *идеи* стола и стула; мир и идея мира (бог); вещь и „*нумен*“, непознаваемая „*вещь в себе*“; связь земли и солнца, природы вообще — и закон, *λόγος*⁷⁵, бог. Раздвоение познания человека и *возможность* идеализма (= религии) *даны* уже в первой, элементарной абстракции («дом» вообще и отдельные дома)» [3, 29, с. 329-330].

Все это Ленин отчеркнул и поставил дважды «NB».

Прослеживая понимание соотношения общего и отдельного Аристотелем, Ленин подошел к более кардинальному вопросу о «клеточке» всего человеческого мышления, о его начальном, или исходном, пункте. По сути дела, можно считать, что открытие этой «клеточки» Лениным в виде единства противоположностей общего и отдельного произошло именно при штудировании «Метафизики» Аристотеля, в которой этот вопрос занимает, в сущности, центральное место.

Продолжая развивать свои мысли о гносеологических источниках идеализма (и религии), Ленин пишет: «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (*in letzter Instanz*⁷⁶ = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее („стол“ вообще) *есть* известный кусочек фантазии» [3, 29, с. 330].

В ленинском конспекте в различной связи еще несколько раз отмечается та же проблема общего (в частности, математического) и отдельного (чувственные вещи). «Наивное выражение „трудностей“ на счет „философии математики“ (говоря по-современному)» [3, 29, с. 330], — записывает,

⁷⁵ Логос — Б. К.

⁷⁶ В последнем счете. — Б. К.

например, Ленин. И далее: «...Если в чувственных вещах вовсе не находится математическое, то почему же чувственным вещам присущи свойства математического?» [3, 29, с. 331].

Комментатор Аристотеля (Швеглен) отмечает по поводу «Метафизики», и Ленин это выписывает: «Наука касается только общего... а действительно (субстанциально) только отдельное. Значит, бытие и мышление несоизмеримы? «Истинное познание действительно невозможно?» ...Аристотель отвечает: потенциально знание направлено на общее, актуально на особое⁷⁷» [3, 29, с. 331].

Давая историческую оценку судеб учения Аристотеля, Ленин пишет: «Схоластика и поповщина взяли мертвое у Аристотеля, а не *живое*: *запросы*, искания, лабиринт, заплутался человек.

Логика Аристотеля есть запрос, искание, подход к логике Гегеля, — а из нее, из логики Аристотеля (который *всюду*, на каждом шагу ставит вопрос *именно о диалектике*), сделали мертвую схоластику, выбросив все поиски, колебания, приемы постановки вопросов. Именно приемы постановки вопросов, как бы *пробные* системы были у греков, наивная разноголосица, отражаемая превосходно у Аристотеля» [3, 29, с. 326].

Теперь нам осталось привести в табличной форме последний (четвертый) ленинский план, известный под названием «К вопросу о диалектике» [3, 29, с. 316 — 318, 321 — 322]. Мы приведем его целиком, дополнив данными нами названиями его разделов и подразделов с их нумерацией — цифровой и буквенной (вставки заключены в квадратные и круглые скобки). Ради удобства запись, сделанную Лениным на полях («NB сей афоризм»).

Схема 4

Четвертый план: «К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИКЕ»

[I. ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ КАК ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ]

(А. Единство противоположностей как суть диалектики.) Раздвоение единого и познание противоречивых частей его (см. цитату из Филона о Гераклите в начале III части («О познании») Лассалевского Гераклита) есть *суть* (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей «Метафизике» постоянно *бьется* около этого и *борется* с Гераклитом resp. (соответственно. — Б. К.) с гераклитовскими идеями).

⁷⁷ Отдельное. — Б. К.

(В. *Диалектика против эклектики.*) Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (например, у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется, как сумма *примеров* («например, зерно»; «например, первобытный коммунизм»). То же у Энгельса. Но это «для популярности...», а не как *закон познания* (к закон объективного мира).

(С. Конкретизация единства противоположностей в различных науках:)

В математике + и — . Дифференциал и интеграл. «механике действие и противодействие. «физике положительное и отрицательное электричество. «химии соединение и диссоциация атомов. «общественной науке классовая борьба.

(D. Условие познания процессов мира в их «самодвижении».) Тождество противоположностей («единство» их, может быть, вернее сказать? хотя различие терминов «тождество» и «единство» здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*). Условие познания всех процессов мира в их «самодвижением, в их спонтанейшем развитии, в их живой жизни есть познание их, как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей.

(E. Две основные концепции развития.) Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, *и* развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

При первой концепции движения остается в тени *само* движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *вовне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника «само»* движения.

Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового.

(F. Соотношение относительного и абсолютного.) Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение.

NB: отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики в релятивном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное.

[II. МЕТОД ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ]

(А. Метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале».) У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) *все* противоречия (resp. зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в 2 (в сумме. — Б. К.) его отдельных частей, от его начала до его конца.

(В. Метод восхождения от абстрактного к конкретному в диалектике вообще.) Таков же должен быть метод изложения (resp. изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики).

(С. «Клеточка» мышления и языка.) Начать с самого простого, обычного, массовидного etc., с *предложения* любого: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть *диалектика*: отдельное есть *общее* (ср. Aristoteles, Metaphysik, пер. Шwegлера. Bd. II, S, 40, 3 Buch, 4 Kapitel, 8 — 9: «denn natürlich kann man nicht der Meinung sein, dass es ein Haus — дом вообще — gebe ausser den sichtbaren Häusern», «οὐ γὰρ ἂν θείημεν εἶναί τινα οἰχίαν παρὰ τὰς τινάς οἰχίας»)⁷⁸. Значит противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.

⁷⁸ Мы не можем ведь принять, что есть некий дом (вообще) наряду с отдельными домами. — Б. М.

(D. Раскрытие заложенных в «клеточке» зачатков противоречий.) Уже здесь есть элементы, зачатки понятия *необходимости*, объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря:

Иван есть человек. Жучка есть собака, *это* есть лист дерева и т. д., мы *отбрасываем* ряд признаков, как *случайные*, мы отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому.

Таким образом в *любом* предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке»), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика.

(E. «Клеточка» в науке, естествознании). А естествознание показывает нам (и опять-таки это надо показать на *любом* простейшем примере) объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей.

(F. Совпадение диалектики с теорией познания.) Диалектика *честь* теории познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах.

[III. ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ХОДА ПОЗНАНИЯ]

(A. Познание как ряд кругов.) Познание в виде ряда кругов представляет и Гегель (см. *Логику*) — и современный «гносеолог» естествознания, эклектик, враг гегелевщины (коей он не понял!) (см. его *Erkenntnistheoretische Grundzüge*, S.).

(B. Круги в развитии философской мысли:) «Круги» в философии / обязательна ли хронология насчет *лиц*? Нет!)

Античная: от Демокрита до Платона и диалектики Гераклита.

Возрождение: Декарт versus (по отношению к. — *Б. К.*) Gassendi (Spinoza?)

Новая: Гольбах — Гегель (через Беркли, Юм, Кант).

Гегель — Фейербах — Маркс.

(C. Применение диалектики к теории отражения.) Диалектика как *живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка) — вот неизмеримо-богатое содержание по сравнению с «метафизическим» материализмом, основная *беда* коего есть неумение

применить диалектику к *Bildertheorie* (к теории отражения. — *Б. К.*), к процессу и развитию познания.

(D. Метафизический и диалектический материализм о существе философского идеализма.) Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизичного. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное, *uberschwengliches* (чрезмерное. — *5. К.*) (*Dietzgen*) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолюте, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть («*вернее*» и «*кроме того*») *дорога* к поповщине *через* ОДИН ИЗ ОТТЕНКОВ бесконечно сложного *познания* (диалектического) человека. (NB сей афоризм.)

(E. Раскрытие диалектикой гносеологических и классовых корней идеализма.) Познание человека не есть (resp. не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где *ее закрепляет* классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота *voilà* (вот. — *Б. К.*) — гносеологические корни идеализма. А у поповщины (философского идеализма), конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания.

Мы включили в текст фрагмента. В результате план-фрагмент примет следующий вид (схема 4 и фотокопия 8).

Подчеркнем ленинские слова «Таков же должен быть метод изложения диалектики вообще», взятые нами в качестве второго эпиграфа к данному разделу. В этой четкой и категорической форме Лениным выражено требование, от которого нельзя отступать и которое нельзя игнорировать. Это означает, что именно по такому методу можно и нужно писать сводные теоретические труды и систематические руководства по диалектике, если требуется показать ее как подлинную науку, а не как набор случайно нахвачанных примеров.

Другими словами, Ленин требует, чтобы изложение и изучение диалектики было подчинено внутренней логике самого предмета, а такой логикой служит

диалектика объективного развития этого предмета, в данном случае — диалектика развития человеческой мысли, отражающей вечно движущуюся и вечно развивающуюся материю. Диалектика же развития человеческой мысли учитывает его направленность как исходящего от простейшего предложения (и суждения) и восходящего ко все более и более содержательным и развитым формам мышления, способным все полнее и глубже отражать объективный мир и направлять практическую деятельность в нужную человеку сторону.

При условии строгого выполнения ленинского требования к изложению диалектики книга по диалектике сможет научить понять, в чем состоит самая суть диалектического метода, и помочь овладеть диалектикой по-настоящему.

Очерк 11 Своеобразный характер воплощения ленинского замысла в жизнь

Как известно, Ленину не удалось завершить свою работу над созданием специального труда по материалистической диалектике. В этом отношении судьба его замысла сходна с судьбой замыслов Маркса и Энгельса. Однако все идеи, все мысли, которые у Ленина возникали в процессе его работы над «Философскими тетрадями», воплотились конкретно в его предоктябрьских и послеоктябрьских трудах, начиная с таких, как «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916) и «Государство и революция» (1917) и кончая последними работами (1923). Подобно тому как в экономических и других трудах Маркса, и прежде всего в его «Капитале», нашел реализацию его замысел о создании специальной работы по диалектике, так аналогичный же ленинский замысел нашел свое воплощение в теоретической и революционно-практической деятельности Ленина в течение восьмилетнего периода (1916 — 1923), насыщенного бурными военными и революционными событиями в России и во всем, мире.

В данном очерке мы рассмотрим некоторые, но далеко не все важные положения диалектики, развитые и обоснованные Лениным во время его работы над «Философскими тетрадями» и нашедшие свое воплощение в последующих его трудах. Мы начнем с противопоставления Лениным диалектики эклектизму как основному методологическому приему, к которому прибегают противники марксизма — всякого рода ревизионисты и оппортунисты в их борьбе против революционной, марксистской диалектики. Но прежде всего мы попытаемся ответить на вопрос: почему замысел Ленина создать специальный труд по диалектике оказался неосуществленным или, лучше сказать, почему он был осуществлен не в виде задуманного Лениным самостоятельного философского произведения?

Каким образом был в основном реализован замысел Ленина. (Что осталось в нем нереализованным?)

Можно предположить, что от внимания Ленина не ускользнуло то, что замысел Маркса, изложенный в его письме к Энгельсу от 14 января 1858 г., остался нереализованным. Если так, то Ленин не мог не задуматься над причиной этого, не мог не попытаться объяснить себе, почему Маркс так и не нашел времени, чтобы изложить то рациональное в методе, что Гегель открыл и сам же затемнил, подверг мистификации, короче говоря, почему Маркс не создал диалектической «Логики» с большой буквы, т. е. в виде особого сочинения.

В «Философских тетрадах» на этот вопрос дается прямой и четкий ответ: «Если Маркс не оставил „*Логики*“ (с большой буквы), то он оставил *логику* „Капитала“, и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В „Капитале“ применена к одной науке логика, диалектика и теория познания... материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед» [3,29, с. 301].

Здесь, во-первых, констатируется, что Маркс взял все ценное (т. е. все рациональное), что содержалось в диалектическом методе Гегеля, следовательно освободив его от гегелевской мистификации. Тем самым главное, что содержалось в замысле Маркса, было осуществлено. Во-вторых, это ценное (т. е. диалектический метод), взятое у Гегеля, Маркс двинул вперед благодаря тому, что применил конкретно к одной науке (политической экономии) и воплотил в «Капитале». Тем самым замысел Маркса оказался реализованным, но только в своеобразной форме — не в виде особого философского произведения, а в виде «Капитала», впитавшего в себя все то, что первоначально задумывалось Марксом как отдельный труд. Поэтому не надо сетовать на то, что Маркс не оставил «*Логики*» (с большой буквы), а уметь извлечь *логику* «Капитала» и использовать ее; эта логика покажет нам то, что первоначально Маркс задумал не только то, *е чем состоит* материалистически истолкованный диалектический метод, но и то, *как* надо его *применять* творчески, в конкретном научном исследовании. А последнее как раз и является самым главным.

В «Философских тетрадах» имеется одна очень интересная ленинская запись, касающаяся того, что, как говорил Маркс, гегелевскую диалектику надо перевернуть (*Umkehren*), поставить на ноги, так как у Гегеля она стоит на голове: «*NB: Umkehren*, — пишет Ленин. — Маркс *применил* диалектику Гегеля в ее рациональной форме к политической экономии». И тут же на полях Ленин добавил: «*NB: К вопросу об истинном значении Логики Гегеля*» [3, 29, с. 160].

Как видим, истинное значение гегелевской диалектики Ленин видит в том, что ее рациональное зерно нашло свое конкретное применение в таких произведениях марксизма, как «Капитал».

Рациональное зерно гегелевской диалектики Ленин применил конкретно и в своих теоретических исследованиях, и в руководстве революционной практикой. Конечно, это не компенсировало полностью первоначального его замысла — создать *Диалектику* (с большой буквы), но тем не менее *диалектика* ленинских трудов 1915 — 1923 г. играла исключительно большую роль как в развитии марксистской мысли за эти годы, так и в деле

подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Остановимся на этом вопросе подробнее.

В тех исторических условиях, которые сложились в результате первой мировой (империалистической) войны, для Ленина все явственнее вырисовывались ближайшие перспективы общественно-исторического развития: вызванный войной острейший мировой кризис не мог не привести к тому, что в той стране или тех странах, где звено цепи мирового империализма окажется наиболее слабым и уязвимым, оно рухнет, а вместе с ним разорвется и вся эта цепь. Другими словами, здесь должна вспыхнуть пролетарская революция.

В этих условиях с особой силой вставала задача не просто изучения материалистической диалектики как научного метода объяснения мира, но и овладения ею на деле как «руководства к действию», как научного метода революционного преобразования мира. Иными словами, требовалось практическое овладение диалектическим методом партийными кадрами, особенно их руководящей частью, с целью выработки у них умения с помощью этого метода быстро и правильно ориентироваться в резко и внезапно меняющейся обстановке революционных событий, поскольку революционный кризис, революционная ситуация уже надвигались и могли наступить в скором времени.

Хорошо известны рекомендации Ленина, указывающие на необходимость при изучении диалектики широко привлекать образцы из современной общественно-политической жизни (революции, пробуждения к жизни новых народов). Таково содержание материала, на котором Ленин позднее, в статье «О значении воинствующего материализма» (1922), настойчиво советовал разрабатывать диалектику. Важнейшее место среди этого материала занимали события общественно-политической жизни и их философский анализ. Ведь между диалектикой и политикой существует самая тесная, живая и неразрывная связь: диалектика постоянно обогащается в результате анализа все новых исторических событий, позволяющего раскрывать их сущность, проникать в их глубинные течения, улавливать их тенденции, перспективы всего исторического движения; вместе с тем она служит теоретическим и практическим руководством к действию, благодаря чему политика приобретает правильное, научно обоснованное направление.

И в «Философских тетрадах», и в названной ленинской статье, и во всех других предоктябрьских и послеоктябрьских работах Ленина красной нитью проходит идея о неразрывной связи между диалектикой и политикой. В работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920) Ленин особенно

ярко раскрыл эту связь, подчеркивая, что произошло с «высоко учеными марксистами», вождями II Интернационала, которые учились и других учили Марксовой диалектике, но обнаружили совершенную неспособность «а *применении* этой диалектики», оказались на практике полнейшими «не диалектиками», не сумевшими учесть быстрой перемены форм и быстрого наполнения старых форм новым содержанием. «Основная причина их банкротства состояла в том, что они „загляделись“ на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись увидеть ту крутую ломку, которая в силу объективных условий стала неизбежной, и продолжали твердить простые, заученные на первый взгляд бесспорные истины: три больше двух. Но политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую.

В действительности все старые формы социалистического движения наполнились новым содержанием, перед цифрами появился поэтому новый знак; „минус“, а наши мудрецы упрямо продолжали (и продолжают) уверять себя и других, что „минус три“ больше „минус двух“» [3,41, с. 88].

Это замечательное ленинское сопоставление диалектики с политикой и политики с высшей математикой ярко характеризует понимание Лениным органической связи между диалектикой и политикой. И вместе с тем здесь особенно видна та мысль, что недостаточно учиться Марксовой диалектике, а надо уметь ее правильно применять, по-настоящему овладевать ею.

Здесь раскрыт глубокий смысл того, почему Ленин так настойчиво подчеркивал в «Философских тетрадах» тот факт, что хотя Маркс и не оставил «*Логики*» как специально философского труда (с большой буквы), но *логикой* «Капитала» он показал, *как надо оперировать* диалектическим методом, *как надо применять* его конкретно к науке и практике, иначе говоря, как надо не просто знать этот метод, а уметь свободно пользоваться им на деле, т. е. *по-настоящему овладеть им*.

В этом объяснении — ключ к ответу на поставленный выше вопрос: почему замысел самого Ленина, во многом аналогичный замыслу Маркса, остался неосуществленным, вернее сказать, был осуществлен Лениным, подобно Марксу, в особой форме — не в виде первоначально задуманного особого философского труда, а будучи воплощен в целый ряд теоретических произведений Ленина и в его необъятно громадную деятельность по руководству революционной практикой рабочего класса накануне 1917 г., во время свершения пролетарской революции в России и в послеоктябрьский период.

Но была еще одна причина более частного характера, помешавшая Ленину, по всей видимости, завершить его работу над созданием отдельного труда по диалектике. Начав свое исследование в более ограниченных масштабах, соответствующих замыслу Маркса, — вскрыть рациональное в диалектическом методе Гегеля, освободив его от гегелевского мистифицирования, — Ленин первоначально держался этих масштабов. В. В. Адоратский, автор предисловия к XII Ленинскому сборнику (1930), содержащему вторую часть «Философских тетрадей» В. И. Ленина, свидетельствовал: «Если Ленин собирался писать работу о диалектике, то материал для этой задачи был им собран богатейший, а в отдельных частях (специально по вопросу „Гегель о диалектике“) — прямо-таки исчерпывающий. Чтобы написать о диалектике специальную работу, у Ленина, как и у Маркса времени не нашлось» [2, XII, с. 17 — 18].

Тут нам хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что во всех замыслах и планах задуманной Лениным работы по диалектике большое место должно было занять философское обобщение данных современного естествознания, а также (и это, пожалуй, было самым главным, но зато и самым трудоемким делом) диалектическая обработка истории отдельных естественных наук. Не будучи сам естествовником по специальности, Ленин должен был бы затратить на выполнение подобной задачи массу времени. Но без этого он уже не мыслил создания задуманного им труда по диалектике, о чем свидетельствуют прямые указания содержащиеся в его конспекте гегелевской «Логики» а также во всех трех последних его планах: втором, третьем и четвертом.

Итак, хочется высказать одно дополнительное предположение относительно того, почему после переезда из Берна в Цюрих в самом начале 1916 г. Ленин вынужден был прервать свою работу над книгой по диалектике. Из записей в «Философских тетрадях» видно, что Ленин осознавал необходимость обобщения и «диалектической обработки» в этой книге не только истории философии, но и истории отдельных естественных наук. В течение 1914 — 1915 гг. он успел ознакомиться с рядом трудов по этим вопросам и рецензий на них. Однако в годы первой мировой войны у Ленина не было возможности для такой громадной работы, как Дальнейшее философское обобщение результатов всего новейшего естествознания, а в особенности его истории и истории отдельных его отраслей. Его внимание привлекли тогда другие насущные вопросы марксистской теории, касавшиеся анализа сущности империализма и общих перспектив всего исторического развития в переживаемую эпоху, учения о государстве в его соотношении с учением о революции, национального вопроса и многих других. А постольку без диалектического обобщения данных естествознания и его истории нельзя

было создать труд по диалектике в том виде, в каком задумал его Ленин (если судить по ленинским планам, Содержащимся в «Философских тетрадах»), то, вероятно (разумеется, это только наше предположение), Ленину пришлось отложить написание особой книги по диалектике до более подходящего времени. Однако такое более подходящее время так и не пришло.

Можно предположить, однако, что Ленин долгое время не оставлял надежды на то, что ему все же удастся завершить задуманный и уже полным ходом начатый труд по диалектике. Только после или накануне того, как у него началось тяжелое заболевание, стало ясно, что у него не хватит сил на его осуществление. Об этом свидетельствует верный друг и соратник Ленина — Н. К. Крупская. В 1934 г. она писала в своих воспоминаниях, связанных со статьей Ленина «О значении воинствующего материализма»: «Советы, которые дает Владимир Ильич в статье о воинствующем материализме сотрудникам журнала „Под знаменем марксизма“, как работать над Гегелем, заключают в себе горячее, хотя не высказанное до конца пожелание, чтобы та работа, которую проделал сам Ильич в области философии и ее популяризации, нашла своих продолжателей. Весной 1922 г. уже чувствовал Ильич, что силы его уходят, и хотелось ему, чтобы работа не оборвалась» [6, с. 59].

Приведенные слова из воспоминаний Н. К. Крупской можно понять так, что до начала 20-х годов Ленин еще рассчитывал на свои собственные силы, но весной 1922 г. уже стал замечать, что силы его уходят и надо подумать о том, чтобы работа, начатая им над «Философскими тетрадами», была продолжена кем-то другим.

Кстати сказать, в этих же воспоминаниях Н. К. Крупской подчеркивается и та мысль, что для Ленина главным было не школярное изучение диалектического материализма, а конкретное и творческое оперирование им. Ленин вел работу, по словам Н. К. Крупской, «в деле популяризации метода диалектического материализма, уча, как применять его к практике, к жизни (возьмем хотя бы его высказывание по этому поводу во время дискуссии о профсоюзах), его показ, как вооружает в деле строительства социализма умение оценивать явления с точки зрения диалектического материализма» [6, с. 59].

Таким образом, ленинский замысел создать особый труд по диалектике реализовывался как пронизывание диалектическим методом всей его последующей теоретической и революционно-практической деятельности. Посмотрим, как это осуществлялось. Нас будет интересовать исключительно то, как Ленин применял и конкретизировал разработанную им в 1914 — 1915

гг. диалектику к самым различным вопросам марксистской теории и революционной практики.

Вопросы диалектики войны и революции

Эти вопросы, естественно, были в те годы наиболее острыми и злободневными при рассмотрении теории и практики международного и российского рабочего движения. Но прежде чем к ним переходить, проанализируем, как Ленин формулировал сущность марксистского диалектического метода. В работе «Государство и революция» (1917 г.) Ленин говорит: «Вся теория Маркса есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию будущего коммунизма» [3, 33, с. 84].

Совершенно очевидно, что здесь под теорией развития в ее наиболее полном и богатом содержанием виде Ленин подразумевает марксистский диалектический метод, материалистическую диалектику, которую он разрабатывал в 1914 — 1915 гг.

Как бы продолжая эту мысль, Ленин пишет в своей лекции «О государстве» (июль 1919 г.): «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [3, 39, с. 67].

Принцип историзма, развития, изложенный здесь Лениным в популярной форме, как раз и составляет стержень диалектического метода.

Как частное приложение этого принципа выступают различные формы взаимосвязи между *старым*, которое отрицается новым в процессе развития, и *новым*, которое само вырастает из старого. Так, в работе «Государство и революция» Ленин отмечал: «...остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу, и в природе, и в обществе. И Маркс не произвольно всунул кусочек „буржуазного" права в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем *из недр* капитализма» [3, 33, с. 99].

Теперь напомним, что над гегелевской диалектикой Ленин работал во время первой мировой (империалистической) войны, которая явилась кануном пролетарской революции в России. Естественно поэтому, что именно вопросы войны и революции вставали перед Лениным во время всей его этой работы. Так, в гегелевских «Лекциях по истории философии» Ленин отметил превращение, переход, развитие вещи не просто в нечто от нее отличное, нечто другое по сравнению с ней, а в ее собственную противоположность, в «*свое* другое». «Очень верно и важно, — писал он, — „другое“ как *свое* другое, развитие в *свою* противоположность» [3, 29, с. 235].

Это общее положение революционной диалектики тогда же нашло свое конкретное применение в ленинской работе «Социализм и войны» (июль — август 1915 г.), в разделе «Лозунг марксистов — лозунг революционной демократии». Здесь Ленин пишет о том, как во время войны создаются революционные настроения в массах. «Наш долг — помочь осознать эти настроения, углубить и оформить их. Эту задачу правильно выражает лишь лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, и *всякая* последовательная классовая борьба во время войны, всякая серьезно проводимая тактика „массовых действий“ неминуемо ведет к этому» [3, 26, с. 325].

Империалистическая война — это война между империалистическими правительствами, а гражданская — это война народных масс против «своего» империалистического правительства, другими словами, это диалектическое развитие в свою противоположность. И Ленин подчеркивает далее, что «базельский манифест прямо ссылается на пример Парижской Коммуны, т. е. превращения войны правительств в войну гражданскую».

То же диалектическое положение о превращении в свою противоположность в ходе исторического развития лежит в основе тезиса о превращении войны национальной, освободительной в войну империалистическую, захватническую. В работе «Под чужим флагом» (1915) Ленин еще и еще раз подчеркивает, что «все вообще грани в природе и в обществе условны и подвижны, относительны, а не абсолютны» [3, 26, с. 143].

С таких позиций написана статья «О брошюре Юниуса» (июль 1916 г.). Ленин исходит здесь из того, что «основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе, условны и подвижны, что нет *ни одного* явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война *может* превратиться в империалистическую и *обратно*» [3, 30, с. 5]. Тут Ленин ссылается на войны Великой французской революции, которые начались как национальные и были революционными. Когда же Наполеон

создал французскую империю, они превратились в захватнические и породили *в свою очередь* национально-освободительные войны *против* Наполеона.

Ленин продолжает: «Только софист мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна *может* превратиться в другую. Диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии» [3, 30, с. 6].

Показав, что в дальнейшем не исключается возможность развития Европы *назад*, на несколько десятилетий, Ленин отмечает; «Это невероятно. Но это *не* невозможно, ибо представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» [3, 30, с. 6].

При этом Ленин все время учитывает реальные тенденции действительного исторического развития, а не абстрактные возможности вообще, сводящиеся к тому, что вдруг исторический процесс пойдет по какому-то иному, абстрактно возможному пути. Еще в гегелевских «Лекциях по философии истории» Ленин отметил, в частности, «*категории* возможного и случайного *versus* действительность и подтверждение в истории» [3, 29, с. 287]. По этому поводу он писал Н. Д. Кикнадзе (ноябрь 1916 г.), что вопрос о «возможности» превращения *и* данной империалистической войны в национальную поставлен неправильно: «Марксист стоит на почве фактов, а не возможностей. Марксизм должен в посылки своей политики ставить *только* точно и бесспорно доказанные *факты*... когда *вместо* нее преподносят „невозможность“, я отвечаю: неверно, немарксистски, шаблон. *Возможны* всякие превращения» [3, 49, с. 319].

Основываясь на строго научном, объективном анализе исторической действительности, сложившейся в Европе и во всем мире, в обстановке первой мировой империалистической войны, Ленин считал не только вероятными, но и неизбежными в эту эпоху, эпоху империализма, национальные войны со стороны колоний и полукolonий. При этом Ленин исходит из общего положения, что всякая война есть продолжение политики иными средствами.

Об этом Ленин высказывался в те годы неоднократно. Он специально проштудировал (очевидно, в 1915 г.) книгу Карла фон Клаузевица «О войне и ведении войн» (Берлин, 1832). Возможно, что внимание Ленина к этой книге привлекло письмо Энгельса к Марксу от 7 января 1858 г., в котором Энгельс

отметил у Клаузевица «своеобразный способ философствовать». Именно этот своеобразный (а по сути дела, в сильной мере диалектический) способ философствовать и вызвал особый интерес к ней Ленина. В статье «Крах II Интернационала» (май-июнь 1915 г.) Ленин писал: «В применении к войнам, основное положение диалектики, так бесстыдно извращаемой Плехановым в угоду буржуазии, состоит в том, что „война есть просто продолжение политики другими“ (именно насильственными) «средствами». Такова формулировка Клаузевица, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как *продолжение* политики данных, заинтересованных держав — и *разных классов* внутри них — в данное время» [3, 26, с. 224].

Из названной выше книги Клаузевица Ленин привел следующую цитату: «Все знают, что войны вызываются лишь политическими отношениями между правительствами и между народами; но обыкновенно представляют себе дело таким образом, как будто с началом войны эти отношения прекращаются и наступает совершенно иное положение, подчиненное только своим особым законам. Мы утверждаем наоборот: война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств» [3, 26, с. 224].

Как указывает А. Бубнов, автор предисловия к ленинскому конспекту книги Клаузевица, «Ленин центр своего внимания сосредоточил на учении Клаузевица об отношении войны и политики, а также и на применении Клаузевицем диалектики к различным сторонам, вопросам и проблемам войны как социального явления» [2, XII, с. 391]. Уже в самом начале Ленин дважды выписывает формулу Клаузевица о том, что «война есть только продолжение⁷⁹ политики другими средствами» [2, XII, с. 395]. Далее Ленин отмечает у Клаузевица «пример диалектики» [2, XII, с. 413], подчеркивает, что «исчезает различие между обороной и наступлением» [2, XII, с. 417]; пишет — «диалектика» — по поводу положения, что «война является такой вещью, что может быть то в большей, то в меньшей степени войной» [2, XII, с. 423]; он выделяет «степени», «градации» понятия войны и мира [2, XII, с. 429].

Но главным для Ленина у Клаузевица является связывание войны с политикой. Ленин записывает на полях своего конспекта: «„Характер политической цели“ имеет решающее влияние на ведение войны...» [2, XII, с. 429]. По поводу шестой главы III тома сочинений Клаузевица, носящей название «Война есть инструмент политики», Ленин отметил: «Самая важная

⁷⁹ В другом месте: государственной. — Б. К.

глава» [2, XII, с. 431]. В самом начале ее конспекта Ленин выписал: «Это единство (единство, соединяющее в „практической жизни" противоречивые элементы) *обозначает, что война является лишь частью политических отношений, а отнюдь не является чем-то самостоятельным*» (курсив Клаузевица). И вслед за этим Ленин ставит на полях: «Война = часть целого». «Это целое = „политика"» [2, XII, с. 433), а еще ниже: «...войны ведутся не из простой вражды...», «политика родила войну» [2, XII, с. 437], «война = политика, сменившая „перо на меч"» [2, XII, с. 441].

Формула Клаузевица гласит, что война есть продолжение политики, отказавшейся от мирных способов и перешедшей к насильственным средствам; это положение можно рассматривать как такое развитие исторических событий, когда происходит превращение явления в свою противоположность. Так при общем империалистическом характере первой мировой войны, как отмечает Ленин, «только в Сербии и среди сербов мы имеем многолетнее и миллионы „народных масс" охватывающее национально-освободительное движение, „продолжением" которого является война Сербии против Австрии» [3, 26, с. 240-241].

Характеризуя империализм как высшую ступень развития капитализма, достигнутую лишь в XX в., Ленин и здесь отмечает то же положение диалектики о превращении в *«свое»* другое (в свою противоположность): «Из освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистический капитализм стал величайшим угнетателем наций» [3, 26, с. 313 — 314].

Превращение в *«свое»* другое лежало в самой экономической основе возникновения империализма: «...свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии» [3, 27, с. 315]. «Экономически основное в этом процессе, — говорил Ленин, — есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия» [3, 27, с. 385 — 386]. «Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский прогресс обобществления производства» [3, 27, с. 320]. «Уже этим, — продолжает Ленин, — определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход

от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу» [3, 27, с. 420-421].

Мы здесь видим, как Ленин органично переходит от вопросов диалектики войны к вопросам диалектики революции.

Социальная революция есть разрешение назревших и до предела обострившихся противоречий, присущих господствующему общественно-экономическому строю; такие противоречия и антагонизмы, ставшие на пути исторического развития общества и тормозящие его, революция сметает и разрушает, открывая дорогу новому строю, подготовленному предшествующим общественным развитием. Пролетарская революция представляет собой роды нового, социалистического общества, появляющегося из недр старого, капиталистического. В статье «Пророческие слова» (июнь 1918 г.) Ленин писал: «Роды бывают легкие и бывают тяжелые. Маркс и Энгельс, основатели научного социализма, говорили всегда о *долгих муках родов*, неизбежно связанных с переходом от капитализма к социализму. И Энгельс, анализируя последствия всемирной войны, просто и ясно описывает тот бесспорный и очевидный факт, что революция, следующая за войной, связанная с войной (а еще больше — добавим от себя — вспыхнувшая во время войны, вынужденная расти и держаться во время окружающей ее всемирной войны), что такая революция есть *особенно тяжелый* случай родов» [3, 36, с. 476].

Так вопросы революции диалектически переплетались в те годы с вопросами войны.

Для Ленина, как и для Маркса, социальные революции были движущим фактором развития всего человечества. И Ленин цитировал известное изречение: «Революции — локомотивы истории — говорил Маркс» [3, 11, с. 103]. Подтверждением этих слов служила революция 1917 г. в России. Ленин констатировал: «За два месяца, с 3 июля по 3 сентября, ход классовой борьбы и развитие политических событий подвинули всю страну вперед, вследствие неслыханной быстроты революции, настолько, насколько длинный ряд лет не мог бы подвинуть страны в мирное время, без революции и без войны» [3, 34, с. 144].

Углубляя понятие о социальном содержании подлинной революции, Ленин отмечал, что «всякая революция, если это настоящая революция, сводится к классовому сдвигу» [3, 32, с. 384]. Этот классовый сдвиг имеет своим практическим результатом (в случае успеха данной революции) захват государственной власти революционным классом. В статье «Один из коренных вопросов революции» (сентябрь 1917 г.) Ленин писал: «Несомненно, самым главным вопросом всякой революции является вопрос о

государственной власти. В руках какого класса власть, это решает все» [3, 34, с. 200].

Много лет спустя, в работе «О продовольственном налоге» (апрель 1921 г.), Ленин повторил эту мысль: «...вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции» [3, 43, с. 217]. Еще раньше, в статье «К лозунгам» (июль 1917 г.), он поставил этот же вопрос так: «Коренной вопрос о революции есть вопрос о власти, сказали мы. Надо добавить: именно революции показывают нам на каждом шагу затемнение вопроса о том, где настоящая власть, показывают нам расхождение между формальной и реальной властью. Именно в этом и состоит одна из главных особенностей всякого революционного периода» [3, 34, с. 14]. Подчеркнув, что в тот момент власть перешла в решающем месте в руки контрреволюции, Ленин ставит задачу: «Эту власть надо свергнуть. Без этого все фразы о борьбе с контрреволюцией пустые фразы, „самообман и обман народа“» [3, 34, с. 15]. «Подменять конкретное абстрактным один из самых главных грехов, самых опасных грехов в революции» [3, 34, с. 17], — предупреждает он.

Ленин разъясняет вопрос о государственной власти в работе «Государство и революция» (август — сентябрь 1917 г.), написанной в самый канун Октябрьской революции в России. В ней он горячо и убедительно отстаивает взгляды Маркса и Энгельса на государство, на необходимость разрушения буржуазного государства пролетарской революцией; эти взгляды он отстаивает в борьбе с чудовищным их извращением Каутским и К^о. «Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции» [3, 33, с. 22], — пишет Ленин. И он указывает на то, что если государство «есть сила, стоящая *над* обществом... то ясно, что освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, *но и без уничтожения* того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан...» [3, 33, с. 8]. «Все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать, — резюмирует Ленин опираясь на Маркса и Энгельса. — Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве» [3, 33, с. 28].

Далее Ленин поясняет, что «ход событий вынуждает революцию „концентрировать все силы разрушения“ против государственной власти, вынуждает поставить задачей не улучшение государственной машины, а *разрушение, уничтожение* ее» [3, 33, с. 31]. И Ленин подчеркивает, что марксист не тот, кто признает наличие классовой борьбы в антагонистическом обществе, а «лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*» [3, 33, с. 34].

Что же такое государство, подлежащее слому посредством пролетарской революции? Ленин отвечает: «Государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы» [3, 33, с. 7].

Первый параграф первой главы ленинской работы соответственно так и назван: «Государство — продукт непримиримости классовых противоречий»⁸⁰. С этих именно позиций Ленин защищает от оппортунистов, очищает от искажений и развивает дальше подлинно марксистское учение о государстве. В дальнейшем, характеризуя взгляды Маркса на развитие капиталистического общества в будущем, Ленин все время исходит из положения «о непримиримости противоположных интересов пролетариата и буржуазии» [3, 33, с. 86].

Легко заметить, что всем этим Ленин конкретизирует и двигает вперед ядро диалектики — учение о единстве и «борьбе» противоположностей, которое в общественной науке (применительно к антагонистическому обществу) выступает как борьба классов [3, 29, с. 316].

То же ядро диалектики Ленин развивает и конкретизирует в учении об империализме. Так в книге «Империализм как высшая стадия капитализма», Ленин отмечает прямую противоположность монополии свободной конкуренции. «И в то же время монополии, — пишет он, — вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов» [3, 27, с. 386].

Самыми глубокими и коренными противоречиями империализма Ленин называет «противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими „операциями" (и гигантскими прибылями) финансового капитала и „честной" торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой, и т. д.» [3, 27, с. 415].

⁸⁰ Как курьез отметим, что в нашей советской философской литературе одно время существовало своеобразное мнение, гласившее, что непримиримыми являются все вообще противоречия, поскольку они, дескать, не примиряются, а преодолеваются и разрешаются. Авторы этого мнения не учли того, что Ленин имел в виду непримиримость антагонистических противоречий как их существенный признак, между тем как к неантагонистическим противоречиям понятия примиримости или непримиримости вообще неприменимы.

Таким образом, монополия как глубокая экономическая основа империализма, выросшая из капитализма и действующая в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, тем самым находится «в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию... Конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренции с всемирного рынка... Но *тенденция* к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх» [3, 27, с. 397].

Ленин отмечает, что даже Каутский в 1909 г. в брошюре «Путь к власти» признает обострение противоречий капитализма, приближение эпохи войн и революций. С тех пор многое изменилось. «Пришла война, — пишет Ленин. — *Еще более* обострились противоречия. Бедствия масс достигли гигантских размеров» [3, 26, с. 237].

Вскрывать такие противоречия, доводить до осознания их массами рабочего класса и всего трудового народа — такова задача марксистов. Уже после Февральской революции в России 1917 г. Ленин говорил на Седьмой (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б): «Я думаю, что здесь вскрываются в наиболее выпуклой форме противоречия между интересами капиталистов и волею народа, и задача агитаторов, вскрывая эти противоречия, направлять на них внимание народа, стараться прояснять сознание масс, обращаясь к их классовому сознанию» [3, 31, с. 389].

Противоречивый характер экономического и социально-политического развития капитализма в эпоху империализма проявляется, в частности, в форме борьбы противоположных тенденций, направленных к свободной конкуренции и монополии. «Было бы ошибкой думать, — отмечает Ленин, — что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)» [3, 27, с. 422 — 423].

Характеризуя здесь диалектику современного развития капиталистических стран, достигших ступени империализма, Ленин выделяет такую исключительно важную и существенную черту их развития,

как *неравномерность*. При капитализме, подчеркивает Ленин, немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы*, участников дележа (силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д.). «А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; тоже — Япония по сравнению с Россией. Через десяток-другой лет „мыслимо“ ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение силы между империалистическими державами? Абсолютно немыслимо» [3, 27, с. 417].

Отсюда Ленин сделал свой гениальный прогноз о возможности в этих новых исторических условиях победы социалистической революции и социализма в одной, отдельно взятой, стране. Ибо мировая цепь империализма при неравномерном развитии ее отдельных звеньев может прорваться в ее наиболее слабом, ослабленном противоречиями звене.

В статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (август 1915 г.) Ленин писал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран...» [3, 26, с. 354].

Так анализ природы империализма и характера его внутренних противоречий приводил Ленина к дальнейшему углублению теории пролетарской революции, что вскоре же нашло практическое применение и практическое оправдание на опыте Великой Октябрьской социалистической революции в России. Ядром ленинского анализа послужило учение о противоречии, составляющее стержень самой диалектики.

Прежде всего это касается противоречий антагонистического характера, непримиримых в самой своей глубокой основе. Когда такие противоречия достигают наивысшего напряжения, доходят до предельной остроты, они разрешаются путем *уничтожения* одной из двух борющихся противоположностей, ибо никакого примирения (соглашения, «синтеза») между этими борющимися антагонистами быть не может.

Это значит, что данного типа противоречия разрешаются по формуле «либо — либо», либо — одно, либо — другое, и ничего среднего не может быть. Такие ситуации создаются обычно в кризисные периоды развития общества,

когда предстоит делать выбор между двумя противоположными крайностями. Так, летом 1917 г. Ленин писал, что вопрос стоит так: либо с империалистическим капиталом, либо против него [3, 32, с. 406]. В статье «Грозная катастрофа и как с ней бороться» (октябрь 1917 г.) он говорил, что события могут развиваться либо в интересах помещиков и капиталистов, либо в интересах революционной демократии, и тогда это будет шагом к социализму. «Тут середины нет, — предупреждает Ленин. — Объективный ход развития таков, что от *монополий*... вперед идти *нельзя*, не идя к социализму.

Либо быть революционным демократом на деле. Тогда нельзя бояться шагов к социализму.

Либо бояться шагов к социализму, осуждать их... — и тогда неминуемо скатиться к Керенскому, Милюкову и Корнилову, т. е. *реакционно-бюрократически* подавлять «революционно-демократические» стремления рабочих и крестьянских масс.

Середины нет.

И в этом основное противоречие нашей революции» [3, 34, с. 192].

«Стоять на месте нельзя, — говорит далее Ленин, — в истории вообще, во время войны в особенности. Надо идти либо вперед, либо назад... Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму» [3, 34, с. 192-193].

Противники же Ленина подходили к этому вопросу по-доктринерски, с точки зрения заученной ими наизусть и плохо понятой доктрины.

Формула «либо — либо» появляется в работах Ленина и позднее, когда ход событий принимает кризисный характер, свидетельствующий о крайнем обострении борющихся противоположностей. В статье «Один из коренных вопросов революции» (сентябрь 1917 г.) Ленин со всей резкостью ставит вопрос: «Середины нет. Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам и полная демократизация армии, либо корниловщина» [3, 34, с. 205].

«В нашей гигантской борьбе с империализмом и капитализмом полумерам не остается места, — говорил Ленин в декабре 1917 г. — Вопрос в том — победить или быть побежденным» [3, 35, с. 146]. А в январе 1918 г. он сказал так: «Либо гибнуть, либо ломать до конца это старое буржуазное общество. Вот что составляет глубину нашей революции» [3, 35, с. 303].

В статье «О голоде» (май 1918 г.) Ленин писал: «Кто способен думать, кто хочет хотя бы капельку подумать, тому ясно, по какой линии идет борьба» [3, 36, С. 360]. И обрисовав развернувшуюся острейшую классовую борьбу вокруг снабжения хлебом и топливом, Ленин лаконически резюмирует: «Либо-либо.

Середины нет.

Положение страны дошло до крайности» [3, 36, с. 360].

В работе «Великий почин» (июнь 1919 г.) Ленин писал о наших трудностях. «Голод — вот причина. А чтобы устранить голод, нужно повышение производительности труда и в земледелии, и в транспорте, и в промышленности. Получается, следовательно, какой-то порочный круг: чтобы поднять производительность труда, надо спастись от голода, а чтобы спастись от голода, надо поднять производительность труда.

Известно, что подобные противоречия разрешаются на практике прорывом этого порочного круга, переломом настроения масс, геройской инициативой отдельных групп, которая на фоне такого перелома играет нередко решающую роль» [3, 39, с. 20 — 21].

С таких диалектических позиций подошел Ленин к оценке такого крупного события, как первые «коммунистические субботники» в нашей стране.

Глубоко диалектично было отношение Ленина к среднему крестьянину как союзнику рабочего класса. Само среднее крестьянство, как и вся мелкая буржуазия, глубоко противоречиво по своему положению в условиях капитализма. Эта его противоречивость сохраняется и после победы пролетарской революции, пока средний крестьянин остается мелким собственником и торгашом. У него поэтому неизбежно существуют противоречия с рабочим классом, однако противоречия эти носят существенно иной — неантагонистический — характер, в принципе отличаясь от противоречий между рабочим классом и капиталистами, носящих, как мы видели, антагонистический характер. Если эти последние разрешаются по способу либо — либо, то первые (неантагонистические) — при правильной политике со стороны рабочего класса и его партии — не обостряются, а, напротив, ослабляются, изживаются, преодолеваются, сходя на нет. Марксистская диалектика, мастерски разработанная и развитая Лениным, проводит, таким образом, принципиальное, существенное различие между основными типами противоречий и соответственно между способами их разрешения в ходе исторического развития.

В работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» (октябрь 1919 г.) Ленин писал: «Социализм есть уничтожение классов» [3, 39, с. 276].

Но для достижения этого мало ликвидировать эксплуататорские классы. Необходимо «уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех — работниками...* Это — задача несравненно более трудная и в силу необходимости длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса» [3,39, с. 277]. И Ленин определяет основную линию политики по отношению к крестьянству, основываясь на марксистском диалектическом методе, на учении о противоречии: «Пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника, — крестьянина работника от крестьянина торгаша, — крестьянина труженика от крестьянина спекулянта.

В этом разграничении *вся суть социализма*» [3, 39, с. 277].

Важно подчеркнуть, что эти противоречивые «стороны» или «определения» крестьянина не стоят во внешнем отношении друг к Другу, а органически слиты. «Разграничение, указанное здесь, очень трудно, — отмечает поэтому Ленин, — ибо в живой жизни все свойства „крестьянина“, как они ни различны, как они ни противоречивы, слиты в одно целое» [3, 39, с. 277].

Ленин поясняет: крестьянин трудящийся в течение веков воспитал в себе ненависть к угнетателям, и это заставляет его искать союза с рабочим. А в то же время обстановка товарного хозяйства неизбежно толкает его стать торгашом и спекулянтом.

Особенно детально Ленин разбирал этот вопрос в своих выступлениях на VIII съезде партии (март 1919 г.). Он отмечал, в чем «противоречиво поведение самой мелкобуржуазной демократии, которая не знает, где ей сесть, пробует усесться между двух стульев, перескакивает с одного на другой и падает то направо, то налево» [3, 38, с. 137].

Таково положение (и поведение) промежуточных социальных групп. В острые моменты истории они колеблются между основными борющимися между собой классовыми силами. Среднее крестьянство, говорил Ленин, «это — *такой класс, который колеблется*. Он отчасти собственник, отчасти труженик. Он не эксплуатирует других представителей трудящихся, и в то же время он — собственник. Поэтому наше отношение к этому колеблющемуся классу представляет громадные трудности» [3, 38, с. 196].

Вместе с тем Ленин ясно видит ту опасность, которая порождается стихией мелкого собственничества. В своей речи (апрель 1918 г.) он указывает на эту стихию мелкого собственника, живущего одной мыслью: «Урвал, что можно, а там — хоть трава не расти». И Ленин предупреждает: «Это явление является серьезным препятствием, без преодоления которого победить

немыслимо, ибо из каждого мелкого хозяйчика, из каждого алчного хапателя растёт новый Корнилов» [3, 36, с. 235].

Из правильного диалектического анализа социальной противоречивой природы среднего крестьянства вытекала ленинская идея о его союзе с рабочим классом. Она красной нитью прошла через все годы революции и гражданской войны, последующие за ними годы нэпа и движения нашей страны к социализму. В работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (апрель — май 1920 г.) Ленин писал: «Уничтожить классы — значит не только прогнать помещиков и капиталистов — это мы сравнительно легко сделали — это значит также *уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать*, их нельзя подавить, с ними *надо ужиться*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой» [3, 41, с. 27].

Еще на III Всероссийском съезде Советов (январь 1918 г.) Ленин говорил, что «социализм нельзя навязывать крестьянам насильно и надо рассчитывать лишь на силу примера и на усвоение крестьянской массой житейской практики» [3, 35, с. 264]. Спустя пять лет в статье «О кооперации» Ленин конкретизировал план перевода мелкотоварного крестьянского хозяйства на социалистические рельсы посредством кооперации.

Ленин был уверен в пути, который выберет среднее крестьянство, если рабочий класс обеспечит прочный союз с ним. В речи «Задачи союзов молодежи» (октябрь 1920 г.) он говорил, что крестьяне на практике испытали и в Сибири, и на Украине власть Колчака и Деникина, «они узнали, что крестьянину выбора нет: либо иди к капиталисту, и он отдаст тебя в рабство помещику, либо иди за рабочим... Когда даже темные крестьяне поняли и увидели это на собственном опыте, тогда они стали сознательными, прошедшими тяжелую школу, сторонниками коммунизма» [3, 41, с. 314 — 315].

То, о чем сейчас шла речь, касается конечной цели пролетарской революции — построения бесклассового коммунистического общества, нахождения путей и средств для достижения этой цели. Теперь же нужно вернуться к анализу этого процесса с точки зрения *формы* его протекания, соотношения элементов нового и старого в ходе развития общества после победы в нем пролетарской революции. Революция — это гигантский скачок в общественном развитии, обеспечивающий переход общества на исторически более высокую ступень. В работе «Очередные задачи Советской власти» Ленин писал:

«Вся оригинальность переживаемого положения, с точки зрения многих, желающих считаться социалистами, состоит в том, что люди привыкли

абстрактно противопоставлять капитализм социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово: „скачок" (некоторые, вспоминая обрывки читанного у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: „скачок из царства необходимости в царство свободы"). О том, что „скачком" учителя социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории и что скачки такого рода обнимают периоды лет по 10, а то и больше, об этом не умеет подумать большинство так называемых социалистов, которые про социализм „читали в книжке", но никогда серьезно в дело не вникали» [3, 36, с. 204-205].

Совершенно очевидно, что если «скачок» в развитии исторического процесса понимать так, как понимал его Ленин вслед за Марксом и Энгельсом, то следует признать множество различных форм его осуществления, то сменяющих одна другую, то переплетающихся между собой. Среди этих форм Ленин выделяет две основные — решительную, революционную *ломку* старого и осторожную, медленную и постепенную перестройку, переделку того, что досталось новому в наследство от старого.

В статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» (ноябрь 1921 г.) Ленин дал определение понятию «революция»: «Революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стираясь ломать как можно меньше» [3, 44, с. 222]. Однако преобразование, осуществляемое таким способом в интересах революции, является не единственным. Так, в той же статье Ленин пишет, что «новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к „реформистскому", постепенному, осторожно обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства» [3, 44, с. 221].

И Ленин поясняет, что с весны 1921 г. (начало введения нэпа) на место подхода, плана действий, который он называет революционным, мы поставили совершенно иной, типа реформистского: не *ломать* старого общественно-экономического уклада (торговли, мелкого хозяйства и т. п.), а *оживлять* его, осторожно и постепенно овладевая им или подвергая его государственному регулированию лишь в меру его оживления. Короче говоря, «реформистские действия, по общему правилу, идут вперед медленно, осторожно, постепенно, а не пятятся назад» [3, 44, с. 224].

И Ленин пишет, что настоящие революционеры не должны «терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой

момент, при каких обстоятельствах надо уметь перейти к действию реформистскому» [3, 44, с. 223].

За три с половиной года до этого, в работе «Очередные задачи Советской власти», по такому же поводу Ленин писал: «Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накапливаемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует умения выделить самое существенное в линии или в цепи развития. Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т. е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно, и на очередь становится „прозаическая" (для мелкобуржуазного революционера „скучная") работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее» [3, 36, с. 205]. Так, на VII Московской губпартконференции Ленин указывал на то, что «рядом с ломкой старого мы видим слабые еще ростки нового...» [3, 44, с. 213].

Из всего только что сказанного прямо вытекает знаменитый ленинский тезис о решающем звене в цепи исторических событий. «Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунизма вообще, — писал Ленин в „Очередных задачах Советской власти". — Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену...» [3, 36, с. 205]. Это положение Ленин повторил позднее, в работе «О значении золота...» [3, 44, с. 225 — 226].

Так развитая Лениным диалектика становится основой одного из важнейших положений или принципов практического руководства страной, вставшей на путь социализма. О том, как «работала» в руках партии в крутые и сложнейшие моменты истории эта диалектика, Ленин рассказал в работе «О профессиональных союзах...» (декабрь 1920 г.). Говоря о переходе от ударности к уравнительности, Ленин пояснял: «Вопрос трудный. Ибо так или иначе сочетать приходится уравнительность и ударность, а эти понятия исключают друг друга. Но мы все-таки марксизму немножко учились, учились, как и когда можно и должно соединять противоположности, а главное: в нашей революции за три с половиной года мы практически неоднократно соединяли противоположности» [3, 42, с. 2 II].

Как видим, здесь у Ленина речь идет о практическом оперировании ядром диалектики — учением о единстве и «борьбе» противоположностей: «Ведь можно сочетать эти противоположные понятия так, что получится какофония, а можно и так, что получится симфония» [3, 42, с. 211].

Рассмотрим еще один вопрос, связанный с воплощением Лениным марксистской диалектики в его предоктябрьских и послеоктябрьских работах. Речь идет о законе перехода количественных изменений в качественные. Этот закон вместе со всем диалектическим методом Ленин применяет в тех случаях, когда речь идет о «внутреннем механизме» процесса развития, который не сводится к простому количественному изменению (росту или уменьшению).

Переходом количества в качество Ленин называет «переход развитого капитализма в империализм» [3, 27, с. 287]. Такими же словами Ленин характеризует процесс демократизации государственной машины победившего рабочего класса, ибо «*такая* степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства» [3, 33, с. 100]. Так Ленин рассматривает крупные банки как тот «государственный аппарат», который нужен для осуществления социализма, но который надо сделать «*еще крупнее*, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество» [3, 34, с. 307]. Еще одним образцом применения того же закона диалектики служит ленинский анализ процесса кооперации: «Тут количество переходит в качество. Кооператив, как маленький островок в капиталистическом обществе, есть лавочка. Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм» [3, 36, с. 161].

Так применял и конкретизировал Ленин марксистскую диалектику в области, охватывающей проблемы войны и революции и дальнейшего развития достижений победоносной пролетарской революции России, обеспечивающего движение нашей страны по пути к социализму. Так воплощалась эта диалектика в теоретической и революционно-практической деятельности Ленина за годы с 1915 по 1923 г.

Кроме общих вопросов диалектики войны, революции и социализма, мы остановимся еще на том, как конкретизировалась в трудах Ленина диалектика еще в двух взаимосвязанных вопросах: одном — касающемся конкретности марксистско-ленинского анализа, втором — противопоставлении диалектики эклектике и софистике.

За конкретность анализа и его обоснованность фактами (Против шаблонности и догматизма)

В рецензии, озаглавленной «Коммунист» (июнь 1920 г.), Ленин критикует одну из статей за то, что в ней «конкретного анализа точно определенных исторических ситуаций нет» [3, 41, с. 135], и другую статью за то, что ее

автор «обходит то, в чем самая суть, в чем живая душа марксизма: конкретный анализ конкретной ситуации» [3, 41, с. 136].

Это означает, что конкретный анализ предполагает тщательное и всестороннее изучение фактов, событий, реальной действительности и умение учитывать его результаты при определении политической линии партии рабочего класса. Этим принципом были пронизаны, например, ленинские «Письма о тактике» (апрель 1917 г.), написанные по возвращении Ленина из Швейцарии в Россию. Письмо 1-ое так и начинается: «Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики» [3, 31, с. 132]. И далее: «Теперь необходимо усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к схватыванию сложности жизни» [3, 31, с. 134].

«Факты упрямая вещь», — любил повторять Ленин. В заметке «Благодарность» (июнь 1917 г.) он, например, констатирует: «Это факт, и от фактов отговориться нельзя» [3, 32, с. 303]. В ленинских заметках «Из дневника публициста» (сентябрь 1917 г.) говорится о том требовании, «которое предъявляет марксизм всякой серьезной политике, именно: чтобы в основе ее лежали, за основу ее брались *факты*, допускающие точную объективную проверку» [3, 34, с. 123].

В августе 1918 г. Ленин инструктировал наркомов, как надо им отчитываться перед народом: «Главная задача показать конкретно, фактами, как *именно* сделала Советская власть определенные шаги (*первые*) к социализму» [3, 37, с. 80]. Позднее, в апреле 1922 г., Ленин развивал эту свою мысль: «Самое худое у нас — чрезмерное обилие общих рассуждений в прессе и политической трескотни при крайнем недостатке *изучения* местного опыта... Еще более и еще более конкретности в изучении местного опыта, деталей, мелочей, практики, делового опыта, углубления в настоящую жизнь...» [3, 54, с. 237].

Еще раньше в заметке «О характере наших газет» (сентябрь 1918 г.) Ленин отмечал: «Чрезмерно уделяется место политической агитации на старые темы, — политической трескотне. Непомерно мало места уделяется строительству новой жизни, — фактам и фактам на этот счет» [3, 37, с. 89].

Чрезвычайно важна ленинская критика голых лозунгов, лишенных конкретного содержания или представляющих собой лишь громкую

революционную фразу. В сложнейшей обстановке первых месяцев 1918 г., когда над молодой Советской Республикой нависла угроза со стороны германского империализма, Ленин выступил против «левых» коммунистов со статьей «О революционной фразе». «Революционная фраза, — писал он, — есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место. Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие, — почвы под ними нет, — вот суть революционной фразы» [3, 35, с. 343]. В статье «Тяжелый, но необходимый урок» Ленин разъясняет свою мысль: «Но именно потому, что мы — за защиту⁸¹ отечества, мы требуем *серьезного* отношения к обороноспособности и боевой подготовке страны. Мы объявляем беспощадную войну революционной фразе о революционной войне. К ней надо готовиться длительно, серьезно, начиная с экономического подъема страны, с налаживания железных дорог (ибо без них современная война есть пустейшая фраза), с восстановления всюду и везде строжайшей революционной дисциплины и самодисциплины» [3, 35, с. 395].

Касаясь революционной ситуации, Ленин пишет: «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции» [3, 26, с. 218].

Чтобы установить наличие такой ситуации, необходим точный анализ объективных данных — фактов и тенденций исторического движения в данный момент, в данной стране и т. д. Выдвигаемые революционные лозунги должны вытекать из этого анализа и определяться им, должны быть конкретными, положительными. «„Отрицательный" лозунг, не связанный с определенным положительным решением, не „заостряет", а отупляет сознание, ибо такой лозунг есть пустышка, голый выкрик, бессодержательная декламация» [3, 30, с. 125], — писал Ленин в работе «О карикатуре на марксизм».

Вполне понятно, что, решительно настаивая на необходимости конкретного анализа конкретной ситуации, Ленин категорически отвергал всякую шаблонность и догматизм в постановке и обсуждении научных и практических проблем. Например, он писал: «Забывать своеобразие политических и стратегических соотношений и твердить, кстати и некстати, одно только заученное словечко: „империализм" — это совсем не марксизм» [3, 30, с. 102].

⁸¹ Социалистического. — Б. К.

Ленин говорил, что живая жизнь, реальная история неизмеримо сложнее теоретического представления о ней. Она идет не гладко и не прямолинейно, а сложным, извилистым, глубоко противоречивым путем. «История идет зигзагами и кружными путями» [3, 36, с. 82], — писал Ленин в статье «Главная задача наших дней» (март 1918 г.). Империализм с его глубочайшими противоречиями внес в ход исторического процесса серьезные изменения и «коррективы».

Мы уже говорили об открытии, сделанном Лениным, что в новых исторических условиях возможна победа социализма в одной стране, причем эта страна в смысле своего технико-экономического развития может оказаться не более передовой, а более отсталой. Важно лишь то, чтобы она представляла собой наиболее слабое звено в общей цепи империализма.

Но как же тогда в такой стране после победы в ней пролетарской революции можно построить социализм? Ленин отвечает на этот вопрос в статье «О нашей революции» (январь 1923 г.), в которой он беспощадно вскрывает порочность позиции членов II Интернационала: «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики. Даже прямые указания Маркса на то, что в моменты революции требуется максимальная гибкость, ими абсолютно не поняты, и даже не замечены...» [3, 45, с. 378].

Ленин показывает, что они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе и не могут представить, что жизнь, история могут внести в него те или иные поправки. Они не учитывают (*первое*), что совершается революция, связанная с первой мировой империалистической войной. «В такой революции должны были сказаться новые черты, или видоизмененные в зависимости именно от войны, потому что никогда в мире такой войны, в такой обстановке, еще не бывало... *Второе* — им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития... Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет... объективных экономических предпосылок для социализма» [3, 45, с. 379-380].

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры... то почему нам, — спрашивает Ленин, — нельзя начать сначала с завоевания

революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы... В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?» [3, 45, с. 381].

В условиях такой, по преимуществу крестьянской, страны, какой была старая Россия, Ленин выдвинул план перевода хозяйства трудового крестьянства на социалистические рельсы через кооперацию как социалистическую форму. Этому посвящена его статья «О кооперации» (май 1923 г.). «При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве» [3, 45, с. 376], — пишет он.

Еще раньше (на Втором конгрессе Коминтерна, июль 1920 г.) Ленин выдвинул теоретическое положение, которое позднее блестяще подтвердилось на практике. Говоря о путях дальнейшего движения отсталых народностей в условиях победы социализма в более развитых странах, Ленин говорил: «Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей» [3, 41, с. 246]. Далее Ленин разъяснял, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к социалистическому строю (Ленин говорил о советском строе как конкретной форме социалистического государства) «и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [3, 41, с. 246].

Таким образом, Ленин показывает, как в современных исторических условиях могут изменяться пути движения к социализму и коммунизму при наличии государственной власти в руках победоносного пролетариата. Никакие вызубренные наизусть и педантически повторяемые шаблоны и трафареты здесь оказываются неприменимыми, и реальный путь развития со всеми его своеобразиями указывают здесь живая действительность, сама реальная история.

Диалектика против эклектики и софистики (Против сведения диалектики к сумме примеров, против одностороннего и произвольного выхватывания отдельного явления или факта)

В тезисах «Первое мая и война» (апрель 1915 г.) Ленин противопоставляет: «Марксизм versus струвизм... Диалектика versus эклектика...» [3, 26, с. 376]. Это противопоставление мы уже видели у Ленина в связи с тем, как он трактовал гибкость понятий: если диалектика применяется объективно, в

соответствии с самой действительностью, то это диалектика; если же субъективно и произвольно, то это означает эклектику и софистику [3, 29, с. 99]. Мы также видели, что свое понимание сути диалектики с ее объективным характером Ленин противопоставляет софистике и эклектике, опирающимся на субъективизм и произвол. В своем выступлении на дискуссии о профсоюзах — в работе «Еще раз о профсоюзах...» (1921) — Ленин подробно развил свои взгляды по данному вопросу. Например, касаясь позиции «буферной» группы, он писал: «Если „буфер" эклектичен, он опускает одни ошибки, упоминает другие... Если „буфер" диалектичен, он всей своей силой нападает на каждую ошибку, которую он усматривает у обеих сторон или у всех сторон» [3, т. 42, с. 288]. Вот этого-то «буфера» и не делает, констатирует Ленин. «Буфер» рассуждает так: «...с одной стороны, они (профсоюзы) — школа коммунизма... с другой стороны, они... — составная часть хозяйственного аппарата...».

«Вот тут-то и заключается основная теоретическая ошибка... подмен марксизма эклектицизмом (особенно распространенным у авторов разных „модных" и реакционных философских систем» [3, 42, с. 288]. Эта ошибка, как показывает далее Ленин, проистекает из того обстоятельства, что лидер «буфера» «стоит здесь на точке зрения логики формальной или схоластической, а не логики диалектической или марксистской» [3, 42, с. 288].

Разъясняя отличие эклектицизма от диалектики, Ленин пишет, что «логика формальная... берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно... то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только» [3, 42, с. 289-290].

Далее Ленин в развернутом виде изложил принципы, или требования, марксистской диалектической логики (а значит, и диалектического метода), со всей резкостью противопоставив революционную диалектику бездушному формализму и пустому, бессодержательному эклектицизму. Стоявший на «буферной» платформе тот же противник Ленина рассуждал по поводу профсоюзов так, что они, с одной стороны, школа, с другой — аппарат. Ошибки же других участников дискуссии он видел в том, что одни из них недостаточно учитывают «момент школы», другие — «момент аппарата».

«Почему это рассуждение... есть мертвый и бессодержательный эклектицизм?» — спрашивает Ленин. Потому что здесь «нет и тени попытки самостоятельно, с своей точки зрения, проанализировать как всю историю данного спора (марксизм, *то есть* диалектическая логика, требует этого

безусловно), так и весь подход к вопросу, всю постановку — или, если хотите, все направление постановки — вопроса в данное время, при данных конкретных обстоятельствах» [3, 42, с. 291]. Ленин отмечает, что у его противника-эклектика нет тени попытки сделать это, что он избегает малейшего конкретного изучения предмета, обходясь голыми абстракциями и беря кусочек у одного явления, кусочек у другого и т. д. «Это и есть эклектицизм» [3, 42, с. 291], — констатирует Ленин. Когда «нет *конкретного* изучения *данного* спора, *данного* вопроса, *данного* подхода к нему и т. д.» [3, 42, с. 291] — налицо мертвый и бессодержательный эклектицизм.

Далее Ленин вновь указывает на то, как лидер «буфера» «и здесь впадает в смехотворную практически, совершенно недопустимую для марксиста теоретически, эклектику... берет вопрос абстрактно, не умея (или не желая) подойти конкретно» [3, 42, с. 295].

Итак, Ленин видит эклектицизм в неспособности (или нежелании) взять предмет (вопрос) всесторонне, в его движении (развитии), в его связи с живой практикой, а не в отрыве от нее.

Именно из противопоставления диалектики эклектицизму и софистике родились сформулированные Лениным четыре принципа марксистской диалектической логики. Отметив, что школьная формальная логика останавливается на том, что наиболее обычно или что чаще бросается в глаза, Ленин продолжает: «Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствованна“. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, „самодвижении“ (как говорит иногда Гегель), изменении» [3, 42, с. 290].

Надо учесть, говорит Ленин, что и этот предмет изменяется, в особенности меняется его практическое назначение, связь с окружающим миром.

«В-3-х, — продолжает Ленин, — вся человеческая практика должна войти в полное „определение“ предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что „абстрактной истины нет, истина всегда конкретна“, как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов...» [3, 42, с. 290].

Легко обнаружить, как тесно связаны эти требования, или принципы, диалектической логики, сформулированные Лениным, с тем, что было

написано им за 6 — 7 лет перед тем в «Философских тетрадах» и что вошло в ленинские планы диалектики, особенно первый, второй и четвертый.

Эклектику и софистику Ленин беспощадно вскрывает и критикует в доводах и рассуждениях своих противников, изменивших революционному марксизму. Так, в работе «Крах II Интернационала» (май — июнь 1915 г.) он отмечает: «В благородном деле подмена диалектики софистикой Плеханов побил рекорд. Софист выхватывает один из „доводов“, и еще Гегель говорил справедливо, что „доводы“ можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам...» [3, 26, с. 222 — 223]. Плеханов же выхватывает одну цитату, а о другом, не менее важном, молчит.

В той же работе, характеризуя софизмы предателей марксизма, Ленин пишет: «Каутский довел марксизм до неслыханного проституирования и превратился в настоящего попа. Поп *уговаривает* капиталистов перейти к мирной демократии — и называет это диалектикой» [3, 26, с. 236]. «Диалектика превращается в самую подлую, самую изменную софистику!» [3, 26, с. 240], — возмущенно восклицает Ленин.

Немного раньше, в статье «Русские Зюдекумы» (февраль 1915 г.), он пишет по поводу Плеханова: «Плеханов обрадовался, найдя эту цитату... Но попробуйте заменить софистику (т. е. выхватывание внешнего сходства случаев вне связи событий) диалектикой (т. е. изучением всей конкретной обстановки события и его развития)» [3, 26, с. 120]. И тогда обнаружится вся несостоятельность софистической аргументации Плеханова, который уцепился за случайно выхваченную цитату.

Односторонность, выхватывание одной стороны, одного признака, неверное связывание его лишь с одним каким-либо фактором вскрывает Ленин и в определении империализма, данном Каутским. В труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин говорит: «Это определение ровнехонько никуда не годится, ибо оно односторонне, т. е. произвольно выделяет один только национальный вопрос... произвольно и *неверно* связывая его *только* с промышленным капиталом в аннексирующие другие нации странах, столь же произвольно и неверно выдвигая аннексию аграрных областей» [3, 27, с. 388].

Противники марксизма из числа буржуазных экономистов для характеристики новейшего капитализма выдвинули словечко «переплетение». «Что же выражает это словечко „переплетение“? — спрашивает Ленин. — Оно схватывает лишь наиболее бросающуюся в глаза черточку происходящего у нас перед глазами процесса. Оно показывает, что

наблюдатель перечисляет отдельные деревья, не видя леса. Оно рабски копирует внешнее, случайное, хаотическое. Оно изобличает в наблюдателе человека, который подавлен сырым материалом и совершенно не разбирается в его смысле и значении. „Случайно переплетаются" владения акциями, отношения частных собственников. Но то, что лежит в подкладке этого переплетения, — то, что составляет основу его, есть изменяющиеся общественные отношения производства» [3, 27, с. 424-425].

В статье «Крах II Интернационала» Ленин подчеркивает коренное отличие диалектики Маркса от софистики Каутского: «Диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает именно изолированное, то есть однобокое и уродливо искаженное, рассмотрение предмета» [3, 26, с. 241].

Далее Ленин развивает исключительно важное положение, что «чистых» явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может — «об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что самое понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности. На свете нет и быть не может „чистого" капитализма, а всегда есть *примеси* то феодализма, то мещанства, то еще чего-нибудь» [3, 26, с. 241-242].

Когда же Каутский «подкрепляет» свой очередной софизм якобы диалектической ссылкой на «бесконечно-разнообразную действительность», Ленин пишет: «Несомненно, действительность бесконечно разнообразна, что — святая истина! Но так же несомненно, что в этом бесконечном разнообразии две главные и коренные струи: объективное содержание войны есть „продолжение политики" империализма... „субъективная" же преобладающая идеология есть „национальные" фразы, распространяемые для одурачения масс» [3, 26, с. 242].

Ленин категорически предостерегает против подмены объективного рассмотрения исследования приемом случайно выхваченных примеров, т. е. против сведения диалектики к сумме примеров. Как мы видели, об этом прямо говорил первый пункт ленинского фрагмента, озаглавленного «Элементы диалектики», об этом же со всей резкостью сказано и в начале ленинского фрагмента, озаглавленного «К вопросу о диалектике».

Не случайно при этом Ленин подчеркивает, что эклектический подход, подменяющий диалектику как науку подбором примеров, в корне противоречит строго научному, т. е. объективному, подходу, иначе говоря, что эклектицизм, сводящий диалектику к набору примеров, к их сумме, есть проявление субъективизма, субъективного произвола.

В годы, последовавшие за работой над «Философскими тетрадами», как и в течение всей своей революционной деятельности, Ленин постоянно обращался к материалистической диалектике, применял ее конкретно именно как науку при анализе любых, сколь угодно сложных и противоречивых исторических ситуаций. Ленин считал диалектику в корне противоположной эклектике и абсолютно несовместимой со всеми ее модификациями. Не в подборе более или менее удачных примеров к положениям диалектики видел Ленин задачу ее изучения и изложения, а в овладении методом конкретного марксистского подхода к интересующему нас событию, явлению, факту, в умении разобрать, проанализировать их всесторонне, учитывая все их связи и опосредования, их движение, развитие, в умении проникнуть в их сущность, вскрыть заключенную в них противоречивость, увидеть вместе с тем их связь с живой практикой, с политикой. Именно так Ленин разрабатывал диалектику в «Философских тетрадях», и именно такой он замыслил изложить ее в задуманном им труде.

Ленин неоднократно по разному поводу и в разной связи резко критиковал эклектический способ подбирания всякого рода примеров, которыми иногда пыталась подменить подлинный научный анализ предмета. Так, работая в 1913 г. над «Перепиской К. Маркса и Ф. Энгельса», он отметил письмо Маркса к Энгельсу от 9 декабря 1861 г., в котором Маркс сурово критиковал Лассаля за его в корне фальшивую трактовку диалектики: «Лассаль „идеолог"⁸² и фальшиво применяет диалектику», — записал Ленин и привел далее слова Маркса: «Подведение массы случаев под общий принцип не есть диалектика» [4, с. 280].

Что означает это утверждение? Когда стремились показать всеобщий характер тех или иных законов, принципов и категорий диалектического метода или философского материализма, то к каждому излагаемому положению подбирались примеры из всех трех областей, на которые распространяются главные законы материалистической диалектики: природы, общественной жизни и человеческого мышления. Так, после приведения нескольких ничем не связанных между собой примеров противоречия из области неживой и живой природы, истории и современного общественного развития и, наконец, из сферы мышления человека считалось, что тем самым будто бы доказан всеобщий характер данного закона диалектики.

На самом же деле никакого доказательства, никакого обоснования соответствующих положений диалектики не получалось.

⁸² В смысле: «идеалист» — Б. К.

По существу происходило ничем не прикрытое сведение диалектики к сумме примеров. Иначе говоря, диалектический способ изложения и обоснования диалектики подменялся эклектическим способом, убивающим самый дух диалектики.

Рассмотренный выше эклектический способ изложения и обоснования материалистической диалектики мы для краткости назовем шаблоном «положение — примеры». Спрашивается: почему такой способ неверен, а следовательно, недопустим? Да по той простой причине, что он учит вовсе не тому, как на деле надо оперировать диалектикой, как пользоваться ею в качестве метода научного исследования, познания и преобразования мира, метода практической деятельности, а только тому, как надо подбирать и приводить примеры в качестве иллюстраций к ее положениям. Но разве это дело подлинной науки? Подлинной философии? Подлинной диалектики? Конечно же, нет.

Таким образом, недиалектический характер подведения массы случаев под общий принцип диалектики как раз и соответствует эклектическому, шаблонному приему «положение — примеры»: революция есть скачок, кипение воды — скачок, рождение нового живого существа — скачок, научное открытие тоже скачок, появление жизни на Земле — скачок, появление человека — скачок, распад атома — скачок, взрыв бомбы — скачок и т. д. К одному и тому же положению о скачке как перерыве постепенности, как форме перехода количественных изменений в качественные можно привести бесчисленное множество примеров. Однако этим путем мы только сведем общий принцип диалектики к набору ряда примеров, но не раскроем ни внутренней связи этого принципа с другими принципами диалектики (его места в их системе), ни его собственного диалектического содержания.

Ленин говорил, что для пояснения диалектического хода познания нужны данные, взятые, во-первых, из истории естествознания и, во-вторых, из истории философии, причем здесь должны быть не примеры, ибо сравнение не есть доказательство, а «квинтэссенция той и другой истории + истории техники» [3, 29, с. 143].

Следовательно, согласно взглядам Ленина, требуется давать «экстракт», «выжимку», «конденсированное извлечение», другими словами, диалектическое обобщение всей истории той или иной отрасли знания и человеческой деятельности. Именно в этой связи раскрывается глубокий смысл ленинского положения о том, что продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники.

Итак, история человеческой мысли, науки и техники выступает для марксистского диалектического анализа как предмет во всей его сложности, внутренней связности и целостности, но не как источник для вытаскивания из него всякого рода примеров в целях подтверждения различных положений диалектики. Здесь Ленин имеет в виду диалектическую обработку истории различных течений человеческой мысли — философии, частных наук, а также техники и т. д. При этом нужна не фактическая, эмпирически изложенная их история, а вычлененный из нее диалектический стержень (последовательность логических категорий, формы связи теории с практикой и др.).

В способе подбора примеров к общим положениям диалектики Ленин видит не только эклектицизм, но и субъективизм, прямое нарушение принципа объективного подхода к изучаемому предмету. Так, в качестве упомянутого уже первого из 16 элементов диалектики Ленин выдвигает требование объективного рассмотрения предмета познания (вещи), противопоставляя это требование подыскиванию примеров. Ленин подчеркивает:

«1) *объективность* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)» [3, 29, с. 202], т. е. сама вещь должна быть рассматриваема в ее отношениях с другими вещами, в ее развитии.

Ниже мы увидим, как тесно, можно сказать, неразделимо, Ленин соединяет объективный подход с органически присущей ему диалектикой; с другой стороны, он трактует субъективизм и эклектику как вполне гармонирующие друг с другом.

Подвергая критике позицию Плеханова и показывая непонимание им сути диалектики, Ленин подчеркивает, что у Плеханова «тождество противоположностей берется как сумма *примере в...* а не как *закон познания* (и закон объективного мира)» [3, 29, с. 316].

Сказанное выше вовсе не означает, будто, по мнению Ленина, при изложении и изучении диалектики вообще никакие примеры недопустимы. Дело заключается не в том, что при ее изложении нельзя прибегать к материалу, взятому из области естественнонаучного знания или знания социальных явлений, а в том, *каким образом* и для *каких целей* этот материал приводится и используется.

Итак, Ленин решительно порицает подбирание примеров, превращенное в *способ изложения* содержания диалектики. Этот способ он квалифицирует как не совместимый с диалектикой, в корне противоречащий первому же ее элементу, согласно которому требуется соблюдение строжайшей объективности во всем, что касается ее изложения.

Но если факты, заимствованные из той или иной науки или из общественно-исторической практики, приводятся не для чисто иллюстративных целей, если сами они служат материалом для марксистского научного анализа и диалектического обобщения, то они не только допустимы, но просто необходимы при разработке и изложении диалектики. По этому поводу Ленин подчеркивает, что «естествознание показывает нам (и опять-таки это надо показать на *любом* простейшем примере) объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей» [3, 29, с. 321].

Тут со всей очевидностью обнаруживается принципиальное отличие ленинского подхода к взятым из отдельных наук примерам от вульгарного подхода, при котором диалектика растворяется в их сумме.

Ленин же выдвигает требование, чтобы приведенный пример (событие, факт), пусть даже самый простой, пусть хотя бы только один, был разобран во всех возможных аспектах, со всех сторон, во всех его связях и отношениях с другими событиями и фактами.

В статье «Статистика и социология» (начало 1917 г.) он развивает свои взгляды по данному вопросу: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже...

Вывод отсюда ясен: надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов» на который можно бы было опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится „субъективная“ стряпня...» [3, 30, с. 350-351].

Как видим, истинная диалектика и здесь соединяется Лениным с выполнением требования объективности, объективного подхода в

противоположность эклектицизму, который презрительно характеризуется им как «субъективная» стряпня.

Ленин категорически отвергал отрицательные традиции и вредный шаблон, основываясь, в частности, на противопоставлении диалектики эклектике, объективного подхода субъективизму и произволу. В канун Октября 1917 г. в работе «Государство и революция» он предупреждал о вреде и опасности эклектицизма как злейшего врага диалектики. Он ставил, например, вопрос о том, «как можно соединить в одном учении... панегирик насильственной революции, настойчиво преподносимый Энгельсом... с теорией „отмирания“ государства? Обычно, — пояснял Ленин, — соединяют то и другое при помощи эклектицизма, безыдейного или софистического выхватывания произвольно (или для угождения власть имущим) то одного, то другого рассуждения, причем в девяносто девяти случаях из ста, если не чаще, выдвигается на первый план именно „отмирание“. Диалектика заменяется эклектицизмом: это самое обычное, самое распространенное явление в официальной социал-демократической литературе наших дней по отношению к марксизму» [3, 33, с. 21].

Ленин объясняет это явление тем, что эклектицизм создает видимость применения диалектики, возможность выдать себя за нее: «При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и прочее, а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития» [3, 33, с. 21].

Вот почему так зорко надо следить, чтобы в изложение диалектики не проникли элементы эклектицизма.

После победы социалистической революции в России в октябре 1917 г. Ленин с еще большей настойчивостью продолжал развивать свои мысли об изложении и изучении диалектики по диалектическому методу. Говоря о диалектическом научном методе анализа любого явления, события, факта или их цепи, их совокупности, Ленин имел в виду применение марксистского диалектического метода как чего-то цельного, внутренне единого, а не отдельных, изолированных друг от друга его сторон, характеристик, разрозненных черт. В таком подлинно научном анализе должны использоваться не один какой-либо отдельно взятый его принцип или закон и не одна какая-либо обособленная от других его категория, а все связанные с анализируемым вопросом его принципы, законы и категории в их органической, внутренней связи. Ибо иначе нельзя было бы применять и сам марксистский диалектический метод именно как метод познания и

практического преобразования мира, невозможно было бы раскрывать и показывать объективную природу во всех ее качествах и превращениях, а тем более изменять ее.

В этом еще раз проявляется конкретность марксистского анализа и всего диалектического метода, в корне противоположного всякой эклектике с ее пустотой и бессодержательным схематизмом. Ленин со всей категоричностью подчеркивал в статье «Коммунизм» (лето 1920г.), что нельзя обходить «то, в чем самая суть, в чем живая душа марксизма: конкретный анализ конкретной ситуации» [3, 41, с. 136]. Это высказывание прямо перекликается с ленинской мыслью, выдвинутой в статье «Статистика и социология», что «все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев». Данному вопросу посвящена значительная часть работы Ленина «Еще раз о профсоюзах...» (1921). Здесь он вновь и вновь обрушивается на эклектицизм, противопоставляя ему истинную диалектику, диалектическую логику (т. е. марксизм) и показывая, что эклектицизм, выдаваемый за диалектику, служит методологической основой политически ошибочных позиций противников линии партии. Об этом подробнее будет сказано ниже.

В программной статье «О значении воинствующего материализма» Ленин особенно подробно останавливается на вопросе о том, как надо изучать материалистическую диалектику. Он считал необходимым «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем „Капитале“ и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения... к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм» [3, 45, с. 30].

Ленин требовал, чтобы люди, изучающие диалектику на материалистической основе, вдумывались в то, как Маркс на практике использовал ее в своих работах и как это ее конкретное использование оправдалось всем последующим, в том числе всем современным, историческим развитием общества.

Но для того чтобы действительно понять, уяснить себе, в чем состояло применение диалектики в «Капитале» и других работах Маркса (равно как и в работах Ленина, добавим мы от себя), нельзя просто выхватывать из них отдельные кусочки, использовать их в виде случайных примеров. Нужно основательно проштудировать и, может быть, не один раз данное произведение под углом зрения примененной в нем диалектики и выявить его «душу».

«Конечно, — предупреждал при этом Ленин, — работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и, несомненно, первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон... комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много» [3, 45, с. 30].

Говоря о необходимости изучения диалектики по строго научному образцу, а отнюдь не по школярскому шаблону «положение — примеры», Ленин заключал: «Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может не быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым» [3, 45, с. 31].

В 1915 г. Ленин выдвинул конструктивную задачу — как надо систематизировать, излагать и изучать материалистическую диалектику. Для этой цели Ленин определил тот же самый путь, по которому стихийно развивалось и систематизировалось все научное знание вообще, — путь восхождения от абстрактного к конкретному. В качестве классического образца сознательного применения этого метода Ленин назвал «Капитал» Маркса.

Добавим еще несколько слов о «примерах» при изложении диалектики.

При логическом членении исследуемого предмета, при его анализе на первый план могут выступать отдельные связи и соотношения между различными законами, принципами и категориями диалектики. В таком случае может идти речь о развитии и конкретизации одних законов и категорий в форме других; эти последние Ленин иногда называет «примерами» первых. Однако в данном случае он понимает это отнюдь не в смысле подыскивания случайных фактов и иллюстраций, а в смысле развития и конкретизации самой сути дела. Так, среди 16 элементов диалектики Ленин выделил два последних: борьба между формой и содержанием, сбрасывание формы, переделка содержания (элемент 15) и переход количества в качество и обратно (элемент 16), назвав их «примерами» элемента 9, где говорится о переходе одного в каждое другое [3, 29, с. 203].

Примеры и сравнения бывают необходимы и в пояснительных целях, например при анализе новых сложных исторических ситуаций. Так, в

докладе «О новой экономической политике» на VII Московской губпартконференции (октябрь 1921 г.) Ленин привел пример из истории русско-японской войны — взятие крепости Порт-Артур японским генералом Ноги. Пример этот говорил о том, что когда не удастся взять крепость прямым штурмом, то нужно переходить к длительной ее осаде. Таким образом Ленин пояснял необходимость перехода к новой экономической политике. Но опять-таки и здесь приведенный пример никак не подменял собой существо обсуждавшегося тогда вопроса, а лишь способствовал более глубокому его пониманию.

В меньшей степени приведение пояснительных примеров необходимо на первых ступенях знакомства с изучаемым предметом. Как, например, осуществляются первые шаги читателя, только начинающего знакомиться с философией и совершенно еще не знающего, что такое диалектика, каковы ее главные законы, что такое материализм, каково решение им основного вопроса всякой философии. Очевидно, что такого совершенно еще не сведущего в философии человека необходимо как-то подготовить к тому, чтобы он смог со временем изучать диалектику. А для этого ему необходимо преподнести сначала в максимально популярной форме азбуку данной науки. Усвоив ее, он сможет уже двинуться дальше, к овладению более глубоким, полным, а главное, систематическим знанием данного предмета.

Такие азбуки созданы в каждой области знания. Они отвечают прежде всего на вопрос, что это такое? Иначе, говоря, они содержат популярное изложение и освещение первых начал, или основ, соответствующей науки. Так, если бы речь шла о материалистической диалектике, то тут прежде всего возможны ответы и разъяснения по двум вопросам, возникающим в последовательности самого словообразования данного термина. Первый вопрос: что такое материалистическая, следовательно, что такое материализм? Второй вопрос: что такое диалектика? Но если бы дело касалось диалектического материализма (а это в сущности, то же самое, что и материалистическая диалектика), то первый вопрос гласил бы: что такое диалектический? что такое диалектика? А второй: что такое материализм? От изменения порядка слагаемых в данном случае сумма не изменилась бы.

По первому пути пошел В. И. Ленин в статье «Карл Маркс» (1914). Здесь сначала на двух с небольшим страницах изложен «философский материализм», а затем тоже на двух страницах — «диалектика». В статье «Три источника и три составные части марксизма» (1913) мы видим ту же последовательность в характеристике обеих сторон философии марксизма.

При популярном изложении сложного и трудного для понимания читателем предмета, каковым является диалектика, допустимы и необходимы известные

упрощения, а главное, нужны пояснения и примеры. Скажем так: в философии марксизма — в диалектическом материализме — диалектика и материализм нераздельны, они слиты воедино и не могут быть обособлены друг от друга. Это значит, что в марксистской философии материализм неизменно и всегда выступает только как диалектический, а диалектика — только как материалистическая. Но для того чтобы объяснить читателю, начинающему изучать философию, смысл обоих понятий, не только можно, но и нужно в порядке упрощения расчленить их и сначала сказать о материализме, а потом о диалектике (или наоборот) и уже после этого пояснить, что они едины и нераздельны между собой.

То же самое надо сказать, например, и относительно понятий «объективное» и «субъективное» в теории познания. Здесь возможно аналогичное членение вопросов;

сначала отвечают на вопрос: что такое объективное? — а затем: что такое субъективное? При этом показывается вторичность субъективного (отображения) по отношению к объективному (отображаемому) как первичному.

Словом, при начальном изучении предмета, когда читатель только еще вводится в курс дела и знакомится с азами науки, действуют особые приемы дидактики и методики, которые имеют силу только на начальной ступени изучения данного предмета и никак не должны быть распространены за пределы этой начальной ступени, а тем более абсолютизированы, превращены в некий непреложный канон или шаблон.

Аналогичным образом обстоит дело и с использованием примеров. Они, конечно, требуются при начальном знакомстве с марксистской философией, по крайней мере до тех пор, пока у того, кто ее изучает, не выработалась в достаточной степени способность к отвлеченному (теоретическому, философскому) мышлению. «Для популярности» примеры, конечно, нужны, это признает и Ленин, отмечая их наличие в работах Энгельса («например, первобытный коммунизм», «например, зерно» и т. д.) [3, 29, с. 316].

К систематическому изучению науки и овладению ею можно переходить, очевидно, только тогда, когда первая ступень знакомства с ней пройдена и усвоена достаточно основательно. Такой систематический курс изучения любой науки, в том числе и диалектики, не допускает изложения по шаблону «положение — примеры». Напротив, предполагается, что диалектика, подобно всем вообще наукам, излагается на этой ступени строго научно.

Возможность сведения четырех ленинских планов воедино

Вернемся теперь к тому, о чем говорилось в конце предыдущего очерка. Мы показали, что тщательно про-, речечный анализ «Философских тетрадей» приводит Я мысли, что у Ленина в ходе работы над диалектикой сложилось по меньшей мере четыре различных плана систематического ее изложения. На первый взгляд может показаться, что эти планы не вполне совместимы друг с другом. Однако углубленное их рассмотрение убеждает, что они внутренне едины и содержат в себе замысел именно такого изложения диалектики, когда ее генетический и структурный аспекты развиваются последовательно один за другим, следовательно, не в их противопоставлении, а в их взаимной связи.

Это означает, что в разработке планов диалектики Ленин шел двумя взаимосвязанными путями: первый путь исходил из всеобщего принципа развития (I), который предполагал выведение диалектики в порядке логического обобщения («диалектической обработки») из истории всей человеческой мысли, науки и техники;

второй — из принципа единства мира, природы, движения, материи (II), предполагающего определенную закономерную взаимосвязь всех частей мира и т. д., отражаемую в виде определенной структуры диалектики.

Взаимозависимость между обоими путями в составлении планов разработки диалектики и их соотношение (совпадение) вытекали из ранее уже рассмотренного ленинского положения о том, что необходимо увязать, согласовать друг с другом два принципа диалектики:

I — принцип развития и II — принцип единства. Напомним еще раз ленинскую формулировку, поскольку именно она легла в основу объединения четырех ленинских планов в один общий, сводный план. Охарактеризовав сущность диалектического учения о развитии, Ленин добавил: «Кроме того, всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира, природы, движения, материи etc.*» [3, 29, с. 229].

Но такое соединение, связывание, совмещение может быть осуществлено лишь на основе самой сути диалектики как учения о развитии объекта и его мысленного отражения (логического развития) в человеческой голове (в сознании человека). Значит, в случае первого аспекта разработки и изложения диалектики речь идет о логической обработке реальной *истории* (реального развития) человеческой мысли, науки и техники, а в случае второго аспекта — о логическом развитии (развертывании) содержания самой диалектики как науки, о ее собственной *логике*, которая не может не совпадать с тем, что дает

логическая (диалектическая) обработка реального исторического процесса развития познания.

Другими словами, мы приходим к выводу, что во втором случае речь идет об изложении диалектики по методу восхождения от абстрактного к конкретному (от *A* к *K*), который представляет собой тот же самый исторический метод, но только в его логически исправленном («очищенном») виде. Это и означает, что в данном случае совпадение I и II принципов диалектики конкретизируется как совпадение исторического и логического в разработке и изложении диалектики. А так как ядром (или основным зерном) диалектики Ленин признал единство противоположностей, то во втором случае речь должна идти о том, как в процессе логического развертывания этого ее ядра выводятся, возникают другие ее компоненты и элементы.

Обращаясь к четырем ленинским планам, рассмотренным в очерке 9, легко заметить, что в качестве того из них, в котором дан первый путь разработки диалектики, выступает «План диалектики (Логики) Гегеля» (т. е. второй план), а в качестве того, в котором реализуется второй путь, — фрагмент «К вопросу о диалектике» (т. е. четвертый план). Назовем оба эти плана основными. Остаются еще два плана — первый и третий. Спрашивается: каково было их назначение? Каково их отношение к обоим основным планам?

При их анализе обнаруживается, что в каждом из них содержится *перечень* либо *источников* диалектики (третий план), либо ее *элементов* (первый план). Выходит, таким образом, что, прежде чем излагать диалектику по тому или другому основному плану, Ленин считал нужным рассмотреть предварительно те *компоненты*, из которых должна сложиться диалектика, излагаемая по соответствующему основному плану. Поэтому оба остальных плана — первый и третий — мы назовем вступительными, или *вводными*.

Итак, изложению каждого из двух аспектов Диалектики — исторического и логического — в ее едином сводном плане предшествует анализ отдельных ее компонентов — либо ее источников, либо ее элементов. При этом, как мы уже видели, возникновение ленинских планов хронологически не всегда точно соответствует тому, какое место в последующем изложении диалектики должен был бы занять соответствующий круг разбираемых ее проблем.

Хронологически первым возник план, названный Лениным «Элементы диалектики». Его можно считать введением в *структурное* изложение диалектики, представленное во фрагменте «К вопросу о диалектике». В

«Элементах диалектики» ее структурные части рассматриваются в основном по отдельности, но еще не как выведенные (развитые) из их общего ядра; только в конце плана намечается переход к их изложению исходя уже из ядра диалектики. Напротив, фрагмент «К вопросу о диалектике» от начала и до конца написан с точки зрения развития и выведения из ядра диалектики различных ее сторон и проблем. Таким образом, оба названных плана находятся в том же соотношении, как и вводная и основные части изложения теории какой-либо науки.

Аналогично соотношение двух других планов, дающих *генетическое* изложение диалектики как обобщения истории мысли, истории науки и техники. Вводный раздел представлен планом, который записан Лениным в конспекте книги Лассалья о Гераклите. Он следует почти непосредственно за основным планом той же части труда по диалектике, который имеет у Ленина название «План диалектики (Логики) Гегеля». В первом из этих двух планов перечисляются источники («вся область знания»), из обобщения которых должна быть выведена материалистическая диалектика: история мысли всего человечества, история умственного развития человека (ребенка) и его предыстория (у животных), т. е. «история познания вообще». Ленин называет также историю развития материальной основы мышления человека (его языка, органов чувств) и заключает: «Вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика» [3, 29, с. 314]. Второй план строится на раскрытии соотношения исторического и логического и является прямым развитием предыдущего. Именно здесь диалектическая обработка истории человеческой мысли, науки и техники показана как развитие мысли Гегеля и Маркса. «В логике история мысли должна, в общем и целом, совпадать с законами мышления» [3, 29, с. 298], — подчеркивает Ленин. Отсюда вытекает сопоставление: «История капитализма и анализ *понятий*, резюмирующих ее» [3, 29, с. 299]. Таковы четыре ленинских плана, позволяющих составить общий сводный план изложения материалистической диалектики.

Но перед тем как составлять один сводный план из четырех рассмотренных, необходимо сделать несколько замечаний относительно каждого из них. Особенно это касается первого плана («Элементы диалектики»), который образовался у Ленина в результате материалистической трактовки исходного гегелевского определения диалектики (*H*) и выделения из него трех исходных ее элементов.

Остановимся немного на этом вопросе. Ленин выписывает из гегелевской «Логики»: «Одно из определений диалектики»; «Этот столь же синтетический, как и аналитический момент *суждения*, в силу какового (момента) первоначальная общность (общее понятие) само из себя

определяется как другое по отношению к себе, должен быть назван диалектическим» [3, 29, с. 201]. «Определение не из ясных!!» — констатирует Ленин. Далее он дает отдельным частям этого неясного гегелевского определения свое материалистическое разъяснение (мы лишь заменим здесь порядковые числа буквами греческого алфавита, чтобы не смешать первоначальные элементы, выделенные Лениным, с окончательными):

α) определение понятия самого из себя (*сама* вещь в ее отношениях и развитии должна быть рассматриваема); β) противоречивость в самой вещи (*das Andere seiner*, т. е. другое себя), противоречивые силы и тенденции во всяком явлении; γ) соединение анализа и синтеза.

«Таковы элементы диалектики, по-видимому» [3, 29, с. 202], — заключает Ленин.

Итак, один из первоначально выделенных Лениным элементов α) касался самой вещи как объекта познания и требовал объективного подхода к ней, объективности познания; другой (β) касался противоречивости, присущей самой вещи и заключенной в силах и тенденциях всякого явления, т. е. существа самой диалектики, следовательно, ее главных законов; третий (γ) касался диалектики процесса познания, в частности взаимосвязи анализа и синтеза.

Этим определяется разделение той части сводного плана, в котором освещаются элементы диалектики, на три главы, вполне соответствующие отмеченным уже трем элементам диалектики — (α), (β) и (γ), первоначально выделенным Лениным. Первая глава посвящена объективности диалектики в ее противопоставлении субъективизму и эклектицизму; вторая — существу диалектики и ее главным законам; третья — диалектике процесса познания.

Но, как известно, Ленин не остановился лишь на выделении трех элементов диалектики, а начал их детализировать, развивать и углублять. «Можно, пожалуй, детальнее эти элементы представить так» [3, 29, с. 202], — писал он. Посмотрим, что же получилось у Ленина в итоге, причем рассмотрение будем вести по стадиям, которые проходил ленинский анализ.

Итак, следующая стадия ленинского анализа началась с того, что первоначальный элемент (α) распался на три отдельных элемента: 1-й (объективность рассмотрения вещи), 2-й (вся совокупность ее отношений) и 3-й (ее развитие). Затем элемент (β) распался сначала на два отдельных элемента, из которых один сейчас же распался еще на два элемента: 4-й (противоречивость вещи) и 5-й (вещь как единство противоположностей), а другой, получивший обозначение 6-го, говорил о борьбе

противоположностей. Первоначальный элемент (γ) остался нерасчлененным и обозначен был 7-м. После этого Ленин записал свое определение диалектики как учения о единстве противоположностей (L), вытекающее из существа 5-го элемента. В итоге на этой (третьей) стадии ленинского анализа развитие элементов диалектики может быть выражено на схеме 5.

В дальнейшем от 2-го элемента произошел 8-й, говорящий об универсальности отношений вещи (что отмечено Лениным с помощью отсылочного знака), а от 5-го возник 9-й, говорящий о переходах в каждое другое (что указано тем же способом). Затем от 8-го элемента происходит 10-й, трактующий о бесконечном познании новых сторон у вещи (в результате чего рассмотрение вопроса переносится из области «самой вещи», самого объекта, представленных разделом (α), в область процесса познания, представленного разделом (γ). В свою очередь от 10-го элемента возникает новый с последующим его подразделением на два, говорящих о бесконечном процессе углубления познания в сущность (11-й) и закономерную связь явлений (12-й). Аналогичным образом от ленинского определения диалектики (L), которое, по словам Ленина, требовало своего пояснения и развития, возникают элементы 13-й и 14-й, трактующие об отрицании отрицания и внутренне связанные между собой. Наконец, от 9-го элемента как его «примеры» проистекают последние два, говорящие о борьбе и изменении формы и содержания (15-й) и взаимопереходе количества и качества (16-й).

Теперь обратим внимание на то, что элементы 1-й, 2-й, 3-й и 8-й, образовавшиеся в конечном счете из первоначального элемента (α), объединяются в главу I соответствующего раздела сводного плана, элементы 4-й, 5-й, 6-й, 9-й, 13-й, 14-й, 15-й и 16-й — в главу II того же раздела, а элементы 7-й, 10-й, 11-й и 12-й — в главу III.

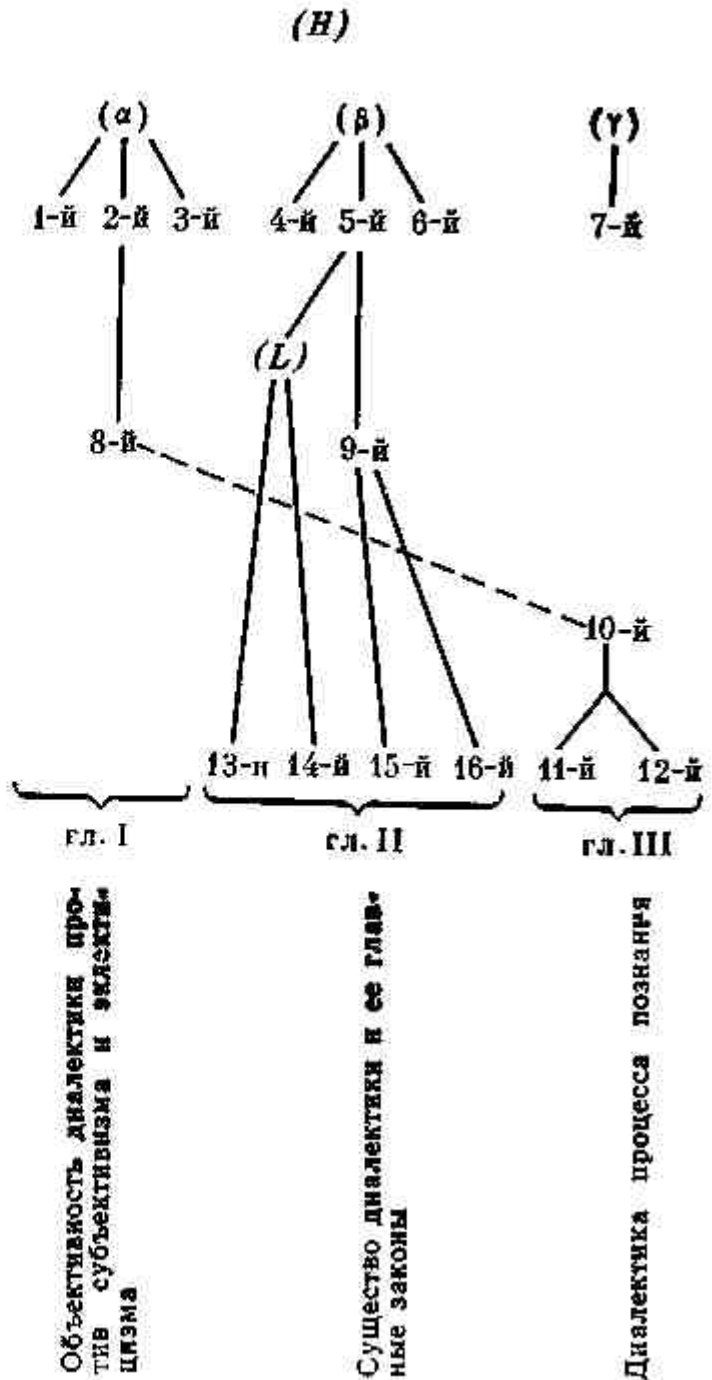
В итоге ленинский анализ определения диалектики и последовательное развитие Лениным ее элементов (по стадиям) могут быть представлены следующим образом, с указанием глав сводного плана диалектики (схема б).

По поводу второго плана (см. табл. б) у нас нет никаких дополнительных пояснений кроме того, что введенные нами цифры (порядковые номера) указывают три раздела плана (исключая первый — оглавление малой Логике), а буквенные обозначения — подразделы, на которые могут быть разбиты эти разделы.

В отношении третьего плана (см. табл. 7) необходимо разъяснить смысл введенных нами порядковых обозначений — цифровых и буквенных. Цифровые указывают, что все источники теории познания и диалектики, данные в этом плане, подразделяются на три группы; в первую (1) входят те, которые касаются истории познания в рамках развития всей человеческой мысли, так сказать, ее филогении. Сюда относятся: история философии (*B*), история отдельных наук (*O*), история древнегреческой философии (*A*), которая в зачаточной форме наметила моменты, возникшие в последующее развитие мировой научной (включая философскую) мысли.

Схема 6
РАЗРАБОТКА ЛЕНИНЫМ
ЭЛЕМЕНТОВ ДИАЛЕКТИКИ (ПО СТАДИЯМ)

- I. Критический анализ исходного гегелевского определения диалектики:
- II. Выделение из него первоначально трех элементов в их материалистической трактовке:
- III. Членение трех первоначальных элементов диалектики:
- IV. Формулировка Лениным своего определения диалектики:
- V. Развитие двух элементов диалектики (2-го и 5-го):
- VI. Образование элементов диалектики, касающихся бесконечности процесса познания
- VII. Развитие ленинского определения 9-го элемента диалектики:

Главы сводного плана диалектики:
Их названия:

Во вторую группу (2) входят те исторические источники, которые касаются истории познания в рамках развития человеческого индивидуума (A) — ребенка, или его предыстории — умственного развития животных (B). Это,

так сказать, онтогенеза человеческой мысли. Сюда же надо отнести позднее дописанную в плане психологию (С) (с добавлением к ней знака +).

Наконец, третью группу (3) составляют науки, касающиеся материальной основы развития человеческой мысли — и ее филогении, и ее онтогенеза. Сюда относятся, во-первых, язык и его история (А), а во-вторых, также дописанная Лениным в плане (со знаком +) физиология органов чувств и, как это само собой понятно, — мозга (В).

В итоге третий план может быть переписан следующим образом (табл. 5).

Таблица 5
Разработка Лениным источников диалектики (по группам)

1. Филогения мировой человеческой мысли:		2. Онтогенез индивидуальной человеческой мысли:	3. Материальная основа онтогенеза и филогенеза человеческой мысли.
ее зародыши:	ее различные формы:		
<p>А. История греческой философии</p> <hr style="width: 50%; margin-left: 0;"/> <p>В. История философии</p> <p>С. История отдельных наук</p>		<p>А. История умственного развития ребенка</p> <p>В. История умственного развития животных</p> <p>С. Психология</p> <hr style="width: 50%; margin-left: 0;"/>	<p>А. История языка</p> <p>В. Физиология органов чувств (и мозга)</p>

Относительно последнего (четвертого) плана (см. выше схему 4) следует сказать, что все введенные в него нами цифровые и буквенные обозначения,

а также заголовки и подзаголовки даны по тем соображениям, что он должен составить заключительную часть сводного плана, призванного объединить собой все четыре плана.

Итак, этот сводный план образуется из двух частей, каждая из которых построена однотипно: сначала (в первом разделе каждой части) рассматриваются компоненты диалектики в соответствии с избранным ее аспектом (генетическим или структурным), т. е. либо ее источники (третий план), либо ее элементы (первый план). Затем (во втором, основном разделе каждой части) дается изложение диалектики по способу восхождения от абстрактного к конкретному, опять-таки сообразно данному ее аспекту (генетическому или структурному), т. е. либо в разрезе совпадения исторического с логическим (второй план), либо в порядке логического развертывания ядра диалектики в форме учения о единстве противоположностей (четвертый план).

Основная схема образования общего единого, или сводного плана, охватывающего все четыре ленинских плана, представлена на схеме 7 с добавлением сюда

Схема 7

СТРУКТУРА СВОДНОГО ПЛАНА: ДИАЛЕКТИКА КАК НАУКА

Вводная часть

Часть I. Диалектика как обобщение истории мысли (генетический аспект)

Третий план (вводный раздел = источники диалектики) Второй план (основной раздел)

Часть II. Диалектика как учение о единстве противоположностей (структурный аспект)

Первый план (вводный раздел == «Элементы диалектики»)

Четвертый план (основной раздел)

Заключительная часть вводной и заключительной частей.

Примем условно, что вся работа, согласно этому сводному плану, могла быть названа «Диалектика как наука».

Такое соединение четырех, казалось бы, совершенно различных ленинских планов в один общий сводный ни

Само членение каждой из обеих частей на два раздела — вводный (источники или же соответственно элементы диалектики) и основной — прямо вытекает из 7-го элемента диалектики, гласящего: «Соединение анализа и синтеза, — разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе» [3, 29, с. 202]. Именно в соответствии с этим принципом в каждом из обоих случаев сначала рассматриваются в аналитическом разрезе компоненты диалектики (ее источники или «элементы»), а затем в синтетическом разрезе — эти же ее компоненты в их связи, в их историческом или логическом движении и развитии, согласно восхождению от *A* к *K*.

Все это представлено в табл. 6, где схематически выражено логическое обоснование сводного плана.

Нам осталось еще сказать о вводной и заключительной частях сводного плана. Очевидно, что вводная часть должна была быть посвящена диалектике как учению о развитии в его полном виде (включая развитие логических форм мышления), методу восхождения от *A* к *K*, единству диалектики, логики и теории познания материализма. С этих позиций должен был быть рассмотрен вопрос об истине как процессе.

Особое внимание, очевидно, здесь следовало бы уделить соотношению между двумя принципами диалектики; I — принципом развития и II — принципом единства мира, поскольку именно этим соотношением определилась бы общая архитектоника произведения, созданного на основе объединения всех четырех ленинских планов.

Наконец, именно в вводной части следовало бы раскрыть и подчеркнуть особенности марксистской диалектики в ее противопоставлении гегелевской диалектике и остановиться на характере ее развития в новой исторической обстановке, сложившейся в XX в.

Что же касается заключительной части, то она могла быть посвящена раскрытию значения марксистской диалектики для передовой науки и революционной практики. Сводный план, образованный путем объединения всех четырех ленинских планов, представлен нами на схеме 8. В заключение отметим, что некоторые из идей, высказанных в этом и в предыдущем очерках, нашли отражение в нашей работе «В. И. Ленин и гегелевская диалектика», вышедшей в 1975 г. В ней проводится та

Схема 8

СВОДНЫЙ ПЛАН

РАЗРАБОТКИ И ИЗЛОЖЕНИЯ ДИАЛЕКТИКИ КАК СОЕДИНЕНИЕ ЧЕТЫРЕХ

ЛЕНИНСКИХ ПЛАНОВ ДИАЛЕКТИКА КАК НАУКА

(опыт реализации ленинских планов труда о диалектике)

Часть вводная

Диалектика как учение о развитии в его полном виде

Глава I. Предмет диалектики

- 1) Определение диалектики как учения о развитии, включая развитие человеческого познания;**
- 2) Движение познания как отражение движения вещей; гносеологическая основа метода восхождения от абстрактного к конкретному;**
- 3) Диалектика как логика и теория познания материализма.**

Глава II. Единство различных подходов к диалектике

- 1) Двойной подход к диалектике: генетический (познавательные ее источники) и структурный (ее ядро и его развертывание);**
- 2) Взаимосвязь двух принципов диалектики: единство мира и развитие мира.**

Глава III. Вопрос об истине

- 1) Вопрос об истине как один из центральных вопросов диалектики (диалектической логики);**
 - 2) Пути и характер познания истины;**
 - 3) Роль практики в процессе познания.**
- #### **Глава IV. Особенности марксистской диалектики**

- 1) Противоположность марксистской диалектики гегелевской диалектике;**
- 2) Особенность развития материалистической диалектики в новых исторических условиях XX века**

Часть I

Диалектика как обобщение истории мысли (генетический подход к диалектике)

Отдел I

История мысли как один из источников диалектики (план из конспекта лассалевского «Гераклита» /314/)

Глава I. Филогения мировой человеческой мысли

- 1) Древнегреческая философия как зародыш научной мысли человечества;**
- 2) История философии как общей науки;**
- 3) История отдельных наук как частных.**

Глава II. Онтогения индивидуальной человеческой мысли

- 1) История умственного развития животных;**
- 2) История умственного развития ребенка;**
- 3) Психология.**

Глава III. Материальная основа филогении и онтогении человеческой мысли

- 1) История языка;**
- 2) Физиология органов чувств и мозга.**

Отдел II

Диалектика исторического и логического («план диалектики (Логики) Гегеля» /297 — 298, 301 — 302/)

Глава IV. Общий ход человеческого познания

- 1) Непосредственные явления («бытие»);**
- 2) Сущность вещей и явлений («сущность»);**
- 3) Процесс познания («понятие»).**

Глава V. Категории диалектики (логики) как ступени познания и практической деятельности человека

- 1) Категории, касающиеся непосредственных явлений;**
- 2) Категории, касающиеся сущности;**
- 3) Проверка практикой результатов познания и связанные с нею категории;**

4) Активная роль сознания, совпадение его творческой и отражательной функций. Глава VI. Логика «Капитала» Маркса как образец диалектики

1) Единство логики, диалектики и теории познания материализма в «Капитале»;

2) История капитализма и анализ понятий, ее резюмирующих;

3) Начальный пункт изложения «Капитала»;

4) Двойкий анализ в «Капитале» и проверка найденного практикой, фактами.

Часть II

Диалектика как учение о единстве противоположностей (структурный подход к диалектике)

Отдел I *Элементы диалектики* (фрагмент «Элементы диалектики» /202 — 203/)

Глава I. Объективность диалектики против субъективизма и эклектицизма

1) Сама вещь и ее собственное движение (развитие);

2) Сама вещь, ее отношения и их всеобщность.

Глава II. Существо диалектики и ее главные законы

1) Внутренние противоречия; единство и борьба противоположностей; определение диалектики;

2) Превращения формы и содержания в ходе развития; переходы в свою противоположность; взаимные переходы количества и качества;

3) Повторяемость и возвраты в ходе отрицания отрицания.

Глава III. Диалектика процесса познания

1) Бесконечность процесса познания; раскрытия новых сторон у явлений, углубления в их сущность и в познание их закономерной связи;

2) Противоречивость процесса познания: соединение анализа и синтеза и вообще противоположных сторон и приемов познания.

Отдел II

Ядро диалектики

(фрагмент «К вопросу о диалектике» /316 — 318; 321 — 322/)

Глава IV. Единство противоположностей как источник развития

- 1) Единство противоположностей как суть диалектики;
- 2) Диалектика против эклектики;
- 3) Конкретизация единства противоположностей в различных науках;
- 4) Условие познания процессов мира в их «самодвижении»;
- 5) Две основные концепции развития;
- 6) Соотношение относительного и абсолютного.

Глава V. Метод восхождения от абстрактного к конкретному

- 1) Метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале»;
- 2) Метод восхождения от абстрактного к конкретному в диалектике вообще;
- 3) «Клеточка» мышления и языка;
- 4) Раскрытие заложенных в «клеточке» зачатков противоречий;
- 5) «Клеточка» в науке (естествознании);
- 6) Совпадение диалектики с теорией познания.

Глава VI. Противоречивость пути познания

- 1) Познание как ряд кругов;
- 2) «Круги» в развитии философской мысли;
- 3) Применение диалектики к теории отражения;
- 4) Метафизический и диалектический материализм о существе философского идеализма;
- 5) Раскрытие диалектикой гносеологических и классовых корней идеализма.

Выводы. Значение марксистской диалектики для науки и революционной деятельности мысль, что, подобно тому как Ленин считал, что нельзя до конца понять «Капитала» Маркса и особенно его 1-й главы, не проштудировав «Логики» Гегеля, так то же самое можно сказать и относительно работ самого Ленина пред- и послеоктябрьского периода. Ибо их душой, как и душой «Капитала», является неизменно диалектика, а значит, материалистически переработанный и освобожденный от мистификации гегелевский диалектический метод.

* * *

Мы рассмотрели, почему Ленин не осуществил своего замысла насчет написания особого труда по диалектике, и объяснили это тем, что, подобно Марксу, он реализовал его, воплотив диалектический метод в целый ряд работ, написанных в предоктябрьский и послеоктябрьский периоды и в период свершения Великой Октябрьской социалистической революции. При этом мы особенно подробно остановились на ленинском противопоставлении диалектики, опирающейся на строго объективную основу, субъективизму и эклектике.

Наконец, мы показали, что четыре ленинских плана разработки и изложения диалектики, содержащихся в «Философских тетрадах», могут быть сведены в единый общий план, стержнем которого в обоих его аспектах — генетическом и структурном — служит диалектический метод — метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Таким образом, можно считать, во-первых, что хотя Ленин и не оставил «Диалектики» (с большой буквы), но он оставил *диалектику* своих многочисленных трудов, и это следует всегда учитывать строжайшим образом. А во-вторых, в согласии с общим сводным планом, образованным из четырех ленинских планов, можно написать труд «Диалектика как наука», который в известной степени смог бы служить посильной реализацией первоначального замысла Ленина.

Но, разумеется, для создания такого труда следует учесть весь громадный исторический опыт человечества за более чем полувековой период, прошедший со времени смерти Ленина, памятуя, что это период бурных военных и революционных событий, быстрого продвижения человечества по пути к социализму и коммунизму и бурного прогресса науки и техники, приведшего к современной научно-технической революции.

Очерк 12 Что вытекает из анализа трех великих замыслов (Вместо заключения)

Советы, которые дает Владимир Ильич... как работать над Гегелем, заключают в себе горячее, хотя не высказанное до конца пожелание, чтобы та работа, которую проделывал сам Ильич в области философии и ее популяризации, нашла своих продолжателей... и хотелось ему, чтобы работа не оборвалась. Н. К. Крупская, 1934

Итак, мы подробно рассмотрели историю зарождения, возникновения и разработки великих замыслов, авторами которых были три мужа науки:

вожди пролетарской революции Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Владимир Ильич Ленин.

Несмотря на различие исторических условий, в которых эти три замысла возникли, и на известное различие в их содержании, между ними имеется много общего, причем в самом главном и основном.

Однако до сих пор мы рассматривали каждый из этих трех замыслов отдельно от других, тем более что возникали они в разное время — сначала (в 1858 г.) у Маркса, потом (спустя 16 лет) у Энгельса и, наконец (еще спустя лет 40), у Ленина — и на первый взгляд независимо один от другого. Сейчас же нас будет интересовать вопрос, каким образом все эти три замысла оказались внутренне связанными между собой, в чем состояла их общая судьба при ее отличии у каждого в отдельности и вместе с тем в чем заключается общность нашего подхода к их анализу. А общность их судьбы, несомненна, что и обусловило известную общность нашего подхода к их анализу и самую возможность их объединения.

В качестве заключительного звена всего нашего исследования рассмотрим два вопроса: 1) что показывает сравнительный анализ всех трех великих замыслов? 2) что и как именно можно реализовать из этих замыслов и планов сегодня?

Сравнительный анализ трех великих замыслов (Общность и различие их судеб)

Общность рассмотренных трех великих замыслов состояла прежде всего в том, что все они и каждый из них в отдельности так или иначе были направлены на то, чтобы создать специальный труд по *марксистской диалектике*, и в каждом случае такой труд должен был создать либо один из ее основоположников (сначала Маркс, потом Энгельс), либо продолжатель их учения (Ленин). Диалектика стояла у них всех в центре внимания, составляя *живую душу* всего их учения, основной «угол зрения», под которым рассматривались ими все теоретические и практические вопросы революционного движения, борьбы за коммунизм. Общность трех великих замыслов в том и состояла, что все три их автора, будучи классиками материалистической диалектики, считали нужным написать специальный труд, посвященный ей. При этом Маркс и Ленин предполагали изложить диалектику как общий метод научного познания и изменения мира, а Энгельс с самого начала стал разрабатывать ее применительно к естествознанию, на современном ему естественнонаучном материале. Это, во-первых.

Во-вторых, в материалистической диалектике они видели не некий инструмент для упражнений своей мысли, но общий научный метод познания мира и преобразования мира. Поэтому главным в их замыслах было не то, чтобы написать как самоцель особый труд по диалектике, а то, чтобы разработанный ими метод носил действенный характер, мог служить руководством к действию, мог быть конкретизирован и воплощен в разработку и изложение какой-либо отдельной науки или в осуществление руководства практической деятельностью или в то и другое одновременно. У Энгельса это обстоятельство выступало уже с самого начала достаточно ясно, поскольку его замыслом являлась разработка материалистической диалектики не как таковой, а именно в ее конкретном приложении к современному ему естествознанию и его истории.

В-третьих, поскольку при возникновении марксизма гегелевская диалектика послужила одним из теоретических источников всего марксистского учения, постольку и Маркс, и Энгельс, и Ленин исходили в своих задуманных и в двух случаях начатых, но неоконченных трудах по диалектике из критической переработки гегелевской диалектики, путем освобождения ее от мистификации и раскрытия ее рационального зерна. Это означает, что и Маркс, и Энгельс, и Ленин — каждый из них как отдельный автор, задумывая создать особый труд по материалистической диалектике, — брали в качестве исходной, отправной точки то рациональное, что содержалось в методе, который Гегель открыл и сам же затемнил. У Маркса и Ленина это было выражено достаточно ясно, причем исходным трудом у них обоих служила прежде всего большая «Логика» Гегеля, а также его малая «Логика» («Энциклопедия») и «Лекции по истории философии», у Энгельса же, кроме того, возможно, в меньшей степени и гегелевская «Философия природы». Критическая переработка гегелевского метода выливалась у них в положительное развитие диалектического метода на самостоятельной основе.

В-четвертых, можно считать с достаточным основанием установленным, что инициатором замыслов Энгельса и Ленина был Маркс. Ибо Энгельс только после того, как нашел путь изложения диалектики естествознания согласно методу, разработанному до тех пор Марксом, о котором он, Маркс, и сообщил ему в письме от 14 января 1858 г., задумал создавать свою «Диалектику природы», отказавшись от первоначально намечавшегося «Анти-Бюхнера». У Ленина же замысел, совершенно аналогичный в принципе замыслу Маркса, возник, по всей вероятности, при знакомстве с перепиской Маркса и Энгельса, содержащей и указанное выше письмо. Таким образом, замысел Маркса сыграл роль организующего начала по отношению к двум другим замыслам.

В-пятых, все три замысла в своей основе имели целью разработку и применение одного и того же метода восхождения от абстрактного к конкретному, либо исходя из его уже осуществленного применения к политической экономии (у Маркса), или к естествознанию — по ходу разработки этого метода (у Энгельса), или же из учета последующего его применения к изложению самой диалектики (у Ленина). Поскольку при этом наиболее важным и существенным моментом в разработке названного метода является отыскание (открытие) исходного пункта (начала или «клеточки») соответствующей науки, то у Маркса этим моментом явилось открытие в товаре экономической «клеточки» буржуазного общества (май 1858 г.); у Энгельса — открытие в механическом движении «клеточки» естествознания (или простейшей формы движения) (май 1873 г.); у Ленина — открытие в простейшем случае единства отдельного и общего в мышлении и языке человека («Жучка есть собака»), «клеточки» всего человеческого мышления, его диалектики (конец 1915 г.).

В-шестых, по совершенно разным причинам, ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у Ленина не оказалось возможности выполнить до конца свое намерение, и работа оказалась прерванной либо уже в самом ее начале, на стадии высказанного замысла, как это было у Маркса, либо незадолго до ее завершения, как это случилось у Энгельса, либо по выполнении необходимой подготовительной стадии, как мы это видим у Ленина. Однако ни у одного из них не оказалось достаточно свободного времени для того, чтобы довести до конца начатую или только задуманную ими работу. Однако, например, Энгельс и Ленин до последнего момента не теряли, по-видимому, надежды, что им все же удастся завершить далеко уже продвинувшуюся работу над соответствующим замыслом (у Энгельса над «Диалектикой природы», у Ленина над диалектикой в «тетрадках по философии»).

В-седьмых, каждый из трех авторов великого замысла сумел воплотить разработанный им диалектический метод в те или иные свои научные произведения, опубликованные еще при их жизни, и по этим произведениям, а также по сохранившимся рукописям и черновым, рабочим наброскам можно с большей или меньшей долей вероятности судить о том, каким рисовалось автору его завершённое произведение. Как известно, метод, разработанный Марксом, был воплощен прежде всего в экономических трудах Маркса, в его «К критике политической экономии» и в особенности в его «Капитале». Тот же диалектический метод, разработанный Энгельсом в «Диалектике природы», нашел свое отражение прежде всего в «Анти-Дюринге», а также в «Людвиге Фейербахе...» Работа Ленина над диалектикой воплотилась в его трудах пред- и послеоктябрьского периодов. Таковы «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и

революция», «Очередные задачи Советской власти», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», «Еще раз о профсоюзах...» и др.

Наконец, в-восьмых, подготовительные рукописные записи и частично готовый текст начатых реализации великих замыслов (Энгельса и Ленина) впервые были опубликованы в Советском Союзе («Диалектика природы» Энгельса в 1925 г. и «Философские тетради» Ленина [2, IX, XII] в 1929-1930 гг.). Тем самым именно в первой в мире стране социализма увидели свет замыслы и работа над ними одного из основоположников учения о научном коммунизме, Энгельса, и продолжателя этого учения — Ленина.

Подведя, таким образом, некоторый итог всего нашего исследования, обратимся к тому, что составляло его главную цель. Такой целью была попытка обосновать наше предположение, что авторы всех трех великих замыслов понимали под методом диалектики, который они намеревались изложить в задуманных ими трудах и применяли конкретно в законченных работах, одно и то же *содержание*. Именно это их понимание определяло собой как *замыслы*, каждого из задуманных Марксом, Энгельсом и Лениным трудов по диалектике, так и *планы*, разработанные Энгельсом в его «Диалектике природы», а Лениным в его «Философских тетрадях».

В нашей книге мы пытались проследить, как на протяжении более полувека одна и та же мысль зарождалась и возникала сначала у Маркса, затем — в иной форме — у Энгельса и, наконец, у Ленина, как бы переходя, словно живая нить, от одного к другому.

Для проведения сравнительного анализа мы в настоящее время располагаем, за небольшим исключением, лишь фрагментарно составленными рукописями, черновыми набросками и письмами, содержащими высказанные замыслы или планы будущих работ, задуманные, но порой даже не сформулированные в явной форме, высказанные иногда в виде намеков, о смысле которых приходится теперь лишь догадываться.

Когда крупное научное или художественное произведение закончено и вышло в свет, для исследователя представляет всегда большой интерес проследить историю его создания. Такой анализ предполагает выяснение того, как зарождался и возник его замысел, как он уточнялся и углублялся по мере работы автора над своим сочинением, как выработывались, детализировались и менялись по ходу работы планы будущего сочинения, как возникали различные его варианты и т. д. Короче говоря, встает задача проследить самый ход данного творческого процесса. Разумеется, неизмеримо труднее вести подобное исследование тогда, когда работа автора над задуманным им сочинением по тем или иным причинам осталась незавершенной. В этом случае приходится неизбежно строить всякого рода

предположения и выдвигать различные гипотезы. Более того, так как доведенного до конца произведения вообще не существует, то всегда могут возникнуть неясности и сомнения в отношении тех или иных сторон его замыслов и планов, последовательности вносимых в них изменений, а иногда даже и в том, а существовал ли вообще у автора самый замысел создать то или другое произведение.

Сложность предпринятого нами исследования усугублялась тем, что в данном случае речь идет о различных по своему характеру, но объединяемых по замыслу трех трудах по марксистской диалектике, которые намеревались создать основоположники марксизма-ленинизма. Все они считали материалистическую диалектику стержнем своего учения; поэтому вполне естественно, что каждый из них по разному поводу и в разных исторических условиях задумывал создание специального труда по этой диалектике. При рассмотрении порознь этих трех великих замыслов многое ускользает от внимания исследователя. Напротив, рассмотренные в их исторической и логической связи, как звенья одной цепи, выражающей развитие марксистской философской (диалектической) мысли, они обнаруживают весьма важные свои стороны, позволяющие проникать более глубоко в их содержание и догадываться о том, что в них остается скрытым при более поверхностном подходе, без учета их взаимной связи, преемственности.

Этими соображениями мы главным образом и руководствовались, проводя сравнительный анализ всех трех великих замыслов и вырвавшихся из них различных планов задуманных трудов по марксистской диалектике.

Возможное практическое значение проведенного исследования

Читатель обратил, по-видимому, внимание на то, что каждый из трех разделов нашей книги завершается изложением возможного (но, разумеется, сугубо предположительного) плана труда по диалектике, задуманного Марксом, Энгельсом и Лениным. Совершенно ясно, что никто сегодня не мог бы утверждать, каковы именно были бы эти планы, а тем более завершенные труды по диалектике, если бы у их авторов нашлось время для их написания. Тем не менее, несмотря на это, создание по известным нам предварительным планам трудов по диалектике сегодня помогло бы, на наш взгляд, глубже понять марксистский диалектический метод и в особенности научиться овладевать им на деле, пользоваться как методом научного незнания и практического преобразования мира. Ведь не случайно Ленин подчеркнул в словах, взятых за эпиграф раздела III нашей книги, что из того, каково изложение диалектики, вытекает (*respectively*) и ее изучение, а значит, и ее преподавание. Весь этот вопрос приобретает в настоящее время особо

актуальное значение в связи с выдвижением задачи создания обобщающего труда по материалистической диалектике в современных условиях.

По поводу плана реализации первого из трех рассмотренных великих замыслов — замысла Маркса (см. очерк 3) — можно сказать только одно: у Маркса, как уже говорилось, никаких набросков или набросков на этот счет не осталось, мы охарактеризовали задуманный им труд по диалектике как реализацию способа восхождения от *A* к *K* применительно к изложению самой диалектики, самого диалектического метода. Наши соображения на счет того, как нужно ставить и решать такого рода задачи, мы изложили в двух статьях «О методе изложения диалектики от абстрактного к конкретному», опубликованных в журнале «Вопросы философии» за 1978 г. (№ 1, с. 50 — 63 и № 2, с. 29 — 41).

Что касается плана реализации второго из трех великих замыслов — замысла Энгельса (см. конец очерка 7), то в течение длительной и трудоемкой тридцатилетней работы по составлению хрестоматийного издания нам удалось написать согласно указанному плану комплектно книгу «Фридрих Энгельс о диалектике естествознания». При этом были использованы *все* тексты «Диалектики природы», а также некоторые фрагменты из других трудов Энгельса и его писем, из писем и работ Маркса и Шорлеммера, на которые Энгельс ссылался, равно как были введены (с соответствующими примечаниями) необходимые связующие замечания редактора-составителя. В итоге мы имеем теперь реализованный до конца замысел Энгельса с той, разумеется, существенной оговоркой, что это сделано в соответствии с *нашим* толкованием как замысла, так и планов «Диалектики природы».

Наконец, о плане реализации третьего из трех великих замыслов — замысла Ленина. Кроме вышедшей в 1972 г. нашей книги «Из лаборатории ленинской мысли», нами была опубликована в том же, 1972 г. статья «О ленинских планах разработки материалистической диалектики» (Вестн. АН СССР, 1972, № 8, с. 71 — 78). Если нам удастся в какой-то мере реализовать сводный план, составленный из четырех ленинских планов (см. конец очерка 11; то мы попытаемся это сделать на материале химии и физики и их истории.

А теперь нужно сделать несколько важных замечаний по поводу реализации всех возможных планов изложения материалистической диалектики. Надо помнить, что изложенные в нашей книге планы диалектики, составленные на основании замечаний Маркса, Энгельса и Ленина, только выражение общей структуры задуманной книги, ее архитектоники, логического построения тех форм или рамок, в которых должна развертываться диалектическая мысль. Но мы ничего до тех пор не говорили о конкретном фактическом материале,

обобщением которого должна стать сама диалектика в современном ее понимании. Говоря о реализации замысла, мы вовсе не предлагаем перенестись в обстановку конца 50-х годов прошлого столетия и строить труд по диалектике в соответствии с замыслом Маркса, на обобщении теоретического и практического материала того только времени.

Точно так же мы не думаем, что реализация ленинского замысла ограничит нас материалами «Философских тетрадей» и современными с ними материалами, относящимися к 1914 — 1915 гг. Напротив, в том и другом случае мы имеем в виду в первую очередь современную нам действительность, современный уровень развития естествознания и техники, слившихся в единый процесс современной научно-технической революции. Диалектическому обобщению при изложении диалектики как науки подлежит в первую очередь именно то, что дала и дает современная жизнь.

Мы должны всегда исходить из того, что материалистическая диалектика получила глубокое творческое развитие и широкое практическое применение, особенно за последние два десятилетия, в работе нашей партии, ее съездов и пленумов Центрального Комитета, в выступлениях ее руководителей, а также руководителей других коммунистических и рабочих партий. Все взятое из этого богатейшего материала, касающееся диалектики, не говоря уже о необъятном объеме материалов современного исторического и научного развития, нуждающихся в обобщении в целях дальнейшего обогащения диалектики, все настойчивее требует от философов, и прежде всего от работающих в области диалектического материализма, умения разрабатывать теоретические проблемы диалектики как науки. Со всей четкостью эта мысль была сформулирована в редакционной статье газеты «Правда» от 19 октября 1975 г. «Высокий долг советских философов». Здесь было сказано: «Среди задач, стоящих ныне перед философской наукой, центральной выступает разработка теории диалектики». Такая задача включает в себя разработку научной систематизации диалектики, следовательно, научно обоснованного метода ее изложения и изучения. А при постановке и решении такого рода задач приемы описательного характера оказываются уже явно недостаточными, несостоятельными. Здесь нужна серьезная научная работа по реализации, в частности, ленинского указания об изложении (а значит, и систематизации) диалектики с помощью того же метода, каким пользовался Маркс в «Капитале», т. е. метода восхождения от абстрактного к конкретному. Именно этот метод сам Маркс назвал *правильным в научном отношении* [1, 12, с. 727]. Вот почему, как нам кажется, поднятый в нашей работе вопрос приобретает сейчас особую актуальность.

Учитывая все эти обстоятельства, можно твердо сказать, что одним из решающих при создании труда по материалистической диалектике является вопрос о том, какие исходные *материалы* должны подвергнуться диалектической обработке и обобщению. Кроме тех, которые указаны Лениным в «Философских тетрадах» и в статье «О значении воинствующего материализма», мы относим сюда сегодня следующие.

Во-первых, данные современного общественно-исторического развития, международного революционного движения, строительства социализма и коммунизма в нашей стране и других странах социалистического содружества, национально-освободительного движения и крушения всей мировой системы империализма. Во-вторых, все труды самого Ленина, в которых мастерски, творчески развивалась и конкретно применялась к решению самых разнообразных проблем материалистическая диалектика. В-третьих, неоценимым источником для разработки теории диалектики служат материалы международных совещаний коммунистических и рабочих партий, съездов КПСС и решений ЦК КПСС. В-четвертых, богатейшие данные развития всей современной науки, в том числе и бурно развивающегося естествознания, новейшая революция в котором слилась органически с революцией в технике в единый стремительный процесс современной научно-технической революции, свидетельствующий о материализации идеального (науки). Наконец, в-пятых, материалы критики различных течений современной буржуазной философии и ревизионизма, как правого, так и «левого»; результаты этой критики должны быть учтены в работе по диалектике в тех случаях, когда критика велась с позиций диалектики и с применением ее метода.

Как подчеркивалось выше, использование всех этих материалов должно осуществляться не в порядке выхватывания отдельных кусочков, иллюстрирующих диалектику, а путем всестороннего анализа изучаемого явления в целом, с постоянным возвращением к нему, чтобы раскрыть как можно полнее и глубже скрытую в нем диалектику.

Подобный труд по диалектике, написанный в наши дни, явился бы прямым продолжением громадной работы, проделанной Лениным, завершить которую он завещал своим ученикам и преемникам.

Ленин, готовя в 1914 — 1915 гг. труд по материалистической диалектике, исходил непосредственно из сочинений Гегеля, перерабатывая содержащуюся в них диалектику с материалистических позиций. Именно таким путем, опираясь на собственный опыт, он в 1922 г. рекомендовал философам-марксистам и передовым естествоиспытателям двигаться при изучении гегелевской диалектики, превращая ее в материалистическую,

обогащая ее философскими обобщениями общественно-исторической практики и достижений естествознания, а также показом конкретного применения диалектики в «Капитале» и других трудах Маркса.

Сегодня мы находимся в несравненно лучшем положении: мы имеем возможность исходить непосредственно не только из сочинений Гегеля, а прежде всего из гигантского труда, осуществленного Лениным по материалистической переработке гегелевской диалектики и зафиксированного в его «Философских тетрадах». Отсюда и возникает основная идея — попытаться реализовать сегодня те планы, которые в свое время были составлены Лениным, причем реализовать путем их наполнения современным философски обобщенным (общественно-историческим и естественнонаучным) материалом с широким привлечением всех важнейших трудов самого Ленина.

Поверхностный критик, привыкший делать окончательные выводы и давать категорические оценки без серьезного продумывания осуждаемых им взглядов и глубокого их разбора, взглянув мельком на предложенный выше сводный план (см. схему 8) и не прочтя сопровождающего его пояснительного текста, тут же поспешит составить «окончательное» заключение, будто при изложении диалектики нами предлагается ограничиться главным образом или даже исключительно одними только «Философскими тетрадами», отбросив вообще все остальное. Подобное ложное впечатление при поверхностном подходе может сложиться потому, что почти все заголовки в указанном проекте плана взяты текстуально из ленинских планов, содержащихся в «Философских тетрадах». Но ведь главное в таких случаях *не заголовки*, а то скрываемое за ними *содержание*, которым должна быть наполнена данная структурная схема. Именно на это содержание обратит внимание серьезный критик.

Поверхностный критик при полном непонимании сути дела может разразиться всякого рода обвинениями идейно-теоретического порядка в адрес тех, кто захочет работать сегодня над осуществлением сводного плана, образованного путем органического соединения четырех ленинских планов (см. схему 8). Он может уличить нас в игнорировании всей совокупности работ В. И. Ленина, всей заключенной в них диалектики, в отрыве от них «Философских тетрадей», в стремлении связывать диалектику только с выяснением отношения к гегелевскому наследию и т. д. и т. п. В итоге, разумеется, вполне могут появиться обвинения в топтании на месте и попытках тащить назад, в типичном догматизме и цитатничестве, в философском схоластицизме, оторванном от жизни. Дабы такого конфуза не случилось, мы обращаемся к читателю с просьбой прочитать не один только

голый план, предлагаемый нами, но непременно и весь сопровождающий его текст.

Заметим, что упомянутый сводный план труда по диалектике есть лишь опыт реализации составленных В. И. Лениным планов, позволяющих изложить диалектику в порядке восхождения от абстрактного («клеточки» предмета) к конкретному (развитому предмету). Разумеется, это исключительно сложная и трудная задача, но, решив ее, современное поколение философов-марксистов и историков науки и техники сможет на деле показать, как оно понимает и как выполняет задачи, поставленные в ленинской статье «О значении воинствующего материализма».

В заключение остановимся на характеристике ленинских требований к языку, стилю и терминологии философской литературы вообще и материалистической диалектики в особенности. Эти требования необходимо учитывать во всех случаях, в том числе и тогда, когда речь идет о форме изложения труда по диалектике согласно сводному плану (см. схему 8), равно как и любых других трудов, излагающих диалектику по любым иным планам.

Как известно, Ленин сурово осуждал витиеватость слога, запутанность фразы, игру в чужие термины и словечки, придающие кажущуюся «научность» тому или иному философскому произведению; в действительности же подобные псевдонаучные приемы, как правило, употребляются лишь для того, чтобы прикрыть пустоту и бессодержательность философской мысли автора, отсутствие в его «творении» подлинной научности.

Ленин сам дал образцы такого изложения сложнейших вопросов марксистской философии и ее диалектики, где в простой и общедоступной форме излагались сложнейшие философские проблемы, как правило запутанные до предела открытыми врагами марксизма и материализма и всякого рода ревизионистами. Такими образцами могут служить книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и его статьи «Три источника и три составные части марксизма», «Карл Маркс», «Еще раз о профсоюзах...», «О значении воинствующего материализма» и др.

Ленин буквально бичевал тех авторов, которые, считая себя марксистами, засоряли марксистскую философию путаной терминологией, непонятными для широкого читателя, изощренными, лишенными ясности и определенности оборотами речи, замысловатыми и непонятными выражениями. Так, при чтении статьи А. М. Деборина «Диалектический материализм» (1909) Ленин отмечал не только то, правильны или неправильны те или иные положения автора, но и стиль автора, и характер

употребляемой им терминологии. Например, по поводу выражения Деборина, что «диалектический материализм... вносит свежую струю *теоретико-познавательного критицизма*», Ленин, подчеркнув последние три слова, на полях отметил: «Не к чему „чужие" слова употреблять!» [3, 29, с. 526]. Когда Деборин употребил выражение «сенсуалистический феноменологизм», Ленин поставил возмущенное: «Эк его!». И еще в ряде случаев он отметил у Деборина: «Неуклюжее и нелепое слово!», «Глупый термин!» и т. п. По поводу же фразы Деборина «„имманентное" становится „трансцендентным", поскольку оно приобретает объективно-реальное значение», Ленин констатировал: «Верные истины изложены в дьявольски-вычурном, *abstrus*⁸³ виде. Отчего Энгельс не писал таким тарабарским языком?» [3, 29, с. 530].

Любовь к некритическому заимствованию «чужой» терминологии влечет за собой опасность вместе с ней перенимать и содержание «чужих» терминов, пускаемых в обиход под видом марксистской литературы. С этих позиций Ленин сурово раскритиковал одно сочинение, посвященное экономике переходного периода [2, XI].

Ленин показал, что автор этого сочинения заимствовал у А. А. Богданова его терминологию, а вместе с ней нередко перенимал и содержание богдановских воззрений. И все это переплеталось у критикуемого Лениным автора с его склонностью к абстрактным построениям формального характера. Например, выражение «конструктивный признак социальных явлений» Ленин квалифицирует: «Нехорошо!». Когда автор вводит термины «конкуренция горизонтальная», «конкуренция вертикальная», «конкуренция комбинированная», то Ленин на полях отмечает: «Уф! игра в дефиниции». И далее по поводу аналогичной игры в термины: «Уф! ох! караул!». Ленин отмечает затем, что полная путаница у автора, пытавшегося различить классовую и гражданскую войну, проистекает от чрезмерной его любви упражняться игрой понятиями, выдавая это за «социологию». Ленин показывает, что употребление богдановской терминологии наносит вред научному разбору экономических проблем. «Маркс говорил *проще*, — подчеркивает Ленин, — без выкрутас с „терминами" и „системами" и социологиями и говорил *вернее об обобществлении*. Автор дает ценные *новые факты*, но ухудшает, *Verballhornt* теорию Маркса «социологической» схоластикой» [2, XI, с. 356].

Когда же автор местами отказывается от подделывания под Богданова, от своей вычурной терминологии и «социологических» упражнений, Ленин как бы с облегчением замечает: «Ну, вот и славу богу! Наконец, человеческий

⁸³ Темном. — Б. К.

язык вместо „организационной" тарабарщины!» [2, XI, с. 360]. Но это лишь как проблеск, затем снова и снова идет игра с терминами, понятиями, дефинициями. Выделяя слова автора «диалектический процесс», Ленин поясняет: «Именно! А не схоластика, а 1а Богд[ано]в. Автор ставит его *рядом* (на 2 месте) с Begriffsscholastik⁸⁴ Богданова. Но рядом поставить нельзя: или — или» [2, XI, с. 361]. С этим связано другое ленинское критическое замечание, рельефно вскрывающее у автора, испорченного эклектицизмом Богданова, признание, что «диал[ектическая] „точка зрения" есть лишь одна из многих равноправных „точек зрения". Неверно!» [2, XI, с. 387], — восклицает Ленин.

Когда критикуемый Лениным автор противопоставляет организующую тенденцию пролетариата и товарно-анархическую тенденцию крестьянства, выхолащивая тем самым их классовое содержание, Ленин пишет, что «надо было сказать: между *социалистической* тенденцией пролетариата и *товарно-капиталистической* тенденцией крестьянства. Подставлять здесь слово организующей есть теоретическая неверность, шаг назад от Карла Маркса к Луи Блану» [2, XI, с. 368]. С этим же связано замечание Ленина по поводу «социально-классовых и технически-трудовых отношений»: «Как раз терминология и неверна: не бывает классовых не социальных. Надо бы сказать проще и вернее (теоретически)» [2, XI, с. 368]. И Ленин подчеркивает, что автор забыл *классовую борьбу*.

То же самое Ленин обнаруживает у автора в связи с рассуждениями о структурном равновесии внутри общества и между обществом и внешней средой: «Эта терминология, умышленная замена классов группировками и т. п. не есть ли шаг назад к „социологии" в кавычках?» [2, XI, с. 371]. По аналогичному же поводу Ленин саркастически замечает: «Ха-ха-ха!! Вопиюще неверный термин! Чем мудренее, тем более неверно теоретически» [2, XI, с. 368].

«Уродливая и *неверная* терминология, смазывающая завоевание государственной] власти классом». Тут же по поводу термина «первоначальное социалистическое накопление», Ленин отмечает его крайнюю неудачность. «Детская игра в копирование терминов, уподобленных взрослыми» [2, XI, с. 375]. «О, академизм! О, ложноклассицизм! О, Третьяковский! Не те слова. Ошибка „богдановской" терминологии выступает наружу: *субъективизм, солипсизм*» [2, XI, с. 385]. Следовательно, некритическое заимствование «чужой» терминологии влечет за собой перенимание вместе с ней и чуждого марксизму содержания перенимаемых терминов.

⁸⁴ Схоластикой понятий. — Б. К.

«Вот это точная, простая, ясная, без выкрутас формулировка диалектического] *материализма*» [2, сб. XI, с. 388], — говорит Ленин о приведенной автором *цитате* из сочинений Маркса, отмечая, насколько она отлична от эклектицизма автора.

Ленин вновь и вновь показывает глубокую неверность и опасность заимствования «чужих» слов. «Поэтому, — пишет он, — очень часто, слишком часто автор впадает в противоречащий диалектическому] материализму — (т. е. марксизму) схоластицизм терминов... в идеализм». И Ленин рекомендует выкинуть из книги страницы, полные схоластики и бессознательно идеалистических (в философском смысле) и эклектических упражнений в терминологии [2, XI, с. 400-401].

Из сказанного ясно видно, какое громадное значение Ленин придавал терминологии и стилю изложения. Это обстоятельство необходимо учесть при реализации ленинских планов создания труда по диалектике. В частности, это следует учесть любителям модных словечек «онтология», «онтологический», чуждых всему духу философии марксизма и всей системе ее принципов и законов, понятий и категорий. То, что вкладывается в содержание термина «онтологический», отлично выражается термином «объективный», прочно вошедшим в философию марксизма-ленинизма. О том же, как настоятельно предупреждал Ленин против засорения марксистской философии «чужими» словами, никогда не следует забывать.

Литература

1 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд.

2. Ленинские сборники, 1929 — 1930.

3 *Ленин В. И. Поли. собр. соч.*, 5-е изд.

4. *Ленин В. И. Конспект «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса 1814 — 1883 гг.»*. М., 1959.

5. *Гегель Г. В. Ф. Соч.*, М., 1929 — 1939.

6. *Крупская Н. К. О Ленине.* — В кн.: Крупская Н. К. Сборник статей и выступлений. М.: Госполитиздат, 1971. 6а. *Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине.* М., 1932.

7. Ленин об элементах диалектики / Под ред. Б. М. Кедрова. М.: Наука, 1965. Сер. Диалектика — теория познания.

8. *Голлеман А. Курс органической химии.* М.: ГНТИ, 1931.

9. *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М : Изд-во АН СССР, 1960.
10. *Каррер П.* Курс органической химии. М.: Онти, 1938.
11. *Маньковский Л. А.* Логические категории в «Капитале» К. Маркса. — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1962.
12. *Розенталь М. М.* Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. М.: Госполитиздат, 1955.
13. *Тинухин В. Н.* Метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса. — Тр. Омск. с.-х. ин-та им. С. М. Кирова, 1960, т. 45.
14. *Чичибабин А. Е.* Основные начала органической химии. М.; Л., 1932. Вып. 1.
15. *Шленк В., Бергман Э.* Органическая химия: Руководство для углубленного изучения. Л.: ОНТИ-Химтеоретик, 1936. Т. 1.
16. *Шорлеммер К.* Краткий учебник химии углеродистых соединений. 2-е изд. /Предисл. А. М. Бутлерова. СПб., 1876.
17. *Шорлеммер К.* Возникновение и развитие органической химии. М, 1937.
-

Содержание

От автора 3

Введение 5

МАРКС

Задуманное, но реализованное в иной форме

Замысел труда по освобождению гегелевского диалектического метода от его мистифицирования Гегелем

Очерк 1. Что у Гегеля подлежало переработке Марксом? (Рациональное и мистифицированное в гегелевском диалектическом методе) 24

«Наука Логики» Гегеля. Исходный пункт ее изложения. Историческое и логическое 25

Движение научного познания и метод науки. Основные законы диалектики и ее категории у Гегеля 28

Совпадение результата научного познания с его началом ... 32 Критика Марксом гегелевского метода 38

Очерк 2. Маркс о своем замысле. (Как возник замысел, в чем он состоял и почему он оказался неосуществленным) 45

Канун рождения замысла у Маркса. («О методе политической экономии» в понимании Маркса) 46

Рождение замысла. (Связь между переработкой гегелевского метода и экономическими исследованиями Маркса) 56

Воплощение замысла Маркса в экономических трудах («К критике политической экономии» и I том «Капитала») 64

Очерк 3. Соратники и последователи Маркса о его методе. (Диалектический метод Маркса в сопоставлении с гегелевским Методом) 77

Энгельс о диалектическом методе Маркса в его противопоставлении методу Гегеля 78

Применение Шорлеммером диалектического метода Маркса к органической химии 82

Ленин о диалектическом методе Маркса. (О соотношении его с диалектическим методом Гегеля) 91

ЭНГЕЛЬС

Замысел труда по применению диалектического метода к естествознанию

Реализован в главных чертах

Очерк 4. Рождение замысла 98

Чем была интересна для Энгельса «Философия природы» Гегеля. (Гегелевский метод восхождения от абстрактного к конкретному в свете естествознания начала XIX века) 99

Что предшествовало рождению замысла Энгельса? 109

Рождение замысла. Его стержень. Его ограниченность 118

Очерк 5. Реализация замысла 130

Начало разработки замысла и его углубление. I этап (1873 — 1876) 131

Дальнейшее углубление замысла. II этап (1876 — 1878) 145

Уточнение замысла и развертывание процесса его изложения. III этап (1878 — 1883) 154

Перестройка и расширение замысла. IV этап (1884 — 1886) 173

Очерк 6. Общий взгляд на весь ход реализации замысла. (Различные версии) 182

Когда, почему и как появился полный или общий план. (Первая версия) 183

Когда, почему и как появился общий или полный план. (Вторая версия) 200

Каким же путем шла реализация замысла? (Сопоставление обеих версий) 205

Датировка рукописей как ступень реализации замысла 213

Очерк 7. Различные формулировки замысла Энгельса 225

Первая формулировка: понимание и показ диалектики как научного метода 226

Вторая формулировка. Понимание и показ диалектики как суммы примеров 236

О названии основной, или центральной, части замысла Энгельса 241

Каков мог быть итоговый план реализации замысла Энгельса 244

ЛЕНИН

Замысел труда о диалектическом методе

Задуманное, подготовленное и воплощенное в жизнь в иной форме

Очерк 8. Как вызревал ленинский замысел (1894 — 1913) 258

Борьба за марксизм и его развитие, за создание марксистской партии в России. (Вопросы диалектики в ленинских работах 1893 — 1904 гг.) 259

Вопросы диалектики во время первой русской революции. (Ленинские работы 1905 — 1907 гг.) 279

Борьба против махистской ревизии философии марксизма. («Материализм и эмпириокритицизм». 1908 — 1909) 292

Годы реакции и начавшегося подъема рабочего движения. (Ленинские работы 1908 — 1913 гг.) 319

Очерк 9. Рождение замысла (1913 — 1914) 332

Ознакомление Ленина с замыслом Маркса. (Работа над «Перепиской К. Маркса и Ф. Энгельса», сентябрь 1913 г. — начало 1914 г.) 333

Краткое систематическое изложение диалектики. (Работа над статьей «Карл Маркс», весна — ноябрь 1914 г.) 346

Очерк 10. Начало реализации замысла. (О четырех ленинских планах в «Философских тетрадах», 1914 — 1915) 352

Работа над гегелевской «Логикой». Появление первого плана (сентябрь — декабрь 1914 г.) 353

Работа над «Лекциями по истории философии» Гегеля. Появление второго плана (декабрь 1914 — 1915 г.) 370

Работа над лассалевским «Гераклитом». Появление третьего плана (1915) 383

Работа над «Метафизикой» Аристотеля. Появление четвертого плана (конец 1915 г.) 385

Очерк 11. Своеобразный характер воплощения ленинского замысла в жизнь 396

Каким образом был в основном реализован замысел Ленина. (Что осталось в нем нереализованным?) 397

Вопросы диалектики войны и революции 403

За конкретность анализа и его обоснованность фактами. (Против шаблонности и догматизма) 422

Диалектика против эклектики и софистики (Против сведений диалектики к сумме примеров, против одностороннего и произвольного выхватывания отдельного явления или факта) 427

Возможность сведения четырех ленинских планов воедино 442

Очерк 13. Что вытекает из анализа трех великих замыслов. (Вместо заключения) 458

Сравнительный анализ трех великих замыслов. (Общность и различие их судеб) 459

Возможное практическое значение проведенного исследования 464

Бонифатий Михайлович КЕДРОВ

О МЕТОДЕ ИЗЛОЖЕНИЯ ДИАЛЕКТИКИ

Три великих замысла

Утверждено к печати Институтом

истории естествознания и техники АН СССР

Редакторы издательства

В. В. Рукман, Т. Б. Чернышева Художник С. И. Сергеев

Художественный редактор

С. А. Литвак

Художественно-технический редактор

Т. А. Прусакова

Корректора

Л. И. Левашова, Р. В. Молоканова, Л. П. Стрельчук

**Кедров Б. М. О методе изложения диалектики. Три великих замысла /
Б.М. Кедров. — М.: Наука, 1983. — 480 с.**